

ФСБ ВЗРЫВАЕТ РОССИЮ

Александр Литвиненко
Юрий Фельштинский

ФСБ ВЗРЫВАЕТ РОССИЮ

Федеральная служба безопасности —
организатор террористических актов, похищений и убийств

Издание второе, исправленное и дополненное

Eesti Päevaleht

Copyright © by Yuri Felshtinsky 2007

ISBN:

Printed in Tallinna Raamatutrükikoda

Содержание

Предисловие ко второму изданию	8
Предисловие к первому изданию	11
Несколько слов об авторах книги	17
<hr/>	
Глава 1. Спецслужбы разжигают войну в Чечне	19
Глава 2. Шабаш спецслужб	33
Глава 3. МУР против ФСБ	41
Глава 4. Николай Платонович Патрушев (биографическая справка)	57
Глава 5. Провал ФСБ в Рязани	60
Глава 6. ФСБ прибегает к массовому террору: Буйнакск, Москва, Волгодонск	99
Глава 7. ФСБ против народа	138
Глава 8. Создание подконтрольных ФСБ внештатных спецгрупп	169
Глава 9. ФСБ организует заказные убийства	178
Глава 10. Спецслужбы и похищения людей	188
Глава 11. Реформировать или распустить ФСБ?	200
<hr/>	
Вместо заключения: ФСБ у власти	207
Эпилог	209
<hr/>	
ПРИЛОЖЕНИЯ. Документы и материалы, собранные авторами после выхода в свет первого издания «ФСБ взрывает Россию»	215
<hr/>	
Приложение 1. Стенограмма заседания Совета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации	217

Приложение 2.	Стенограмма Пленарного заседания Государственной Думы РФ-----	220
Приложение 3.	Заявление А. Масхадова-----	226
Приложение 4.	Первый отчет эксперта о фотографиях Ачемеза Гочияева -----	230
Приложение 5.	Второй отчет эксперта о фотографиях Ачемеза Гочияева -----	236
Приложение 6.	Оценка экспертом происшествия в Рязани 22 сентября 1999 г. -----	241
Приложение 7.	Отчет эксперта о подозреваемом самодельном взрывном устройстве -----	246
Приложение 8.	Отчет эксперта о взрывном устройстве, обнаруженном в жилом доме в Рязани -----	252
Приложение 9.	Заявление Общественной комиссии по расследованию обстоятельств взрывов домов в Москве и Волгодонске и учений в Рязани в сентябре 1999 года -----	257
Приложение 10.	Показания старшего лейтенанта Алексея Галкина -----	259
Приложение 11.	Беседа Абу Мовсаева с группой иностранных журналистов о показаниях Галкина -----	263
Приложение 12.	«ФСБ взрывает Россию» – факты или версии? -----	269
Приложение 13.	Председателю Общественной комиссии по расследованию взрывов жилых домов в Москве депутату Государственной Думы РФ Ковалеву С.А. -----	284
Приложение 14.	Письменные показания А.Гочияева, данные 24 апреля 2002 года -----	288
Приложение 15.	Стенограмма слушаний Общественной комиссии по расследованию обстоятельств взрывов домов в городах Москве и Волгодонске и проведения учений в городе Рязани в сентябре 1999 года. Телемост Москва – Лондон 25 июля 2002 года.-----	291
Приложение 16.	Открытое письмо в Комиссию по расследованию взрывов жилых домов-----	317
Приложение 17.	Юрий Фельштинский: Война на уничтожение свидетелей. -----	320

Приложение 18. Террористы требовали за свои показания 3.000.000\$ -----	329
Приложение 19. Распечатка интервью А.Гочияева, данного им 20 августа 2002 г. -----	340
Приложение 20. Кто подставил Ачемеза Гочияева? -----	347
Приложение 21. Заявление -----	352
Приложение 22. Теракты 1999 года: Чем взрывали?-----	354
Приложение 23. Взрывы 1999 года: Противоречия в публикациях о расследовании -----	371
Приложение 24. Гексогеновый след-----	385
Приложение 25. Фоторобот не первой свежести. За что арестован бывший подполковник ФСБ.--	394
Приложение 26. Жена Михаила Трепашкина обратилась за помощью к Блэру.-----	398
Приложение 27. О конфискации тиража книги “ФСБ взрывает Россию”-----	405
Приложение 28. ФСБ: охота за книгами -----	413
Приложение 29. Мое имя Ачемез Гочияев. Есть приказ живым меня не брать-----	416

Предисловие ко второму русскому изданию

27 августа 2001 года в спецвыпуске «Новой газеты» были опубликованы несколько глав из книги «ФСБ взрывает Россию». Несколько позже наша книга была издана на русском и на английском языках в США, во Франции на русском, английском, французском и немецком по ней был сделан документальный фильм «Покушение на Россию».

В России и книга, и фильм запрещены по сей день. Находчивые читатели, разумеется, могли скачивать книгу с интернета. Но в опубликованном виде книга оставалась российскому читателю недоступной. В 2003 году мы приняли решение отпечатать 5-тысячный тираж книги в Риге и законным путем, проплатив таможню, привезти «ФСБ взрывает Россию» для продажи в Москву. Однако 23 декабря 2003 года на пути в Москву грузовик, перевозивший тираж, был задержан ФСБ на 111-м километре Волоколамского шоссе, и груз конфискован. Тем насущнее стала необходимость второго издания.

Однако лишать читателя возможности прочитать исходный текст мы сочли себя не в праве. Второе издание состоит из изначального текста (с незначительными поправками и дополнениями) и приложений: наиболее важных и интересных документов, собранных нами с момента выхода первого издания книги, а также наиболее существенных статей и интервью, касающихся сентябрьских событий 1999 года.

Хочется верить, что второе издание не постигнет судьба первого. Заверяем наших читателей, что понимаем, в какое время живем, и готовы при необходимости издать третье, четвертое, пятое... издание книги.

...

Эта часть предисловия ко второму изданию книги «ФСБ взрывает Россию» была написана мною и Александром Литвиненко в феврале 2004

года. Оно было несколько изменено в феврале 2005 года. Но рукопись второго издания так и оставалась неопубликованной. Издателя найти мы не могли. Затем наступило 1 ноября 2006 года, и всё изменилось. Александр был отравлен.

В последний раз я говорил с ним по телефону 8 ноября. Около 5 утра по бостонскому времени мне позвонили из «Новой газеты» с вопросом, могу ли я прокомментировать только что поступившее сообщение о том, что в Лондоне был отравлен Александр Литвиненко. Это было вскоре после убийства Анны Политковской в Москве, и у меня лишь пронеслось в сонной голове: теперь убили Сашу. Но уже через несколько секунд разговора стало ясно, что Саша жив. Я попросил журналиста позвонить мне через 20 минут и набрал мобильный Литвиненко. Александр был в одной из лондонских больниц. Состояние его было тяжелое, но голос спокойный, сильный. Он не уставал от разговора, и мы говорили долго, минут 15-20, может быть дольше. Александр рассказал, что потерял 15 кг веса, что ни есть, ни пить не может. Что с организмом происходит что-то кошмарное. «Слушай, если б мне предложили еще раз через такое пройти или год в тюрьме отсидеть, я бы год тюрьмы выбрал, клянусь...» Александр считал, что всё самое страшное уже позади.

Литвиненко знал, что его пытались отравить, что сделано это было по указанию и руками ФСБ. Литвиненко понимал, что приказ убить его исходил лично от В. Путина. Тем не менее, он был уверен, и эта уверенность передалась мне, что состоявшееся покушение он пережил и выжил. Я не стал задавать ему слишком много вопросов. Через несколько дней его должны были выписать из больницы; тогда и можно было поговорить.

23 ноября Александр Литвиненко умер. Я познакомился с ним в 1998 году, в тот роковой вечер, когда он с группой своих товарищей из ФСБ, из Управления по борьбе с организованной преступностью, готовился к пресс-конференции, на которой он планировал рассказать о полученном приказе убить Бориса Березовского. Пресс-конференция состоялась. Литвиненко вынужден был покинуть ФСБ.

Литвиненко знал, что эту пресс-конференцию ему не простят никогда. В 1999 году он был арестован и по сфабрикованному обвинению помещен в тюрьму на время ведения следствия. Следствие длилось девять месяцев. И все это время Литвиненко сидел. Однако даже главная военная прокуратура не смогла доказать, что Литвиненко виновен, и в 2000 Александра освободили. Было ясно, что ненадолго; что при первом удобном случае Литвиненко либо посадят, либо убьют. И Алек-

сандр сделал выбор: он решил уехать из России. Несмотря на подписку о невыезде и отсутствие заграничного паспорта он сумел пересечь границу. Жена Марина и сын вылетели легально в Испанию на отдых (у них были заграничные паспорта). Через Турцию все трое прибыли затем в Лондон, где Литвиненко запросил политическое убежище. Это было 1 ноября 2000 года.

Мы издали книгу в 2002 году. Мы продолжали сбор документов и материалов, касающихся темы взрывов домов в России. Мы делали всё, что могли. Мы старались работать осторожно, мы старались остаться в живых. Мы потерпели поражение. Я потерял соавтора через шесть лет после его эмиграции в Лондон. 23 ноября 2006 года он умер от отравления. Предисловие ко второму изданию книги «ФСБ взрывает Россию» будет подписано только моей фамилией.

Юрий Фельштинский
24 ноября 2006 г.

Предисловие к первому изданию

*Мы не отказались от своего прошлого, честно сказали:
«История Лубянки уходящего века — это наша история...»*

Н. П. Патрушев, директор ФСБ

Из интервью «Комсомольской правде» 20 декабря 2000 г.,
в День чекиста

Родословная Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ФСБ РФ) не нуждается в описании. С первых лет советской власти карательные органы коммунистической партии создавались как структуры, не знающие жалости и пощады. Начиная с октября 1917 года политическая полиция советской России (позднее СССР) являлась бесперебойной машиной по уничтожению миллионов людей.

Аналога органам государственной безопасности СССР и России нет ни в одной цивилизованной стране мира. Только в нацистской Германии политическая полиция (гестапо) имела свои оперативные и следственные подразделения, места лишения свободы (типа следственного изолятора ФСБ в Лефортове).

Августовские события 1991 года, когда была буквально сметена коммунистическая система, наглядно продемонстрировали, что либерализация политического устройства России неизбежно должна привести к ослаблению, реформированию или роспуску Комитета государственной безопасности (КГБ). О царившей в тот период панике в руководстве силовых ведомств говорят многочисленные и не всегда объяснимые роспуск или переформирование старых и образование новых спецслужб. Так, уже 6 мая 1991 года, согласно протоколу, подписанному президентом России Б. Н. Ельциным и председателем КГБ СССР В. А. Крючковым, наряду с общесоюзным КГБ появился российский

республиканский Комитет госбезопасности под председательством В. В. Иваненко. 26 ноября КГБ РСФСР был преобразован в Агентство федеральной безопасности (АФБ). Спустя неделю, 3 декабря, президент СССР М. С. Горбачев подписал указ «О реорганизации органов государственной безопасности». Согласно закону, КГБ был упразднен, и на его базе на переходный период была создана Межведомственная служба безопасности (МСБ) СССР.

При этом старый КГБ разбился на четыре новые структуры. 1-е (Главное) Управление — внешняя разведка — выделилось в Центральную службу разведки, позже переименованную в Службу внешней разведки (СВР). 8-е и 16-е Управления (правительственная связь, шифрование и радиоразведка) превратились в Комитет правительственной связи (будущее Федеральное агентство правительственной связи и информации — ФАПСИ). Пограничники стали Федеральной пограничной службой (ФПС). Бывшее 9-е Управление стало Управлением охраны при аппарате президента РСФСР, а бывшее 15-е Управление — Службой безопасности и охраны правительственных объектов РСФСР. Позднее эти структуры образовали соответственно Службу безопасности президента (СБП) и Федеральную службу охраны (ФСО). Кроме того, из 15-го Управления выделилась еще одна сверхсекретная спецслужба: Главное управление спецпрограмм президента (ГУСП).

24 января 1992 года Ельцин подписал указ об образовании на базе АФБ и МСБ нового министерства безопасности (МБ) РФ. Параллельно появилось министерство безопасности и внутренних дел, однако оно просуществовало недолго и вскоре было распущено. МБ в декабре 1993 года было, в свою очередь, переименовано в Федеральную службу контрразведки (ФСК), а 3 апреля 1995 года Ельцин подписал указ «Об образовании Федеральной службы безопасности в Российской Федерации». ФСК превратилась в ФСБ.

Эта череда многочисленных преобразований и переименований, инициированных самой спецслужбой, имела своей целью вывести из-под удара госбезопасность как структуру, сохранить не только организацию, пусть децентрализованную, но и кадры, архивы, агентуру. Огромную роль в спасении КГБ от разгрома сыграли Евгений Савостьянов (в Москве) и Сергей Степашин (в Ленинграде). И тот, и другой пользовались репутацией демократов и были поставлены для того, чтобы реформировать и контролировать КГБ. На самом деле и первый, и второй были сначала внедрены госбезопасностью в демократическое движение, а затем уже выдвинуты на руководящие должности

в новой спецслужбе, чтобы не допустить разгрома КГБ демократами. И хотя многочисленные штатные и внештатные офицеры КГБ-МБ-ФСК-ФСБ с годами ушли в бизнес или политику, структура в целом была сохранена именно благодаря Савостьянову и Степашину. Более того, если раньше КГБ находился под политическим контролем партии, являвшимся для органов своеобразным тормозом, поскольку любая серьезная операция проводилась лишь с санкции Политбюро, то после 1991 года МБ-ФСК-ФСБ стали действовать на российской почве абсолютно самостоятельно и бесконтрольно. Контроль за действиями сотрудников ФСБ осуществлялся самой ФСБ. Всепроникающая агрессивная структура оказалась за пределами не только идеологического, но и правового поля.

После периода очевидной растерянности, вызванного событиями августа 1991 года и неверным предположением, что вместе с компартией остракизму будут подвергнуты сотрудники бывшего КГБ, спецслужба осознала выгодность для себя новой, свободной от партийного контроля эпохи. Используя многочисленные собственные кадры (гласный и негласный состав), бывший КГБ смог внедрить своих людей практически во все сферы жизнедеятельности огромного государства.

В верхних эшелонах, иногда незаметно для обывателя, почему-то оказались бывшие видные кагэбэшники страны: первоначально — секретные агенты, позже — бывшие и действующие офицеры. Так, с первых дней августовских событий 1991 года за спиной Ельцина в Москве стоял кагэбэшник Александр Васильевич Коржаков, бывший телохранитель председателя КГБ и генсека Ю. В. Андропова. Службу безопасности группы МИКОМ возглавлял полковник ГРУ в отставке Богомазов, а вице-президентом Финансово-промышленной группы был Н. Николаев, кагэбист с двадцатилетним стажем, когда-то работавший под Коржаковым.

К В. Гусинскому пристроился Филипп Денисович Бобков, первый заместитель председателя КГБ СССР, генерал армии, в советское время долгое время возглавлявший так называемую 5-ю линию КГБ (политический сыск), главными успехами в работе которого можно считать изгнание из страны А. И. Солженицына, В. К. Буковского, аресты и содержание в течение многих лет в лагерях тех, кто думал и говорил то, что считал правильным, а не что велела партия. За спиной Анатолия Собчака в Ленинграде (Санкт-Петербурге) был подполковник КГБ В. В. Путин. По словам самого Собчака, это означало, что «КГБ контролирует Санкт-Петербург».

Как именно это происходило, описал преподающий в Цюрихе руководитель Итальянского института международной политики и экономики Марко Джакони:

«Попытки КГБ установить контроль над экономической деятельностью отдельных предприятий проходят все время по одной и той же схеме. На первом этапе рэкетеры осуществляют поборы либо пытаются присвоить себе не принадлежащие им права. Вслед за этим на предприятие приходят представители спецслужбы и предлагают фирме помочь выпутаться из трудностей. С этого момента фирма навсегда лишается самостоятельности. На первом этапе предприятия, оказавшиеся в сетях КГБ, испытывают сложность с получением кредитов или даже переживают финансовые потрясения, однако впоследствии получают лицензии на торговлю в таких специфических областях, как алюминий, цинк, продукты питания, целлюлоза, древесина. После этого фирма получает мощный импульс к развитию. На этом этапе в нее внедряются бывшие сотрудники КГБ. Кроме того, с этой фирмы получают новую порцию денег».

Однако 1991–1996 годы показали, что российский бизнес, несмотря на грабительские поборы силовых структур, действовавших отчасти открыто, отчасти через организованные преступные группировки (ОПГ), контролируемые спецслужбами, сумел за короткий срок стать политической силой, не всегда и не во всем подчиненной ФСБ. Очевидно, что именно после разгрома президентом Ельциным в 1993 году хасбулатовского парламента заинтересованное в приостановке либеральных реформ в России руководство бывшего КГБ, возглавлявшее теперь ельцинскую ФСК, приняло решение о дестабилизации и компрометации режима Ельцина и его реформ через нагнетание криминальной обстановки в России и разжигание национальных конфликтов, главным образом на Северном Кавказе — самом слабом звене многонационального российского государства.

Одновременно была начата активная идеологическая кампания в средствах массовой информации (СМИ). Смысл ее сводился к тому, что обнищание народа, рост преступности и национализма являются следствием демократизации строя, а единственный способ избежать эксцессов — отказаться от либеральных реформ и западных моделей и найти свой, российский путь развития, в основе которого будут лежать порядок и общее благосостояние. В действительности речь шла о пропаганде диктатуры, напоминающей стандартную нацистскую модель. Из всех диктаторов, больших и маленьких, просвещенных и кро-

вожадных, был выбран самый симпатичный и статистически не очевидный — чилийский генерал Аугусто Пиночет. Почему-то считалось, что если в России появится диктатор, то не хуже чилийского. Между тем российский опыт подтверждает, что из возможных вариантов Россия чаще всего выбирает худший.

До 1996 года госбезопасность боролась с демократами-реформистами, так как видела основную угрозу в демократической идеологии, требующей немедленного проведения радикальных экономических и политических прозападных реформ, основанных на принципах свободной рыночной экономики и политико-экономической интеграции России в сообщество цивилизованных стран. После победы Ельцина на выборах 1996 года, когда крупный российский бизнес впервые проявил себя как политическая сила — не допустил отмены демократических выборов и введения в стране чрезвычайного положения (на чем настаивали сторонники диктатуры в лице Коржакова, начальника ФСО М. И. Барсукова и им подобных) и, что самое главное, обеспечил победу своего кандидата, госбезопасность определила для себя новое направление главного удара: российская деловая элита. Именно после победы Ельцина на выборах 1996 года начинается период пропагандистских кампаний, очерняющих ведущих бизнесменов России. Причем в авангарде этих кампаний снова мелькают знакомые лица из силовых структур.

Появилось новое определение — «олигарх», хотя и было очевидно, что даже самый богатый человек в России олигархом в буквальном смысле этого слова не является, так как отсутствовала главная составляющая олигархии — власть. Дело в том, что реальная власть по-прежнему находилась в руках спецслужб.

Постепенно с помощью журналистов, являющихся сотрудниками или агентами спецслужб, прежде всего ФСБ и СБП, и целой армии неразборчивых авторов «олигархии» российского бизнеса были объявлены ворами, аферистами и даже убийцами. Между тем основные преступники, сосредоточившие в своих руках реальную олигархическую власть и миллиарды нигде и никем не учтенных денег, сидели в креслах руководителей российских силовых ведомств: ФСБ, СБП, ФСО, СВР, Главного разведывательного управления (ГРУ), генеральной прокуратуры, ФАПСИ, министерства обороны (МО), министерства внутренних дел (МВД), таможни, налоговой полиции и т.д.

Эти люди и были настоящими олигархами, серыми кардиналами и теневыми руководителями российского бизнеса и политической жизни страны. Они обладали реальной, никем не ограниченной и неконтроли-

руемой властью. Надежно защищенные служебными удостоверениями силовых структур, они стали поистине неуязвимыми. Занимая высокие посты, они брали взятки, воровали, сколачивали незаконным путем свой капитал, вовлекая в преступную деятельность подчиненных.

В этой книге предпринята попытка показать, что основные проблемы современной России вызваны не радикальными реформами либерального периода правления Ельцина, а тем противостоянием, которое тайно или явно оказывали этим реформам российские спецслужбы. Именно они развязали первую и вторую чеченские войны для разворота России от демократии к диктатуре, милитаризму и шовинизму. Именно они организовали в Москве и других российских городах серию беспощадных террористических актов, ставших поводом для начала первой, а затем и второй чеченских войн.

Сентябрьские взрывы 1999 года, прежде всего предотвращенный теракт в Рязани в ночь на 23 сентября, — основная тема исследования книги. По этим взрывам отчетливее всего прослеживаются тактика и стратегия российских органов государственной безопасности, стремящихся к абсолютной власти. Эта книга — о постигшей всех нас трагедии, об упущенных возможностях, о потерянных жизнях. Эта книга для тех, кто, осознав происшедшее, не побоится влиять на будущее.

После публикации отрывков книги в «Новой газете» 27 августа 2001 года, равно как и после выхода американского издания книги в январе этого года в Нью-Йорке (английское название книги: «Blowing Up Russia: Terror From Within»), нам неоднократно задавали вопрос об источниках информации. Мы хотим заверить читателей, что в этой книге нет вымышленных фактов и голословных утверждений. Мы считали, однако, что на данном этапе исторического развития России, когда многие государственные чиновники, подозреваемые нами в организации, исполнении или допущении террористических актов в России в сентябре 1999 года, входят в руководство страны, обнародование наших источников информации является преждевременным. При этом уже в первых последовавших после 27 августа 2001 года интервью мы указывали, что эти источники будут незамедлительно сообщены российской или международной независимой комиссии, созданной для расследования сентябрьских террористических актов 1999 года в России. Таковой остается наша позиция и на сегодняшний день: все материалы, являющиеся источниками для написания этой книги, будут переданы тем, кто ставит своей целью объективно разобраться в происходящем.

Несколько слов об авторах книги

Александр Вальтерович Литвиненко родился в 1962 году в Воронеже. В 1980 году, после окончания средней школы был призван в армию. За последующие двадцать лет прошел путь от рядового до подполковника. С 1988 года — в органах контрразведки КГБ СССР. С 1991 — в центральном аппарате МБ-ФСК-ФСБ России. Специализация — борьба с терроризмом и организованной преступностью. За проведение совместных с МУРОм операций по розыску и задержанию особо опасных преступников получил звание «Ветеран МУРа». Участник боевых действий во многих так называемых горячих точках бывшего СССР и России. В 1997 году переведен в самое секретное подразделение ФСБ РФ — Управление по разработке преступных организаций — на должность старшего оперативного сотрудника, заместителя начальника 7-го отдела.

В ноябре 1998 года в Москве выступил на пресс-конференции с критикой руководства ФСБ, сообщив о полученных им противозаконных приказах. В марте 1999 года арестован по сфабрикованному обвинению и помещен в СИЗО ФСБ Лефортово. В ноябре 1999 года оправдан, но прямо в зале суда, после зачитанного ему оправдательного приговора, арестован ФСБ и посажен по второму сфабрикованному уголовному делу. В 2000 году второе уголовное дело было прекращено, Литвиненко выпущен под подписку о невыезде. Против него было начато третье уголовное дело. После угроз со стороны ФСБ и следователей в адрес семьи вынужден был нелегально покинуть Россию, в связи с чем против него было возбуждено четвертое уголовное дело. В мае 2001 года получил политическое убежище в Великобритании.

23 ноября 2006 года Александр Литвиненко умер от отравления полонием-210 в Лондоне. Смерть Александра Литвиненко всколыхнула мировую общественность. В настоящее время по делу об отравлении ведется следствие.

Юрий Георгиевич Фельштинский родился в 1956 году в Москве. В 1974 году поступил на исторический факультет МГПИ им. Ленина. В 1978 году эмигрировал в США, где продолжил изучение истории

сначала в Брандайском университете, затем в Ратгерском, где получил степень доктора философии — Ph. D. (история). В 1993 г. защитил докторскую диссертацию в Институте истории Российской академии наук (РАН). Редактор-составитель и комментатор нескольких десятков томов архивных документов, автор книг «Большевики и левые эсеры» (Париж, 1985); «К истории нашей закрытости» (Лондон, 1988; Москва, 1991); «Крушение мировой революции» (Лондон, 1991; Москва, 1992); «Вожди в законе» (Москва, 1999).

Глава 1

СПЕЦСЛУЖБЫ РАЗЖИГАЮТ ВОЙНУ В ЧЕЧНЕ

Россия опять воюет. И где! На Северном Кавказе. Будто не было Афганистана. Будто заранее не ясны ход, результат и последствия этой войны, объявленной в многонациональном государстве гордому, воинственному народу. Как могло оказаться, что в самый демократический период развития Россия начнет одну из постыднейших своих войн?

Война требует мобилизации ресурсов, увеличения бюджетов силовых структур, ведомств и министерств.

Война увеличивает роль, значение и влияние людей в погонах и тормозит продолжение курса прозападных экономических реформ.

Война приводит страну к изоляции от сообщества цивилизованных государств, ибо она не поддерживается остальным миром и непонятна ему.

Когда-то любимый и популярный президент теряет поддержку и населения, и мирового сообщества. Пойманному в капкан, ему остается единственный выход — уйти в отставку до истечения срока, отдав власть в руки ФСБ в обмен на гарантии неприкосновенности себе и своей семье. Мы знаем, кому это было выгодно: тем, кто получил от Ельцина власть. Мы знаем, как это было достигнуто: через войну в Чечне. Осталось только понять, кто же все это организовал.

Самым слабым звеном многонациональной российской мозаики оказалась Чечня. Считая Джохара Дудаева своим, КГБ не возражал против его прихода к власти. Генерал Дудаев, член КПСС с 1968 года, был переведен из Эстонии в родной ему Грозный будто специально для того, чтобы стать в оппозицию местным коммунистам, быть избранным президентом Чеченской Республики и провозгласить в ноябре 1991 года независимость Чечни (Ичкерии), как бы демонстрируя российской политической элите, к какому расколу ведет Россию либеральный режим Ельцина.

К 1994 году политическое руководство России уже понимало, что не готово дать Чечне независимость. Предоставление суверенитета Чечне действительно могло привести к дальнейшему распаду России. Но можно ли было начинать на Северном Кавказе гражданскую войну? «Партия войны», опиравшаяся на силовые министерства, считала, что можно. Однако к войне нужно было подготовить общественное мнение. На общественное мнение легко было бы повлиять, если бы чеченцы стали бороться за свою независимость с помощью терактов. Осталось дело за малым: организовать в Москве взрывы с «чеченским следом».

Зная, что со дня на день российские войска и силы антидудаевской оппозиции начнут запланированный штурм Грозного, в Москве для разжигания античеченских настроений Федеральная служба контрразведки (бывший КГБ и будущая ФСБ) 18 ноября 1994 года предприняла первую попытку совершить террористический акт, объявить ответственными за него чеченских сепаратистов и, опираясь на озлобление жителей России, подавить в Чечне движение за независимость.

Обратим внимание на то, что и 18 ноября, и в будущем «чеченские террористы» крайне несвоевременно устраивают взрывы да к тому же заявляют о своей к ним непричастности (что делает сам теракт бессмысленным). В ноябре 1994 года общественное мнение России и всего мира в целом было на стороне чеченского народа. Зачем же чеченцам нужно было производить теракт в Москве? Куда естественней заниматься диверсиями в расположении российских войск на чеченской территории.

Итак, 18 ноября 1994 года в Москве на железнодорожном мосту через реку Язу произошел взрыв. По описанию экспертов, сработали два мощных заряда примерно по полтора килограмма тротила каждый. Были искорежены двадцать метров железнодорожного полотна. Мост чуть не рухнул. Однако теракт произошел преждевременно, еще до прохождения через мост железнодорожного состава. На месте взры-

ва нашли разорванный в клочья труп самого подрывника — капитана Андрея Щеленкова, сотрудника нефтяной компании «Ланако». Щеленков подорвался на собственной бомбе, когда прилаживал ее на мосту.

Только благодаря этой оплошности исполнителя теракта стало известно о непосредственных организаторах взрыва. Дело в том, что руководителем фирмы «Ланако», давшим названию фирмы первые две буквы своей фамилии, был 35-летний уроженец Грозного Максим Юрьевич Лазовский, являвшийся особо ценным агентом Управления ФСБ (УФСБ) по Москве и Московской области и имеющий в уголовной среде клички Макс и Хромой. Забегая вперед, отметим, что абсолютно все работники фирмы «Ланако» были штатными или внештатными сотрудниками контрразведывательных органов России.

В день взрыва на Язуе, 18 ноября 1994 года, анонимный телефонный звонок сообщил в милицию, что у офиса фирмы «Ланако» стоит грузовик с взрывчаткой. Грузовик — «ЗИЛ-131» с тремя минами МОН-50, пятьюдесятью зарядами к гранатометам, четырнадцатью гранатами РГД-5, десятью гранатами Ф-1 и четырьмя упаковками взрывчатки типа «пластит» общим весом 6 кг — действительно был обнаружен рядом с офисом «Ланако», но, как заявило УФСБ, оно не смогло определить, кому именно принадлежит грузовик, хотя у Щеленкова было найдено удостоверение «Ланако», а при взрыве на Язуе была использована аналогичная взрывчатка. И поскольку теракт не удался, о причастности к нему чеченских сепаратистов сообщено не было.

Войной в Чечне было очень легко прикончить Ельцина политически. И те, кто затевал войну и организовывал теракты в России, хорошо это понимали. Но существовал еще примитивный экономический аспект взаимоотношений российского руководства с президентом Чеченской Республики: у Дудаева постоянно вымогали деньги. Началось это в 1992 году, когда с чеченцев были получены взятки за оставленное в 1992 году в Чечне советское вооружение. Взятки за это вооружение вымогали начальник СБП (Службы безопасности президента) Коржаков, начальник ФСО (Федеральной службы охраны) Барсуков и первый вице-премьер правительства РФ Олег Сосковец. Понятно, что не оставалось в стороне и Министерство обороны.

Когда началась война, наивные граждане России стали недоумевать, каким же образом осталось в Чечне все то оружие, которым чеченские боевики убивали российских солдат. Самым банальным образом: за многомиллионные взятки Дудаева Коржакову, Барсукову и Сосковцу.

После 1992 года сотрудничество московских чиновников с Дудаевым за взятки успешно продолжалось. Чеченское руководство постоянно посылало в Москву деньги — иначе Дудаев ни одного вопроса в Москве решить не мог. Но в 1994 году система начала буксовать. Москва вымогала все большие и большие суммы в обмен на решение политических вопросов, связанных с чеченской независимостью. Дудаев стал отказывать в деньгах. Изначально финансовый конфликт постепенно перешел в политическое, а затем силовое противостояние российского и чеченского руководства. В воздухе запахло войной. Дудаев запросил личной встречи с Ельциным. Тогда контролирующая доступ к Ельцину тройка затребовала у Дудаева за организацию встречи двух президентов несколько миллионов долларов. Дудаев во взятке отказал. Более того, впервые он припугнул помогавших ранее ему (за деньги) людей, что использует против них компрометирующие их документы, подтверждающие небескорыстные связи чиновников с чеченцами. Дудаев просчитался. Шантаж не подействовал. Встреча не состоялась. Президент Чечни стал опасным свидетелем, которого необходимо было убрать. Началась спровоцированная жестокая и бессмысленная война.

22 ноября 1994 года Государственный комитет обороны (ГКО) Чеченской Республики, созданный за день до того указом Дудаева, обвинил Россию в развязывании войны против Чечни. Дудаев знал, что «партия войны» уже приняла решение о начале военных действий. «Российские регулярные части оккупируют часть территории Чеченской Республики — Надтеречный район», — говорилось в распространенном в Грозном заявлении ГКО. В ближайшие дни планируется «оккупация территории Наурского и Шелковского районов. В этих целях используются регулярные части Северо-Кавказского военного округа, спецподразделения МВД России, а также армейская авиация Северо-Кавказского военного округа. В операции, по сведениям ГКО, задействованы и спецподразделения Федеральной службы контрразведки РФ».

Главный штаб вооруженных сил Чечни утверждал, что на границе с Наурским районом, в поселке Веселая Ставропольского края, происходит концентрация воинских частей: тяжелых танков, артиллерии, до шести батальонов пехоты. Как стало известно позже, колонна российской бронетехники, сформированная по инициативе и на деньги ФСК, с солдатами и офицерами, нанятыми ФСК на контрактной основе, в том числе среди военнослужащих Таманской и Кантемировской дивизий, действительно составляла костяк войск, сосредоточенных для штурма Грозного.

23 ноября девять российских вертолетов армейской авиации Северо-Кавказского военного округа, предположительно МИ-8, нанесли ракетный удар по городу Шали, примерно в 40 км от Грозного, пытаясь уничтожить бронетехнику расположенного в Шали танкового полка. С чеченской стороны были ранены. Чеченская сторона заявила, что располагает видеозаписью, на которой запечатлены вертолеты с российскими бортовыми опознавательными знаками.

25 ноября семь российских вертолетов с военной базы в Ставропольском крае сделали несколько ракетных залпов по аэропорту в Грозном и близлежащим жилым домам, повредив посадочную полосу и стоявшие на ней гражданские самолеты. Шесть человек погибли и около 25 получили ранения. В связи с этим министерство иностранных дел (МИД) Чечни направило заявление администрации Ставропольского края, в котором, в частности, указывалось, что руководство региона «несет ответственность за подобные акции, и в случае применения адекватных мер с чеченской стороны» все претензии Ставрополя «должны быть отнесены к Москве».

26 ноября силы Временного совета Чечни (чеченской антидудаевской оппозиции) при поддержке российских вертолетов и бронетехники с четырех сторон атаковали Грозный. В операции со стороны оппозиции принимали участие более 1200 человек, 50 танков, 80 бронетранспортеров (БТР) и шесть самолетов СУ-27. Как заявили в московском (марионеточном) центре Временного совета Чечни, «деморализованные силы сторонников Дудаева практически не оказывают сопротивления, и к утру, вероятно, все будет закончено».

Однако операция провалилась. Наступающие потеряли около 500 человек убитыми, более 20 танков, еще 20 танков было захвачено дудаевцами. В плен были взяты около 200 военнослужащих. 28 ноября «в знак победы над силами оппозиции» колонна пленных была проведена по улицам Грозного. Тогда же чеченское руководство предъявило список четырнадцати взятых в плен солдат и офицеров, являющихся российскими военнослужащими. Пленные прямо перед телекамерами признавались в том, что служат в основном в воинских частях 43162 и 01451, базирующихся в Подмосковье. Министерство обороны РФ ответило, что указанные лица не служат в российских вооруженных силах. На запрос относительно пленных капитана Андрея Крюкова и старшего лейтенанта Евгения Жукова министерство обороны сообщило, что офицеры действительно служили в войсковой части 01451 (курсы «Выстрел»), однако с 20 октября 1994 года не появлялись в час-

ти, в связи с чем готовится приказ об их увольнении из вооруженных сил. Иными словами, МО объявило пленных солдат дезертирами. На следующий день отец Евгения Жукова опроверг данные министерства. В интервью российскому информационному агентству (РИА) «Новости» он заявил, что сын уехал из части 9 ноября, а 27-го родители увидели его в телепрограмме «Итоги» среди пленных российских военнослужащих в Грозном. На вопрос о том, как сын оказался в Чечне, командир части Жукова отвечать отказался.

Несколько позже был опубликован красочный рассказ о событиях 26 ноября майора Валерия Иванова, отпущенного из плена 8 декабря в числе семи российских военнослужащих:

«Приказом по части все завербовавшиеся были отправлены в отпуск по семейным обстоятельствам. Брали офицеров, в основном неустроенных в бытовом отношении. Половина были бесквартирные: вроде и отказаться можно, а начнут квартиры распределять — и ты окажешься на бобах. 10 ноября мы прибыли в Моздок, в Северную Осетию. За две недели подготовили 14 танков с чеченскими экипажами и 26 машин для российских военнослужащих. 25 ноября мы пошли на Грозный. [...] Я лично был в группе из трех танков, которые взяли в полдень 26-го под контроль телецентр Грозного. Сопротивления со стороны войск МВД, охранявших телецентр, не было. Однако через три часа в отсутствие связи с командованием мы подверглись атаке знаменитого абхазского батальона. Танки и пехота окружили нас, ответный огонь мы сочли бессмысленным, так как силы [антидудаевской] оппозиции нас бросили, тут же убежав. Два из трех наших танков сгорели. Экипажи успели покинуть машины и сдать охрану телецентра, которая нас передала личной охране президента Дудаева. Нас содержали хорошо, в последние дни даже почти не охраняли, да нам и бежать было некуда».

Создавалось впечатление, что 26 ноября бронетанковую колонну в Грозный вводили специально для того, чтобы ее уничтожили. Разоружить Дудаева и его армию колонна не могла. Захватить город и удерживать его — тоже. Армия Дудаева была укомплектована и хорошо вооружена. Колонна могла стать и стала живой мишенью.

Министр обороны Грачев намекал на свою непричастность к этой аванюре. С военной точки зрения задача захвата Грозного, заявил Гра-

чев на пресс-конференции 28 ноября 1996 года, была вполне осуществима силами «одного воздушно-десантного полка в течение двух часов. Однако все военные конфликты окончательно решаются все же политическими методами за столом переговоров. Без прикрытия пехоты вводить в город танки действительно было бессмысленно». Зачем же их тогда вводили?

Позже генерал Геннадий Трошев расскажет нам о сомнениях Грачева по поводу чеченской кампании: «Он пытался что-то сделать. Пытался выдвинуть из Степашина и его спецслужбы ясную оценку ситуации, пытался перенести начало ввода войск на весну, даже пытался лично договориться с Дудаевым. Теперь мы знаем, что такая встреча была. Не договорились».

Генерал Трошев, ведя уже вторую войну в Чечне, недоумевает, почему же Грачев не смог договориться с Дудаевым. Да потому что Дудаев настаивал на личной встрече с Ельциным, а Коржаков не соглашался проводить ее бесплатно.

Блистательную военную операцию по сожжению колонны российской бронетехники в Грозном действительно организовал не Грачев, а директор ФСК Степашин и начальник московского УФСБ Савостьянов, курировавший вопросы устранения режима Дудаева и ввода войск в Чечню.

Однако те, кто описывал банальные ошибки российских военных, вводивших в город бронетанковую колонну, обреченную на уничтожение, не понимали тонких политических расчетов провокаторов. Стронникам войны нужно было, чтобы колонну эффектно уничтожили чеченцы. Только так можно было спровоцировать Ельцина на начало полномасштабных военных действий.

Сразу же после разгрома бронекolonны в Грозном президент Ельцин выступил с обращением к участникам конфликта в Чеченской Республике, а Кремль начал подготавливать общественное мнение к неминуемой войне. В интервью корреспонденту РИА «Новости» консультант аналитического центра при президенте России Аркадий Попов заявил, что в самое ближайшее время Россия может выступить в Чечне в роли «принудительного миротворца» и что, судя по всему, российский президент намерен действовать решительно. В случае объявления президентом чрезвычайного положения на территории Чечни российские власти могут использовать «форму ограниченного вмешательства, которое будет выражаться в разоружении обеих конф-

диктующих сторон путем ввода в Грозный ограниченного контингента российских войск» — как уже было в Афганистане.

Таким образом, спровоцировав столкновения в Чечне через политическую и военную поддержку чеченской оппозиции, ФСК намерена была начать против Дудаева войну, прикрывшись миротворческой деятельностью.

Чеченская сторона расценила обращение Ельцина как «ультиматум» и «объявление войны». В заявлении чеченского правительства утверждалось, что это обращение, а тем более попытки претворения его в жизнь «противоречат нормам международного права» и дают правительству Чечни «право принятия адекватных ответных мер для защиты независимости и территориальной целостности своего государства». Угроза введения Россией чрезвычайного положения на территории Чечни, по мнению правительства Чеченской Республики, являлась «неприкрытым желанием продолжать военные действия и вмешиваться во внутренние дела другого государства».

30 ноября Грозный подвергся авиаударам российских военно-воздушных сил. 1 декабря российское военное командование не пропустило в Грозный самолет парламентской делегации членов Государственной думы (ГД). Тогда делегация приземлилась в столице Ингушетии Назрани и отправилась в Грозный на встречу с Дудаевым наземным транспортом. Во время продвижения делегации к столице Чечни восемь самолетов Су-27 совершили второй налет на чеченскую столицу. Самолеты обстреляли, в частности, городской квартал, где проживал Дудаев, но были встречены плотным зенитным огнем. Один самолет, по сообщению чеченской стороны, был сбит силами ПВО.

2 декабря Сергей Юшенков, председатель комитета Думы по обороне и глава российской парламентской делегации, прибывшей в Грозный, заявил, что ставка на силу в российско-чеченских отношениях обречена на провал. Знакомство с обстановкой на месте, сказал Юшенков, убеждает его в том, что единственным выходом из создавшейся ситуации могут быть переговоры. По словам Юшенкова, предварительных условий чеченская сторона на переговорах не выдвигала.

Общественное мнение было все еще на стороне чеченцев. Руководство ФСК окончательно убеждается в том, что на общественное мнение можно повлиять только терактами, свалив вину за них на чеченцев. 5 декабря ФСК сообщает журналистам, что через государственные границы в Чечню устремились иностранные наемники, в связи с чем «не

исключается проявление деятельности засылаемых сегодня в Россию террористических группировок и в других регионах страны». Это первое незамаскированное заявление ФСК о том, что в России скоро начнутся теракты «с чеченским следом». Правда, пока речь идет о засланных иностранных агентах, вытщенных, видимо, из старых учебных пособий КГБ советских времен, а не о чеченцах.

6 декабря Дудаев заявил в интервью, что политика России провоцирует рост исламистских настроений в Чечне: «В «чеченской карте» могут быть разыграны глобальные интересы исламского дальнего зарубежья, которые способны сделать дальнейшее развитие событий просто неуправляемым. В Чечне сейчас всплыла третья сила — исламисты, к которым постепенно переходит инициатива. «Мы уже не твои солдаты, президент, мы — солдаты Аллаха», — охарактеризовал Дудаев настроения прибывающих в Грозный. «Ситуация в Чечне, — подвел итог Дудаев, — начинает выходить из-под контроля, и это меня беспокоит».

Как бы отвечая Дудаеву, министр обороны Грачев провел пропагандистское мероприятие, внешне похожее на миротворческую акцию, но реально провоцирующее дальнейшую эскалацию конфликта. Грачев предложил чеченской оппозиции, возглавляемой Автурхановым, финансируемой, вооружаемой и комплектуемой ФСК, разоружиться — при условии, что одновременно оружие согласятся сдать сторонники Дудаева. Иными словами, Дудаеву предложили разоружиться в одностороннем порядке (поскольку о разоружении российской стороны вопрос не стоял). Понятно, что такое предложение правительством Чеченской Республики принято не было. 7 декабря Грачев встретился с Дудаевым, но переговоры оказались безрезультатными.

В тот же день в Москве состоялось заседание Совета безопасности (СБ), посвященное событиям в Чечне, а также закрытое заседание Государственной думы, на которое были приглашены руководители силовых ведомств. Последние в Думу не явились, так как не хотели отвечать на вопросы парламентариев относительно того, кто отдавал приказ вербовать российских военнослужащих и бомбить Грозный. Сегодня мы знаем, что вербовкой российских военнослужащих занималась по указанию Степашина ФСК, а директивы о бомбардировке Грозного исходили от министра обороны.

8 декабря чеченская сторона сообщила, что, по имеющейся у нее информации, Россия готовится к вводу войск на территорию республики и началу сухопутной войны с Чечней. 9 декабря на состоявшейся в

Госдуме пресс-конференции председатель думского комитета по делам Федерации и региональной политике, председатель Республиканской партии России Владимир Лысенко заявил, что в этом случае он поставит в Думе вопрос об отставке правительства России. Однако еще 8 декабря рабочая комиссия по переговорам об урегулировании конфликта в Чеченской Республике достигла договоренности между представителями президента Дудаева и оппозицией о начале 12 декабря в 15 часов во Владикавказе переговоров. Со стороны федеральных властей в переговорах должны были участвовать двенадцать человек во главе с заместителем министра по делам национальностей и региональной политике РФ Вячеславом Михайловым. Со стороны Грозного — девять человек во главе с министром экономики и финансов Чечни Таймазом Абубакаровым. Со стороны оппозиции — три человека во главе с Бекмом Басхановым, прокурором Чечни. Прекращение кровопролития и налаживание нормальных взаимоотношений — таковы были предположительно основные проблемы, которые предстояло обсудить на переговорах между Москвой и Грозным. Переговоры со сторонниками чеченской оппозиции должны были касаться только разоружения.

Шансы на сохранение мира увеличивались, а у «партии войны» до 12 декабря оставалось не так много времени. Собственно, заявление рабочей комиссии по урегулированию чеченского конфликта предопределило дату начала сухопутных военных действий.

Если мирные переговоры должны состояться 12-го, войну нужно начинать 11-го. Именно так поступило российское руководство: 11 декабря войска пересекли демаркационную границу Чеченской Республики.

В первые дни российские военные сводки сообщали об отсутствии реального сопротивления и потерь.

«Язык мой — враг мой». Уже 13 декабря Сосковец определил основные направления своей деятельности. Общие затраты на проведение мероприятий по нормализации ситуации в Чечне, сообщил он журналистам, могут составить около одного триллиона рублей. (Это именно те деньги, которые нужно будет сначала выделить из бюджета, а затем планомерно разворовывать). Первоочередной задачей правительства является доведение выделенной помощи до населения Чечни, а особое внимание будет уделяться тому, чтобы она не была растрчена или разворована (то, что помощь до Чечни не дошла, а вся была растрчена и разворована в России, сегодня мы знаем достоверно).

Сосковец подчеркнул, что не следует рассматривать чеченскую диаспору, проживающую в Москве и других городах России, в качестве

потенциальных террористов. Обратим внимание на эту фразу. Никому в голову не приходило считать чеченскую диаспору потенциальными террористами. И терактов, собственно, еще не было. И война с Чечней вроде бы даже еще не считалась войной, а скорее преподносилась как милицейская акция. И не было пока больших потерь. А первый вице-премьер почему-то допускает организацию чеченцами терактов в России. Когда Сосковец отметил, что к чеченским гражданам в целом не будет принято дискриминационных мер, а вопрос о принудительной депортации чеченцев федеральными властями даже не рассматривается, стало ясно, что «партия войны» предлагает вести ее со всем чеченским народом на всей территории России, с введением дискриминационных мер и принудительной депортации.

Прекрасно понимая, куда клонит Сосковец и во что все это обойдется России, против «партии войны» резко выступил командующий 14-й российской армией в Приднестровье генерал-лейтенант Александр Лебедь.

«Чеченский конфликт можно разрешить только дипломатическими переговорами, — заявил он в телефонном интервью из своего штаба в Тирасполе. — В Чечне один к одному повторяется афганский вариант. Мы рискуем развязать войну со всем исламским миром. Бойцы-одиночки до бесконечности могут жечь нашу бронетехнику, уничтожать солдат одиночными выстрелами. В Чечне мы наступили на те же грабли, что и в Афганистане, а это очень печально. Хорошо укрепленный Грозный с большим количеством запасов способен оказать длительное и серьезное сопротивление». Лебедь напомнил, что генерал Дудаев в советской армии командовал дивизией стратегических бомбардировщиков, способной вести войну в континентальных масштабах, а на такие посты «дураков не назначали».

14 декабря Москву начинают переводить на полувоенное положение, а москвичей пугать неперменным чеченским террором. Органы министерства внутренних дел усиливают охрану объектов жизнеобеспечения города, сотрудники ФСК проводят работу по усилению их безопасности. Охрану многих государственных учреждений осуществляют милицейские патрули, вооруженные автоматическим оружием. МВД заявляет, что это вызвано опасностью присылки в Москву из Грозного групп террористов.

Первых подозрительных террористов-чеченцев начинают отлавливать. Вечером 13 декабря возле ресторана «Прага» на Новом Арбате был задержан и доставлен в 5-е отделение милиции Москвы уроженец

и житель Грозного чеченец Исраил Гетиев, взрывававший новогодние хлопушки и петарды. Пока еще такие сообщения вызывали улыбку. Тем не менее именно 14 декабря неожиданно пришло сообщение, что «счет жертвам и с той, и с другой стороны идет уже на сотни», — за неполных три дня войны. Становилось не до смеха.

15 декабря открываются нештучные масштабы предпринимаемой операции. Наряду с подразделениями МВД на Грозный движутся две общевойсковые дивизии Северо-Кавказского военного округа, а также десантные войска, представленные двумя десантно-штурмовыми бригадами. Кроме того, на территорию Чечни вошли сводные полки Псковской, Витебской и Тульской дивизий воздушно-десантных войск (ВДВ) по 600-800 человек в каждом. В районе Моздока начали разгрузку сводные полки Ульяновской и Костромской дивизий ВДВ. Продвижение на Грозный осуществляется по четырем основным маршрутам: один — со стороны Ингушетии, два — от Моздока, один — из Дагестана. Войска готовятся к штурму Грозного. С чеченской стороны, по данным МВД и ФСК, в Грозном и вокруг него сосредоточены более 13 тысяч вооруженных людей.

Ельцин двигался к пропасти. После рассмотрения 17 декабря на заседании Совета безопасности плана «выполнения мероприятий по восстановлению конституционной законности, правопорядка и мира в Чеченской Республике» СБ обязал министерство обороны (П. Грачев), МВД (В. Ерин), ФСК (С. Степашин) и Федеральную пограничную службу (А. Николаев) привлечь все силы для разоружения и уничтожения незаконных вооруженных формирований (НВФ) в Чечне и надежного закрытия государственной и административной границ Чеченской Республики. Координировать эту работу должен был Грачев. В этот день либерально-демократический период России закончил свое существование. Фактически президент Ельцин совершил политическое самоубийство.

17 декабря МИД России сделало заявление о том, что с 00 часов 18 декабря подразделения войск МВД и МО вынуждены будут предпринять решительные меры с использованием всех имеющихся в наличии средств для восстановления на территории Чечни конституционной законности и правопорядка. Бандформирования будут разоружены, а при сопротивлении уничтожены. В заявлении МИДа указывалось, что гражданское население Чечни оповещено о необходимости срочно завершить выход из Грозного и других населенных пунктов, в которых находятся бандформирования. Иностранным гражданам и журналис-

там, находящимся в зоне конфликта, МИД настоятельно рекомендовало покинуть Грозный и перебраться в безопасные районы. (Несмотря на предупреждения российского руководства, большая часть иностранных журналистов осталась в Грозном, и в гостинице «Французский двор», где они проживали, по-прежнему не хватало мест).

В тот же день Сосковец оповестил мир, что президент Дудаев вызван в Моздок на встречу с делегацией правительства России во главе с вице-премьером Николаем Егоровым и директором ФСК Степашкиным. Сосковец отметил, что если Дудаев не прибудет в Моздок, то войска приступят к ликвидации незаконных вооруженных формирований. Сосковец сообщил, что расходы на проведение операции в Чечне за минувшую неделю составили по линии МВД 60 миллиардов, а по линии МО — 200 миллиардов рублей.

За четыре часа до истечения срока ультиматума, т. е. в 8 часов вечера 17 декабря, Дудаев предпринял последнюю попытку предотвратить войну и телеграфировал российскому руководству о согласии «начать без предварительных условий переговоры на соответствующем уровне и лично возглавить правительственную делегацию» Чеченской Республики. Иными словами, Дудаев настаивал на личной встрече с Ельциным. Но так как деньги за организацию этой встречи Дудаев давать по-прежнему отказывался, ответа на свою телеграмму он не получил.

18 декабря в 9 часов утра российские войска, блокировавшие Грозный, приступили к штурму города. Фронтовой авиацией и армейскими вертолетами были нанесены «точечные удары по командному пункту Дудаева Ханкала близ Грозного, по мостам через Терек на северном направлении, а также по маневренным группам бронетехники». После уничтожения бронетехники, говорилось в сообщении Временного информационного центра российского командования, планируется продвижение войск, блокировавших Грозный, для выполнения ими задач по разоружению незаконных вооруженных формирований на территории Чечни. Полномочный представитель президента Ельцина в Чеченской Республике заявил, что у Дудаева осталась теперь единственная возможность: сдаться в плен.

18 декабря Сосковец, получивший теперь еще одну должность — руководителя оперативного штаба при правительстве России по координации деятельности органов исполнительной власти, сообщил прессе, что в Грозном «изучают возможность» проведения террористических актов на военных и гражданских объектах в центральной России и на Урале, а также захвата пассажирского самолета. Поразительная осве-

домленность первого вице-премьера говорила о том, что в ближайшие дни нужно ждать терактов.

22 декабря пресс-служба правительства РФ сообщила, что чеченцы сами себя взрывают, чтобы свалить вину за взрывы на российскую армию. В опубликованном заявлении говорилось следующее:

«Сегодня в 10 часов утра под председательством первого заместителя председателя правительства Олега Сосковца состоялось совещание, на котором присутствовали члены правительства, члены Совета безопасности, представители администрации президента. На совещании обсуждалась ситуация, сложившаяся в Чеченской Республике, действия, предпринимаемые президентом и правительством для восстановления конституционной законности и экономической помощи населению районов, освобожденных от вооруженных формирований дудаевского режима. Доклады участников совещания свидетельствуют, что в минувшую ночь продолжались операции по разоружению бандитских формирований, наносились бомбовые удары по опорным пунктам. Город Грозный бомбардировкам не подвергался. Однако усилиями боевиков имитировались бомбежки жилых кварталов. Около часа ночи были взорваны административное здание и жилой дом, жители которого — чеченцы и русские — не были предупреждены о готовящейся акции. Имитация бомбардировки произведена в качестве доказательства тезиса «войны против чеченского народа, которую ведет российское руководство». Этот тезис был обнародован вчера в дудаевском «обращении к мировому сообществу».

Иными словами, ответственность за разрушенные российскими войсками административное здание и жилой дом, в которых находились люди, пресс-служба правительства России пыталась свалить на чеченцев.

Иницированное Сосковцом сообщение, написанное сталинским слогом, было обнародовано за день до взрыва между станциями Кожухово и Канатчиково Московской окружной железной дороги (жертв не было, террористов не нашли). Именно 23 декабря можно считать началом террористической кампании ФСБ против России. С этого дня теракты стали обыденным явлением.

Глава 2

ШАБАШ СПЕЦСЛУЖБ

Не хочу говорить высокие слова, но наши лучшие сотрудники, честь и гордость ФСБ, работают не ради денег. [...] Помните слова главного героя в фильме «Брат-2»: «Не в деньгах сила, американец, а в правде»? За эту правду сотрудники ФСБ и сражаются.

Н. П. Патрушев

Из интервью «Комсомольской правде» 20 декабря 2000 г.

Обратим внимание на то, как 23 декабря описывает состоявшийся теракт пресс-служба российского правительства:

«Имеются данные о направлении [из Чечни] в Москву трех опытных боевиков, среди них женщина, которым поручено возглавить засланные ранее группы террористов. Задержана группа иностранных граждан, искавших контакт с боевиками из Грозного. У них изъята партия радиоуправляемых взрывных устройств, 20 кг тротила и 16 радиоуправляемых противопехотных и противотанковых мин. 23 декабря ночью на одном из участков Московской окружной железной дороги

взорваны рельсы. Еще одна мина обезврежена. Принимаются меры по выявлению диверсионных групп, действующих в Москве и области».

Расследования терактов не произведено. Но все уже и так ясно. Сначала чеченцы заслали в Москву и область «диверсионные группы». Затем — трех опытных боевиков-руководителей. На помощь чеченским террористам из-за границы послана «группа иностранных граждан» с тротилом и минами (видимо, прямо из-за границы они эти мины на себе и везли!). И как результат этой сложной подготовительной работы — теракт на одном из участков Московской окружной железной дороги с указанием, что диверсионные группы, уже посланные в Москву и область, не обезврежены (можно предположить, что теракты продолжатся).

В заявлении пресс-службы ложью было абсолютно все, кроме сообщения о взрыве 23 декабря на участке Московской окружной железной дороги. Судя по почерку, и этот теракт был произведен людьми Лазовского. По крайней мере, нельзя считать совпадением то, что уже через четыре дня в Москве был произведен новый теракт: 27 декабря 1994 года в 9 часов вечера внештатный агент ФСБ и служащий фирмы Лазовского «Ланако» Владимир Воробьев — потомственный военный (дед до 1920 года возглавлял Тульский оружейный завод «Арсенал»), кандидат технических наук, сотрудник академии им. Жуковского, работавший над новой системой противоракетной обороны, подполковник — заложил бомбу с дистанционным управлением в автобус на конечной остановке 33-го маршрута «ВДНХ-Южная». Бомба взорвалась, когда автобус был без пассажиров. Пострадал только 23-летний водитель Дмитрий Трапезов. Он получил сильные ушибы и контузию. Стоявшие рядом троллейбусы были иссечены осколками.

Начальник Воробьева Лазовский работал не только на ФСК (ФСБ), но и на СВР (Службу внешней разведки). Куратором Лазовского по СВР был кадровый сотрудник СВР Петр Евгеньевич Суслов, 1951 года рождения. Лазовский был одним из его секретных агентов.

Формально Суслов ушел из разведки в бизнес в 1995 году и с этого времени неоднократно выезжал в охваченный войной Грозный, Багдад, Тегеран, Арабские Эмираты и другие страны Ближнего Востока.

Суслов занимался внесудебными расправами. Для выполнения заданий, связанных с организацией и проведением силовых акций и ликвидаций, Суслов привлекал бывших специалистов из спецподразделений, прежде всего из подразделения специального назначения 1-го (Главного) Управления (ПГУ) КГБ СССР «Вымпел», хорошо владеющих навыками снайперской стрельбы, взрывного дела и обращения

с пиротехникой. Вымпеловцы выполняли функции как инструкторов, так и исполнителей. Для финансового обеспечения этой работы был создан специальный фонд «Вымпел». Президентом фонда стал известный в России криминальный «авторитет» Сергей Петрович Кублицкий (уголовная кличка — Воркута). Вице-президентом — Сулов. Одновременно Сулов был председателем совета директоров регионального общественного фонда «Правопорядок-центр» (Москва, ул. Воронцовская, д. 21).

Сулов сохранил обширные связи в государственных силовых структурах, в том числе в руководстве ФСБ. По оперативным данным, полученным по линии Главного управления внутренних дел (ГУВД) по Москве и Московской области, Сулов поддерживал тесный контакт с генерал-майором Евгением Григорьевичем Хохольковым — начальником созданного летом 1996 года Управления перспективных программ (УПП), на базе которого в 1997 году было сформировано Управление разработки и пресечения деятельности преступных организаций (УРПДПО) ФСБ, чаще называемое сокращено УРПО (Управление разработки преступных организаций). Именно здесь в должности начальника направления 3-го отдела УРПО служил подполковник Алексей Кимович Антропов, закончивший школу разведки СВР по линии борьбы с международным терроризмом. И Лазовский, и Сулов были с Антроповым в хороших отношениях.

На этом самом секретном управлении ФСБ с длинным, непонятным, не запоминающимся и часто меняющимся (из конспирации перед общественностью) названием следует остановиться подробнее. Управление было создано для определения и последующей нейтрализации (ликвидации) источников, представляющих государственную опасность. Иными словами — для внесудебных убийств, провокаций, терактов и похищений. Одним из заместителей Хохолькова был генерал-майор Н. Степанов. Другим заместителем был бывший министр госбезопасности Кабардино-Балкарской республики генерал-майор А. К. Макарычев. В составе УПП было собственное подразделение наружного наблюдения; свой помощник по безопасности — полковник Владимир Симаев; свое подразделение технических мероприятий; два частных детективных охранных агентства (частные охранные предприятия — ЧОП) — «Стелс» («Стеллс») и «Космическая альтернатива». Последнее занималось прослушиванием пейджеров, мобильных телефонов и проведением других оперативно-технических мероприятий. А вот «Стелс» была фирмой легендарной.

Эта частная охранно-детективная структура, как и УПП периодически меняющая свое название, была зарегистрирована на заре перестройки, в 1989 году, жителем Москвы Ивановым, являвшимся агентом 5-го Управления КГБ СССР (впоследствии Управления «З»). Использовался Иванов для борьбы с внутренним терроризмом и находился на связи у сотрудника Управления полковника В.В.Луценко. Это же Управление оперативно обеспечивало создание и функционирование «Стелса». За период с 1989 по 1992 год «Стелс» при содействии Луценко, который решал через ЧОП не столько оперативные, сколько личные вопросы (небезвозмездное обеспечение различного рода «крыш» коммерческим структурам), оброс обширными связями в криминальной и правоохранительной среде и выдвинулся в число известнейших охранных агентств России.

После увольнения из органов в 1992 году Луценко возглавил работу ЧОПа, предварительно переоформив его и став одним из учредителей. Наличие у Луценко устойчивых связей в различных управлениях бывшего КГБ, с одной стороны, и отток из российских спецслужб большого количества опытных оперативных сотрудников, сохранивших в свою очередь собственные наработанные связи и агентурные сети, — с другой позволили Луценко привлечь на работу в «Стелс» высококвалифицированных профессионалов.

По линии своей прошлой оперативной деятельности (борьба с террором) Луценко сохранил устойчивые контакты с представителями бывшего 9-го Управления КГБ (охрана высших руководящих лиц страны). Это позволило Луценко выйти на Коржакова, Барсукова и их окружение и предложить использовать возможности руководимого им «Стелса» в интересах СБП и ФСК для осуществления нетрадиционных форм борьбы с организованной преступностью.

Предложение встретило одобрение, и в скором времени при участии первого заместителя Коржакова генерала Георгия Георгиевича Рогозина была разработана общая программа действий. Программа предполагала использование криминальных структур, экстремистских организаций, отдельных уголовников и переподготовленных бывших военнослужащих спецназа ГРУ МО, МВД и ФСБ для разложения преступных группировок, физической ликвидации уголовных «авторитетов» и лидеров ОПГ.

На практике же все вышло по устоявшемуся российскому принципу: хотели как лучше, а получилось — как всегда. «Стелс» обеспечивала «крышу» различным коммерческим структурам, исполняла раз-

личного рода «прессинговые» операции в отношении криминальных и коммерческих конкурентов — вплоть до заказных убийств. Для обеспечения указанной деятельности с подачи Коржакова, Барсукова и Трофимова было нейтрализовано возможное оперативно-уголовное преследование ЧОПа со стороны спецслужб и правоохранительных органов (ФСБ, МВД, налоговой полиции, Генпрокуратуры и т.д.). До руководителей всех этих ведомств было доведено содержание изначальной программы, ради которой создавался «Стелс». Было достигнуто понимание в вопросе о том, что силовые структуры не расследуют деятельность «Стелса».

В качестве ударной силы «Стелса» использовалась «измайловская» организованная преступная группировка. Постепенно, с учетом финансовых и кадровых влияний со стороны «измайловской» ОПГ, «Стелс» превратился в «крышу» «измайловской» группировки, а Луценко — в управляемого руководителя. В аналогичном положении оказались и другие частные охранные предприятия, например «Кмети» и «Кобальт». Все они использовались в рамках реализации существующей программы нетрадиционной борьбы с оргпреступностью. Не без их участия был осуществлен ряд достаточно известных заказных убийств уголовных лидеров, коммерсантов и банкиров. Исполнителями этих акций были наемные убийцы из внештатных спецгрупп. Как правило, все операции отличались высокой профессиональной организацией и исполнением с последующим устранением в случае необходимости самих наемных убийц и лиц, осуществлявших их прикрытие. Расследование данных преступлений правоохранительными органами судебных перспектив не имело. Случайно задержанные исполнители из числа уголовников до суда просто не доживали.

Со временем «Стелс» стал представлять из себя эффективную, оснащенную разнообразной техникой (в том числе специальной) и вооружением (частично нелегальным) охранно-детективную структуру, численность которой доходила до 600 человек. Приблизительно 70% кадрового состава составили бывшие сотрудники ФСБ-СБП, примерно 30% — бывшие сотрудники милиции. После создания в 1996 году Управления перспективных программ «Стелс» был передан в УПП, хотя сохранил определенную автономию.

Главный принцип работы УПП — «проблемный». Есть проблема, и ее нужно решить. Признаки существования такого принципа работы сформулированы в воспоминаниях Павла Судоплатова «Разведка

и Кремль» (Москва, 1996), являющихся, кстати сказать, настольной книгой руководства Управления. Примером «проблемного» подхода к решению боевой задачи следует считать убийство президента Чечни Д.М.Дудаева. Те, кто организовывал это убийство, как раз и стояли у истоков создания УПП.

В каком-то смысле убийство Дудаева было заказным. Только заказано оно было руководством государства. Формальный, хотя и устный, приказ на устранение Дудаева поступил от президента России Ельцина.

Предыстория этого решения загадочна. В двадцатых числах мая 1995 года начались неформальные переговоры между российской и чеченской сторонами о прекращении военных действий и подписании мирного соглашения. С чеченской стороны организатором переговоров выступил бывший генеральный прокурор Чечни Усман Имаев. С российской — известный бизнесмен Аркадий Вольский. Российская сторона пыталась уговорить чеченского генерала капитулировать. От имени российского руководства Вольский предложил Дудаеву выехать в любую страну и на любых условиях (как заявил Ельцин: «куда угодно, и чем дальше от России, тем лучше»).

На встрече с Дудаевым Вольский пережил не самые приятные минуты в своей жизни. Дудаев счел себя оскорбленным и был взбешен. Вольского от скорой расправы спас, видимо, только статус парламентаря.

И все-таки начатые Вольским и Имаевым переговоры имели свое продолжение. Дудаев сумел договориться с Москвой о приостановке военных действий. Правда, за соответствующий указ с Дудаева требовали очередную взятку в несколько миллионов долларов. Чтобы спасти людей, Дудаев деньги заплатил. Однако указ о приостановке военных действий российским правительством так и не был подписан. Люди из окружения Ельцина чеченцев «кинули».

Тогда Дудаев приказал Шамилю Басаеву либо вернуть деньги, либо добиться начала мирных переговоров. Басаев с этой задачей справился. В историю эта «разборка» по выколачиванию задолженности из Коржакова — Барсукова — Сосковца вошла под названием: «Захват Шамилем Басаевым 14 июня 1995 года в Буденновске больницы с заложниками». Заложников было больше тысячи.

«Альфа» уже захватила первый этаж больницы и вот-вот должна была расправиться с террористами. Но премьер-министр правительства России В.С. Черномырдин, взявший на себя роль посредника, справедливо рассудил, что чеченцев «кинули» не «по понятиям», пообещал немедленно начать мирные переговоры, настоял на прекращении

операции и гарантировал беспрепятственный отход басаевцев вместе с заложниками назад в Чечню. Возможность отбить заложников и уничтожить басаевцев на обратном пути была. Стоявшее наготове спецподразделение внутренних войск «Витязь» только ждало приказа. Но приказа не последовало. Черномырдин дал Басаеву определенные гарантии и не сдержать слова не мог.

3 июля 1995 года президентом Ельциным был подписан оплаченный Дудаевым указ № 663 «О дислокации органов военного управления соединений, воинских частей, учреждений и организаций вооруженных сил Российской Федерации на территории Чеченской Республики». 7 июля Ельцин подписал второй указ — о порядке реализации указа № 663.

После Буденновска у кремлевских чиновников в списке нежелательных свидетелей, кроме Дудаева, появился еще один человек — Шамиль Басаев. Его решили убрать силами специально созданной для этого оперативно-боевой группы под руководством начальника 3-го (разведывательного) отдела Управления военной контрразведки ФСБ РФ генерал-майора Юрия Ивановича Яровенко.

Тогда же была создана оперативно-боевая группа под командованием Хохолькова (в Чечне он работал под псевдонимом Денисов) для устранения Дудаева. В нее входили капитан 1-го ранга Александр Камышников (будущий заместитель начальника УРПО) и ряд других офицеров. Дислоцировалась группа на военной базе в Ханкале. В команду были введены сотрудники чеченской национальности, например Умар Паша. После ликвидации Дудаева он был переведен с повышением в Москву.

В операции использовалась авиация ГРУ, располагавшая двумя самолетами для наведения ракет по маяку в радиотелефоне; и Дудаеву сумели поменять обычный телефон на телефон с маяком.

22 апреля 1996 года Дудаев с женой Аллой и несколькими сопровождающими выехал из селения Гехи-Чу Урус-Мартанского района на западе Чечни, где они провели ночь, в лес. Для разговоров по телефону он выезжал из селений, так как вдали от населенных пунктов его труднее было запеленговать. Сплошного леса в том районе не было — кустарник и отдельные деревья. Алла Дудаева стала готовить еду. Мужчины стояли в стороне. Дудаев запрещал подходить к нему во время разговоров по телефону, так как ранее был случай, когда во время телефонной связи по нему был нанесен авиаудар. Ракета в цель не попала.

В тот день Дудаев говорил по телефону дольше обычного, как выяснилось — с известным российским бизнесменом и политиком Конс-

тангином Боровым, который поддерживал с Дудаевым связь до тех пор, пока она не прервалась. Управляемая ракета российского штурмовика Су-24, наведенная на сигнал спутникового телефона Дудаева, разорвалась совсем близко. Дудаеву обожгло лицо, оно было желто-оранжевого цвета. Подъехала машина. Президента Чечни посадили на заднее сиденье, рядом с ним села жена. Дудаев был без сознания. С правой стороны за ухом у него была рана. Не приходя в сознание, он умер.

Похороны Государственный комитет обороны Чечни поручил Лече Дудаеву, племяннику чеченского президента. О месте захоронения Дудаева должен был знать узкий круг лиц, в том числе Зелимхан Яндарбиев, избранный после гибели Дудаева председателем ГКО и исполнявший обязанности президента Чеченской республики до выборов 1997 года. Согласно чеченским источникам, после того как в мае 1996 года в аэропорту города Нальчика были задержаны вдова чеченского президента Алла Дудаева и личный телохранитель Дудаева Муса Идигов, останки чеченского президента срочно перезахоронили. После гибели во вторую чеченскую войну Лечи Дудаева о новом месте захоронения Джохара Дудаева не знает ни один официальный источник.

Устранение Дудаева было, наверное, самой удачной операцией Хохолькова и его группы. Сам Хохольков за выполнение боевой задачи был представлен к званию Героя России, но предпочел награде должность начальника только что созданной новой структуры — УПП — и звание генерал-майора.

Летом 1996 года «Стелс» лишился поддержки в лице государственных структур и оказался полностью под контролем «измайловской» ОПГ. Единственным серьезным контактом Луценко на государственном уровне оставалось УППУРПО, которым руководил генерал Хохольков.

Поглощение оргпреступных группировок силовыми ведомствами руководству ФСБ казалось естественным и разумным шагом. Правда, логика событий все чаще и чаще толкала спецслужбы на путь чистой уголовщины. Теоретически противостоять этому должно было Управление собственной безопасности (УСБ) ФСБ. Однако реально УСБ не могло бороться против массовых преступлений, совершаемых при прямом попустительстве или участии ФСБ и СБП России. Борьбу с организованной преступностью вел теперь только уголовный розыск. В январе 1996 года на работу в Московский уголовный розыск (МУР) был переведен «последний романтик уголовного розыска» — 38-летний Владимир Ильич Цхай.

Глава 3

МУР ПРОТИВ ФСБ

Цхай возглавил 12-й отдел, специализирующийся на раскрытии заказных убийств, а уже через десять месяцев стал заместителем начальника МУРа. «Он был сыщиком от Бога, и такого больше не будет», — говорили о нем друзья. «С Цхаем было легко и интересно работать, — рассказывал следователь по особо важным делам московской городской прокуратуры Андрей Супруненко. — Грамотный, порядочный человек. Из романтиков. Он был связующим звеном между оперсоставом и следствием, верил в то, что можно поднять самые запутанные дела...»

Именно Цхай сумел разоблачить группу, занимавшуюся подделкой удостоверений силовых ведомств. Со стороны ФАПСИ подключилось УСБ этого ведомства под руководством полковника Сергея Юрьевича Барковского. Московский журналист Александр Хинштейн в одной из своих статей, видимо заказанной ФСБ, написал, что изготовлением фальшивых документов руководил сам Лазовский и что именно поэтому у его людей оказались «документы прикрытия» ФСБ, ФАПСИ, ГРУ и МО. Однако это не так. Лазовский к делу о фальшивых служебных удостоверениях, раскрытому Цхаем, вообще не имел отношения. Не-

удивительно, что Барковский в своем рассказе Лазовского не упоминает, а называет организаторами совсем других людей. Вот что говорит Барковский:

«Отличить фальшивки от настоящих документов оказалось довольно сложно даже для специалистов. Порой «липа» была даже лучшего качества. Экспертиза показала — мастерская явно одна. В результате целого комплекса оперативно-розыскных мероприятий были задержаны четыре очень даже нерядовых человека. Один из них — бывший замначальника отдела КГБ СССР, а ныне глава фирмы с симптоматичным названием «Честь». Другой — руководитель одной из московских типографий, бывший начальник типографии аппарата ЦК КПСС. В их компании был бывший лейтенант ФАПСИ, который в бытность своей службы имел отношение к оформлению пропусков. Предполагается, что именно ему принадлежала идея производства поддельных документов. И один очень талантливый гравер».

Из рассказа Барковского следует, что подделки создавались не бандитами, а бывшим номенклатурным работником (аппарат ЦК КПСС) и сотрудником спецслужбы (ФАПСИ). А если так, нельзя исключить, что и лаборатория по изготовлению качественных подделок была создана с разрешения ФСБ и ФАПСИ и ими же контролировалась.

Но вернемся к Лазовскому. Ликвидация группировки Лазовского в феврале-августе 1996 года стала главной удачей 12-го отдела МУРа.

Кадровый состав группы Лазовского не был сформирован по географическому принципу, как у обычных ОПГ. «Бригада» была интернациональной, что указывало на ее специфику. Под Лазовским работали и чеченцы, и выходцы из Казахстана, и боевики из группировок близлежащих к столице городов. Марат Васильев был москвич, Роман Полонский — из Дубны, Владимир Абросимов — из Тулы, Анзор Мусаев — из Грозного... Группа была хорошо экипирована.

С 1995 года Лазовский находился в федеральном розыске по ст. 209 (бандитизм) УК РФ. Ему вменялось в вину несколько эпизодов. Так, в декабре 1993 года группировкой Лазовского были убиты инкассаторы, перевозившие деньги для акционерного общества ММСТ, и похищены 250 тысяч долларов.

Тогда же возникли разногласия вокруг сделок, связанных с поставками нефтепродуктов, между «Ланако» и корпорацией «Виктор». 10 ян-

варя 1994 года неизвестные (очевидно, что по заказу фирмы «Виктор») обстреляли из гранатомета автомобиль председателя правления и директора фирмы «Ланако» Владимира Козловского (давшего первый слог своей фамилии в качестве третьего слога названия фирмы «Ланако»).

Чуть ли не в тот же день взорвалась бомба у двери одного из руководителей «Виктора». 12 января 1994 года у квартиры другого руководителя «Виктора» произошел столь мощный направленный взрыв, что стальная входная дверь влетела в квартиру, пробив встретившуюся на пути стену. По счастливой случайности никто из находившихся в квартире не пострадал. Но в доме начался пожар, соседи были вынуждены выпрыгивать из окон. Двое разбились насмерть, несколько человек получили ранения.

13 января неизвестные приехали в офис «Ланако» в Москве (Переделкинский пер., д. 2, корп. 3), где между ними и сотрудниками «Ланако» произошла перестрелка. Через десять минут после этого прибыл ОМОН, который взял офис штурмом (жертв по счастливой случайности не было), задержал около 60 человек и отвез в отделение, где была сделана видеозапись арестованных. После этого почти всех отпустили. На следующий день в милиции оставались только четыре охранника, имевшие при задержании оружие. Вскоре их судили. Однако за перестрелку с милицией наказание провинившиеся получили мягкое: двоих отпустили из зала суда, двоим дали по году лагерей.

4 марта 1994 года в ресторане «Дагмос» на улице Казакова между боевиками Лазовского и дагестанской банды разыгралось настоящее сражение, в котором с каждой из сторон приняло участие до тридцати человек. В результате были убиты семь человек, двое ранены. Все погибшие — члены так называемой дагестанской ОПГ.

16 июня того же 1994 года возле офиса банка «Кредит-Консенсус» из автоматов были расстреляны три члена таганской преступной группировки. Лазовский потребовал от банка заплатить ему два с половиной миллиарда рублей — проценты от спорной суммы между банком и фирмой «Росмясомолоко». Банк обратился за помощью к таганской преступной группировке, своей «крыше». Когда таганские бандиты отказались платить Лазовскому, произошел бой.

Одно из самых зверских преступлений Лазовский совершил 5 сентября 1994 года. В 1994 году между Лазовским и его партнером — совладельцем Грозненского нефтеперерабатывающего завода (НПЗ) Атланом Натаевым (давшим фирме «Ланако» две первые

буквы своей фамилии для второго слога) — начались раздоры. Последний раз Натаева видели примерно в 10 часов вечера 5 сентября 1994 года у метро «Динамо» в темно-синем «БМВ» 740-й модели, принадлежащем «Ланако», с двумя телохранителями — Робертом Руденко и Владимиром Липатовым, которые тоже исчезли. В милицию сообщать об исчезновении своих сотрудников Лазовский не стал.

По случайному стечению обстоятельств 7 сентября Региональное управление по борьбе с организованной преступностью (РУОП) под руководством Владимира Донцова произвело в офисе «Ланако» «оперативный досмотр». Во время досмотра сотрудники московского РУОПа обнаружили незарегистрированное оружие, в частности пистолеты ТТ. Однако этот факт не привлек к себе должного внимания. Задержан никто не был.

Как выяснилось позже, Натаев, Руденко и Липатов были похищены Полонским и Щеленковым и отвезены под Москву, на дачу в поселок Академии наук. Там Натаева убили, после чего отрезали у трупа голову. Затем вместе с пленными телохранителями труп вывезли в Ярославскую область, на торфяные болота, где расстреляли и обезглавили Руденко и Липатова. Всех троих зарыли в торф. В 1996 году три трупа выловили из торфа сотрудники МУРа. У Натаева нашли удостоверение офицера генштаба.

18 сентября в Москву прибыл обеспокоенный брат Натаева. Лазовский вызвал его на разговор на автостоянку своего дяди Николая Лазовского на улице Буракова. Хозяин автостоянки отпустил домой охрану, чтобы не было свидетелей, а когда второй Натаев прибыл на встречу, Щеленков, Полонский и Гришин встретили его огнем из автоматов, пистолетов и даже обреза охотничьего ружья. Отстреливаясь, Натаев произвел 14 выстрелов и, перед тем как был убит сам, сразил Полонского и Гришина. Огонь был настолько интенсивным, что на стоянке загорелось несколько машин. Подоспевшая милиция застала только лужи крови и стреляные гильзы. А еще через несколько минут с подстанции «скорой помощи» поступило сообщение, что у врачей находится труп Полонского. (На улице Короленко шестеро неизвестных перегородили дорогу «Волгой», остановили автомобиль «скорой» и передали медикам тело Полонского).

Группа Лазовского совершила также убийство гендиректора туапсинского нефтеперерабатывающего завода Анатолия Василенко. Василенко, являвшийся давним партнером «Ланако», был застрелен в

Туапсе перед собранием учредителей. По оперативным данным, незадолго до этого Лазовский чартерным рейсом летал в Туапсе на встречу с Василенко (в аэропорту Лазовского встречали сотрудники туапсинского ФСБ) и, видимо, не нашел с ним общего языка. Подозревался Лазовский и в похищении в 1996 году депутата Госдумы Ю.А.Полякова. Однако это дело осталось «висяком».

Очевидно, что до перевода Цхая на работу в МУР Лазовского не искали. После взрыва на Яузе «Ланако» не заинтересовались прежде всего потому, что фирма была эфэсбэшной. По сообщению МУРа, «документы прикрытия» использовали почти все члены группы Лазовского, причем речь шла не о подделках, а о подлинных документах. Из этого сотрудники МУРа сделали вывод, что «Ланако» тесно связана со спецслужбами, тем более что сам Лазовский участвовал в операциях по вызволению из чеченского плена сотрудников Лубянки.

Руководителей фирмы «Ланако» неоднократно замечали и даже задерживали в компании офицеров ФСБ, Московским управлением которой в то время заведовал Савостьянов. Личную охрану Лазовского и службу безопасности его фирмы возглавлял действующий офицер Московского управления по незаконным вооруженным формированиям УФСБ майор Алексей Юмашкин. Сотрудниками Юмашкина были офицеры ФСБ Карпычев и Мехков (именно они во время одного из задержаний милицией Лазовского достали удостоверения ФСБ и были вместе с Лазовским отпущены). Близкий друг и соратник Лазовского Роман Полонский носил в кармане удостоверение сотрудника ГРУ и офицера генштаба (когда 18 сентября 1994 года Полонского застрелили на автостоянке на улице Буракова, на поясе у него висела кобура, а в кармане лежало удостоверение сотрудника ГРУ Минобороны России).

В феврале 1996 года оперативники МУРа выследили Лазовского в Москве на квартире некоего Тростанецкого, проживавшего на Садово-Самотечной улице. Во дворе этого дома Лазовского и его телохранителя Марсея Харисова арестовали при посадке в джип, за рулем которого сидел Юмашкин. Задерживал Лазовского лично Цхай. Он же добился санкции на арест и обыск. При обыске у Лазовского нашли 1,03 г кокаина и заряженный пистолет ПМ, а в квартире Тростанецкого изъяли револьвер, гранату и охотничье ружье. Наркотики и незарегистрированный пистолет ТТ муровцы нашли также у Харисова. Обоих отвезли в следственный изолятор (СИЗО) ФСБ в Лефортово, где на вопросы следователей они отвечать отказались. Юмашкина забрал из-под ареста дежурный офицер УФСБ.

Кроме МУРа, разработкой Лазовского занимался 1-й отдел Управления по борьбе с терроризмом (УБТ) ФСК РФ. С 1994 года дело это вел старший оперуполномоченный по особо важным делам майор Евгений Макеев. Начальником 1-го отдела в то время был Александр Михайлович Платонов. Уже тогда оперативные работники понимали, что такое Лазовский и кто за ним стоит, поэтому Платонов предупредил Макеева, что дело важное и сложное, посадил его в маленький кабинет на девятом этаже реконструированного старого здания Лубянки вместе с еще одним сотрудником и попросил материалы дела оперативного учета ни с кем не обсуждать. Сотрудником, оказавшимся в кабинете Макеева, был Александр Литвиненко. Именно от Макеева он впервые услышал, что Московское управление ФСБ превратилось в банду преступников.

Однако в 1995 году Платонова отстранили от оперативной работы. Начальником отдела стал подполковник Евгений Александрович Колесников (сегодня он уже генерал-майор), пришедший в ФСБ из ФСО после того, как в июне 1995 года Барсуков был назначен директором ФСБ. Работа по разработке группировки Лазовского в ФСБ была блокирована. Санкции на проведение мероприятий по Лазовскому продолжал давать только заместитель начальника отдела полковник Анатолий Александрович Родин, назначенный еще при Платонове. Тогда Родин и Макеева уволили.

Всего по делу Лазовского и «Ланако» МУРом были установлены как причастные к банде Лазовского шесть оперативников Московского УФСБ, что не осталось незамеченным журналистами. 11 ноября 1996 года «Новая газета» опубликовала запрос депутата Госдумы, заместителя главного редактора «Новой газеты» Юрия Щекочихина:

Директору ФСБ Российской Федерации Ковалеву Н.Д.
Копии: Министру МВД Российской Федерации Куликову А.С.
Генеральному прокурору Российской Федерации
Скуратову Ю.И.
Главе Администрации Президента Российской Федерации
Чубайсу А.Б.

В Комитет по безопасности Государственной думы России на мое имя поступило письмо от одного из высокопоставленных офицеров МВД РФ. В нем, в частности, утверждается, что «в последнее время намечается тенденция сращивания организованных

преступных группировок с сотрудниками правоохранительных органов и спецслужб». Для того чтобы иметь возможность подтвердить или опровергнуть вывод, сделанный автором письма, прошу Вас ответить на ряд нижеследующих вопросов:

1. Числятся ли в личном составе УФСБ по Москве и Московской области названные в письме люди: Карпычев С.Н., Мехков С.Н., Юмашкин А.А., Абовян Э.А., Дмитриев Л.А., Докукин А.А.?

2. Правда ли, что ранее судимый президент фирмы «Витязь», специализирующейся на операциях с нефтью, Сергей Петрович Кублицкий с прошлого года использует в качестве личных телохранителей сотрудников УФСБ РФ по Москве и Московской области Карпычева С.Н. и Мехкова С.Н. и в их сопровождении неоднократно встречался с руководством Туапсинского нефтеперерабатывающего завода и представителями фирмы «Атлас», владеющей контрольным пакетом акций НПЗ?

3. Правда ли, что следователи прокуратуры г. Краснодара неоднократно пытались допросить в качестве свидетеля по уголовному делу об убийстве директора Туапсинского НПЗ сотрудника УФСБ по Москве и Московской области майора Юмашкина А.А., выполняющего в том числе функции личной охраны лидера межрегиональной преступной группировки Лазовского М.М., но так и не смогли этого сделать? Насколько соответствуют действительности сведения о том, что, начиная с 1994 года, майор Юмашкин А.А. является близким деловым партнером Лазовского и неоднократно вместе с ним приезжал в г. Туапсе и г. Краснодар, где они вдвоем решали вопросы, связанные с нефтяным бизнесом?

4. Правда ли, что 17 февраля текущего года работниками МВД РФ вместе с Кублицким С.П. и Лазовским М.М. были задержаны сотрудники УФСБ РФ по Москве и Московской области Юмашкин А.А., Карпычев С. Н., Мехков С.Н.? Если да, то насколько верно то, что после проверки предъявленных Карпычевым и Мехковым удостоверений сотрудников ФСБ их обоих отпустили? Были ли уведомлены о задержании сотрудников УФСБ по Москве и Московской области руководство ФСБ РФ и первый заместитель министра МВД РФ генерал-лейтенант Колесников В.И.? Действительно ли арестованный Лазовский подозревается правоохранительными органами и Прокуратурой РФ в совер-

шении ряда заказных убийств? Допрашивался ли по ходатайству специалистов из правоохранительных органов Краснодарского края, расследующих убийство директора Туапсинского НПЗ, задержанный Кублицкий?

5. Правда ли, что 16 октября прошлого года сотрудники Московского РУОП задержали Янина А.Н., 1958 г.р., проживающего в Москве, среди изъятых документов которого находилась квитанция на сданный в камеру хранения Центрального аэровокзала багаж? Верно ли, что в багаже Янина милиционеры обнаружили не значащиеся в картотеке МВД РФ 5 автоматов АКС-74У, 5 магазинов к АКС, 30 патронов калибра 5,45 и 3 патрона калибра 7,62? Справедливо ли утверждение о том, что это оружие было изъято у преступных группировок и, согласно документам, хранилось в УФСБ по Москве и Московской области? Истинна ли информация о том, что, после того как в СКМ [Служба криминальной милиции] «Аэропорт» 17.10.95 следователем Шолоховой в отношении Янина А.Н. было возбуждено уголовное дело номер 1646 по ст. 218 4.1 УК РСФСР, в РУОП прибыли два сотрудника службы по борьбе с незаконными вооруженными формированиями и бандитизмом УФСБ по Москве и Московской области, один из которых, полковник Эдуард Арташесович Абовян, добился освобождения из-под стражи задержанного Янина? Если да, то имел ли полковник Абовян, настаивая на освобождении Янина, основания утверждать и утверждал ли вообще, что он выполняет задание своего непосредственного начальника — генерала Семенюка, причем с ведома первого заместителя директора ФСБ РФ, начальника УФСБ по Москве и Московской области генерала Трофимова? Имеет ли полковник Абовян свободный доступ к специальной технике и оружию, находящимся в распоряжении УФСБ по Москве и Московской области, в том числе к изделию «Грач-Гранит»? Какое отношение, если оно существует, имеет полковник Абовян к коммерческой деятельности банка «Мосинрасчет» и комбината «Тверское пиво»?

6. Правда ли, что 17 октября с. г. сотрудники РООП Северного округа г. Москвы задержали машину БМВ-525 со съемными номерами 41-34 МОК, которой ранее активно пользовался уже упоминавшийся мною Кублицкий С.П., в криминальных кругах больше известный как Воркута? Находились ли в задержанном

автомобиле не имевшие на него никаких документов водитель и три пассажира, предъявившие сотрудникам РООП два удостоверения работников УФСБ по Москве и Московской области: на имя капитана Дмитриева Л.А. и прапорщика Докукина А.А., после чего были отпущены?

С уважением
Юрий ЩЕКОЧИХИН,
член Комитета по безопасности Государственной думы РФ

Упомянутый в запросе Щекочихина полковник ФСБ Абовян, работавший в отделе по борьбе с незаконными бандитскими формированиями, был куратором Лазовского по линии ФСБ.

23 ноября 1996 года первый заместитель министра внутренних дел Владимир Колесников направил Щекочихину в комитет Госдумы ответ, в котором сообщил: «Действительно... в ходе проведенных в г. Москве мероприятий по захвату вооруженных преступников, помимо Лазовского, в числе доставленных в органы внутренних дел оказались лица, предъявившие удостоверения личности от имени правоохранительных и иных государственных служб... Принятыми мерами в настоящее время Лазовскому и другим соучастникам вменяется более 10 умышленных убийств в различных регионах России»...

Итак, Колесников ушел от ответов на конкретные вопросы, поставленные в запросе Щекочихина. Оставалось только ждать суда над преступниками.

Дважды со Щекочихиным встречался директор ФСБ Ковалев. В конце года Щекочихин получил от него два ответа — одинаковых по сути. Один, секретный, остался в архивах Госдумы. Другой, открытый, Щекочихин сделал достоянием общественности:

«По фактам и обстоятельствам, изложенным в депутатском запросе в «Новой газете», Федеральной службой безопасности проведено служебное расследование... Как показало разбирательство, в их [сотрудников УФСБ] действиях имели место определенные отступления от требований ведомственных нормативных актов, что в сочетании с недостатком практического опыта и профессионализма и могло послужить причиной инцидента, привлечшего Ваше внимание.

При этом особую озабоченность вызывает то обстоятельство, что конфликт произошел между сотрудниками двух ведомств,

ведущих оперативно-служебную деятельность в криминальной среде. Вместе с тем, несмотря на это досадное недоразумение, основная задача решена — банда Лазовского обезврежена...»

Особую озабоченность Ковалева вызвало не сотрудничество УФСБ Москвы и Московской области с организованными преступными группировками, террористами и криминальными «авторитетами», а действия сотрудников МУРа во главе с Цхаем. Что касается самих сотрудников УФСБ, то в их поведении Ковалев усмотрел лишь «определенные отступления от требований ведомственных нормативных актов». По-своему Ковалев был прав. Принципиальной разницы между сотрудниками спецслужб и боевиками Лазовского он не видел, а потому искренне не мог понять Щекочихина.

Служебного расследования по линии ФСБ, разумеется, никто не проводил, уволен никто не был. Абовяну, кажется, изменили фамилию и оставили на службе. В суд или военную прокуратуру материалы проверок переданы не были. От первого заместителя главного военного прокурора генерал-лейтенанта юстиции Г.Н.Носина был получен ответ следующего содержания: «По результатам проверки в отношении офицеров УФСБ по Москве и Московской области, упомянутых в письме, в возбуждении уголовного дела отказано». Про Юмашкина московское УФСБ на запрос корреспондента «Коммерсанта» честно сообщило, что Юмашкин выполнял спецзадание по контролю за действиями банды Лазовского. В 1997 году майор Юмашкин все-таки засветился и стал фигурантом в уголовном деле по факту заказных убийств, возбужденном Таганской прокуратурой Москвы. Но, поскольку, видимо, и при организации заказных убийств Юмашкин выполнял очередное спецзадание, он продолжал служить в московском УФСБ и в 1999 году получил очередное воинское звание подполковника.

Единственной жертвой депутатского запроса Щекочихина стал начальник московского УФСБ, заместитель директора ФСБ России Анатолий Трофимов, отстраненный от должности в феврале 1997 года. Пресс-секретарь президента России Сергей Ястржембский заявил, что Трофимова отстранили «за грубые нарушения, вскрытые проверкой Счетной палаты РФ, и упущения в служебной деятельности».

Согласно другой версии, Трофимова уволили как раз за то, что он попытался разобраться в сути запроса Щекочихина. Рассказывают, что, прочитав запрос, Трофимов вызвал к себе одного из замов и при-

казал ему подготовить бумаги на увольнение всех упомянутых в нем сотрудников. А в результате уволили самого Трофимова, воспользовавшись скандалом, вызванным арестом двух его подчиненных. Они были арестованы МУРОм и Главным управлением по незаконному обороту наркотиков за торговлю кокаином. Трофимов был уволен через два дня после того, как СМИ сообщили о задержании наркодельцов со служебными удостоверениями офицеров московского УФСБ.

Следует подчеркнуть, что тема вовлечения конкретных сотрудников (и ФСБ в целом) в террористическую деятельность, списываемую на чеченцев, не поднималась ни в запросе Щекочихина, ни в ответах официальных лиц. На суде никто из сотрудников силовых ведомств, обвиненных согласно заявлению Колесникова в общей сложности в более чем десяти убийствах, найден виновным не был. 31 января 1997 года Лазовский и Харисов предстали перед Тверским судом, который длился всего три дня. Подсудимых обвинили в хранении оружия, наркотиков и подделке документов ФАПСИ и МО. О терактах и заказных убийствах никто из прокуроров и судей не заикнулся. Адвокаты справедливо доказывали, что подделки документов не было, так как подсудимые носили подлинные документы сотрудников спецслужб и силовых ведомств, — и пункт о подделке документов из обвинения пришлось исключить. В уголовном деле вообще не было данных об использовании подсудимыми фальшивок (что само по себе явилось веским аргументом в пользу слияния структур Барсукова — Ковалева — Лазовского). Хранение и перевозка наркотиков также исчезли из обвинения, иначе Лазовского и Харисова пришлось бы судить за наркотики, а это серьезная статья.

Адвокат Лазовского Борис Кожемякин пытался отвести и обвинение в хранении оружия. Он утверждал, что в момент задержания Лазовский и Харисов находились вместе с сотрудником УФСБ Юмашкиным, с которым провели значительную часть дня, что Лазовский и Харисов находились при исполнении задания спецслужб и именно для этого они получили оружие и «документы прикрытия». Однако вопрос о сотрудничестве Лазовского и Харисова со спецслужбами судью Елену Сташину почему-то не заинтересовал, а представители УФСБ явиться в суд отказались. В результате подсудимые все-таки были признаны виновными в незаконном хранении оружия и приговорены беспристрастным судом к двум годам лишения свободы и штрафу в 40 млн рублей каждый. Выслушав приговор, Борис Кожемякин заявил, что рассчитывал на более мягкое наказание.

Свой срок Лазовский отбывал в одной из зон под Тулой вместе с подельником — телохранителем Харисовым (что категорически запрещает инструкция). В зоне Лазовский вербовал из числа уголовников в свою группу новых боевиков, штудировал Библию и даже написал трактат о благоустройстве России. В феврале 1998 года он вышел, так как ему зачли время, проведенное под следствием.

Между тем к лету 1996 года Россией была проиграна война в Чечне. Военные действия нужно было прекращать, а с чеченскими сепаратистами — вести политические переговоры. С большим трудом развязанный спецслужбами межнациональный конфликт на Северном Кавказе грозил завершиться мирным соглашением.

Чтобы сорвать мирные переговоры, ФСБ провела в Москве серию терактов. Поскольку взрывы без жертв на москвичей должного впечатления не производили, ФСБ приступила к терактам с жертвами. Обратим еще раз внимание на то, насколько своевременно производятся теракты сторонниками войны и насколько невыгодны они сторонникам мира в России и самим чеченцам.

11 июня 1996 года в десятом часу вечера на Серпуховской линии московского метро, станция «Тульская», прогремел взрыв в полупустом вагоне поезда. Четверо погибли, двенадцать человек были госпитализированы. 11 июля, ровно через месяц, происходит теракт в троллейбусе 12-го маршрута на Пушкинской площади: шестеро ранены. На следующий день, 12 июля, взрывом уничтожается троллейбус 48-го маршрута на проспекте Мира. Двадцать восемь человек ранены. По Москве упорно распространяется информация о «чеченском следе» терактов (хотя террористов не поймали и, соответственно, не определили, чеченцы они или нет). Мэр города Юрий Лужков прямо на месте взрыва последнего троллейбуса, до проведения предварительного расследования, объявил, что высылит из Москвы всю чеченскую диаспору, хотя у мэра не было никаких доказательств.

Однако вторая волна террора, как и первая, не привела к резким изменениям в общественном мнении. В начале августа 1996 года боевики с боями прорвались в Грозный, а в конце августа секретарем СБ Александром Лебедем и новым президентом Чечни Асланом Масхадовым были подписаны Хасавюртовские соглашения. Сторонники войны в Чечне проиграли. Террористические акты в Москве прекратились — до начала новой операции ФСБ по разжиганию очередной чеченской войны.

Кто именно из сотрудников ФСБ организовывал взрывы в Москве летом 1996 года, сказать трудно. Лазовский был под арестом. Но очевидно, что в распоряжении ФСБ было много аналогичных структур, причем не только в Москве. Так, 26 июня 1996 года газета «Сегодня» опубликовала заметку об эфэсбешной преступной организации в Санкт-Петербурге. Она состояла «преимущественно из бывших сотрудников КГБ». Создав несколько фирм, бывшие чекисты кроме «чистой» коммерции торговали пистолетами, взрывчаткой и наркотиками, а также занимались переправкой из Германии в Россию угнанных «Мерседесов» и «БМВ».

Наконец, взрывы в Москве могли организовывать оставшиеся на свободе люди группировки Лазовского. Основания для этой версии серьезные.

В феврале 1996 года в Москве возле ломбарда на Большой Спасской улице сотрудники МУРа при попытке продать револьвер «Таурус» задержали некоего Владимира Акимов, оказавшегося бывшим шофером Лазовского. Под влиянием сообщений СМИ о новой волне терактов на транспорте в Москве в июне-июле 1996 года находящийся под следствием Акимов стал давать показания о взрыве автобуса 27 декабря 1994 г. «Сегодня, находясь в СИЗО-48/1 и видя политическую ситуацию по телевизору, — писал Акимов, — считаю своим долгом сообщить о взрыве автобуса...».

Акимов сообщил, что 27 декабря вместе с Воробьевым выехал на «рекогносцировку» к автобусной остановке «ВДНХ-Южная» на «Жигулях». Были намечены пути отхода. Вечером того же дня на той же машине, оставив ее недалеко от конечной автобусной остановки, Акимов и Воробьев вернулись на проспект Мира, где сели в «ЛиАЗ» 33-го маршрута. Когда в автобусе осталось несколько пассажиров, показал далее Акимов, он и Воробьев заложили бомбу мощностью в 400 г аммонита под сиденье у правого заднего колеса. Выйдя на конечной остановке, Акимов пошел прогревать машину, а Воробьев привел бомбу в действие с помощью дистанционного устройства.

Утром 28 августа 1996 года к тому времени отставной подполковник Воробьев был арестован Цхаем в момент, когда шел на встречу с сотрудником ФСБ, и доставлен в МУР на Петровку, 38, где он, если верить приговору суда, все без утайки рассказал столичным сыщикам, в том числе и то, что является внештатным сотрудником ФСБ.

Вскоре Акимов от своих показаний отказался, хотя они были даны в письменной форме. Отказался от своих показаний и Воробь-

ев. Мосгорсуд под председательством Ирины Куличковой, очевидно, под давлением ФСБ, снял с Акимова обвинение в соучастии в теракте и приговорил к трем годам за незаконную продажу револьвера. Так как обвинительный приговор выносился в конце апреля 1999 года и свои три года он провел под следствием, Акимов вышел из зала суда на волю.

Воробьев, в свою очередь, был приговорен к пяти годам лагерей. Суд был закрытым. В зал заседаний не пустили даже родственников подсудимого. ФСБ дала Воробьеву как своему сотруднику положительную характеристику, которая была подшита в уголовное дело. В последнем слове Воробьев заявил, что дело против него сфабриковано теми, кто хочет бросить тень на ФСБ и на него как внештатного агента спецслужбы. Сам приговор он объявил «издевательством над спецорганами». Позже Верховный суд РФ снизил Воробьеву срок до трех лет (которые Воробьев к тому времени фактически провел в заключении). В конце августа 1999 года Воробьев вышел, хотя и Акимов, и следователи считали его причастным к терактам 1996 года. ФСБ еще раз доказала, что не бросает своих сотрудников и в конечном итоге добивается их освобождения.

О причастности к летним взрывам группировки Лазовского Цхаю стало известно из еще одного источника — от Сергея Погосова. В конце лета — начале осени 1996 года от оперативного источника была получена информация, что в Москве в центре города (в районе Нового Арбата, недалеко от Дома книги и кинотеатра «Октябрь») в квартире 100—150 кв. м на верхнем этаже проживает некто Сергей Погосов. В квартире на первом этаже того же дома находился офис его фирмы. По имевшимся оперативным данным, Погосов был непосредственно связан с Лазовским и его боевиками. Были установлены и взяты на контроль телефоны Погосова: домашний 203-1469, рабочий 203-1632 и мобильный 960-8856. Они прослушивались в течение двух недель по заданию 1-го отдела Управления антитеррористического центра (АТЦ) ФСБ (бывший УБТ). Из прослушивания стало известно, что Погосов оплачивает адвокатские расходы арестованного Лазовского и собрал крупную сумму на взятки для его освобождения. На квартире Погосова также хранились деньги, предназначавшиеся для боевиков Макса.

Информация была доложена Цхаю, который лично получил в прокуратуре санкцию на проведение обыска в квартире и офисе Погосова в рамках расследования уголовного дела Лазовского. Через несколько

дней обыск был проведен 12-м отделом МУРа совместно с 1-м отделом АТЦ ФСБ РФ (бывшими подчиненными Платонова). Обыск длился почти до утра. В квартире Погосова под кроватью нашли мешок, в котором находились 700 тысяч долларов. Рубли никто даже не брался подсчитывать, так как они лежали везде, даже на кухне в банках из-под крупы. Кроме того, в квартире обнаружили кокаин (подруга Погосова была наркоманкой). В офисе на первом этаже были найдены мобильные телефоны, один из которых был зарегистрирован на Лазовского. Погосова и его подругу забрали в милицию, но в тот же день арестованных увез сотрудник московского УФСБ. Изымать деньги милиция не стала. Налоговики заявили, что к ним все это не имеет отношения, и вообще не приехали. Уголовного дела по факту обнаружения кокаина не завели. Получалось, что ни деньги, ни хозяин квартиры никого не заинтересовали.

Зная нравы, царящие в российских силовых ведомствах, Погосов решил, что пришедшие к нему люди его вывезут и убьют. Чтобы спасти себя, он дал подписку о готовности сотрудничать (под псевдонимом Григорий) и рассказал одному из оперативных сотрудников о делах Лазовского и его связях в московском УФСБ.

От Макса Погосов знал, что его бригада — не бандиты, а скорее секретное воинское подразделение, решающее государственные задачи, устраняющее людей по приказу, организующее провокации и террористические акты. «Макс» был только исполнитель. Исходят приказы от руководства.

На вопрос о деньгах Погосов сообщил, что деньги — Лазовского, что сам Погосов — посредник, а легальным прикрытием деятельности является поставка в Россию сигарет «Парламент», что само по себе дает неплохой доход. Погосов высказал мнение, что Лазовский скоро выйдет на волю, так как не раскололся на следствии, никого не сдал, вел себя «достойно». В деятельность группировки Погосов искренне советовал не вмешиваться, объяснив, что в противном случае у Цхая возникнут серьезные проблемы.

Через несколько дней после освобождения Погосова у него состоялась вторая и последняя встреча с завербованным его оперативным сотрудником. Прежде всего Погосов предложил деньги в обмен на возвращение подписки о сотрудничестве. Он рассказал, что кураторы из московского УФСБ были крайне недовольны его подпиской и предложили Погосову документ «выкупить». Прямые угрозы были высказаны кураторами из московского УФСБ в адрес Цхая.

Расписку Погосову не вернули, взятку не приняли. На следующий день о вербовке агента Григория было официально доложено начальству. А еще через несколько дней в кабинете оперативного сотрудника, завербовавшего Погосова, раздался звонок из московского УФСБ. Звонили по поручению руководства и вежливо посоветовали оставить Погосова в покое, угрожая в противном случае расследованием о якобы похищенных во время обыска у Погосова деньгах.

Григория оперативный сотрудник больше не видел. Агентурных сведений от него не получал. 12 апреля 1997 года в возрасте 39 лет Цхай скоропостижно скончался от цирроза печени, хотя не пил и не курил. Ходят слухи, что он был отравлен ФСБ именно потому, что докопался до истинных руководителей группировки Лазовского и понял, кто именно организовывал в Москве взрывы летом 1996 года. Яды типа того, которым могли отравить Цхая, готовились в специальной лаборатории ФСБ, находящейся, по некоторым данным, в Москве по адресу Краснобогатырская улица, д. 42. В этом же здании, говорят, печатались и высококачественные фальшивые доллары, которыми ФСБ расплачивалась за заказные убийства и другие контрразведывательные операции. Лаборатории эти существовали еще с советских времен (считалось, что доллары печатаются на случай войны).

15 апреля 1997 года после отпевания в Богоявленском соборе Цхай был похоронен на Ваганьковском кладбище. Дело о группировке Лазовского после смерти Цхая распалось на эпизоды. Предположительно группировкой Лазовского занимались затем по линии МУРа Петр Астафьев, Андрей Потехин, Игорь Травин, В. Будкин, А. Базанов, Г. Богуславский, В. Бубнов, А. Калинин, а также следователь по особо важным делам Управления по расследованию бандитизма и убийств Мосгорпрокуратуры Андрей Борисович Супруненко, впервые допрашивавший Лазовского еще в 1996 году.

После освобождения в феврале 1998 года Лазовский купил себе роскошный особняк в элитном поселке Успенское Одинцовского района Подмосковья (по Рублевскому шоссе), создал фонд «содействия миру на Кавказе» под названием «Единение», в котором занял должность вице-президента, и продолжал сотрудничать со спецслужбами. Разрабатывал Лазовского в тот период сотрудник Управления уголовного розыска ГУВД Московской области Михаил Фонарев. Однако подробности о деятельности Лазовского в 1998-2000 годах неизвестны.

Глава 4

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧ ПАТРУШЕВ

(биографическая справка)

Если в первую чеченскую войну 1994–1996 годов госбезопасность пыталась предотвратить разворот России в сторону либерально-демократического развития, политические задачи второй войны были куда серьезней: спровоцировать Россию на войну с Чечней и в начавшейся суматохе захватить власть в России на ближайших (2000 года) президентских выборах. «Честь» разжигания войны выпала на долю нового директора ФСБ генерал-полковника Патрушева.

Патрушев родился 11 июля 1951 года в Ленинграде. В 1974 году окончил приборостроительный факультет Ленинградского Кораблестроительного института. Был распределен в институтское конструкторское бюро, где работал инженером, но буквально через год, в 1975 году, был приглашен в КГБ. Окончил годичные курсы повышения квалификации Высшей школы КГБ СССР по специальности «правовед». После окончания курсов служил в Ленинградском управлении. Был младшим уполномоченным, начальником городского отделения, заместителем начальника райотдела, начальником службы по борьбе

с контрабандой и коррупцией Управления КГБ по Ленинграду и области. К 1990 году дослужился до чина полковника. До 1991 года состоял в коммунистической партии.

В 1990 году Патрушев был переведен в Карелию, где сначала возглавил местное управление контрразведки. С июня 1992 года был министром безопасности Карелии. В 1994 году директором ФСК стал ленинградец Степашин, забравший Патрушева в Москву на должность руководителя одного из ключевых подразделений Лубянки — Управления собственной безопасности ФСК РФ. УСБ ФСК — контрразведка в контрразведке, отдел по сбору компромата на сотрудников ФСК. Начальник УСБ — самое доверенное лицо директора ФСК-ФСБ и подчиняется лично директору.

Переводом в Москву Степашин спас Патрушева от серьезного скандала. В Карелии он попался на хищении и контрабанде дорогостоящей карельской березы, причем по факту преступления прокуратура Петрозаводска возбудила уголовное дело, где изначально Патрушев проходил свидетелем. В ходе следствия, однако, фактически была доказана его вина как соучастника. Вот тут-то Степашин и перевел Патрушева в Москву на очень высокий пост. Для прокуратуры Карелии Патрушев стал недосягаем. Начальник УФСБ по Республике Карелии, Василий Анкудинов, который мог бы нам многое рассказать о карельской березе, удачно для Патрушева скончался на 56-м году жизни 21 мая 2001 года.

В июне 1995 года Степашина на посту директора ФСК сменяет Михаил Барсуков. Барсукова летом 1996 — Николай Ковалев. Но Барсуков и Ковалев не считают Патрушева своим человеком и не продвигают по службе. Тогда знавший Патрушева по Ленинграду Владимир Путин, возглавивший к тому времени Главное контрольное управление (ГКУ) президента, приглашает своего старого знакомого на должность первого зама. Патрушев уходит к Путину.

Дальнейший стремительный рост карьеры Патрушева связан с повышением Путина. Став в мае 1998 года первым заместителем главы кремлевской администрации, Путин продвигает Патрушева на вакантное место начальника ГКУ президента. В октябре того же года Патрушев возвращается на Лубянку сначала заместителем Путина, назначенным на эту должность указом Ельцина 25 июля 1998 года, а затем первым заместителем директора ФСБ Путина.

29 марта 1999 года Ельцин назначает Путина секретарем Совета безопасности РФ, сохраняя за ним должность директора ФСБ, а 9 августа 1999 года — премьер-министром России. Подводя итог пер-

вым месяцам его правления, «Новая газета» писала: «Давным-давно в весьма демократической стране престарелый президент вручил должность канцлера (преьера) молодому энергичному преемнику. После этого загорелся рейхстаг... Историки так и не ответили на вопрос, кто его поджег, история показала, кому это было выгодно». В России же «престарелый Гарант вручил должность премьер-министра преемнику, которому еще предстоит демократично избраться. Тут же взорвались жилые дома, началась новая чеченская война, которую воспевают оберлжецы».

Эти потрясшие страну события очевидным образом связаны с выдвижением еще одного человека: в день, когда премьер-министром России стал Путин, Патрушев получил пост директора ФСБ. Знающие люди утверждают, что Путин был обречен продвигать Патрушева из-за наличия у Патрушева серьезного компромата на Путина. 17 августа 1999 года Николай Платонович Патрушев был назначен директором Федеральной службы безопасности России.

И началось...

Глава 5

ПРОВАЛ ФСБ В РЯЗАНИ

Очень важно, когда совершается преступление, задерживать сотрудников именно по горячим следам.

Николай Патрушев — о событиях в Рязани.

«Итоги», 5 октября 1999 г.

В сентябре 1999 года в Буйнакске, Москве и Волгодонске произошли чудовищные террористические акты.

Начнем с теракта, который мог оказаться самым страшным, но был предотвращен. 22 сентября случилось незапланированное: в Рязани сотрудники ФСБ были замечены при закладывании «сахарных» мешков с гексогеном в спальном микрорайоне Дашково-Песочня.

В 21.15 водитель футбольного клуба «Спартак» Алексей Картофельников — житель дома № 14/16 по улице Новоселов, одноподъездной двенадцатизэтажки, построенной более двадцати лет назад, позвонил в Дашково-Песочнинское отделение Октябрьского РОВД (районное отделение внутренних дел) Рязани. Он сообщил, что десять минут назад видел у подъезда своего дома, где на первом этаже находится кругло-

суточный магазин «День и ночь», «Жигули» пятой или седьмой модели белого цвета с московскими номерами Т 534 ВТ 77 RUS. Машина въехала во двор и остановилась. Мужчина и молодая женщина вышли из салона, спустились в подвал и через некоторое время вернулись. Потом машина подъехала вплотную к подвальной двери, и все трое пассажиров начали перетаскивать внутрь какие-то мешки. Один из мужчин был с усами. Женщина была в тренировочном костюме. Затем все трое сели в машину и уехали.

Отметим, что сам Картофельников действовал оперативно. Нерасторопно сработала милиция. «Эти белые «Жигули-семерку» я увидел, когда шел из гаража,— вспоминал Картофельников. — По профессиональной привычке обратил внимание на номера. Вижу — на них номер региона заклеен бумагой, а на ней — рязанская серия 62. Побегал домой — в милицию звонить. Набрал 02, а там мне с такой ленцой отвечают: звони по такому-то телефону. Звоню туда — занято. Минут десять номер набирал, пока дозвонился. За это время террористы успели мешки в подвал занести и детонаторы поставить. [...] Если бы я сразу дозвонился до милиции, [...] террористов задержали бы прямо в машине».

Приехавшие в 21.58 по московскому времени сотрудники милиции под командой прапорщика милиции Андрея Чернышева обнаружили в подвале жилого 77-квартирного дома три 50-килограммовых мешка из-под сахара. Чернышев, первым вошедший в заминированный подвал, вспоминает:

«Около десяти поступил сигнал от дежурного: в доме на улице Новоселов, 14/16, видели выходящих из подвала подозрительных людей. Возле дома нас встретила девушка, которая и рассказала о человеке, вышедшем из подвала и уехавшем на машине с заклеенными номерами. Одного милиционера я оставил у подъезда, а с другим спустился в подвал. Подвал в этом доме глубокий и полностью залит водой. Единственное сухое место — маленький закуточек, такой каменный чулан. Посветили фонариком — а там несколько мешков из-под сахара, сложенных штабелем. Верхний мешок надрезан, и виднеется какое-то электронное устройство: провода, обмотанные изолентой, часы... Конечно, с нами сразу шок небольшой был. Выбежали из подвала, я остался охранять вход, а ребята пошли жителей эвакуировать. Минут через пятнадцать подошло подкрепление, приехало на-

чальство из УВД. Мешки с взрывчаткой доставали сотрудники МЧС в присутствии представителей ФСБ. Конечно, после того как наши взрывотехники их обезвредили. Никто не сомневался, что ситуация была боевая».

Итак, один из мешков был надрезан. Внутри вложен часовой взрыватель кустарного производства. Он состоял из трех батареек, электронных часов и самодельного детонатора. Взрыватель был установлен на 5.30 утра четверга. Взрывотехники инженерно-технологического отдела милиции УВД Рязанской области под руководством начальника отдела старшего лейтенанта милиции Юрия Ткаченко за одиннадцать минут обезвредили бомбу и тут же, примерно в 11 вечера, произвели пробный подрыв смеси. Он не вызвал детонации то ли из-за малого количества пробы, то ли из-за того, что саперы взяли пробу вещества с верхних слоев, тогда как основная концентрация гексогена могла находиться внизу мешка. Экспресс-анализ находящегося в мешках вещества, произведенный с помощью газового анализатора, показал «пары взрывчатого вещества типа гексоген». Ошибки быть не могло: приборы были современными и исправными, а квалификация специалистов, проводивших исследования, высокой.

Внешне содержимое мешков не было похоже на сахарный песок. Свидетели позднее в один голос утверждали, что в мешках было вещество желтого цвета, в гранулах, напоминавших мелкую вермишель. Именно так выглядит гексоген. Пресс-центр МВД России 23 сентября также сделал заявление о том, что «при исследовании указанного вещества обнаружено наличие паров гексогена», а взрывное устройство обезврежено. Иными словами, в ночь на 23 сентября силами местных экспертов было определено, что взрыватель был боевым, а «сахар» — взрывчатой смесью. «Наш предварительный осмотр показал наличие взрывчатых веществ. [...] Мы считали, что угроза взрыва была реальной», — заявил впоследствии начальник Октябрьского РОВД Рязани подполковник Сергей Кабашов.

Дом № 14/16 по улице Новоселов в Рязани для минирования был выбран не случайно: типовой, в непрестижном районе города, населенный простыми людьми. К первому этажу был пристроен круглосуточный магазин, торгующий продуктами питания. Жильцы не должны были заподозрить террористов в людях, разгружающих товар у люка склада круглосуточного гастронома. Дом стоял на площади, прозванной в народе Старый круг, на окраине Рязани, на небольшой возвышен-

ности. Построен был из силикатного кирпича. Мешки с взрывчаткой в подвале были положены у опоры здания. В случае взрыва обрушился бы весь дом. Не исключено, что пострадал бы и соседний жилой дом, построенный на слабом песчаном грунте, на склоне.

Итак, жильцы рязанского дома среди ночи были подняты по тревоге и в двадцать минут эвакуированы, кто в чем, на улицу. Вот как описывала эту сцену газета «Труд»:

«Людей за считанные минуты, даже не дав собрать вещи (чем потом и воспользовались воры), заставили покинуть квартиры и собрали возле дома, опустевшего и темного. Женщины, старики, дети топтались у подъезда, не решаясь уходить в неизвестность. Некоторые были не только без верхней одежды, но даже босиком. [...] Несколько часов переминались на ледящем ветру, а инвалиды, которых снесли вниз в колясках, плакали и проклинали все на свете».

Вокруг дома было выставлено оцепление. Было холодно. Директор местного кинотеатра «Октябрь» сжалась над людьми и впустила их в зал. Она же организовала раздачу чая. В доме оставались несколько стариков-инвалидов, которые были физически не в состоянии покинуть квартиры, в том числе одна парализованная женщина, чья дочь, Алла Савина, простояла всю ночь с оцеплением в ожидании взрыва. Вот ее воспоминания:

«В одиннадцатом часу вечера сотрудники милиции обходили квартиры и просили скорее выйти на улицу. Я как была в ночной рубашке, так лишь накинула плащ и выбежала. Во дворе узнала, что наш дом заминирован. А у меня в квартире осталась мама, которая сама не может подняться с постели. Я в ужасе бросилась к милиционерам: «Пустите в дом, помогите маму вынести!». Меня обратно не пускают. Только в полтретьего стали по очереди обходить вместе с жильцами каждую квартиру, осматривать: нет ли там чего подозрительного. Пошли и ко мне. Показала милиционеру больную маму и сказала, что без нее никуда не уйду. Тот спокойно что-то записал себе в блокнотик и исчез. А я вдруг так ясно осознала, что, наверное, только вдвоем с матерью находимся в заминированном доме. Страшно стало невыносимо... Но

тут неожиданно — звонок в дверь. На пороге стоят два старших офицера милиции. Спрашивают сурово: «Вы что, женщина, заживо себя похоронить решили?!». У меня ноги подкашиваются от страха, а все равно стою на своем — без матери никуда. И они вдруг смилостивились: «Ладно, оставайтесь, ваш дом уже обезвредили». Оказалось, детонаторы из «заряда» извлекли еще до осмотра квартир. Тут уж я сама бросилась на улицу...

К дому съехали всевозможные чрезвычайные службы и руководители. После того как экспертиза определила наличие гексогена, оцеплению была дана команда расширить зону на случай взрыва. Начальник местного УФСБ генерал-майор Александр Сергеев поздравил жильцов со вторым рождением. Герою дня Картофельникову сообщили, что он родился в рубашке (и через несколько дней от имени администрации города вручили за обнаружение бомбы ценный подарок — цветной телевизор отечественного производства). А одно из российских телеграфных агентств оповестило о счастливой находке все человечество:

«В Рязани предотвращен теракт: в подвале жилого дома милиция обнаружила мешки со смесью сахарного песка с гексогеном. Как сообщил корреспонденту ИТАР-ТАСС первый заместитель штаба по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям Рязанской области полковник Юрий Карпеев, проводится экспертиза найденного в мешках вещества. По словам оперативного дежурного МЧС РФ в Москве, найденный взрыватель был установлен на утро четверга, на 05.30 мск. Установлены марка, цвет и номер автомобиля, на котором была привезена взрывчатка, сообщил корреспонденту ИТАР-ТАСС и. о. начальника УВД Рязанской области Алексей Савин. По его словам, специалисты проводят серию экспертиз по определению состава и взрывоопасности обнаруженной в мешках смеси. [...] По словам первого заместителя главы администрации области Владимира Маркова, обстановка в Рязани спокойная. Жильцы дома, которые немедленно были эвакуированы из квартир сразу же после обнаружения предполагаемой взрывчатки, вернулись в свои квартиры. Были проверены все соседние дома. По его словам, именно жильцы должны быть главной опорой правоохранительных органов, чтобы бороться с этим «злом, которое появилось в нашей стране. [...] Чем бдительнее мы будем, тем надежнее будет защита».

В пять минут первого мешки из подвала вынесли и погрузили в пожарную машину. Однако до четырех утра решался вопрос о том, куда вывозить обнаруженную взрывчатку. ОМОН, ФСБ и местные воинские части отказывались брать мешки к себе. В конце концов их перевезли во двор Главного управления гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций (ГУ ГОиЧС) Рязани, убрали в гараж и выставили охрану. Как вспоминали затем спасатели, попили бы они с этим сахаром чайку, да экспертиза показала примесь гексогена.

Мешки пролежали у них на базе несколько дней. Затем их увезли в Москву, в экспертно-криминалистический центр МВД. Впрочем, пресс-служба УВД Рязанской области сообщала, что в Москву мешки увезли еще 23 сентября. В 8.30 утра работы по разминированию и проверке дома были закончены, и жильцам разрешили вернуться в свои квартиры.

Уже вечером 22 сентября в Рязани были подняты по тревоге 1200 милиционеров, введен план «Перехват», составлены фотороботы троих подозреваемых, выставлены пикеты на дорогах. Показания очевидцев были достаточно подробны. Появилась надежда, что злоумышленников схватят.

На борьбу с террористами губернатором области и администрацией города были выделены дополнительные средства. К охране жилых домов города привлечены военнослужащие, организовано ночное дежурство жителей всех домов, проведен дополнительный осмотр всего микрорайона, прежде всего жилых зданий (80% домов города к пятнице были проверены). Опустели городские рынки. По словам заместителя главы администрации Рязани Анатолия Баранова, «практически весь город не спал, а ночь на улице провели не только жители этого дома, но и весь 30-тысячный микрорайон Дашково-Песочня, в котором он расположен». В городе усилились панические настроения: ходили слухи, что Рязань выбрана для терактов из-за нахождения здесь 137-го гвардейского парашютно-десантного полка, который воевал в Дагестане. К тому же под Рязанью был расположен Дягилевский военный аэродром, с которого войска перебрасывались на Кавказ. Автодорога из Рязани была забита, так как милиция проверяла все выезжавшие из города автомобили. Однако операция «Перехват» результатов не дала, машина террористов найдена не была, сами террористы исчезли.

Утром 23 сентября информационные агентства России передали сенсационную новость о том, что «в Рязани предотвращен теракт». С 8 часов утра телевизионные каналы начали передавать подробности о сорвавшемся злодеянии: «По словам сотрудников правоохранитель-

ных органов Рязанского УВД, белое кристаллическое вещество, находившееся в мешках, является гексогеном», — передали все теле- и радиовещательные программы России.

В 13.00 программа «Вести» государственного канала РТР взяла интервью в прямом эфире у С. Кабашова: «Значит, даны ориентировки предварительно на задержание автомобиля, который по приметам указали жильцы. Пока результатов нет». «Взрывотехники муниципальной милиции, — сообщают «Вести», — провели предварительный анализ и подтвердили наличие гексогена. Сейчас содержимое мешков отправлено в московскую лабораторию ФСБ для получения точного заключения. Тем временем в Рязани глава администрации Павел Дмитриевич Маматов провел экстренное совещание со своими заместителями, распорядился закрыть все подвалы в городе и более тщательно проверить арендуемые помещения».

Итак, содержимое мешков переслано на экспертизу не только в лабораторию МВД, но и в лабораторию ФСБ.

Маматов отвечает на вопросы журналистов: «Какие бы службы мы сегодня ни задействовали, в течение одной недели провести все мероприятия по закрытию чердаков, подвалов, ремонту, установке решеток и так далее — это можно сделать только при одном условии: объединить все наши с вами усилия».

Иными словами, на 13 часов дня 23 сентября вся Рязань находится на осадном положении. Ищут террористов и их автомобиль, проверяют чердаки и подвалы. В 17.00 «Вести» вышли в эфир, в целом повторив 13-часовые новости.

В 19.00 «Вести» выходят в эфир с очередной информационной программой: «Сегодня об авиаударах по грозненскому аэропорту говорил российский премьер Владимир Путин». Оказывается, пока в Рязани ищут террористов, российские самолеты бомбят Грозный. Рязанцы отомщены! Их бессонная ночь и испорченный день дорого обойдутся организаторам теракта!

Путин отвечает на вопросы журналистов: «Что касается удара по аэропорту Грозного, то прокомментировать его не могу. Я знаю, что есть общая установка, что бандиты будут преследоваться там, где они находятся. Я просто совершенно не в курсе, но если они оказались в аэропорту, то, значит, в аэропорту. Мне трудно добавить к тому, что уже было сказано». Видимо, Путину как премьер-министру известно то, чего не знает еще население страны: террористы отсиживаются в грозненском аэропорту.

Путин прокомментировал и последнее чрезвычайное происшествие в Рязани: «Что касается событий в Рязани. Я не думаю, что это какой-то прокол. Если эти мешки, в которых оказалась взрывчатка, были замечены — это значит, что все-таки плюс хотя бы есть в том, что население реагирует правильно на события, которые сегодня происходят в стране. Воспользуюсь вашим вопросом для того, чтобы поблагодарить население страны за это. Мы в неоплаченном долгу перед людьми и за то, что не уберегли, кто погиб, и благодарны им за ту реакцию, которую мы наблюдаем. А эта реакция очень правильная. Никакой паники, никакого снисхождения бандитам. Это настрой на борьбу с ними до конца. До победы. Мы обязательно это сделаем».

Сумбурно, но смысл ясен. Предотвращение теракта в Рязани — это не прокол спецслужб, просмотревших закладку взрывчатки, а победа всего российского народа, бдительно отслеживающего жестоких врагов даже в таких провинциальных городах, как Рязань. И за это премьер-министр выражает населению благодарность.

Здесь уместно сделать первые выводы. ФСБ впоследствии утверждала, что в Рязани проводились учения. Против этого свидетельствуют следующие обстоятельства. Вечером 22 сентября, после обнаружения мешков с взрывчаткой в подвале жилого дома, ФСБ не сделала заявления о том, что в Рязани проводятся учения, в мешках обычный сахар, а взрыватель является муляжом. Вторая возможность заявить об учениях у ФСБ появилась 23 сентября, когда информационные агентства всего мира сообщали о предотвращенном в Рязани теракте. ФСБ не выступила с опровержением и не заявила, что в Рязани проводились учения. На 23 сентября включительно премьер-министр России и премьерник Ельцина на посту президента страны — Путин — поддерживал версию ФСБ и искренне считал (или делал вид), что в Рязани предотвращена попытка террористического акта.

Представим только на минуту, что в Рязани действительно проводились учения. Можно ли предположить, что весь день 23 сентября, пока мир кричал о предотвращенном теракте, ФСБ молчала? Нет, такое вообразить невозможно. Можно ли предположить, что об «учениях» не был поставлен в известность премьер-министр России и бывший директор ФСБ, к тому же связанный с Патрушевым узами личных отношений? Нет, и такое нельзя себе представить даже в самом фантастическом сне. Это был бы открытый жест нелояльности Патрушева по отношению к Путину. После этого кто-то из них должен был бы уйти с политической арены. То, что на 7 часов вечера 23 сентября 1999 года

со стороны Путина не последовало заявления о проводимых учениях, было самым веским указанием в пользу версии о неудавшейся попытке ФСБ взорвать жилой дом.

Об «учениях» ФСБ в Рязани не был поставлен в известность мэр Москвы Лужков, имеющий неплохие связи в силовых ведомствах. Наоборот, 23 сентября власти Москвы распорядились активизировать работу по предотвращению террористических актов в столице — прежде всего потому, что, по мнению представителей правоохранительных органов, в Москве и Рязани имелась схожесть состава взрывчатки и способа ее установки. Сотрудники столичной милиции получили предписание более тщательно проверять чердаки, подвалы и нежилые помещения домов и более серьезному досмотру подвергать весь грузовой транспорт на въезде в город. В Москве на события в Рязани смотрели как на предотвращенный теракт.

Но что самое удивительное — об учениях в Рязани ничего не знал Рушайло, возглавлявший комиссию по борьбе с терроризмом и курировавший операцию «Вихрь-Антитеррор». «Для нас, для рязанцев и [для] центрального аппарата, это полная неожиданность, отрабатывали как серьезное преступление», — сказал впоследствии начальник Управления информации МВД России Олег Аксенов. 23 сентября Аксенов в качестве пресс-секретаря МВД неоднократно общался с прессой. К стыду Рушайло, Аксенов сообщил, что министр, ознакомившись с ситуацией, дал команду в течение дня вновь проверить в Рязани все подвалы и чердаки и усилить бдительность. Исполнение приказа будет тщательно проконтролировано, подчеркнул Аксенов, поскольку «за мелкое разгильдяйство люди могут поплатиться жизнью».

Даже 24 сентября, выступая на Первом всероссийском совещании по борьбе с организованной преступностью, Рушайло говорит о предотвращенном в Рязани теракте. По его словам, «допущен ряд серьезных просчетов в деятельности органов внутренних дел», сделаны «жесткие выводы». Указав на просчеты органов, просмотревших закладки взрывчатки, Рушайло вслед за Путиным похвалил рязанцев, вовремя предотвративших теракт. «Борьба с терроризмом не является исключительно прерогативой органов внутренних дел», — сказал Рушайло. Значительная роль в этом вопросе отводится «местным органам власти и управления, в работе которых, однако, тоже имеются значительные изъяны». Рушайло предложил собравшимся «незамедлительно создать межведомственные контрольно-инспекторские группы, которые с выездом в регионы проверяли бы исполнение решений на местах и

оказывали бы практическую помощь». В МВД такая работа уже ведется, уточнил Рушайло, и есть определенные сдвиги — например, предотвращение взрыва жилого дома в Рязани. «Предотвращение новых терактов и наказание виновных в уже совершенных преступлениях — основная задача МВД России на данном этапе», — с гордостью подчеркнул министр внутренних дел России Владимир Рушайло, на счету которого теперь был один предотвращенный теракт — в Рязани.

Если на рязанский эпизод смотрел как на предотвращенный теракт сам министр, что и говорить об областных УВД. Призывы, написанные революционным слогом, просились быть зачитанными под музыку «Вставай, страна огромная...» всем трудящимся России. Прямо хоть винтовку хватай! Только непонятно, в кого стрелять, что охранять и от чего оберегаться:

«Война, объявленная терроризмом народу России, продолжается. А значит, объединение всех сил общества и государства для отпора коварному врагу — это насущная необходимость сегодняшнего дня. Борьба с терроризмом не может оставаться делом только милиции и спецслужб. Наиболее яркое подтверждение этому — сообщение о предотвращенном благодаря бдительности граждан взрыве жилого дома в Рязани. 23 сентября в Рязани [...] нарядом милиции при проверке подвала жилого многоэтажного дома было обнаружено взрывное устройство, состоящее из трех мешков с гексогеном и часового механизма, установленного на 5 часов 30 минут утра. Предотвратить теракт удалось благодаря жильцам дома, который преступники избрали своей мишенью. Накануне вечером они обратили внимание на незнакомых людей, которые перетаскивали из автомобиля «Жигули» с заклеенным бумагой номером в подвал какие-то мешки. Жильцы незамедлительно обратились в милицию. Первоначальный анализ содержимого мешков показал, что в них действительно вперемешку с сахарным песком содержится вещество, напоминающее гексоген. Мешки сразу же были отправлены под охраной в Москву. После проведения экспертизы сотрудники лаборатории ФСБ дадут окончательный ответ, была ли это попытка теракта или просто провокация.

В связи с этим Управление внутренних дел области еще раз напоминает гражданам о необходимости сохранения спокойствия и организованного делового подхода к обеспечению своей

безопасности. Лучшим ответом террористам будет наша с вами бдительность. Для этого необходимо лишь повнимательнее присматриваться к окружающим, обращать внимание на незнакомых людей, замеченных в подъезде, на чердаке или в подвале вашего дома, бесхозные автомобили, припаркованные в непосредственной близости от жилых зданий. При любых подозрениях немедленно звоните в милицию.

Ни в коем случае не пытайтесь изучить содержимое обнаруженных вами подозрительных коробок, пакетов и других неопознанных предметов. В подобных ситуациях следует ограничить к ним доступ посторонних и вызвать милицию.

Создание домовых комитетов, организующих охрану домов и прилегающей территории в ночное время, также позволит значительно снизить возможность террористических проявлений в нашем городе. Помните: сегодня от каждого из нас зависит, насколько эффективна будет борьба со злом.

Группа информации УВД»

На свое несчастье, 23 сентября 1999 года начальник Центра общественных связей ФСБ России генерал Александр Зданович должен был выступать в программе «Герой дня» на телеканале НТВ. Благодаря этому у нас есть еще одно важное свидетельство того, что ФСБ планировало тихо отсидеться и отдать рязанцам и журналистам на съедение версию о предотвращенном чеченском теракте. Очевидно, что к моменту выступления Здановича ФСБ не собиралась извещать об «учениях». Расчет был прост: террористов из ФСБ рязанская милиция не нашла, машину — тоже. Версия о предотвращенном теракте пока еще работала и, главное, всех устраивала, поскольку долю заслуги в предотвращении теракта каждый рад был приписать себе, даже Рушайло.

Тем временем Зданович получил указание руководства попробовать прощупать реакцию общества на сказку об «учениях» на случай утечки информации о причастности ФСБ к теракту в Рязани. Обратим внимание на то, как мягко стал намекать Зданович на отсутствие в Рязани состава преступления при попытке взорвать дом, как бы убеждая, что шуметь не из-за чего. По предварительному заключению, заявил пресс-секретарь ФСБ, гексогена в мешках, обнаруженных в подвале одного из жилых домов города, не было, а были «похожие устройства с дистанционным управлением». Взрывателя тоже не было: можно сейчас утверждать, что обнаружены «некоторые элементы взрывателя».

Вместе с тем Зданович подчеркнул, что окончательный ответ должны дать эксперты — коллеги Здановича из лаборатории ФСБ в Москве, подчиненные Патрушева. Какой именно «окончательный ответ» дадут эфэсбешные эксперты, Зданович очень хорошо знал: тот, который прикажет дать руководство (нам этот ответ сообщат с некоторым опозданием — 21 марта 2000 года, через полгода после несостоявшегося теракта и за пять дней до президентских выборов).

И все-таки к началу передачи «Герой дня» Зданович не располагал информацией о том, что ФСБ, оказывается, проводило в Рязани учения. Даже намеков на то, что речь может идти об учениях, Зданович не сделал. Сомнения относительно того, что в мешках была взрывчатка, а взрыватель был боевым, в интервью Здановича прозвучали. Но о возможных учениях он не заикнулся. Это несоответствие стало еще одним указанием на то, что в Рязани спецслужбами готовился террористический акт. Предположить, что руководство ФСБ держало в тайне от Здановича информацию об уже завершившихся в Рязани учениях, поистине невозможно.

К вечеру 23 сентября — еще одна нелепость. Агентство РИА «Новости», передавшее в эфир распечатку интервью НТВ с генералом Здановичем, сообщает, что план «Перехват» по поиску белой модели ВАЗ-2107 все еще продолжается. «Во всей этой истории много туманного». В частности, свидетели по-разному описывают цвет автомобиля и его марку. Появились также сомнения в том, что номер машины был заклеен. Вместе с тем, как отметили в пресс-центре, розыск автомобиля «для восстановления объективной картины» не прекращается.

Итак, несмотря на заверения Здановича об отсутствии взрывчатки и взрывателя, рязанское УФСБ все еще не может «восстановить объективную картину». Утренние газеты 24 сентября сообщают подробности предотвращения в Рязани теракта, а заявления ФСБ об учениях нет.

Только в полдень 24 сентября директор ФСБ Патрушев наконец-то принимает решение объявить происшедшее в Рязани учениями.

Что же заставило Патрушева изменить линию поведения? Во-первых, основные улики — три мешка со взрывчаткой и боевой взрыватель — доставили в Москву, в лапы Патрушева. Это было хорошей для ФСБ новостью. Теперь можно было подменить мешки и уверенно утверждать, что рязанские провинциалы ошиблись и их экспертиза дала неправильное заключение.

Вторая новость была плохой: рязанское УФСБ задержало двоих террористов.

Попробуем помочь ФСБ досконально установить так рьяно утаиваемую от народа «объективную картину» происшедшего.

В упрощенном описании эта самая блистательная часть проведенной рязанской милицией и областным рязанским УФСБ совместной операции выглядит следующим образом.

После обнаружения в Рязани мешков с взрывчаткой и боевого взрывателя в городе был объявлен план «Перехват». Старший офицер по связям с общественностью (пресс-секретарь) УФСБ Рязанской области Юрий Блудов сообщил, что заявление Патрушева было для местных сотрудников органов госбезопасности полной неожиданностью. «До последнего момента мы работали в тесном контакте с милицией по полной программе, как если бы угроза теракта была реальной, составили фотороботы трех подозреваемых террористов; на основании результатов экспертизы возбудили уголовное дело по статье 205 УК РФ (терроризм); вели поиск машины и террористов».

Когда выезды из города были уже перекрыты, силы оперативных подразделений рязанского УВД и УФСБ пытались установить точное местонахождение разыскиваемых террористов. Не обошлось без счастливых случайностей. Сотрудница АО «Электросвязь» телефонистка Надежда Юханова зарегистрировала подозрительный звонок в Москву. «Выезжайте по одному, везде перехваты», — ответил голос на другом конце провода. Юханова немедленно сообщила о звонке в рязанское УФСБ. Все остальное было уже «делом техники». Подозрительный телефон был немедленно поставлен на контроль. У оперативников не было сомнений, что они обнаружили террористов. Однако сложности возникли из-за того, что средствами технического контроля был определен московский телефон, по которому звонили террористы. Это был номер одного из служебных помещений столичной ФСБ.

Покинув 22 сентября в начале десятого вечера улицу Новоселов, террористы не рискнули поехать в Москву, так как на пустынном ночном шоссе одинокая машина всегда заметна и шансов быть остановленными на одном из постов ГАИ было слишком много. Ночью любая остановленная машина, даже если там сидят сотрудники ФСБ или каких-то иных спецслужб, будет отмечена в дневнике дежурного, и на следующий день, когда пройдет сообщение о взрыве, постовой, безусловно, вспомнит об остановленной машине с тремя пассажирами. А если появятся еще и свидетельские показания из Рязани, то сразу же выйдут и на машину, и на пассажиров. Террористы должны были

ждать утра, тем более что нельзя было покинуть объект до проведения взрыва. Боевая задача была еще не выполнена. Утром на шоссе будет много машин. Из-за теракта первые несколько часов будет паника. Если свидетели и засекли двоих мужчин и женщину на машине, ориентировка милиции будет дана на троих террористов; искать будут именно двоих мужчин и женщину. Один человек на машине всегда ускользнет от любой облавы.

Именно так описывала газета «Труд» операцию «Перехват» в действии:

«Накал в Рязани достиг предела. По улицам шли усиленные патрули милиции и курсанты местных военных институтов. Все въезды и выезды в город были блокированы вооруженной до зубов патрульно-постовой службой и автоинспекторами. Скопились многокилометровые пробки легковых и грузовых машин, двигавшихся в сторону Москвы и от нее. Обыскивали все салоны и кузова. Искали троих террористов, двух мужчин и женщину, чьи приметы были развешаны чуть ли не на каждом столбе».

Получив инструкции, один из троих террористов выехал 23 сентября в направлении Москвы, бросил машину в районе Коломны и беспрепятственно добрался до Москвы каким-то другим способом. От рязанской милиции, таким образом, один из террористов ушел и увез машину. Вечером 23 сентября на трассе Москва — Рязань в районе Коломны, приблизительно на полпути к Москве, машина была найдена милицией — без пассажиров. Это была та самая машина «с заклеенными номерами, на которой перевозилась взрывчатка», сообщил Блудов. Оказалось, автомобиль числился в розыске. Иными словами, террористы проводили операцию на угнанной машине (классический для теракта случай).

Угон машины под Коломну — не случайность. Если машина была украдена в Москве или Московской области, милиция вернет машину хозяевам по месту жительства. Никому, скорее всего, в голову не придет, что именно на этой машине неизвестные террористы перевозили гексоген для взрыва дома в совсем другой области — в Рязанской. Соответственно, не станут проводить анализ на содержание в машине микрочастиц гексогена и других взрывчатых веществ. За двумя оставшимися в Рязани террористами сообщник сможет вернуться на следующий день на обычной оперативной машине ФСБ и вывезти их в

Москву без риска быть схваченными. С другой стороны, если бы обнаружилось, что именно на машине, найденной под Коломной, был совершен теракт, брошенная на полпути в Москву машина указывала бы на то, что террористы ушли. Кольцо оцепления вокруг Рязани должно было бы разжаться, и это во всех случаях облегчило бы уход оставшихся двоих террористов.

Итак, двое террористов остались в Рязани. Из предоставленной нам рязанским УФСБ информации мы знаем, что в Рязани террористы затаились на заранее снятой квартире, а не скитались в ночь с 22 на 23 сентября по подъездам домов в незнакомом городе. Можно сделать вывод, что места проживания террористы обеспечили себе заблаговременно. Понятно, что тогда у них было время и для выбора объекта, далеко не случайного, и для подготовки теракта. Застигнутые операцией «Перехват» врасплох, террористы решили переждать в городе. Аргументация, подтверждающая эту версию, следующая.

Очевидно, что о готовящемся в Рязани взрыве (все официальные участники событий, сотрудники силовых ведомств, дипломатично используют слово «учения») руководство Рязанской области не знало. Губернатор области В.Н.Любимов заявил об этом 24 сентября в интервью в прямом эфире: «Об этом учении не знал даже я». Глава администрации Рязани Маматов был откровенно раздражен: «Из нас сделали подопытных кроликов. Проверили Рязань на вшивость. Я не против учений — сам служил в армии, принимал в них участие, но подобного никогда не видел».

Управление ФСБ по Рязанской области также не было поставлено в известность. Ю.Блудов сообщил, что «ФСБ не было заранее осведомлено о том, что в городе проводились учения». Начальник рязанского УФСБ генерал-майор А.В.Сергеев сначала сообщил в интервью местной теле студии «Ока», что ему ничего не известно о проводимых «учениях». И только позже на вопрос журналистов, располагает ли он каким-нибудь официальным документом, подтверждающим проведение в Рязани учений, через своего пресс-секретаря ответил, что доказательством учений для него является телевизионное интервью директора ФСБ Патрушева. По этой причине сотрудники местного управления ФСБ, по воспоминаниям одной из жительниц дома 14/16 — Марины Витальевны Севериной, ходило затем по квартирам и извинялись: «Приходили к нам из ФСБ — несколько человек во главе с полковником. Извинялись. Говорили, что сами ничего не знали». И это тот случай, когда мы верим сотрудникам ФСБ и верим в их искренность.

Областное УФСБ понимало, что рязанцев подставили, что в организации взрыва Генпрокуратура России и общественность могут обвинить рязанское УФСБ. Потрясенные коварством своих московских коллег, рязанцы решили обеспечить себе алиби и объявить всему свету, что акция готовилась в Москве. Только так можно объяснить заявление УФСБ по Рязанской области, появившееся вскоре после интервью Патрушева об «учениях» в Рязани. Приведем текст заявления рязанского УФСБ полностью:

«Как стало известно, закладка обнаруженного 22.09.1999 имитатора взрывного устройства явилась частью проводимого межрегионального учения. Сообщение об этом стало для нас неожиданностью и последовало в тот момент, когда Управлением ФСБ были выявлены места проживания в городе Рязани причастных к закладке взрывного устройства лиц и готовилось их задержание. Это стало возможным благодаря бдительности и помощи многих жителей города Рязани, взаимодействию с органами внутренних дел, профессионализму наших сотрудников. Благодарим всех, кто содействовал нам в этой работе. Мы и впредь будем делать все возможное, чтобы обеспечить безопасность рязанцев».

Этот уникальный документ позволяет нам ответить на главные интересующие нас вопросы.

Во-первых, рязанское УФСБ не имело отношения к операции по подрыву дома в Рязани.

Во-вторых, по крайней мере два террориста были обнаружены в Рязани.

В-третьих, террористы проживали в Рязани, пусть временно, причем выявлена, видимо, была целая сеть конспиративных квартир, по крайней мере не менее двух.

В-четвертых, в момент, когда готовилось задержание террористов, из Москвы последовал приказ террористов не задерживать, поскольку теракт в Рязани — «учения» ФСБ.

Чтобы у нас не было сомнения в неслучайном и безошибочном характере заявления УФСБ, рязанское руководство почти дословно повторило его в формате интервью. 21 марта 2000 года, за пять дней до президентских выборов, когда тема сорвавшегося взрыва в Рязани была выдвинута на повестку дня политическими мотивами конкурирующих за власть сторон, начальник следственного отделения УФСБ РФ по Рязанской области подполковник Юрий Валентинович Максимов сообщил:

«Этим людям можно только посочувствовать и принести извинения. И нам непросто в этой ситуации. Мы воспринимали все события той ночи всерьез, как боевую обстановку. Сообщение об учениях ФСБ РФ стало для нас полной неожиданностью и последовало в тот момент, когда Управлением ФСБ были выявлены места проживания в Рязани причастных к закладке имитационного (как позже выяснилось) устройства и готовилось их задержание. Это стало возможным благодаря бдительности и помощи многих жителей Рязани, взаимодействию с органами внутренних дел, профессионализму наших сотрудников».

Таким образом, дважды документально было подтверждено, что террористы, заминировавшие дом в Рязани, были сотрудниками ФСБ, что на момент проведения операции они проживали в Рязани и что места их проживания были вычислены сотрудниками УФСБ по Рязанской области. Это дает нам возможность поймать Патрушева на очевидной лжи. 25 сентября в интервью одной из телекомпаний он заявил, что «те люди, которых, по идее, должны были сразу разыскать, находились среди вышедших на улицу жильцов дома, в котором якобы было заложено взрывное устройство. Они участвовали в процессе составления своих фотороботов, разговаривали с сотрудниками правоохранительных органов».

Действительность была совсем другой. Террористы разбежались по конспиративным квартирам. Но в тот момент, когда руководство рязанского УФСБ сообщило по долгу службы Патрушеву в Москву о неминуемом задержании террористов, Патрушев отдал приказ террористов не арестовывать и объявил предотвращенный в Рязани теракт учениями. Можно себе представить выражение лица сотрудника рязанского УФСБ (а скорее всего Патрушеву докладывавал сам генерал-майор Сергеев), когда ему отдали приказ отпустить террористов!

Повесив телефонную трубку, Патрушев немедленно дал свое первое в те дни интервью телекомпании НТВ: «Инцидент в Рязани не был взрывом, не было и предотвращения взрыва. Это были учения. Там был сахар, взрывчатого вещества там не было. Такие учения проводятся не только в Рязани. Но к чести рязанских правоохранительных органов и населения — они четко отреагировали. Я считаю, что учения должны быть приближенными к тому, что происходит в жизни, потому что иначе мы ничего не найдем и нигде не отреагируем ни на что».

Днем позже Патрушев добавил, что «учения» в Рязани вызваны информацией о предстоящих в России террористических актах. В Чечне

уже подготовлены несколько групп террористов, которые «должны выдвинуться на российскую территорию и совершить ряд терактов. [...] Данная информация и подвела нас к тому, что необходимо провести учения, причем не такие, как были до этого, и провести их в жесткой форме. [...] Нам необходима готовность нашего личного состава, надо выявить те недостатки, которые имеются в организации работы, внести коррективы в ее организацию».

У «Московского комсомольца» (МК) хватило юмора: «24 сентября 1999 г. глава ФСБ Николай Патрушев выступил с сенсационным заявлением: попытка взрыва в Рязани вовсе не была таковой. Это было учение. [...] В тот же день министр МВД Владимир Рушайло поздравил своих работников с успешным спасением дома в Рязани от неминуемого взрыва».

В Рязани, конечно же, было не до смеха. Несмотря на запрет Патрушева, рязанцы для страховки успешно произвели задержание террористов, сильно их при этом поколотив. Кого, где, сколько всего человек и что еще нашли рязанские сотрудники УФСБ в тех квартирах — мы, наверное, никогда не узнаем. После избиения террористы предъявили «документы прикрытия», но были задержаны до прибытия из Москвы офицеров центрального аппарата с документами, позволяющими забрать пойманных по горячим следам сотрудников ФСБ в Москву.

Дальше наше расследование упирается в привычный гриф «совершенно секретно». Уголовное дело, возбужденное в УФСБ РФ по Рязанской области по факту обнаружения взрывчатого вещества по статье «терроризм» (ст. 205 УК РФ) засекречено. Материалы дела недоступны общественности. Имена террористов (сотрудников ФСБ) скрываются. Мы даже не знаем, были ли они допрошены и что они сказали на этом допросе. А скрывать Патрушеву было что. «Ребята, ничего не могу сделать. В анализе — взрывчатые вещества, я обязан возбудить уголовное дело», — упрямо заявлял коллегам из Москвы следователь местного ФСБ, когда на него оказывалось давление. Тогда из центрального аппарата ФСБ прислали людей и попросту конфисковали результаты экспертизы.

29 сентября 1999 года газеты «Челябинский рабочий», «Красноярский рабочий», а 1 октября — и самарская «Волжская коммуна» поместили идентичные статьи:

«Как стало известно из хорошо информированного источника в МВД России, никто из оперативных работников МВД и их

коллег УФСБ Рязани не верит ни в какие «учебные» закладки взрывчатки в городе. [...] По мнению высокопоставленных сотрудников МВД России, на самом деле в Рязани жилой дом был реально заминирован неизвестными с применением настоящей взрывчатки» и «тех же детонаторов, что и в Москве [...] Косвенно эту теорию подтверждает и то, что возбужденное в Рязани уголовное дело по статье «терроризм» до сих пор не закрыто. Мало того, результаты первоначальной экспертизы содержимого мешков, проведенной на первом этапе экспертами местного МВД, изъяты сотрудниками ФСБ, прибывшими из Москвы, и немедленно засекречены. А милиционеры, общавшиеся со своими коллегами-криминалистами, проводившими первую экспертизу мешков, по-прежнему утверждают, что в них действительно был гексоген и ошибки быть не может».

Оказание давления на следствие и засекречивание уголовного дела являлись незаконными деяниями. Согласно статье 7 закона РФ «О государственной тайне», принятого 21 июля 1993 года, «не подлежат отнесению к государственной тайне и засекречиванию сведения [...] о чрезвычайных происшествиях и катастрофах, угрожающих безопасности и здоровью граждан, и их последствиях; [...] о фактах нарушения прав и свобод человека и гражданина; [...] о фактах нарушения законности органами государственной власти и их должностными лицами».

Более того, как написано в том же законе: «Должностные лица, принявшие решения о засекречивании перечисленных сведений либо о включении их в этих целях в носители сведений, составляющих государственную тайну, несут уголовную, административную или дисциплинарную ответственность в зависимости от причиненного обществу, государству и гражданам материального и морального ущерба. Граждане вправе обжаловать такие решения в суд».

Увы, похоже, что засекретившие уголовное дело лица не понесут ответственности согласно закону 1993 года.

В марте 2000 года (перед самыми выборами) избирателям продемонстрировали одного из трех террористов — «сотрудника спеццентра ФСБ», который рассказал, что все трое террористов выехали из Москвы в Рязань вечером 22 сентября, что они нашли случайно незапертый подвал; на рынке купили мешки с сахарным песком, а в рязанском оружейном магазине «Кольчуга» — патрон, из которого тут же сделали

«муляжи взрывного устройства. Все это дело было сконцентрировано вместе для проведения данного мероприятия... Это не диверсия, а учения. Мы особенно и не прятались».

22 марта (до выборов четыре дня) в защиту рязанских учений ФСБ выступила Ассоциация ветеранов группы «Альфа» в лице бывшего командира подразделения «Вымпел» ФСБ России генерал-лейтенанта запаса Дмитрия Герасимова и бывшего командира группы «Альфа» героя Советского Союза генерал-майора в отставке Геннадия Зайцева. Герасимов заявил, что боевые взрыватели на учениях в Рязани не применялись, а вместо них использовался «патрон с шариковым наполнителем», должный произвести «шокирующее действие». Шокирующее впечатление взрыватель действительно произвел, так что с этой точки зрения «учения» прошли успешно.

Версия о наличии боевых взрывателей во время учений возникла, по мнению Зайцева, из-за неисправности измерительных приборов, которые применялись сотрудниками УФСБ по Рязанской области. Зайцев сообщил, что учения в Рязани проводились в том числе и служащими «Вымпела», для чего в Рязань накануне указанных событий вечером того же дня на частной машине выехала специальная группа. При этом к группе намеренно старались привлечь внимание. В магазине «Кольчуга» был куплен патрон с шариковым наполнителем; «злополучный сахарный песок, впоследствии названный некоторыми СМИ гексогеном, был куплен спецгруппой на местном базаре. И посему никак не мог быть взрывчаткой. Просто эксперты нарушили элементарные правила и воспользовались грязными приборами, на которых были остатки взрывчатых веществ от предыдущей экспертизы. За подобную халатность эксперты уже получили по заслугам. По данному факту возбуждено уголовное дело».

Наивность интервью «сотрудника спеццентра» и простота заявлений Герасимова и Зайцева поистине восхищают. Прежде всего, очень может быть, что трое офицеров «Вымпела» действительно выехали на частной машине в Рязань вечером 22 сентября и что ими были закуплены три мешка с сахарным песком и патрон в магазине «Кольчуга». Они старались привлечь внимание? Интересно, чем именно, если они покупали сахар? Ведь на рынке им продали сахар, а не гексоген! Чем же тут можно привлечь внимание? Одним купленным в магазине патроном для охотничьего ружья?

Патрушев, видимо, тоже считал, что в стране, где ежедневно происходят громкие убийства и взрываются дома с сотнями жителей, подоз-

рение должны вызвать люди, покупающие сахар на рынке и охотничий патрон в магазине: «Все, что заложили условные террористы, они приобрели именно в Рязани — это и мешки с сахаром, и патроны, при покупке которых у них никто не спросил, есть ли право на их приобретение». Мелочь, конечно, но вот загадка: сколько патронов купили сотрудники ФСБ, один или несколько? (Закупки могли быть операцией прикрытия настоящих террористов, которые закладывали в подвал рязанского дома совсем другие мешки — с взрывчаткой и к «Вымпелу» никакого отношения не имели. Сами вымпеловцы в этом случае могли не знать, в чем именно смысл данного им задания по покупке одного патрона и трех мешков сахара).

Наконец, Зайцев вводил читателей в заблуждение, утверждая, что уголовное дело было возбуждено против взрывотехника инженерно-технологического отдела старшего лейтенанта милиции Юрия Ткаченко за неправильно проведенную экспертизу, в то время как возбуждено оно было против террористов, оказавшихся сотрудниками ФСБ, а Ткаченко и второй взрывотехник рязанской милиции, Петр Житников, 30 сентября 1999 года были награждены денежными премиями за проявленное мужество при обезвреживании взрывного устройства. Кстати, денежной премией за помощь в поимке террористов была награждена и Надежда Юханова, перехватившая телефонный звонок террористов в Москву.

В оправдание Зайцева можно сказать только то, что эксперт действительно несет уголовную ответственность за качество и объективность результатов экспертизы. И если бы Ткаченко провел некачественную экспертизу и выдал неправильный результат, против него действительно возбудили бы уголовное дело. Как мы знаем, его не возбудили, и именно потому, что экспертиза дала правильное заключение: в мешках было взрывчатое вещество.

В показаниях «сотрудника спеццентра» и Зайцева серьезная проблема возникает с нестыковкой времени. Террористов засекли у дома в Рязани вечером, в самом начале десятого. 180 км от Москвы до Рязани вечером в будний день террористы могли преодолеть самое быстрое за три часа. А еще им нужно было выбрать дом в незнакомом городе, купить мешки с сахаром, купить патрон в «Кольчуге», смастерить муляжи. А рынок в Рязани закрывается в будний день самое позднее в пять. А оружейный магазин «Кольчуга» закрывается самое позднее в шесть. Когда же именно и как был куплен сахар? Когда был куплен в «Кольчуге» патрон? Когда выехали террористы из Москвы? Сколько они ехали? Во сколько прибыли в Рязань?

Очевидно, что вся история про вечерний выезд сотрудников «Вымпела» из Москвы была выдумана от начала до конца. Формально-юридические доказательства этому предоставил сам Зайцев. 28 сентября 1999 года в офисе коломенской охранной фирмы «Оскардъ» состоялась пресс-конференция сотрудников силовых ведомств, где представитель Ассоциации ветеранов группы «Альфа» Г.Н.Зайцев пояснил свою позицию в отношении «инцидента» в Рязани: «Такого рода учения меня крайне возмущают. Нельзя упражняться на живых людях!». 7 октября репортаж об этой пресс-конференции опубликовала коломенская газета «Ять». Из этого заявления возмущенного Зайцева приходится сделать вывод, что в рязанской выходке он не участвовал. Лишь за четыре дня до президентских выборов, когда для организации победы Путина были мобилизованы все силы, Зайцева заставили выступить на пресс-конференции и принять на себя и вымпеловцев вину за рязанские «учения». Те, кто привлекал Зайцева к пропагандистской акции, о его пресс-конференции в Коломне, конечно, не знали.

Своим лжесвидетельством 22 марта 2000 года Зайцев продемонстрировал главное: сотрудники спецслужб могут лгать, если этого требуют интересы органов государственной безопасности и если получен соответствующий приказ.

В России половина преступников «косит» под умалишенных или непроходимых дураков. Так вернее: дают меньшие сроки, а то и просто отпускают («что с дурака взять»). Патрушев справедливо рассудил, что за терроризм против собственного народа можно получить пожизненное заключение, а за идиотизм в России даже с работы не снимут. (А кто, собственно, мог уволить Патрушева? Только Путин!) И действительно, из-за рязанской выходки не был уволен ни один сотрудник ФСБ. Более того, вскоре Патрушев получил Героя России, а недавно — еще и звание генерала армии!

Психологический расчет Патрушева оказался правильным. Политической элите России комфортнее было считать Патрушева не злодеем, а идиотом. «Мне представляется, что это чудовищно, — прокомментировал в прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы» заявление Патрушева об «учениях» руководитель депутатской группы «Российские регионы» Олег Морозов. — Я понимаю, что спецслужбы имеют право на проверку деятельности, но не столько нашей, сколько своей собственной». Кроме того, сложно «представить себя на месте этих людей» (в Рязани), поэтому «не стоило, нельзя было платить такую цену за проверку» действий ФСБ и бдительности граждан.

Морозов заявил, что действия ФСБ можно будет простить, если ФСБ гарантирует, что теракты больше не повторятся. И это было главное в его речи. Россиян нужно было спасать от террора ФСБ. Тонкий дипломат Морозов предложил террористу Патрушеву сделку: мы вас не наказываем и закрываем глаза на уже произошедшие в России взрывы, а вы прекращаете операцию по подрыву в России жилых домов. Патрушев услышал Морозова: взрывы прекратились. Патрушев остался сидеть в своем кресле с клеймом дурака. Однако вопрос о том, кто именно в этой ситуации оказался дураком, можно считать открытым.

Правда, были люди, которые придерживались мнения, что Патрушев не идиот, а умалишенный. 25 сентября 1999 года «Новые известия» поместили статью Сергея Агафонова, на которую Патрушев в сложившейся ситуации даже не обиделся: «Интересно, насколько четко ориентируется сам глава ФСБ в том, что происходит в жизни? Адекватно ли руководитель спецслужбы воспринимает окружающую его действительность? Не путает ли цвета, узнает ли родных? Эти тревожные вопросы теребят душу, поскольку разумно объяснить всероссийскую педагогическую спецоперацию ФСБ на живых людях не представляется возможным». Агафонов предположил, что «генерал Патрушев серьезно болен» и «его надо срочно лечить, освободив от непосильных обязанностей».

В ФСБ, конечно же, не могло быть единодушия относительно проведенной Патрушевым операции. После провала в Рязани даже подчиненные готовы были подвергнуть руководство критике (а Патрушеву приходилось эту критику сносить). Так, начальник ЦОС УФСБ по Москве и Московской области Сергей Богданов назвал «учения» в Рязани «грубой и непродуманной работой» (раз попались — грубая работа). Начальник УФСБ по Ярославской области генерал-майор А.А.Котельников на вопрос об «учениях» ответил: «У меня есть своя точка зрения относительно рязанских учений, но комментировать действия своих коллег я бы не хотел» (попробовал бы он их прокомментировать!).

Обратим внимание на то, что никто из действующих или отставных руководителей ФСБ не стал проводить серьезного критического анализа действий коллег. Эту почетную работу профессионалы силового ведомства предоставили журналистам. Последние, подвергаясь нападкам со стороны ФСБ, как могли делали свое дело. Начали, разумеется, с сахара.

Три мешка с сахарным песком покоя никому не давали. Террористы из ФСБ сообщили (скорее всего, это были совсем другие эфэсбэшники

ки), что купили сахар на местном рынке и что был он производства Колпьянского сахарного завода в Орловской области. Но если сахар был самый обыкновенный, из Орловской области, зачем же его отсылали на экспертизу в Москву? И, что важнее, зачем лаборатория на экспертизу его приняла? Да не одна лаборатория, а две — разных ведомств (МВД и ФСБ). И зачем проводили позже повторную экспертизу? Неужели с первого раза нельзя было распознать сахар?

И почему все это тянулось несколько месяцев? Забрать сахар для экспертизы в Москву Патрушеву имело смысл лишь для того, чтобы лишить рязанцев вещественных доказательств, и только в том случае, если в мешках была взрывчатка.

Между тем из пресс-службы ФСБ поступило сообщение, что для проверки содержимого рязанских мешков их вывезли на полигон и попытались взорвать. Взрыва не получилось, так как в них был обыкновенный сахар, победно рапортовала ФСБ. «Интересно, какой идиот повезет взрывать на полигон три мешка обычного сахара?» — иронично замечала газета «Версия». Действительно, зачем же ФСБ отсылала мешки на полигон, если знала, что в Рязани проводились учения, а в мешках был сахар, купленный сотрудниками «Вымпела» на местном базаре?

А тут еще, и опять под Рязанью, обнаружили новые мешки с гексогеном. К тому же их было много, и пахло связью с ГРУ. На военном складе 137-го Рязанского полка ВДВ, расположенном под Рязанью, на территории специализированной базы для подготовки разведывательно-диверсионных отрядов, хранился гексоген, расфасованный в 50-килограммовые мешки из-под сахара, подобные найденным на улице Новоселов.

Осенью 1999 года рядовой воздушно-десантных войск (воинская часть 59236) Алексей Пиняев и его сослуживцы были командированы из Подмоскovie в Рязань именно в этот полк. Охраняя в ноябре 1999 года «склад с оружием и боеприпасами», Пиняев с приятелем проникли на склад, скорее из любопытства, и увидели в помещении те самые мешки с надписью «Сахар».

Воины-десантники штык-ножом проделали дырку в одном из мешков и отсыпали в пластиковый пакет немного казенного сахара. Однако чай с ворованным сахаром оказался странного вкуса и не сладкий. Перепуганные бойцы отнесли кулек командиру взвода. Тот, заподозрив неладное, благо история о взрывах у всех была на слуху, решил проверить «сахар» у специалиста-подрывника. Вещество оказалось гексогеном.

Офицер доложил по начальству. В часть нагрянули сотрудники ФСБ из Москвы и Тулы (где, как и в Рязани, стояла воздушно-десантная дивизия). Полковых особистов к расследованию не допустили. Десантников, обнаруживших гексоген, таскали на допросы за «раскрытие государственной тайны». «Вы даже не догадываетесь, ребята, в какое серьезное дело влезли», — сказал один из офицеров. Прессе объявили, что солдата по фамилии Пиняев в части вообще нет, а информация о найденных на военном складе мешках с гексогеном — выдумка журналиста «Новой газеты» Павла Волошина. ФСБ по данному инциденту провела служебное расследование. Вопрос о взрывчатке успешно замяли, а командира и сослуживцев Пиняева отравили служить в Чечню.

Самому Пиняеву придумали более мучительное наказание. Сначала его заставили отказаться от своих слов (можно представить, какое давление оказало на него ФСБ!). Затем начальник Следственного управления ФСБ РФ заявил, что «солдат будет допрошен в рамках возбужденного против него уголовного дела». А сотрудница ЦОС ФСБ подвела итог: «Попал солдатик...»

Уголовное дело против Пиняева возбудили в марте 2000 года за кражу с армейского склада с боеприпасами... кулька с сахаром. Все-таки в остроумии ФСБ не откажешь. Только трудно понять, какое отношение к мелкой краже продуктов питания имело Следственное управление ФСБ России.

Как утверждали рязанские саперы, взрывчатку в 50-килограммовых мешках не держат, не упаковывают и не перевозят — слишком опасно. Для взрыва небольшого строения достаточно 500 г взрывчатой смеси. 50-килограммовые мешки, замаскированные под сахар, нужны исключительно для террористических актов. Видимо, именно с этого склада и были получены три мешка, уложенные затем под несущую опору дома в Рязани. Приборы рязанских экспертов не ошиблись.

История со 137-м полком ВДВ имела свое продолжение. В марте 2000 года, перед самыми выборами, десантники подали в суд на «Новую газету», опубликовавшую интервью с Пиняевым. Исковое заявление «О защите чести, достоинства и деловой репутации» было подано в Басманный межмуниципальный суд командованием полка. Как заявил командир полка Олег Чурилов, данная статья оскорбила не только честь полка, но и всей российской армии, поскольку такого рядового в сентябре 1999 года в полку не было. «И то, что солдат может проникнуть на склад, где хранятся вооружение и взрывчатые веществ-

ва, не соответствует действительности, потому что он не имеет права в него войти во время несения караульной службы».

В общем, Пиняева не было, но под суд его отдали. В мешках был сахар, но имело место «раскрытие государственной тайны». А в суд на «Новую газету» 137-й полк подал не из-за статей о гексогене, а потому, что караульный во время службы не имеет права зайти на охраняемый им склад и обратные утверждения на эту тему оскорбляли российскую армию.

Со взрывателями тоже выходило не гладко. Взрыватель, как бы ни пытался убедить в обратном Зданович, был настоящий, боевой, о чем твердо заявил в интервью агентству «Интерфакс» 24 сентября председатель Рязанской областной Думы Владимир Федоткин: «Это было самое настоящее взрывное устройство, никаких учений».

Взрыватель — очень важный формальный момент. По инструкции учения с боевым взрывателем на гражданском объекте и с гражданским населением проводить нельзя. Посудите сами, взрыватель могут украсть (тогда за это кто-то должен нести ответственность), его могут взорвать дети или бомжи, если найдут взрыватель в мешках с сахаром. Если бы взрыватель не был боевым, уголовное дело не могли бы возбудить по статье 205-й УК РФ (терроризм), оно было бы возбуждено по факту обнаружения взрывчатки и передано в МВД, а не в ФСБ. В конце концов, если говорить об «учениях», бдительность рязанцев проверялась на проворное обнаружение мешков со взрывчатым веществом, а не на работу с взрывателем. С боевым взрывателем такую проверку ФСБ проводить не могла.

Чтобы убедиться, что это действительно так, «Новая газета» обратилась к одному из военных специалистов, полковнику, и задала ему вопрос: проводятся ли учения с применением реальных взрывчатых веществ и существуют ли инструкции и постановления, которые регламентируют подобную активность? Вот что ответил полковник:

«Мощные взрывные устройства не используют даже в учениях с боевой стрельбой. Обходятся взрывпакетами. Если же нужно проверить умение находить и обезвреживать взрывное устройство, к примеру мину, используют макеты, в которых нет ни взрывателя, ни тротила. Занятия по подрывному делу, конечно, включают реальный подрыв достаточно сильных взрывных устройств (специалисты должны уметь их уничтожать). Но [...] проводятся такие учения локально, без посторонних. Присутствуют

исключительно подготовленные люди. О вовлечении гражданского населения и речи не идет. Все это строго регламентировано. Есть наставления по инженерному обеспечению, наставления по разминированию, соответствующие инструкции и приказы. Безусловно, для армии и спецслужб они сходные».

Непосвященному трудно понять, что скрывается за невинной фразой «возбуждено уголовное дело по ст. 205». Прежде всего это означает, что следствие будет проводиться не по линии МВД, а по линии ФСБ, так как теракт — это подследственность ФСБ. ФСБ и так перегружена делами, лишнего дела не возьмет. И раз уж она приняла дело, то, значит, основания были веские (этими вескими основаниями были результаты экспертизы). Надзор за следствием ФСБ осуществляет прокуратура, а розыск преступников совместно с ФСБ осуществляет МВД. Преступление, по которому возбуждено уголовное дело, в течение суток докладывается дежурному по ФСБ России по телефонам (095) 224-3858 и 224-1869; либо по телефонам оперативной связи 890-726 и 890-818; либо по телефону высокочастотной связи 52816. Обо всех поступивших сообщениях дежурный докладывает каждое утро в форме составленной им сводки лично директору СБ. Если же происходит что-то серьезное, например, предотвращение теракта в Рязани, дежурный вправе позвонить директору ФСБ домой, даже ночью. Отдельной сводкой ежедневно докладываются материалы СМИ о ФСБ и о сотрудняках ФСБ.

В течение нескольких суток со дня возбуждения уголовного дела по линии ФСБ составляется еще и аналитическая справка по линиям работы. Например, начальник отдела по борьбе с терроризмом рязанского УФСБ составляет справку на имя начальника Управления по борьбе с терроризмом ФСБ России. Эта справка затем поступает через секретариат заместителю директора ФСБ, курирующему соответствующий департамент. Оттуда справка поступает директору ФСБ. Так что об обнаружении в подвале рязанского дома мешков с взрывчаткой и боевого взрывателя Патрушев знал не позднее 7 часов утра 23 сентября. Когда кругом взрывы, подчиненному не доложить наверх о предотвращенном теракте — равносильно самоубийству. Ведь предотвращение теракта — радостное событие. Это и награды, и повышения в должности, и премиальные. И общественный резонанс, наконец.

А тут вместо праздника — неловкое положение. В связи с инцидентом в Рязани Зданович заявил 24 сентября, что ФСБ приносит жите-

лям города извинения. Обратим внимание на то, что еще сутки назад в интервью НТВ Зданович не извинялся. Следовательно, директива свести все к идиотизму, чтобы не получить обвинения в терроризме, Здановичу была спущена Патрушевым именно 24 сентября:

«Генерал Александр Зданович принес сегодня от лица Федеральной службы безопасности России извинения жителям Рязани за причиненные им в ходе антитеррористических учений вынужденные неудобства, а также пережитое ими психологическое напряжение. «Спецслужба благодарит рязанцев за проявленные бдительность, выдержку и терпение», — подчеркнул он. В то же время Зданович призвал россиян отнестись с пониманием к необходимости проведения «в жестком режиме» проверки уровня готовности, в первую очередь правоохранительных органов, к обеспечению безопасности населения, а также бдительности самих граждан в условиях активизировавшегося терроризма. Генерал рассказал, что на этой неделе ФСБ РФ провела в ряде городов России в рамках операции «Вихрь-Антитеррор» мероприятия по проверке реакции местных правоохранительных органов, включая территориальные подразделения самой ФСБ, и населения на «смоделированные» действия террористов по закладке взрывчатых устройств. Как констатировал представитель спецслужбы, при этом «были выявлены серьезные недостатки». «К сожалению, в некоторых из проверенных городов никакой реакции на «потенциальные закладки» правоохранительными органами проявлено не было». ФСБ, по словам Здановича, проводила операцию в максимально приближенных к реальной террористической угрозе условиях — иначе не было бы никакого смысла в подобных проверках. Естественно, что при этом ни местные органы власти, ни местные правоохранительные структуры в известность о «террористах» не ставились. Именно поэтому результаты проверки дают истинную картину обеспеченности уровня безопасности россиян в различных городах страны. Последняя в ряду проверенных городов, Рязань оказалась, как подчеркнул генерал, далеко не последней по бдительности населения, но, к сожалению, не столь же благополучной по действиям правоохранительных органов. В настоящее время в ФСБ РФ идет анализ результатов проведенной проверки с тем, чтобы срочно внести необходимые коррективы в работу правоохрани-

тельных органов по обеспечению безопасности жизни россиян. После подведения итогов и выяснения причин «сбоев» в самой операции, заверил Александр Зданович, незамедлительно будут приняты надлежащие меры».

Таким образом, ФСБ сделала однозначное заявление о том, что Рязань была последним городом, в котором проводились учения. Между тем именно с 23 сентября ФСБ начинает в срочном порядке (и вопреки заявлению Здановича) организовывать учения по проверке бдительности населения. Пресса пестрит сообщениями об «учебных закладках», которые совершенно невозможно отличить от хулиганских выходов телефонных террористов: то в одном, то в другом людном месте — на почтах, в учреждениях, в магазинах — закладываются муляжи бомб, а на следующий день в СМИ даются красочные описания того, как именно измученные жители не обратили на муляж внимания. Это Патрушев обеспечивал себе алиби — пытался доказать, что рязанские «учения» были звеном в цепи проверок, организованных глупой ФСБ по всей России.

Как только не изощрялись журналисты. Как только они не обзывали этих тупых эфэсбэшников, не поймавших ни одного настоящего террориста, но зато проводящих глупые военные игры в стране, где действительно орудует терроризм. Названия типа «Подлость и тупость ФСБ», «Федеральная служба провокаций», «Страна напуганных идиотов», «Человек человеку — собака Павлова» или «Спецслужбы помимели рязанцев» — не сильно выделялись на общем фоне. Но «подлое и тупое» руководство ФСБ с поразительным упрямством проводило все новые и новые «учебные закладки» и почему-то не слишком обижалось на осмелевших журналистов. Кроме одного случая: когда они писали о Рязани.

Вот несколько типовых «учений» конца сентября — октября 1999 года.

— В Москве сотрудники ФСБ пришли в отделение милиции с коробкой, на которой было написано «бомба». Им позволили пройти в помещение, где проверяющие оставили груз в одном из кабинетов и удалились. Обнаружили коробку только через два дня.

— Муляж взрывного устройства подложен в Москве в пиццерии на Волхонке (не обнаружен).

— В подмосковной Балашихе в начале октября нашли заброшенное здание, сделали вид, что в нем произведен взрыв, и проводили затем в

здании и вокруг него учения с привлечением милиции, ФСБ и МЧС по спасению пострадавших от произошедшего взрыва.

— То ли учения, то ли акты хулиганства с подкладыванием муляжей бомб неоднократно происходили в Туле и в Челябинске.

— В конце октября в Омске сотрудники Управления ФСБ Омской области по фальшивым документам беспрепятственно заехали на автомобиле на территорию предприятия Омскводоканал и, преодолев трехуровневую защиту предприятия, «взорвали» емкости с жидким хлором.

— В Иванове эфэсбэшники заложили мешки с сахарным песком в подвал пятиэтажного жилого дома (не обнаружены).

— Там же муляж взрывного устройства был оставлен в троллейбусе. Бдительные пассажиры сразу заметили коробку с проводами и отдали ее водителю. Тот забрал ее к себе в кабину и ездил с нею весь день. Потом привез коробку на конечную остановку и сам ее разобрал.

— Снова в Иванове оставили в такси коробку с муляжом бомбы. Водитель возил ее целый день, а потом выбросил на обочину, где она пролежала еще несколько часов, так и не замеченная прохожими.

— 22 сентября в туалете Центрального рынка в Иванове обнаружили взрывное устройство. Рынок оцепили, всех продавцов и покупателей срочно эвакуировали. Прибывшим военным потребовался час, чтобы разобраться, с какой именно бомбой они имеют дело. Бомба оказалась муляжом. Правоохранительные органы взялись выяснять, кто так профессионально «пошутил», тем более что муляж находился в туалете, предназначенном для узкого круга работников рынка, и запирался на замок. На поиски злоумышленников бросили весь личный состав ивановской милиции. В разгар операции представители ФСБ Москвы сделали официальное заявление: на рынке проходили учения. Муляж подложили московские сотрудники ФСБ.

— В Тольятти «заминировали» Волжский автозавод (ВАЗ). Муляж взрывного устройства нашли и обезвредили. Там же «взорвали» одну из городских гостиниц, в которой находилось до 50 человек. На «спасение» отвели полтора часа. В учениях участвовали милиция, пожарные, МЧС, «скорая помощь» и газовики. На Чапаевском мясокомбинате тоже провели учебное минирование. Работник, нашедший «взрывное устройство», разобрал его, а часовой механизм, заложенный в муляже, забрал себе.

— В Новомосковске Тульской области переодевшийся в диверсанта сотрудник ФСБ проник на химический комбинат «Азот», написал на

цистерне с аммиаком «заминировано» и, никем не замеченный, удался. За две недели до учений на заседании губернской антитеррористической комиссии представитель «Азота» заявил, что собственными силами они не в состоянии охранять предприятие, а на вневедомственную охрану денег нет.

Учения с последствиями были проведены в Санкт-Петербурге. Грузовик с иногородним номером, наполненный мешками с условной взрывчаткой, припарковали на спецстоянке перед зданием Следственного управления ГУВД и УФСБ Санкт-Петербурга и Ленинградской области на Захарьевской улице. Машина «террористов», не привлекая внимания, простояла там целые сутки, хотя грузовиков на ведомственной стоянке отродясь не было. Результатом проведенного учения было увольнение с должности начальника ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области генерал-майора милиции Виктора Власова (ради этого, собственно, и припарковывали к ГУВД грузовик).

Любой несостоявшийся или предотвращенный теракт, а то и просто бандитскую выходку теперь легко списывали на возможные учения ФСБ. В начале октября из девятиэтажного дома 4 по 3-й Гражданской улице в Москве были спешно эвакуированы жильцы. На каменных ступеньках, ведущих в подвал, кто-то обнаружил четыре ящика с 288 минными взрывателями. Такого количества взрывчатого вещества было достаточно, чтобы взорвать дом.

Как утверждали жильцы, во дворе их дома остановились две автомашины «Жигули». Несколько крепких мужчин вытащили из багажников машин четыре массивных деревянных ящика, обитых железом, и, оставив их на подвальных ступеньках, скрылись. Через полторы минуты первые милицейские наряды уже работали на месте происшествия. Еще через пятнадцать минут ящики осматривали специалисты взрывотехники ФСБ, а вокруг дома была создана так называемая зона отторжения.

Милиция не смогла установить, кому принадлежат машины, из которых выгружали боеприпасы. Фотороботы террористов спортивного телосложения составить также не удалось. А у ведущих расследование милиционеров кроме традиционной версии о «чеченском следе» появилась еще и версия о проверке бдительности, проводимой спецслужбами.

Обратим внимание на то, в каком режиме работали правоохранительные органы Рязани в дни, когда Патрушев решил провести там «учения». В период с 13 по 22 сентября рязанские спецгруппы более

сорока раз выезжали на сообщения жителей о заложенных взрывных устройствах. Так, 13 сентября в течение 20 минут из дома 18 по улице Костюшко и прилегающих к нему домов были эвакуированы все жители. За полтора часа дом был обследован от подвалов до чердаков. В операции приняли участие курсанты ВДВ, наряды милиции, бригады «скорой помощи», сотрудники ГОиЧС, саперы ОМОНа. Подобная эвакуация была проведена также из дома по улице Интернациональной. В эти же дни пришлось эвакуировать редакцию газеты «Вечерняя Рязань» и учеников школы № 45. Всюду тревога оказалась ложной.

В один из подъездов дома № 32 на Станкозаводской школьницы из озорства подбросили боевой снаряд РГД-22.

Операция по разминированию проводилась также в центре города, на площади Победы. Там подозрительным предметом оказался вкопанный в землю пустой газовый баллон.

Помимо этого в городе шла операция «Вихрь-Антитеррор» по направлениям «Динамит» и «Иностранец». Спецотряды ежедневно три раза в день проверяли 3812 городских подвалов и 4430 чердаков.

Днем 22 сентября из московского ФСБ в Рязань пришло сообщение, что по имеющейся в Москве информации один из домов по улице Бирюзова заминирован. Какой именно, неизвестно. В Рязани немедленно началась проверка всех домов улицы. Временно были эвакуированы тысячи людей, проверены все квартиры. Найдено ничего не было. Позже выяснилось, что тревога была ложной и организовал ее телефонный террорист. Тут-то Патрушев и решил проверить бдительность рязанцев в ночных условиях.

Закладка мешков в жилом доме в Рязани не могла быть учебной по ряду формальных обстоятельств. При проведении учений в обязательном порядке должен иметься заранее составленный план учений. В нем должны быть определены: руководитель учений, его заместитель, наблюдатели и проверяемые, т. е. те, кого проверяют (жители Рязани, сотрудники УФСБ по Рязанской области и т. д.). План должен расписать вопросы, подлежащие проверке. План должен иметь так называемую легенду, своеобразный сценарий разыгрываемого спектакля. В случае с Рязанью — сценарий закладывания в подвал жилого дома мешков с сахарным песком. В плане должно быть оговорено материальное обеспечение учений: автотранспорт, денежные средства (например, на покупку трех мешков сахара по 50 кг каждый), питание (если в учениях принимает участие большое количество людей), оружие, средства связи, система кодовой связи (кодовые таблицы).

После всего этого план утверждается у вышестоящего руководства, и только затем на основании утвержденного плана издается письменный (и только письменный) приказ о проведении учений. Перед непосредственным началом учений лицу, утвердившему план учений и отдавшему приказ об их проведении, докладывается о начале учений. После окончания учений — докладывается об их окончании. В обязательном порядке составляется докладная записка о результатах учений, где определяются положительные итоги и недостатки, поощряются отличившиеся, указываются провинившиеся. Этим же приказом списываются материальные ценности, израсходованные или уничтоженные в ходе учений (в рязанском случае — как минимум три мешка с сахарным песком и патрон для детонатора).

О планируемом проведении учений в обязательном порядке должен быть поставлен в известность начальник местного УФСБ. Он находится в прямом подчинении у директора ФСБ, и проверять Сергеева без санкции Патрушева никто не имеет права. Точно так же без санкции Сергеева не имеют права проверять сотрудников рязанского УФСБ, подчиненных Сергеева. Значит, Патрушев и Сергеев должны были быть в курсе «учений» и обязаны были сделать заявление о проводимых «учениях» уже вечером 22 сентября. Между тем со стороны Патрушева такое заявление последовало только 24 сентября, а со стороны Сергеева не последовало вовсе, так как об «учениях» он ничего не знал.

Согласно положению ФСБ имеет право проверять только себя. Она не может проверять другие структуры или же частных граждан. Если ФСБ проверяет МВД (например, рязанскую милицию), то это уже совместные с МВД учения, и о них ставятся в известность еще и соответствующие руководители МВД в центре и на местах. Если учения затрагивают гражданское население (как было в Рязани), то привлекаются еще и службы гражданской обороны и МЧС. Во всех случаях составляется совместный план учений, подписываемый руководителями всех ведомств. Утверждается этот план у лица, курирующего все вовлеченные в учения силовые структуры.

Учения могут быть максимально приближенными к реальной ситуации, например учения с боевой стрельбой. Однако проводить учения, при которых могут пострадать люди или же может возникнуть опасность заражения окружающей среды, категорически воспрещается. Особо оговорен запрет на проведение учений в отношении военнослужащих и подразделений, несущих боевую службу, или кораблей, стоящих на боевой вахте. Если пограничник стоит на посту, запрещено

ради проверки его бдительности имитировать переход границы. Если есть охраняемый объект, нельзя в рамках учений нападать на объект.

Боевая служба отличается от учений тем, что во время службы решаются боевые задачи с боевым оружием. В каждом роде войск (и в милиции) есть устав боевой службы, в котором все расписано до деталей. 22-23 сентября 1999 года в Рязани рязанские милицейские патрули несли боевую службу с оружием и специальными средствами, которые имели право применять при задержании сотрудников ФСБ, закладывающих непонятные мешки в подвал жилого дома. Вся милиция Рязани после серии взрывов в России работала в усиленном режиме, в условиях реальной опасности совершения терактов. А значит, при проведении необъявленных учений незадачливых сотрудников ФСБ могли просто пристрелить.

А тут еще уголовное дело по ст. 205. Это означает, что следователь выписал постановление о розыске и задержании подозреваемых и что их при задержании могли убить. Основания для возбуждения уголовного дела четко определены в Уголовно-процессуальном кодексе (УПК) РФ. Там нет подпункта о возбуждении уголовного дела в ходе учений или в связи с учениями. Необоснованное или незаконное возбуждение уголовного дела есть преступление само по себе, равно как и его незаконное прекращение.

И, наконец, учения не могли проходить без наблюдателей, т. е. тех, кто со стороны оценивает результаты учений, составляет затем отчеты о достижениях и промахах, поощряет, взыскивает, делает выводы. В Рязани наблюдателей не было.

Если бы Патрушев вопреки всем существующим нормам, уставам и положениям отважился все-таки отдать приказ на проведение тайных учений, его поступок следовало бы считать преступлением. Начнем с того, что Патрушев нарушил Федеральный закон «Об органах Федеральной службы безопасности в Российской Федерации», принятый Государственной думой 22 февраля 1995 года и утвержденный президентом. Статья 8-я этого закона гласит, что «деятельность органов Федеральной службы безопасности, применяемые ими методы и средства не должны причинять ущерб жизни и здоровью людей и наносить вред окружающей среде». Статья 6-я этого же закона пространно описывает обязанности ФСБ и права граждан:

«Государство гарантирует соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении органами Федеральной службы

безопасности своей деятельности. Не допускается ограничение прав и свобод человека и гражданина, за исключением случаев, предусмотренных федеральными конституционными законами и федеральными законами.

Лицо, полагающее, что органами Федеральной службы безопасности либо их должностными лицами нарушены его права и свободы, вправе обжаловать действия указанных органов и должностных лиц в вышестоящий орган Федеральной службы безопасности, прокуратуру или суд.

Государственные органы, предприятия, учреждения и организации, независимо от форм собственности, а также общественные объединения и граждане имеют право в соответствии с законодательством Российской Федерации получать разъяснения и информацию от органов Федеральной службы безопасности в случае ограничения своих прав и свобод. [...]

В случае нарушения сотрудниками органов федеральной службы безопасности прав и свобод человека и гражданина руководитель соответствующего органа Федеральной службы безопасности, прокурор или судья обязаны принять меры по восстановлению этих прав и свобод, возмещению причиненного ущерба и привлечению виновных к ответственности, предусмотренной законодательством Российской Федерации.

Должностные лица органов федеральной службы безопасности, допустившие злоупотребление властью или превышение служебных полномочий, несут ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации».

Согласно статьям УК РФ описанные в 6-й статье федерального закона об ФСБ преступления подпадают под следующие статьи уголовного кодекса:

Ст. 286. Превышение должностных полномочий.

Совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций [...]. То же деяние, совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации; [...] с применением насилия или с угрозой его применения; с применением оружия или специальных средств; с причинением тяжких последствий, наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет с лишением права занимать определенные должности

или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Ст. 207. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма.

Заведомо ложное сообщение о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба, [...] наказывается штрафом [...] либо лишением свободы на срок до трех лет.

И, наконец, статья 213. Хулиганство — грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, [...] наказывается [...] лишением свободы на срок до двух лет.

Должностное лицо, занимающее государственную должность, — директор ФСБ Патрушев — отдал приказ о проведении с помощью специальных средств (мешков с непонятным содержимым и охотничьим патроном) насильственного выселения на всю ночь жильцов рязанского дома. Результатом этого абсолютно противоправного действия, не предусмотренного военными или гражданскими уставами, положениями и законами, явились тяжкие последствия в форме ущерба здоровью и психологических потрясений граждан, в частности серьезная простуда одного ребенка, которого мать по приказу милиции вытащила на улицу прямо из ванны, не успев его толком одеть, а также сердечные приступы и гипертонические кризы у нескольких жильцов.

По крайней мере два специалиста-медика дали заключения относительно психологических последствий «учений» для выгнанных из дома людей. По мнению главы организационной службы психотерапевтической помощи Комитета здравоохранения Москвы Николая Кырова, жильцы дома в Рязани получили серьезную психологическую травму: «Это сравнимо с тем, что люди пережили бы во время настоящего теракта. А люди, пережившие взрыв, — это уже совсем другие люди, они непосредственно приблизились к границе жизни и смерти. Такие серьезные моменты уже никогда не покидают сознание. Хотя бы в середине эксперимента надо было сообщить жильцам дома, что тревога не настоящая, а учебная».

Главный психотерапевт Москвы Юрий Бойко нарисовал даже более безрадостную картину: «В результате неуверенности и страха резко увеличится потребление никотина, спиртного и просто продуктов питания. Часть населения уже сегодня стремится получить помощь у непрофессионалов: возрастает интерес людей к различного рода сектам, магам, гадалкам». (От трех до десяти лет с отстранением от должности на три года).

Зная о том, что в Рязани проводятся учения, Патрушев в течение полутора суток не сообщал об этом общественности и жителям дома в Рязани, а это равнозначно заведомо ложному сообщению о теракте. (Ограничимся денежным штрафом).

Ну и согласно 213-й статье за явное неуважение к обществу — еще два года.

Отметим также, что согласно части IV «Положения о Федеральной службе безопасности Российской Федерации» от 6 июля 1998 года «Директор ФСБ России несет персональную ответственность за выполнение задач, возложенных на ФСБ России и органы Федеральной службы безопасности». Интересно, возьмется ли за это дело Генпрокуратура России?

Чтобы сравнить происшедшее в Рязани с мировой практикой, приведем выдержки из интервью бригадного генерала Джона О'Коннора, возглавлявшего так называемый летучий отряд британского Скотланд-Ярда — спецназ, использующийся в борьбе с террористами и особо опасными преступниками. На вопрос, что он думает о событиях в Рязани, генерал ответил:

«Я был абсолютно шокирован. [...] Если бы нечто подобное случилось в Великобритании, то организатор такой провокации был бы предан за это суду. За 38 лет службы в полиции я ни разу не слышал ни о чем подобном. Причем не только в британской полицейской практике, но и в полицейской практике других европейских стран. Мне даже трудно понять возможные мотивы, которыми руководствовались организаторы этой акции. Даже если они хотели проверить бдительность населения, его реакцию на возможную находку бомбы и взрывчатого вещества, то такую реакцию подсказывает элементарная логика. Это может породить лишь страх и панику. Возможная реакция населения на потенциальные теракты должна изучаться психологами и социологами, а не проверяться безответственными людьми с помощью незаконных и, я бы даже сказал, преступных методов. Ведь организаторы этой так называемой проверки бдительности, возможно, сами того не желая, стирают грань между террористами и полицией. С точки зрения профессиональной морали они использовали методы тех сил, с которыми призваны бороться».

Учения не могли проводиться на угнанной машине. Угон автомашины согласно УК РФ является преступлением, кражей. Лицо, совершившее

такое преступление, несет уголовную ответственность. По закону об ФСБ совершать преступления сотрудники не имеют права даже при решении боевых задач. При проведении оперативных учений с оперативным составом используется только служебный транспорт ФСБ (в том числе оперативные автомашины, которых в ФСБ два автопарка только в центральном аппарате). Если такую машину останавливает ГАИ, например, за превышение скорости на трассе Москва — Рязань, или же задерживает рязанская милиция, потому что московский номер машины заклеен подозрительной бумажкой, машина сразу определяется как находящаяся на спецучете. Для любого милиционера это всегда указание на то, что машина является оперативным транспортом правоохранительных органов или спецслужб.

Учения непременно проводились бы на оперативном транспортном средстве. Напротив, теракт на оперативной машине ФСБ совершать не могла. Машину могли заметить (и заметили), определить (и определили). И как бы некрасиво выглядело, если бы террористы взорвали дом в Рязани, используя машину, числящуюся за автопарком ФСБ. А если террористы взрывают дом на угнанной машине, это привычно и естественно. С другой стороны, если сотрудников ФСБ днем (не ночью) остановят на угнанной машине для рутинной проверки или за превышение скорости, они покажут свои служебные удостоверения или «документы прикрытия», и никакой милиционер не станет проверять документацию на машину, а потому не узнает, что машина в розыске.

На оперативной работе у сотрудников ФСБ в виде «документа прикрытия» в кармане часто лежит удостоверение работника МУРа, отпечатанное в специальной лаборатории ФСБ. Именно муровское удостоверение капитана уголовного розыска Александра Евгеньевича Матвеева, выданное ГУВД Москвы за номером 03726, показал при задержании 14 мая 1999 года журналист «Московского комсомольца» Хинштейн, известный своей удивительной и далеко не случайной осведомленностью в делах, хранящихся в сейфах спецслужб. Кстати, у Хинштейна был еще и спецталон, запрещающий милиции осматривать машину. На вопрос милиции о происхождении документов Хинштейн честно ответил, что они принадлежат ему и являются «документами прикрытия».

Если такие служебные удостоверения нашлись у Хинштейна, можно себе представить, какой арсенал «документов прикрытия» имели при себе эфэсбэшники, отправляющиеся на взрыв дома в Рязани. А если вдруг при проверке документации на машину открывается, что

она угнанная, всегда можно сказать, что машину только что нашли и гонят, чтобы вернуть владельцу.

Автомашина, на которой приехали террористы, — единственная улика, остающаяся после взрыва жилого дома. Единственный след, который может вывести на преступников. Автомашина — самое слабое звено в подготовке и проведении любого террористического акта. Иначе как на угнанной машине нельзя было взрывать дом в Рязани.

В заключение хотелось бы привести мнение бывшего генерального прокурора России Ю.И.Скуратова, высказанное им в интервью парижской газете «Русская мысль» (опубликовано 29 октября 1999 года):

«Меня очень сильно смутило и насторожило произошедшее в Рязани. Здесь действительно можно выстроить схему: сами спецслужбы были причастны к подготовке взрыва в Рязани, а когда их прихватили, они очень неуклюже оправдывались. Меня очень удивляет, почему прокуратура так до конца и не разобралась с этим эпизодом. Это ее задача».

Таким образом, нет никаких указаний на то, что в Рязани проводились учения, кроме голословных заявлений руководителя ФСБ Патрушева, Здановича и некоторых других офицеров ФСБ. Наоборот, все говорит за то, что в Рязани действительно был предотвращен теракт. Осталось только, чтобы заказчики, организаторы, виновники и пособники этого преступления были судимы и осуждены. Поскольку мы знаем их имена, должности, служебные и домашние адреса, задержать подозреваемых преступников труда не составит.

Глава 6

ФСБ ПРИБЕГАЕТ К МАССОВОМУ ТЕРРОРУ: БУЙНАКСК, МОСКВА, ВОЛГОДОНСК

Это не люди, это настоящие выродки, которых, как бешеных собак, надо просто отстреливать. Но поскольку мы действуем в рамках закона, то, естественно, надо их изобличить и чтобы они предстали перед судом.

Террористы... какие-то системы страховки могут придумать. В том числе и уничтожение непосредственных исполнителей. Я это совершенно не исключаю.

Из интервью А.Здановича радиостанции «Эхо Москвы»
16 сентября 1999 г.

В Буйнакске, Москве и Волгодонске исполнители терактов найдены не были. А об организаторах мы можем догадываться лишь по аналогии с Рязанью. В этих трех городах рязанский вариант «учений» был доведен до запланированного конца — оборвавшего и изуродовавшего жизни нескольких сотен людей.

В августе 1999 года на свободе оказались все участники группировки Лазовского, даже Воробьев. В это время как раз подходила к концу оче-

редная военная операция в Дагестане, куда вторглись чеченские сепаратисты. С того времени многое было сказано и написано о вторжении чеченцев в Дагестан. Утверждали, что эта операция была спланирована в Кремле и спровоцирована спецслужбами. Российские СМИ пестрели статьями о конспиративной встрече Шамиля Басаева и руководителя администрации президента Александра Волошина во Франции, организованной сотрудником российской разведки А.Суриковым.

Фактов для однозначных выводов в нашем распоряжении мало. Начнем с интервью Сурикова.

24 августа 1999 г. газета «Версия», принадлежавшая холдингу «Совершенно секретно», тому самому, которым руководил Боровик, погибший в авиационной катастрофе вместе с чеченским бизнесменом Бажаяевым 9 марта 2000 года, опубликовала интервью с полковником ГРУ Суриковым, приближенным Евгения Примакова, с одной стороны, и Юрия Маслюкова, с другой. Во время грузино-абхазского конфликта Суриков был подчиненным министра обороны Абхазии Султана Сосналиева. На войне он познакомился с Басаевым. С тех пор считался специалистом по Кавказу. В редакционной заметке, предшествовавшей интервью, «Версия» сообщила, что именно Суриков организовал «тайную встречу с руководителем администрации президента Волошиным» Басаева. Ни Суриков, ни Волошин опровергать эту информацию не стали. Суриков сообщил, что:

«Шамиль Басаев и Хаттаб создали в Дагестане укрепрайоны, о масштабах которых пресса даже не подозревает. Вырыты линии окопов, построены фортификационные сооружения, налажен подвоз оружия и боеприпасов из Чечни. Они также наладили связь и транспортное сообщение друг с другом и с Чечней. Укрепрайоны окружены минными полями. Как военный могу утверждать, что одной лишь артиллерии и авиации, которую используют в дагестанских горах федеральные войска, мало. Пока действия федералов неэффективны и не наносят ущерба живой силе и фортификациям боевиков. Для того чтобы ликвидировать укрепрайоны, необходимо масштабное наступление сухопутных войск при поддержке авиации. [...]

Федеральная группировка, которая создается в Дагестане, набрана с миру по нитке. Это милиция с Урала, ОМОН из Мурманска, разрозненные части Министерства обороны, много призывников. По моим данным, призывников — треть, вопреки утверждениям генералов, что солдат срочной службы в Дагестан не посылают. Ни о каком боевом «слаживании» этой разношерстной команды говорить не приходится.

ся. В регионе сейчас находится до трех десятков генералов, хотя операция по ликвидации боевиков по силам одному слаженному полку. И командовать здесь мог бы полковник при условии единоначалия и скоординированности действий. Сейчас же эти генералы способствуют бардаку в управлении войсками, так как принадлежат к разным ведомствам.

Поэтому в нынешней ситуации военная операция приведет к многочисленным жертвам среди наших солдат и милиционеров. Могу спрогнозировать, что при штурме погибнут 300-400 человек, и это при том, что уже сейчас убитых и раненых среди наших около 250 человек. Вопреки заявлениям генералов у боевиков потери минимальные — примерно 40 человек. Столько же они могут потерять при штурме. Вообще данные о потерях боевиков — тысячах убитых в день — мне напоминают сообщения с чеченской войны 1995 — 1997 годов.

Наши генералы, очевидно, не принимают в расчет, что Шамиль Басаев — опытный партизан и диверсант, который стал асом в этом деле задолго до чеченской войны. Он прошел подготовку по полной программе в одном из российских разведывательных ведомств. Это было в разгар грузино-абхазской войны. Тогда Москва заняла трусливую позицию, и, вместо того чтобы выступить в защиту Абхазии, которая подверглась геноциду, все свелось к тому, что российские силовые структуры неофициально помогали добровольческим отрядам, которые отправлялись на войну. Бывший в то время министром обороны Павел Сергеевич Грачев делал вид, что не знает об этом. Из той массы добровольцев, которые прибыли воевать в Абхазию, половину составляли чеченцы. И возглавлял их Шамиль Басаев.

Сейчас Басаев вносит существенные коррективы в тактику боевых действий в Дагестане. Он удерживает укрепрайон в Ботлихе, но это лишь отвлекающий маневр. Он начинает разворачивать партизанское движение. Вместе с диверсионной деятельностью это наиболее эффективный способ ведения войны в горно-лесистой местности. Теперь его тактика — короткие нападения на колонны федеральных сил, организация засад, минирование дорог, минометный обстрел стратегических объектов. [...]

В Кремле знали о предстоящем вторжении ваххабитов в Дагестан. Не могли не знать. Об этом предупреждали спецслужбы. Об этом, в конце концов, писала «Версия». Почему прозевали? Потому что в Кремле есть люди, которые вполне серьезно считают, что деятелям типа Басаева можно заплатить и они будут делать все, что скажет Москва. [...]

По большому счету, российские спецслужбы тоже проспали вторжение Басаева в Дагестан. Потому что наши спецслужбы находятся в той степени разложения, когда уже сложно справиться с прямыми обязанностями по причине занятости коммерцией. Они способны разве что наехать на журналиста Пасько, да и то неудачно. Ситуацию на Кавказе еще можно спасти. Но некому.»

Удивительно даже не то, что Суриков дал интервью «Версии», а то, что это интервью было дано через три недели после публикации в «Версии» изначального материала о встрече Волошина и Басаева. Если бы Суриков считал, что первая статья «Версии» не соответствовала действительности, он либо отказался бы дать «Версии» интервью, либо использовал бы представившуюся возможность для опровержения.

Исходная статья «Версии» называлась «Сговор» и была опубликована 3 августа 1999 года:

«Роскошная вилла во французском городе Булье, расположенном между Ниццей и княжеством Монако, давно находится в поле зрения французских спецслужб. Вилла эта принадлежит международному торговцу оружием Адану Хашоги. И хотя с точки зрения французского уголовного законодательства к Хашоги претензий нет, но у миллиардера из Саудовской Аравии сомнительная репутация.

О повысившемся интересе своих коллег к вилле Хашоги нам сообщил источник «Версии» во французских спецслужбах, имени которого мы не называем. Это профессор политологии и одновременно специалист по вопросам российской обороны, безопасности, оргпреступности. Часто выступает в прессе, ведет журналистские расследования. Работает по контрактам французских правительственных учреждений, в том числе французской контрразведки.

Он сообщил, что французы начали пристальное наблюдение за виллой в начале июля, когда на вилле обосновался венесуэльский банкир Альфонсо Давидович вместе с молодой секретаршей-негритянкой. В латиноамериканской прессе ему приписывают отмывание средств колумбийской левой повстанческой организации ФАРК (Форсе Армаде Революционаре де Колумбия), ведущей несколько десятилетий вооруженную борьбу с официальными властями. Считается, что основным источником финансирования ФАРК является контроль над наркобизнесом.

Вскоре обнаружилось, что весьма частым посетителем Давидовича был некий французский бизнесмен израильско-советского происхож-

дения, уроженец Сухуми, 53-летний Яков Косман. Вскоре он приехал на дачу и привез с собой шесть человек, которые прибыли через Австрию с турецкими паспортами. В одном из турок спецслужбы распознали господина Цвейбу, который в свое время так проявил себя в грузино-абхазской войне, что тбилисские власти до сих пор обвиняют его в военных преступлениях, в том числе и в расправах над гражданским населением. Все шестеро поселились на вилле и в течение трех недель не покидали ее территорию.

Наконец спецслужбам удалось зафиксировать, как Косман в сопровождении Цвейбы и еще одного гостя — предположительно абхаза — направился в местный аэропорт Ниццы. Сюда же на частном самолете из Парижа прибыли два человека. Один из них — Султан Сосналиев — в годы все той же грузино-абхазской войны был министром обороны Абхазии и являлся фактически вторым человеком в республике после Владислава Ардзинбы. Вторым вышедшим из самолета был еще один уроженец Сухуми — Антон Суриков. В годы войны в Абхазии Суриков был подчиненным Сосналиева. Действуя под псевдонимом Мансур, он отвечал за вопросы организации диверсий. Впоследствии, уже под собственным именем, Суриков занимал ключевой пост в аппарате правительства Евгения Примакова, хотя и числился лишь помощником первого вице-премьера Юрия Маслюкова. Оба проследовали на виллу в Булье.

В середине июля, через пару дней после приезда дуэта, в порт Булье вошла частная английская яхта «Магия», прибывшая с Мальты. С нее на берег сошли два «англичанина». Если верить паспортным данным, одним из «англичан» являлся некий турок Мехмед, в прошлом советник исламистского премьера Турции Эрбакана, достаточно влиятельная фигура в ваххабитских кругах Турции, Ближнего Востока и Северного Кавказа. Вторым человеком, к удивлению спецслужбистов, был небезызвестный чеченский полевой командир Шамиль Басаев. Между прочим, в свое время он тоже был заместителем Сосналиева и возглавлял в Абхазии чеченский батальон. Французы напряглись и усилили наблюдение. И не зря. На самолете одной из российских нефтяных компаний поздно вечером в аэропорт Ниццы прилетел человек — лысоватый, с бородой, колючим взглядом, внешне очень сильно похожий на главу кремлевской администрации. Уже пройдя контроль французской пограничной службы, этот человек настороженно посмотрел по сторонам. Он был в строгом костюме, с портфелем и без всякой охраны. Лысоватый человек успокоился, только когда увидел

встречающих-двоих абхазов и Сурикова. Все они сели в «роллс-ройс» и умчались на виллу в Булье.

Всю ночь на вилле что-то происходило, была повышена бдительность охраны виллы, а пространство вокруг нее распространяло такое сильное магнитное излучение, что мобильные телефоны в радиусе нескольких сотен метров не работали. Утром тот же «роллс-ройс» умчался в аэропорт и человек, похожий на Волошина, улетел в Москву. В течение суток виллу покинули и все ее обитатели.»

Следует отметить, что «Версия» оказалась удивительно настойчивой, даже настырной, в проповедывании теории о том, что вторжение в Дагестан в августе 1999 года было организовано спецслужбами России. В частности, 29 февраля 2000 года, за несколько дней до гибели Боровика и Бажаева и президентских выборов, на которых победил Путин, в газете была опубликована статья «Заговор Хасбулатова»:

«После того как Хасбулатов известил Кремль о готовящемся перевороте [в Чечне], руководитель администрации президента Александр Волошин, по некоторым данным, спешно встречается во Франции с Шамилем Басаевым. Эту встречу организует для Волошина Антон Суриков, полковник ГРУ, приближенный к властным структурам, а если точнее — приближенный к окружению Евгения Примакова, бывшего шефа федеральной разведки. Сразу после переговоров во Франции Шамиль Басаев осуществляет вторжение в Дагестан. Потом следуют взрывы жилых домов в Москве и других городах России. Потом — вторая чеченская кампания. Так начинаются войны.»

Библиография встречи Волошина и Басаева не была бы полной без упоминания последней статьи этой серии, опубликованной в той же «Версии» 2 июля 2000 года: «Сговор-2», когда Путин уже одержал на выборах победу и публикация материала, безусловно, проводилась не в рамках предвыборной кампании. Это был расширенный вариант старой статьи «Сговор», но с новыми отрывками:

«Встреча, которая будто бы проходила на даче международного торговца оружием Аднана Хашогги в местечке Булье под Ниццей, состоялась 4 июля 1999 года. [...] В свое время источники во Франции и в спецслужбах Израиля, от которых и была получена информация, сообщали о том, что «существует видеозапись встречи на вилле в Булье». Однако никаких доказательств не приводили. В конце июня в редакцию «Версии» пришел большой почтовый конверт без обратного

адреса. В нем находилась фотография, на которой были изображены три человека. Слева — человек, напоминаящий помощника бывшего первого вице-премьера правительства Юрия Маслюкова Антона Сурикова. В центре находился человек, очень похожий на главу кремлевской администрации Александра Волошина, — лысоватый и с такой же бородкой. Рядом с двумя этими персонажами на корточках сидит также человек в шортах — лысоватый, но с более мощной бородой. Спустя еще некоторое время в редакции раздался телефонный звонок, и позвонивший человек, не представившись, сказал: «Это фотография встречи Волошина с Басаевым. Волошина легко узнать, а Басаев-это тот бородатый, крайний справа». [...] Незнакомец пояснил, что это снимок со стоп-кадра, а запись сделана аналоговой видеокамерой. [...]

На момент той встречи Суриков числился советником гендиректора РСК «МиГ», а в настоящее время он по-прежнему работает с Маслюковым, но уже возглавляет аппарат комитета по промышленности, строительству и наукоемким технологиям в Государственной думе. [...]

По уточненным данным французов и израильтян, 3 июля в порт Булье вошла частная английская яхта «Магия», прибывшая с Мальты. С нее на берег сошли два пассажира. Если верить паспортным данным, одним из «англичан» являлся некий турок Мехмет[...]. Вторым человеком, к удивлению разведчиков, был чеченский полевой командир Шамиль Басаев.

[...] 4 июля поздно вечером в аэропорт Ниццы на частном самолете одной из российских нефтяных компаний прилетел человек — лысоватый, с бородкой, колючим взглядом, внешне похожий на главу кремлевской администрации. [...]

Случайно это или нет, но спустя некоторое время, в августе, произошло вторжение банды Шамиля Басаева в Дагестан. Вскоре последовала отставка с поста премьер-министра правительства Сергея Степашина, а на его место назначили экс-главу ФСБ. Федеральные войска после этого успешно отбили атаку на Дагестан и на спинах чеченских боевиков вновь вошли в мятежную Чечню. С тех пор «антитеррористическая операция» в Чеченской Республике продолжается и вряд ли завершится в ближайшее время. Надо отметить, что из разных источников мы получили различающиеся сведения о целях визита в Булье людей, похожих на Волошина и Басаева. По одним предположениям, последовавшее вторжение в Дагестан было своеобразной PR-акцией в рамках операции «Наследник». По другим же предположениям, напо-

минавший главу кремлевской администрации человек, наоборот, узнал от российских спецслужб о намерениях Басаева и попросил когда-то сотрудничавших с ним людей — предположительно Антона Сурикова — о встрече с ним, чтобы каким-то образом избежать нападения.»

Бывший министр иностранных дел Чеченской республики в правительстве Аслана Масхадова Ильяс Ахмадов считал, что дагестанская операция была спровоцирована Москвой:

«Руководство Чечни осудило дагестанский поход. Это действительно для нас большая проблема. Но вспомните, что было в июле, когда российская армия уничтожила наш блокпост, а потом на нашу территорию вошел целый батальон российских солдат. Разве это не провокация? К Басаеву приходили паломники из Дагестана с просьбой освободить их от «русского ига», а когда он начал поход, стали говорить с экрана телевизора, что им этого не надо и они хотят жить в России. Это шито белыми нитками».

По мнению Абдурашида Саидова, основателя и бывшего председателя Исламско-Демократической партии Дагестана, начиная с 1997 года, после принятия парламентом Дагестана известного закона «О борьбе с исламским фундаментализмом», шло активное «выдавливание» религиозного меньшинства (ваххабитов) из Дагестана в Чечню. Ваххабитам в Дагестане создавали невыносимые условия жизни, их преследовали и угрожали физической расправой. При этом руководство Дагестана отдавало себе отчет в том, что в Чечне ваххабитов встретят с радостью. «Выдавленные» в Чечню дагестанские исламисты становились оппозиционерами и со временем готовы были вернуться в Дагестан, но уже в другом качестве — как новые руководители государства. Слухи о предстоящем из Чечни вторжении ходили по Дагестану уже в 1997-1998 годах. В те же годы Россия оголила границы с Чечней в Цумадинском, Ботлихском, Казбековском районах Дагестана. Активисты радикальной дагестанской оппозиции свободно перемещались по территории двух республик. Но ФСБ, которую тогда возглавлял Путин, на это не реагировала. Не исключено, что в окружении лидера дагестанских исламистов-радикалов Багаудина, скрывавшегося в Чечне от преследований, были провокаторы, выполнявшие задание определенных российских силовых ведомств, и что именно эти люди в нужное время подтолкнули Багаудина, а через него — Басаева и Хаттаба к вторжению в Дагестан.

С мая-июня 1999 года в Грозном уже любой рыночный торговец знал, что вторжение в Дагестан неминуемо. Только российские спецслужбы, почему-то об этом не догадывались. С июля в дагестанском селе Эчеда, в России, находились несколько сот вооруженных ваххабитов-дагестанцев, которые заранее окопались, укрепились в труднодоступных ущельях на границе с Чечней и Грузией. Задолго до прихода в Цумадинский район исламских мятежников эти места были нашпигованы оружием. В конце июля, в пик топливного кризиса в районе, прямо под окнами УВД и УФСБ Цумадинского района в лагерь боевиков многотонные грузовики доставляли топливо. ФСБ и на это не реагировала, поскольку предстоящее вооруженное столкновение между чеченцами и дагестанцами Кремлю было выгодно.

Одновременно Багаудину шли обнадеживающие сообщения агентов: «Кроме работников милиции, в Цумада никого нет, да и они своих трогать не будут. Мы в два счета будем в райцентре. Это твой родной район, народ ждет тебя, поддержка обеспечена, вперед!». И Багаудин попал в ловушку. Кстати, накануне вторжения Басаев предлагал Багаудину совместные действия, но последний помощь отверг, и потому Басаев с Хаттабом вынуждены были выступить отдельно, в Ботлихском направлении, очень кстати и очень вовремя для российского руководства и организаторов предвыборной кампании Путина. Тут-то и начались в России невиданные до тех пор теракты.

Мотивировку сентябрьских терактов предоставила сама ФСБ. В официальной справке УФСБ по Москве и области были сформулированы цели террористов, подорвавших в сентябре 1999 года в Москве жилые дома: «Одной из основных версий, разрабатываемых следствием, стало совершение террористического акта, направленного на дестабилизацию обстановки в Москве, устрашение населения и оказание воздействия на принятие властями определенных решений, выгодных организаторам акции». Ту же самую мысль, но на уровне фельетона сформулировала газета «Вечерняя Москва»: «Главная цель террористов — создать в обществе гнетущую и гнусную атмосферу. Чтобы я, струсив, дал по морде моему соседу-кавказцу, а он бы схватил «кынжал», и понеслась... Чтобы партия идиотов вышла из подполья и начались массовые аресты. Не спрашивай, что это за партия и где оно, это подполье».

Понятно, на какие «определенные решения» властей можно было повлиять взрывами, а на какие — нельзя. На решение о вводе войск в Чечню взрывами повлиять было легко. А вот на решение о предоставле-

нии Чечне формальной независимости (неформальная независимость у Чечни к тому времени была) повлиять в нужную для чеченцев сторону терактами было совершенно невозможно. Иными словами, взрывы были нужны спецслужбам в России для начала войны с Чечней, а не повстанцам в Чечне для юридического признания независимости республики. То, что это именно так, доказало время: война началась, спецслужбы пришли к власти в России, независимость Чечни закончилась. И все это — результат произведенных в сентябре терактов.

31 августа 1999 года производится пробный теракт в торговом комплексе «Охотный ряд» на Манежной площади. Погиб один человек, 40 получили ранения. Правительство немедленно предложило к рассмотрению «чеченскую версию», хотя трудно было предположить, что чеченцы будут устраивать теракт в комплексе, генеральным директором которого является известный чеченец Умар Джабраилов (нынешний представитель Чечни в Совете Федерации). За подготовку и проведение теракта впоследствии был арестован «некий Рыженков», согласно версии ФСБ «выдающий себя за генерала ФСБ». Между тем о генерале ФСБ Рыженкове, «определенно работающем» на террористов, еще в 1996 году докладывал в ФСБ полковник Николай Васильевич Зеленко, начальник войсковой разведки 8-го армейского корпуса генерала Рохлина.

Военная разведка действительно занимается оперативной работой, в том числе на территории России, и имеет свою агентуру. 8-й армейский корпус был дислоцирован в Волгограде, воевал в Чечне и особенно активно занимался вербовкой агентов среди чеченцев. В Волгограде на полигоне ГРУ проходил подготовку Шамиль Басаев перед грузино-абхазским конфликтом, причем его обучение вела именно военная разведка. Если Зеленко уже в 1996-1998 годах узнал что-то о будущих организаторах теракта в «Охотном ряду» и о Рыженкове или же о подготовляемых в России терактах, он, безусловно, доложил об этом генералу Рохлину, так как последний был председателем комитета Госдумы по обороне. Рыженков в то время задержан не был. Наоборот, был арестован сам Зеленко.

Почти всю службу Зеленко провел на Кавказе. Побывал во всех горячих точках: Карабахе, Баку, Тбилиси, Абхазии, Дагестане и Чечне. В Грозном побывать не успел, так как был тяжело ранен. К раненому Зеленко на двадцатый день после операции на сердце в госпиталь им. Бурденко в Москве пришли сотрудники ФСБ, обвинили его в хранении неучтенного пистолета и намерении совершить убийство некоего

бизнесмена и увезли подальше из Москвы — в тюрьму в Челябинск.

За что же был арестован Зеленко? Рохлин поддерживал дружеские отношения с Владимиром Ивановичем Петрищевым, в то время начальником военной контрразведки ФСБ. Об информации, полученной от Зеленко, Рохлин обязан был Петрищеву доложить. Тогда и стали происходить странные истории. Сначала был арестован Зеленко, затем 3 июля 1998 года был убит генерал Рохлин.

ФСБ сама подтвердила, что арест Зеленко, убийство Рохлина и террористические акты в России — события взаимосвязанные. Всеми делами занимался один следователь Генпрокуратуры — Н.П.Индюков, имевший большой опыт расследования заказных дел, в которых важно было направить следствие по ложному следу. Именно Индюкову поручили вести следствие по делу Тамары Павловны Рохлиной, обвиненной в убийстве мужа. Этапы этого шедевра российской юриспруденции хорошо известны. После убийства генерала Тамара Рохлина была арестована, в ноябре 2000 года приговорена к восьми годам лишения свободы. В декабре срок заключения был сокращен вдвое. 7 июня 2001 года Верховный суд РФ отменил приговор Рохлиной, и 8 июня она была освобождена из-под стражи. Версию о том, что генерала убили трое неизвестных в масках, Индюков расследовать не стал.

Но самое удивительное, что и дело Зеленко, арестованного по совсем другим обвинениям, тянущим на обычную уголовщину, тоже вел Индюков, причем до суда дело не довели, а после смерти Рохлина Зеленко без лишнего шума освободили.

На фоне этих странных убийств, спорных расследований и спровоцированных вторжений 4 сентября 1999 года происходит взрыв дома в военном городке в Буйнакске, в Дагестане. Погибли 64 его жителя. Этот теракт однозначно связывали с поражением отрядов чеченских боевиков в Дагестане, хотя чеченцев среди исполнителей терактов не было, а обвиненные в организации взрыва люди утверждали, что невиновны. В тот же день в Буйнакске обнаружили заминированный автомобиль ЗИЛ-130, в котором находились 2706 кг взрывчатого вещества. Автомобиль стоял на стоянке в районе жилых домов и военного госпиталя. Взрыв был предотвращен только благодаря бдительности местных граждан. Иными словами, второй теракт в Буйнакске предотвратили не спецслужбы, а граждане, так же, как и в Рязани.

В ночь на 9 сентября в Москве взлетел на воздух девятиэтажный жилой дом № 19 по улице Гурьянова. От взрыва бомбы погибли 94 человека, 164 получили ранения. Самая первая версия: взрыв газа. Од-

нако уже на следующий день УФСБ по Москве и Московской области сообщило, что «обрушение 3-го и 4-го подъездов дома произошло в результате подрыва бризантного смесового вещества массой около 350 кг. Взрывное устройство находилось на уровне 1-го этажа. Проведенными физико-химическими исследованиями изъятых на месте происшествия объектов на их поверхности обнаружены следы [...] гексогена и тротила».

Сразу же после первого взрыва жилого дома стало ясно, что теракт является делом рук профессионалов. Речь шла не столько об исполнении теракта, сколько о его организации и подготовке. Большой теракт, в котором использованы сотни килограммов взрывчатки, транспорт и люди, трудно подготовить быстро. По мнению многих бывших и действующих сотрудников спецслужб, в том числе бывшего сотрудника ГРУ, полковника в отставке Роберта Быкова, террористы должны были завозить взрывчатку в Москву несколькими партиями на протяжении четырех-шести месяцев. Моделирование терактов показало, что быстрее подготовить такого типа взрывы было невозможно. При построении модели учитывались все этапы: получение заказа, первоначальный расчет по плану дома, выезд на место, корректировка расчета, определение оптимального состава взрывчатки, заказ на ее изготовление, окончательный расчет с поправкой на реальный состав взрывчатки, аренда помещения, завоз туда взрывчатки и т.д. Таким образом, подготовка должна была начаться еще весной 1999 года. В это время чеченцы никак не могли готовиться к терактам в ответ на контрнаступление российских войск, так как в Дагестан чеченцы еще даже не вошли.

Слухи о предстоящих терактах висели в воздухе задолго до первых взрывов. 2 июля 1999 года журналист Александр Жилин получил в свое распоряжение некий документ, датированный 29 июня 1999 года. Жилин считал, что документ исходит из Кремля, что утечку организовал Сергей Зверев, заместитель главы президентской администрации, и что за это он был отправлен в отставку.

Содержание документа вызывало недоумение. Тем не менее Жилин передал его вице-премьеру московского правительства Сергею Ястржембскому. Реакции Ястржембского не последовало (а еще через какое-то время Ястржембский ушел от Лужкова, что неудивительно, и был взят на работу Путиным — а вот это удивительно). Если бы документ опубликовали после взрывов, все бы решили, что он является поздней фальсификацией. До взрывов опубликовать документ под названием «Буря в Москве» отважилась 22 июля «Московская правда»:

«Конфиденциально»

Некоторая информация о планах в отношении

Лужкова Ю. М. и обстановке в Москве

Из надежных источников стало известно следующее. Одной из аналитических групп, работающих на администрацию президента, разработан план дискредитации Лужкова с помощью провокационных мероприятий, призванных дестабилизировать социально-психологическую ситуацию в Москве. Между собой разработчики называют его «Бурей в Москве».

По утверждению источников, город ожидают потрясения. Так, планируется проведение громких террористических актов (или попыток терактов) в отношении ряда государственных учреждений: зданий ФСБ, МВД, Совета Федерации, Мосгорсуда, Московского арбитражного суда, ряда зданий. Предусмотрено похищение известных людей и обычных граждан «чеченскими боевиками».

Отдельной главой прописаны «криминально-силовые» действия против коммерческих структур и бизнесменов, поддерживающих Лужкова. Дана команда поднять и наработать дополнительно «оперативный» материал по Кобзону, Гусинскому и «Мост-медиа», Джабраилову, Лучанскому, Тарпищеву, Таранцеву, Орджоникидзе, Батуриной (жена Лужкова), Громову, Евтушенкову, П.Гусеву и другим персонам. В частности, инциденты вблизи офиса Кобзона и «Русского золота» якобы произошли согласно плану, о котором идет речь. Цель — создать твердое убеждение, что бизнес тех, кто поддерживает Лужкова, будет разрушен, а безопасность самих единомышленников не гарантирована.

Разработана отдельная программа, направленная на стравливание между собой действующих в Москве организованных преступных групп и провоцирование войны между ними, что, по замыслу авторов, создаст в столице невыносимую криминальную обстановку, с одной стороны, и позволит прикрыть спланированные теракты против госучреждений криминальными разборками и хаосом — с другой.

Данные «мероприятия» преследуют несколько целей. Созданы в Москве обстановки страха и иллюзии криминального беспредела. Инициирование отстранения от должности нынешне-

го главы УВД Москвы. Насаждение москвичам убеждения, что Лужков потерял контроль над ситуацией в городе.

Кроме того, по информации источников, параллельно с этим в прессу будет сделан мощный вброс информации о том, кто в правительстве Москвы связан с мафией и организованной преступностью. В частности, главным куратором этнических организованных преступных групп будет представлен г-н Орджоникидзе, которого в прессе свяжут в том числе с чеченскими преступниками, «получившими в распоряжение Киевский вокзал, отель «Рэдиссон-Славянская», торговый комплекс на Манежной площади» и т.д. Через «красную» и «патриотическую» прессу пойдут материалы о засилье Москвы кавказцами, об их беспределе в столице в ущерб безопасности и благополучию москвичей. Статистика на сей счет в МВД уже подбирается. Кроме того, через этот же канал будут реализованы уже сфабрикованные материалы о «связях Лужкова со всемирной сионистской или сектантской организацией».

За несколько дней до взрывов с депутатом Госдумы Константином Боровым встретился один из офицеров ГРУ и передал ему список участников теракта, состоящий из нескольких фамилий. Боровой сразу же передал список в ФСБ, но последствий это предупреждение не имело. Боровой считает, что он не был единственным каналом, по которому в спецслужбы шли предупреждения о готовящемся теракте, но мер по предотвращению взрывов принято не было.

Точку зрения Борового можно бы было игнорировать, если бы такого же мнения не придерживался один из самых известных российских специалистов в области диверсионно-террористической деятельности — бывший сотрудник ГРУ, полковник в отставке Илья Старинов. Он заявил, что в его ведомстве просто не могли не знать о предстоящих взрывах. Столь фатальное игнорирование сигналов о терактах можно объяснить только тем, что их готовила сама ФСБ.

Не исключено, что одним из организаторов взрывов в Москве был майор ФСБ Владимир Кондратьев. 11 марта 2000 года по интернету он прислал свое покаянное письмо «Я взорвал Москву!» в электронное издание «Агентство федеральных расследований» (FLB — FreeLance Bureau). Как и подобает гражданам-патриотам, сотрудники сайта FLB немедленно сообщили о письме в ФСБ. Содержание письма было доложено Патрушеву. Из ФСБ прибыли два специалиста-компьютерщи-

ка, «скачали» письмо и обещали во всем разобраться. Больше их никто не видел. Приведем выдержки из этого письма. Следует, однако, подчеркнуть, что независимой информации о том, является ли письмо подлинным, у нас нет.

«Да, это я взорвал дом по улице Гурьянова в Москве. Я не чеченец, не араб и не дагестанец, а самый настоящий русский — Владимир Кондратьев, майор ФСБ, сотрудник строго засекреченного отдела К-20. Наш отдел был создан сразу после подписания Хасавюртовских соглашений. Перед нами была поставлена задача — организация и проведение операций по дискредитации Чеченской Республики с целью недопущения ее мирового признания. Для этого нам были даны очень широкие полномочия и самые неограниченные финансовые и технические возможности.

Одна из самых первых разработанных нами и удачно осуществленных операций называлась «Ковпак». Суть ее заключалась в том, что мы ездили по всем колониям России и вербовали уголовников (предпочтение отдавалось лицам кавказских национальностей), комплектовали их в группы, давали им оружие, деньги, затем отвозили на территорию Чечни и там их выпускали с единственной конкретно поставленной задачей — похищение людей, в частности иностранцев. И надо сказать, наши питомцы очень удачно с ней справились.

Масхадов и его люди ездили по всему миру, тщетно пытаясь заручиться зарубежной поддержкой, а в это время на территории их республики пропадали иностранцы. Самую эффективную точку в этой операции поставило похищение и убийство британских и новозеландского инженеров, осуществленные по нашему приказу.

В июне прошлого года перед нашим отделом была поставлена новая задача — вызвать в стране всеобщую ненависть к Чечне и чеченцам. При разработке идей в нашем отделе эффективно практиковался *brainstorm*. Так, во время очередной «мозговой атаки» родилось несколько идей, среди которых: распространение по всей стране листовок с угрозами со стороны чеченцев, убийство всеобщей любимицы Аллы Пугачевой, взрывы в жилых домах, свалив затем все это на чеченцев. Все эти предложения были доложены руководству ФСБ, которая остановила свой выбор на последней идее как на самой эффективной и дала нам «добро» на ее осуществление.

Нами были запланированы взрывы в Москве, Волгодонске, Рязани, Самаре, а также в Дагестане и Ингушетии. Были выбраны конкретные дома, подобрана и рассчитана взрывчатка. Операции было дано кодовое название «Хиросима». Непосредственное же ее осуществление было поручено мне, так как я был единственный в нашем отделе специалист по взрывному делу, к тому же имеющий сравнительно большой опыт. Хотя в душе я и не был согласен с идеей взрыва жилых домов, но не мог отказаться от выполнения приказа, так как каждый сотрудник нашего отдела с первых дней его создания был поставлен в такие условия, что обязан был выполнять любой приказ. Иначе его просто превращали в Вечное Молчание. И я выполнил приказ!

На следующий день после взрыва я поехал на место проведения операции с целью ее оценки и анализа результатов. Увиденное же там поразило меня. Я уже упоминал, что мне и раньше приходилось взрывать, но то были не жилые объекты, к тому же за пределами России. А здесь я взорвал русский дом, убил русских людей, и русские женщины, рыдая над русскими трупами, на родном мне языке проклинали того, кто это сделал. И я, стоя рядом с ними, физически чувствовал, как проклятие обволакивает меня, проникает в голову, грудь, заполняет все мое тело, пропитывает каждую мою клетку. И я понял, что Я — ПРОКЛЯТ!

Вернувшись в отдел, вместо отчета о проделанной операции я написал рапорт с просьбой перевести меня в другой отдел, объяснив это моральной и физической усталостью. Видя мое состояние, меня временно отстранили от участия во всех операциях и осуществление второго взрыва, который был запланирован на понедельник, поручили моему напарнику. Меня же, чтобы я не смог этому помешать, решили просто-напросто ликвидировать.

В субботу, чтобы, оставшись наедине с собой, подумать над тем, что же мне делать дальше, и прийти в себя, я выехал к себе на дачу. По дороге я почувствовал, что у моей машины, за которой я всегда тщательно ухаживал и которая меня никогда не подводила, вдруг отказали тормоза.

Я понял, что меня решили убрать классическим методом, принятым в нашей организации. И я, точно так же, как нас учили поступать в подобных ситуациях, направил машину в воду, благо речка оказалась по пути, а сам благополучно выбрался на

берег. Затем на попутке добрался до Москвы и в тот же день по оперативным каналам покинул пределы России.

Сейчас я живу за тысячи километров вдали от Родины. С документами у меня все в порядке — теперь я официально гражданин этой небольшой страны. У меня нерусское имя и фамилия, и здесь никто не догадывается, кто я такой на самом деле. Я знаю, ФСБ способна на все, но все-таки надеюсь, что мои коллеги не найдут меня здесь.

На моей новой родине я открыл свой маленький бизнес, деньги у меня есть, и теперь могу спокойно прожить здесь до конца своих дней. Тогда зачем же Вам пишу все это, рискуя засветиться? (Хотя я и принял меры предосторожности, отправляя письмо из третьей страны и через третьи руки).

[...] Я уже упоминал Самару среди прочих подготовленных к взрыву городов. Жертвой тогда должны были стать жильцы дома по улице Ново-Вокзальная. Хотя не исключаю, что после неудавшейся попытки взрыва дома в Рязани в нашем отделе могли полностью отказаться от подобных операций. Но все-таки считаю своим долгом предупредить о ней».

После публикации в интернете письма Кондратьева Ассоциация ветеранов «Альфы» за несколько дней до президентских выборов выступила с опровержением, в котором, в частности, указывалось, что отдела К-20 в спецслужбах не существует. В этой связи следует указать на историю создания Управления «К».

Еще в 1996 году в ФСБ на базе Управления по борьбе с терроризмом был создан так называемый Антитеррористический центр (АТЦ), в состав которого входили Оперативное управление (ОУ), занимавшееся разработкой и розыском террористов, и Управление по защите конституционного строя (Управление «К»), бывшее 5-е Управление КГБ, разрабатывавшее политические и религиозные группы и организации, в том числе диссидентов. Затем АТЦ был преобразован (скорее — просто переименован) в Департамент по борьбе с терроризмом и Управление конституционной безопасности (Управление «К»). 28 августа 1999 года, перед началом «сентябрьской» волны взрывов, последовало новое преобразование — в Департамент по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом.

Многочисленные реорганизации не следует считать случайными. Переформировывая различные «департаменты» и «управления»,

ФСБ самым банальным образом заметала следы. Разобраться в том, кто за что ответствен, кто чем руководит, кто отдает приказы и кто в чьем подчинении, — при такой частоте преобразований человеку постороннему не представлялось возможным. Абсолютно намеренно делались сложные и путанные названия, похожие друг на друга. Все это еще и для того, чтобы сбить со следа журналистов. Реально же все люди оставались на своих местах, и офицеры госбезопасности как сидели в своих кабинетах на 7-м и 9-м этажах Большой Лубянки, 1, где еще во времена Сталина работал Судоплатов, так и сидят. Ничего не изменилось.

Новый департамент возглавил вице-адмирал Герман Алексеевич Угрюмов, скончавшийся в своем рабочем кабинете в Чечне, в Ханкале, 31 мая 2001 года. Сразу же после его смерти появилась информация, что Угрюмов покончил жизнь самоубийством. Сообщалось, что в 13.00 в кабинет Угрюмова вошел человек в штатском. Он покинул кабинет через полчаса, а еще через 15-20 минут вице-адмирал застрелился.

Если бывшим сотрудникам 5-го Управления КГБ была поручена борьба с терроризмом и защита конституционного строя демократической России, можно быть уверенным в том, что Управление «К» ничем, кроме организации терактов и борьбой с демократией, не занималось. Как сказал в свое время Собчак, речь идет о людях, для которых слова «законность» и «демократия» просто лишены смысла. «Для них существуют лишь приказы, а законы и права являются для них препятствием». Означает ли это, что кроме секретного отдела «К-20», о котором упоминает майор Кондратьев, существовало еще по крайней мере 19 спецгрупп?

Удивительно, но сами чекисты считали теракты делом рук ФСБ. Журналист «Московской правды» Эрик Котляр в статье 10 февраля 2000 года рассказал об одном эпизоде:

«Осенью прошлого года мне довелось встретиться с работником суперсекретной службы. [...] И вот что он рассказал: «В тот вечер я приехал поздно. Дома никого не было. Дочка, жена и теща на даче. Только разбил яичницу на сковородку, как за окном раздался оглушительный взрыв. Стеклопакеты прямо влетели в комнаты с клубами гари и пыли! Выскочил на площадку, там соседи в панике. Зачем-то вызывают лифт. Я им кричу: «Спускайтесь по лестнице, лифт может сорваться!» [...] Выскочил на улицу, а от середины дома напротив почти ничего не осталось! [...] На следующий день кое в чем разобрался и твердо решил: семью увезу из России, жить здесь опасно, а дочка у меня единственная!».

— Но ведь это чеченцы устроили взрывы в Москве...

— Какие там к... чеченцы, — в сердцах махнул он рукой».

Котляр сделал вывод, что его приятель что-то знает. Уже 10 сентября губернатор Алтайского края Александр Суриков заявил, что «взрывы в Москве связаны с отголосками из Дагестана», но что люди, заинтересованные в терактах, находятся в России и в Москве. Суриков предложил собрать внеочередное заседание Совета Федерации (СФ) для обсуждения вопроса о введении в стране чрезвычайного положения.

В ночь на 13 сентября газета «Московский комсомолец» подготовила в печать статью под названием «Секретная версия взрыва», где пыталась проанализировать случившееся:

«Непосредственно в подготовке теракта чеченские боевики не принимали участия. Судя по картине взрыва, бомбу закладывали специалисты, прошедшие подготовку в российских секретных ведомствах. Дело в том, что все предыдущие теракты, имеющие, как принято считать, чеченский след, совершались по одному и тому же сценарию: около здания взрывался автомобиль с начинкой. Такая машина обычно паркуется перед предполагаемым объектом взрыва всего за несколько часов. Детонатор оснащается часовым механизмом. Даже в случае обнаружения передвижной мины у взрывотехников остаются лишь считанные минуты, чтобы ее обезвредить (как это случилось в прошлое воскресенье у здания военного госпиталя в Буйнакске). [...] Такая любовь к заминированным машинам объясняется очень просто. Взрывчатка нынче дорога, а террористы за каждый килограмм тротила или другого вещества платят наличными. И минирование объекта хотя бы за сутки до «часа икс» чревато провалом — слишком велик риск обнаружения бомбы. [...] Картина же взрыва на улице Гурьянова позволяет предположить, что его готовили люди, не привыкшие экономить, — то есть сотрудники спецслужб. [...] Эксперты установили, что основной заряд в доме на Гурьянова был заложен в арендуемом помещении — магазине на 1-м этаже. Причем взрывчатка оказалась там задолго до взрыва. Видимо, преступники не мелочились — в случае обнаружения взрывчатки аналогичная акция просто была бы перенесена в другой район столицы. Такая тактика сродни использованию конспиративных квартир, столь любимых спецслужбами всего мира. При провале одной из них операция проходит в другом районе. Специалисты, способные провести такой теракт,

во времена СССР служили как в КГБ, так и во 2-м Главном управлении генштаба (более известном как ГРУ)».

Иными словами, очень мягко, «МК» намекала на то, что за взрывами стоит ФСБ.

12 сентября в московской милиции раздался звонок. Звонили жители дома по Каширскому шоссе, 6/3: «У нас в подвале что-то не в порядке», — сообщили граждане. Приехал наряд милиции. У входа в подвал их встретил, как они считали, один из работников Районного эксплуатационного управления (РЭУ) и сказал, что в подвале все в порядке, в нем «свои». Милиция потолкалась у входа в подвал, внутрь не вошла и вскоре уехала.

Ранним утром, когда газета «МК» со статьей «Секретная версия взрыва» развозилась по киоскам Москвы, взлетел на воздух восьмизэтажный дом по Каширскому шоссе, 6/3, тот самый, у подъезда которого вежливый «сотрудник РЭУ» разговаривал с милиционерами. По своему он оказался прав: в подвале все оказалось «в порядке» — для проведения теракта.

Через несколько дней «МК» пыталась разыскать находчивого «сотрудника РЭУ»: «Я встречался с главами управ в районе Каширки, — рассказывал корреспондент газеты. — До сих пор не можем вычислить, кто из работников РЭУ покрывал человека, который втихаря снимал «в субаренду» помещение в подвале дома № 6. Никто не признается. Это или техник, или мастер, или начальник участка». Не нашли ни «сотрудника», ни тех, кто сдавал подвал.

На 14.00 по московскому времени 13 сентября из-под обломков взорванного на Каширке дома были извлечены 119 погибших и 13 фрагментов тел. Среди погибших было 12 детей. Эксперты сразу же установили, что характер обоих взрывов полностью идентичен, как и состав взрывчатки. Начались тотальные проверки домов, чердаков, подвалов. По одному из адресов — на улице Борисовские пруды, 16/2 — был обнаружен склад взрывчатки. Помимо гексогеновой смеси и 8 кг пластита, который использовался как детонатор, там нашли шесть электронных таймеров, сделанных из портативных часов-будильников «Casio». Пять из них уже были запрограммированы на определенное время. Террористам оставалось лишь развезти таймеры по адресам и подсоединить их к детонаторам. В частности, был заминирован дом на Краснодарской улице.

Последним террористы собирались разрушить здание на улице Борисовские пруды — 21 сентября в 4 часа 5 минут утра. Поразительно,

что ФСБ, проводившая в Москве поиск террористов, вместо того чтобы оставить на Борисовских прудах засаду и задержать террористов, которые, безусловно, рано или поздно пришли бы за детонаторами, поспешила через средства массовой информации оповестить преступников, что склад на Борисовских прудах провален. Предположить, что сделанное ФСБ заявление об обнаружении конспиративного склада террористов — случайность, абсолютно невозможно. Такой ошибки не сделал бы даже начинающий рядовой следователь.

Информация о найденной после терактов взрывчатке и ее количествах была противоречива. В Москве нашли 13 тонн взрывчатки. Три-четыре тонны — в доме на Борисовских прудах, еще больше — на складе в Люблине, четыре тонны — в гаражном боксе в Капотне. Со временем было установлено, что шесть тонн гептила (ракетного топлива, одним из компонентов которого является гексоген) были вывезены с Невинномысского химического комбината Ставропольского края. Из шести тонн гептила можно было сделать десять тонн взрывчатого вещества. На кухне, в гараже, в подпольной лаборатории шесть тонн гептила в десять тонн взрывчатки не переработает. Перерабатывали гептил, видимо, где-то на армейском складе. Затем мешки нужно было загрузить в машины, вывезти на глазах у охраны, предъявить какие-то документы.

Для перевозки нужны были водители и грузовики. В общем, в операцию была вовлечена целая группа людей, а если так, информация должна была поступить и по линии агентуры ФСБ, и по линии агентуры армейской контрразведки.

В Москве взрывчатка была расфасована в мешки для сахара с надписью «Черкесский сахарный завод». Но такого завода не существует. Если бы «сахар» в таких мешках везли через всю Россию, да еще по поддельной документации, слишком много было бы шансов попасться. Проще было бы заготовить документацию для «сахара» с существующего завода. Из этого факта можно сделать сразу несколько выводов, например, что террористы хотели направить следствие именно в КЧР, так как было очевидно, что рано или поздно хоть один мешок «Черкесского сахарного завода» попадет в руки следователей; что террористы не боялись везти мешки с фальшивой надписью и документацией в Москву, так как, видимо, были абсолютно спокойны за собственную безопасность, равно как и за сохранность своего товара. Наконец, можно было предположить, что взрывчатка расфасовывалась в мешки в Москве.

Финансирование теракта трудно было провести, не оставив следов. О крупной пропаже гептила или гексогена со складов разведка должна

была хоть что-то слышать, поскольку бесплатно террористам взрывчатку никто бы не дал. Бесплатно с завода или со склада гексоген могли получить только органы госбезопасности или военные.

Именно к таким выводам приходили многочисленные журналисты и специалисты, ломавшие голову над хитроумными схемами о поставках гексогена в Москву. А схема эта оказалась до примитивного проста, так как разработана была самой ФСБ. Суть схемы была в следующем.

24 октября 1991 года в Москве был учрежден научно-исследовательский институт «Росконверсвзрывцентр». Институт располагался в самом центре — по адресу: Большая Лубянка, д. 18, строение 3 — и был создан для «утилизации конвертируемых взрывчатых материалов в народном хозяйстве». Бессменным руководителем института с 1991 по 2000 год был Ю. Г. Щукин. В действительности институт был прикрытием, ширмой — буфером-посредником между армией и «потребителем» — и занимался незаконной торговлей взрывчаткой. Через институт проходились сотни тысяч тонн взрывчатых веществ, в основном тротила. Институт покупал взрывчатку в воинских частях для утилизации и конверсии или же у химических заводов для «изучения». А затем продавал потребителям взрывчатки, в числе которых были легальные и реальные коммерческие структуры, например белорусское государственное предприятие «Гранит». Разумеется, институт не имел права заниматься продажей взрывчатки. Но на это почему-то все смотрели сквозь пальцы, в том числе руководители силовых ведомств, включая Патрушева.

Среди многочисленных крупных контрактов на поставки сотен тысяч тонн тротила и тротильных шашек, подписанных институтом с поставщиками (армией) и потребителями (коммерческими структурами), почему-то попадались мелкие контракты на одну-две тонны тротильных шашек, с подробно расписанными обязательствами сторон, хотя за тонну «товара» выручались всего-то 300-350 долларов, ради которых и машину гонять не стоит. Эти мелкие контракты на поставку «тротильных шашек» как раз и были соглашениями о поставках гексогена. Через институт гексоген закупался в армии и передавался террористам для взрыва домов в Москве и других городах России. Эти поставки были возможны лишь потому, что НИИ «Росконверсвзрывцентр» Ю. Г. Щукина был создан спецслужбами, а получавшие «тротильные шашки» террористы являлись сотрудниками ФСБ.

Итак... Гексоген, расфасованный в 50-килограммовые мешки с надписью «Сахар», находился там, где только и мог быть, — на складах воинских частей, охраняемых вооруженным караулом. Одним из та-

ких складов был склад 137-го рязанского воздушно-десантного полка. Одним из таких караульных — рядовой Алексей Пиняев. По цене тротильных шашек, а именно 8900 рублей за тонну, т. е. примерно за 300-350 долларов, институт закупал гексосен со склада воинской части формально для исследовательской работы. В накладных гексоген проходил как тротильные шашки. Доверенность выписывалась на «получателя» — посредника между институтом и террористами. В доверенностях тротильные шашки обозначались невинной маркировкой А-IX-1. Только крайне узкий круг лиц знал о том, что маркировкой А-IX-1 обозначается гексоген. Не исключено, что посредники, вывозившие гексоген на собственном автотранспорте со складов воинских частей, об этом тоже не знали.

Вывезенные со складов воинских частей мелкие партии «тротильных шашек» (гексогена) буквально исчезали (передавались террористам). Мелкие заказы по 300-600 долларов в общих потоках в сотни тысяч тонн тротильных шашек отследить было невозможно.

Журналисты пытались понять, каким же образом террористы перевозили гексоген по просторам России. А его и не нужно было перевозить. Гексоген использовался по месту нахождения. Так, гексоген со склада 137-го рязанского ВДП использовался на улице Новоселов города Рязани. Гексоген со складов подмосковных воинских частей оказывался в Москве... Система была до гениального проста. Она предусмотрела все, кроме, пожалуй, совсем случайных проколов, которые, конечно же, не стоило учитывать: наблюдательного водителя Алексея Картофельникова, любознательного рядового Алексея Пиняева, бесстрашного журналиста «Новой газеты» Павла Волошина. И уж абсолютно нельзя было предусмотреть выезд в Лондон с документами и видеоматериалами агента ФСБ и члена консультативного совета комиссии Государственной думы по борьбе с коррупцией Н. С. Чекулина, по иронии судьбы исполнявшего в 2000-2001 годах обязанности директора «Росконверсвзрывцентра».

Тем временем в Москве после взрыва двух жилых домов продолжалась проверка жилого фонда. За одни сутки столичной милицией была проверена 26 561 квартира. Особое внимание было уделено нежилым помещениям на первых этажах зданий, подвалам и полуподвалам, то есть местам, которые часто используются под склады. Таких помещений было проверено 7908. Проверялись также общественные учреждения — 180 гостиниц, 415 общежитий, 548 увеселительных заведений (казино, баров, кафе). Эта работа проводилась в рамках поиска подозреваемых в причастности к терактам в Москве. В проверке приняли

участие 14,5 тысяч сотрудников ГУВД и 9,5 тысяч военнослужащих внутренних войск, в том числе отдельной дивизии оперативного назначения (бывшая дивизия имени Ф. Э. Дзержинского). Сотрудники МВД и ГУВД работали без выходных по двенадцать часов в сутки.

Были установлены помещения, заминированные террористами. По официальной версии следствия (не имеющей, может быть, вообще ничего общего с действительностью), их арендовал Ачимез (Мухит) Шагабанович Гочияев (Лайпанов). Настоящий Лайпанов был уроженцем Карачаево-Черкесской Республики (КЧР) и погиб в феврале 1999 года в автомобильной катастрофе в Краснодарском крае. Документы погибшего Лайпанова стали «документами прикрытия» настоящего террориста. «Подобная практика является обычной схемой легализации агентов всех спецслужб мира. Это классика, описанная во всех учебниках. Якобы погибшему человеку даруется новая жизнь», — комментировал происшедшее бывший работник ГРУ, всю жизнь занимавшийся развертыванием агентурной сети за рубежом.

Еще в июле 1999 года Гочияев-Лайпанов обратился в одно из московских агентств по аренде недвижимости, расположенное на Беговой улице, и получил там информацию о 41 помещении. 38 помещений после первого взрыва были проверены следователями на предмет нахождения в них взрывчатки.

Определен был и молодой напарник «Лайпанова». По утверждению ФСБ, им был вынужденный переселенец из Узбекистана, бывший послушник медресе «Йолдыз» в Татарстане, в Набережных Челнах, русский по матери и башкир по отцу, 21-летний Денис Сайтаков. ФСБ считало, что именно он во время подготовки теракта снял вместе с «Лайпановым» номер в гостинице «Алтай» и активно обзванивал фирмы, сдающие в аренду грузовики. И хотя КГБ Татарстана уже на второй день после теракта по требованию Москвы начал искать подозреваемого, в татарстанском КГБ не было уверенности, что Сайтаков причастен к взрывам. По крайней мере заместитель председателя КГБ Татарстана Ильгиз Минуллин подчеркнул: «Никто не может объявлять Сайтакова террористом, пока его вина не доказана. [...] На сегодняшний день органы безопасности фактами, указывающими на причастность к террористическим актам в Москве [...] учащих медресе «Йолдыз», не располагают». КГБ Набережных Челнов тоже выпустил заявление, в котором указывал, что обвинение жителей Татарстана в пособничестве террористам не имеет оснований и что информации о причастности жителей республики к взрывам в татарстанском КГБ нет.

Террористы, готовившие сентябрьские взрывы, пошли по пути наименьшего сопротивления. Сначала они по «документам прикрытия» сняли несколько подвальных и полуподвальных помещений, в том числе на улице Гурьянова и на Каширском шоссе. Затем завезли туда взрывчатку, обложив ящики с гексогеном продуктами питания (мешками с сахаром и чаем) и упаковками с сантехникой (так было на улице Гурьянова). Объекты диверсий были выбраны идеально. Вероятность встретить милицию у домов в нереспектабельных «спальных» районах обычно была невысока, в подъездах, как правило, не было консьержек. Как считал Старинов, «расположение этих домов и обстановка вокруг них» соответствовала «двум самым необходимым для террористов-подрывников условиям — это уязвимость и доступность».

Террористы заложили столько взрывчатки, сколько было необходимо для полного обрушения объектов. Диверсант Старинов предположил, что взрывы можно было произвести силами трех человек. Похоже, террористы имели прекрасную подготовку, причем не только диверсионную, но и разведывательную: умели уходить от наблюдения, жить под «легендой»... Научиться всему этому невозможно даже за год, пройдя курс подготовки в самом лучшем спеццентре. Москвичи стали жертвой террористов-профессионалов. А такие на российской территории работали только в системе ФСБ и ГРУ.

Петра Прохазкова, чешская журналистка, бравшая интервью у Хаттаба как раз в дни взрывов, запомнила ошеломляющую реакцию Хаттаба на сообщения о терактах в Москве. Он переменялся в лице, и испуг этот был неподдельный. Это был искренний испуг человека, который понял, что теперь на него спишут все. Хаттаб, по единодушному мнению знающих его людей, не актер и не смог бы изобразить недоумение и страх.

Чеченцам было невыгодно производить теракты. Общественное мнение было на их стороне. Это общественное мнение, как российское, так и международное, было ценнее двух-трех сотен взорванных жизней. Именно поэтому чеченцы не могли стоять за терактами в сентябре 1999 года. Вот что сказал по этому поводу министр иностранных дел в правительстве Аслана Масхадова Ильяс Ахмадов:

«Вопрос: Во Франции вы говорите, будто всем известно, что теракты в Москве и Волгодонске были организованы российскими спецслужбами [...]. У вас есть доказательства?»

Ответ: Безусловно. У нас на протяжении прошлой войны никогда не было поползновений к подобным вещам. Но если бы это

организовали Басаев или Хаттаб, я вас уверяю, они бы не постеснялись признаться в этом России. Кроме того, все знают, что несостоявшийся взрыв в Рязани был организован СБ. [...] Я сам служил в армии подрывником на испытательном полигоне и прекрасно знаю, как сильно отличается взрывчатое вещество от сахара».

Вот мнение еще одного осведомленного лица, с которым трудно не согласиться, — министра обороны Чечни, командира президентской гвардии Магомета Хамбиева:

«Теперь о взрывах в Москве. Почему чеченцы не совершают теракты сейчас, когда идет уничтожение нашего народа? Почему российские власти оставили без внимания инцидент с гексогеном в Рязани, когда милиция задержала сотрудника спецслужбы с этой взрывчаткой? Ведь нет ни единого доказательства так называемого чеченского следа этих взрывов. И менее всего эти взрывы были выгодны чеченцам. Но тайное обязательно станет явным. Я уверяю вас, что исполнители и организаторы взрывов в Москве и других городах России станут известны со сменой политического режима в Кремле. Потому что заказчиков нужно искать именно в кремлевских коридорах. Эти взрывы нужны были, чтобы начать войну, чтобы отвлечь внимание россиян и всего мира от скандалов и грязных махинаций в Кремле».

В Москве тем временем появились подозрения, что взрывы проводят люди, пытающиеся заставить правительство ввести чрезвычайное положение и отменить выборы. Со стороны ряда политиков последовали опровержения: «Я не согласен с заявлениями некоторых аналитиков, которые связывают эту цепочку терактов с чьими-то намерениями ввести чрезвычайное положение в России и отменить выборы в Государственную думу», — заявил бывший министр внутренних дел России Куликов в интервью «Независимой газете» 11 сентября.

Ни к президентским выборам, ни к введению чрезвычайного положения в России чеченцы отношения иметь не могли. В 1996 году за отмену выборов выступала группировка Коржакова – Барсукова — Сосковца и стоящие за ними спецслужбы. Кто же пытался спровоцировать введение чрезвычайного положения в 1999-м?

Министр обороны Игорь Сергеев не исключал, что в Москве могут появиться военные патрули. «Наряду с силами МВД в патрулировании города могут принять участие военные», — заявил он журналист-

там после встречи в Кремле с Борисом Ельциным. Перед военными «поставлена задача» принять участие в защите граждан от террористической деятельности, сообщил министр. Игорь Сергеев сказал, что по линии ГРУ «ведется очень активная работа» по установлению возможных контактов организаторов взрывов в российских городах с международными террористами (намек на иностранных диверсантов!).

Защита военными мирных граждан от террористов походила на введение военного положения. Одновременно Игорь Сергеев выступил «за проведение широкомасштабных антитеррористических акций и антитеррористических операций». Иными словами, министр обороны России призывал к войне с неназванным противником, хотя каждому было ясно, что призывают к войне с Чечней.

Окончательное решение по всем вопросам оставалось за Ельциным. Однако спецслужбы имели практически неограниченные возможности для подтасовки или фальсификации информации, подаваемой президенту. Это подтвердил в интервью 12 ноября 1999 года, в части, касающейся чеченской проблемы, президент Грузии, бывший руководитель МВД Грузинской ССР Эдуард Шеварднадзе:

«Обычно ссылаются, что есть такие данные у ГРУ. Я знаю, какими данными ГРУ исторически пользовалось, как они сочиняются, как они докладываются вначале генштабу, потом министру обороны, потом Верховному главнокомандующему. Я знаю, что есть большие фальсификации».

Иначе сформулировал свои сомнения еще один осведомленный человек, кандидат в президенты на выборах 2000 года, бывший премьер-министр, бывший министр иностранных дел и бывший руководитель СВР Евгений Примаков. Когда его попросили прокомментировать теракты в Москве, он высказал мнение, что взрывами в Москве дело не ограничится; что они могут прогреметь по всей России; и одной из причин сложившейся ситуации является связь людей из правоохранительных органов с преступным миром.

Таким образом, Примаков признал, что взрывами в России занимаются люди, связанные со спецслужбами. Это же подтвердил президент Грузии Эдуард Шеварднадзе во время выступления по национальному телевидению 15 ноября 1999 года: «Я еще на встрече в Кишиневе информировал Бориса Ельцина о том, что его спецслужбы контактируют

с чеченскими террористами. Но Россия не слушает друзей». Дипломатическая этика не допускала более резкого заявления.

Между тем очевидно, что Шеварднадзе подозревал в организации взрывов именно российские спецслужбы. Дело в том, что по имевшейся информации спецслужбы России были причастны к двум покушениям на самого Шеварднадзе.

Чтобы не быть голословными, приведем мнение бывшего директора Национальной службы безопасности США, генерал-лейтенанта в отставке Вильяма Одома, высказанное им в октябре 1999 года:

«Премьер-министр Путин и его окружение из числа военных используют эту чеченскую кампанию для того, чтобы оказать жесткое давление на Шеварднадзе. Они уже сделали попытку расчленив Грузию, отобрав у нее Абхазию и Южную Осетию. Сейчас они хотят использовать чеченские события для того, чтобы разместить там войска, противником чего выступает нынешний президент Грузии. Российское правительство, начиная со времени правления Примакова, предприняло по крайней мере две попытки совершить покушение на Шеварднадзе. Руководство Грузии предоставило правительствам ряда зарубежных стран убедительные доказательства. Примаков лично был вовлечен в это. Он использовал агентуру российской внешней разведки в Белоруссии, и с его ведома было совершено покушение в мае на Шеварднадзе и на некоторых лиц из его окружения. В нашем распоряжении есть пленки с записями разговоров, которые сделали сами киллеры, которые исполняли покушение. И за год до этого первая попытка убить Шеварднадзе была совершена отнюдь не любителями, а настоящими профессионалами, хорошо подготовленными военными группами. Они могли быть подготовлены только в России. Кроме того, есть масса вещественных доказательств, собранных на месте преступления, которые все это подтверждают».

То, что постеснялся сказать о взрывах в Москве Шеварднадзе, заявил Лебедь. На вопрос французской газеты «Фигаро»: «Вы хотите сказать, что за взрывами стоит действующая власть?» — Лебедь ответил: «В этом я почти убежден». Лебедь указал, что за взрывами жилых домов в Москве и Волгодонске видны не чеченские террористы, а «рука власти», точнее, Кремля и президента, который «по шею в г...», полностью

изолирован и вместе с «семьей» ставит перед собой «лишь одну цель — дестабилизировать положение с тем, чтобы избежать выборов».

14 сентября ФСБ и МВД сделали то самое заявление, ради которого производились взрывы: правоохранительные органы не сомневаются, что серия взрывов от Буйнакскса до дома на Каширском шоссе в Москве является «широкомасштабной террористической операцией, инициированной боевиками Басаева и Хаттаба в поддержку своих военных действий в Дагестане», сообщил Зданович. «Сейчас мы без всякого сомнения можем заявить, что за этими взрывами стоят Басаев и Хаттаб», — подтвердил заместитель министра внутренних дел России Игорь Зубов.

Утверждения Здановича и Зубова не соответствовали действительности. Днем позже начальник ГУБОП МВД России Владимир Козлов сообщил, что «установлен ряд лиц, причастных к этим терактам», и что речь идет о группе террористов, имеющих связи в столице и в соседних с Москвою регионах и городах. Ни Чечню, ни даже Дагестан Козлов не упоминал. Зданович и Зубов занимались откровенной дезинформацией.

Выводы ФСБ не звучали убедительно, а действия силовых ведомств по поимке преступников выглядели анекдотично. В обстановке античеченской истерии в Москве, через несколько дней после второго взрыва, сотрудники ФСБ и ГУБОП задержали двоих подозреваемых в исполнении московских терактов, причем их имена без опасения повредить следствию были сразу же публично названы: уроженцы Грозного 32-летний Тимур Дахкильгов и его тесть, 40-летний Бекмарс Саутиев.

Тимур Дахкильгов, ингуш, родился и жил в Чечне, в грозненском районе Трампарк. Перебрался в Москву. Был красильщиком на комбинате «Красный суконщик». 10 сентября, сразу после теракта на улице Гурьянова, к Дахкильговым заехал Саутиев, сказал, что всем нужно ехать в отделение милиции «Северное Бутово» на перерегистрацию.

В милиции Тимура Дахкильгова и его жену Лиду сфотографировали, сняли отпечатки пальцев, сделали смывы с ладоней и отпустили. Вскоре после второго взрыва к Дахкильговым и к Саутиеву нагрянули оперативники, сказали, что у Тимура Дахкильгова на руках следы гексогена (он ведь красильщик!) и арестовали. У Саутиева гексогена на руках не было, поэтому у него под ванной нашли пистолет, а на дверной ручке его квартиры, правда снаружи, т. е. на лестничной клетке, — следы гексогена.

Подозреваемых допрашивали трое суток. Саутиева затем отпустили, забыв о найденном у него пистолете. Тимура Дахкильгова отвезли на

Петровку, 38 и обвинили в хранении взрывчатки и в терроризме. Все это время его показывали по телевидению как пойманного преступника, а Рушайло даже доложил о поимке террориста в Совете Федерации.

По словам Дахкильгова, с ним работали трое следователей, которые ему не представлялись и даже по имени друг друга не называли. Про себя подследственный называл их Пожилым, Рыжим и Вежливым. Последний получил свое прозвище за то, что ни разу Дахкильгова не ударил. Так продолжалось три дня, после чего Дахкильгова перевели в СИЗО ФСБ в Лефортове.

ФСБ было крайне важно продержать Дахкильгова в тюрьме как можно дольше, поскольку ингуш Дахкильгов был единственным основанием для версии о «чеченском следе». Началась внутрикамерная разработка Дахкильгова, о которой последний, разумеется, не знал. В камеру посадили агента внутрикамерника, представившегося «авторитетным» уголовником. Агент расположил к себе ингуша, и тот рассказал об обстоятельствах своего дела и о том, что ко взрывам отношения не имеет. А еще через какое-то время Дахкильгова отпустили. Экспертиза смыва с его ладоней подтвердила присутствие гексана — растворителя, который используется на комбинате для очистки шерсти. Гексогена на руках не было. «Чеченский след» был потерян. Но война с Чечней уже шла полным ходом, так что Дахкильгов в тюрьме отсидел со смыслом.

Когда 16 марта 2000 года руководство ФСБ отчитывалось перед общественностью о ходе расследования сентябрьских взрывов, один из журналистов задал вопрос заместителю начальника Следственного управления ФСБ Николаю Георгиевичу Сапожкову: «Скажите, пожалуйста, почему Тимур Дахкильгов три месяца просидел в тюрьме как террорист?». То, что ответил Сапожков, уже несколько месяцев занимавшийся расследованием терактов в составе группы из многих десятков следователей, повергло журналистов в уныние, так как стало ясно, что следствие идет по ложному следу:

«Могу пояснить. На него были прямые показания тех лиц, которые привезли сахар и взрывчатку в Москву... — То есть они называли его фамилию? — Нет, они его... Имеются в виду прямые показания — они его опознавали в лицо как человека, который участвовал в разгрузке вот этих мешков. Значит, впоследствии, когда мы более тщательно... Ну вы знаете, что там гексоген на руках и, значит, другие детали, которые однозначно тогда давали основание для работы с ним как с подозреваемым. Впоследствии

мы очень тщательно поработали в направлении Дахкильгова. Пришлось перепроверить еще раз, предъявить для опознания уже в спокойной обстановке. И мы убедились, что те признаки, по которым его опознавали, они для лиц славянской национальности, опознающих так называемых кавказцев, когда дали такие вот сомнения для тех, кто давал показания на него, и мы путем тщательного исследования, установления его алиби, пришли к выводу о том, что к этому преступлению он не причастен. Дело было рассмотрено с участием сотрудников Генеральной прокуратуры. Они согласились с нашими доводами».

Мы вынуждены извиниться перед читателями за русский язык Сапожкова. Планировал Сапожков сказать следующее: когда следователи арестовали Дахкильгова и стали «предъявлять» его жителям домов, чтобы они определили, не он ли закладывал мешки со взрывчаткой и таймеры с детонаторами, жители, для которых все кавказцы на одно лицо, признали в нем человека, причастного к терактам. С Дахкильговым «тщательно поработали» (мы знаем, что его допрашивали, били, пытали, надевали полиэтиленовые мешки на голову, душили, проводили внутрикамерную разработку). Но главное — тянули время. Через три месяца Дахкильгов был уже никому не нужен, и по согласованию с Генпрокуратурой его отпустили, а дело против него закрыли.

Итак, Дахкильгов сидел по двум причинам. Во-первых, толпа опознала в нем злоумышленника, во-вторых, на руках его нашли гексоген. Однако со взрывчатым веществом у ФСБ не все обстояло благополучно. Вскоре после взрывов в СМИ стали появляться материалы о том, что «версия с гексогеном, по словам ФСБ, отвлекающая. На самом деле во всех взрывах террористы использовали другое взрывчатое вещество». Западные обозреватели указывали, что обломки домов в Москве разобрали и вывезли с молниеносной для России скоростью — за трое суток. Подозрительным иностранцам казалось, что если в России работают столь усердно, то непременно заматают следы. «Отвлекающей» версия ФСБ была в отношении общественности. Террористы хорошо знали, какое взрывчатое вещество они использовали, и скрывать от них компоненты взрывчатки не имело смысла.

В качестве взрывчатого вещества во время сентябрьских взрывов использовался гексоген, который в России производили на закрытых военных предприятиях. «Гексоген тщательно охраняется, а его использование тщательно контролируется», — подтвердили в сентябре 1999 года

на российском научно-производственном предприятии «Регион», где работали с гексогеном. Там были убеждены, что утечка гексогена с так называемых номерных оборонных заводов практически невозможна.

Поскольку гексоген террористами использовался в больших количествах, легко можно было установить, кто именно закупил или получил гексоген, тем более что специалисты всегда могли определить, где именно изготовлена та или иная партия. Украсть десятки тонн гексогена незаметно было невозможно. Тысячи тонн смеси ТГ (тротил-гексоген) хранились на военных складах и складах оружейных заводов для последующего использования в боеголовках ракет, минах и торпедах, снарядах. Но гексоген, извлеченный из готовых боеприпасов, выглядел определенным образом, и в больших количествах извлекать его было трудно и рискованно. Приведем несколько примеров.

8 октября 1999 года одно из информационных агентств сообщило, что Главная военная прокуратура возбудила дело в отношении ряда должностных лиц центрального аппарата войск противовоздушной обороны (ПВО). По сообщению главного военного прокурора Ю. Демина, используя свое служебное положение, путем подлога и фальсификации отчетных документов на протяжении нескольких лет высокопоставленные военные похищали запасное имущество для различных зенитно-ракетных комплексов, которое реализовывали коммерческим фирмам и частным предпринимателям. Только по некоторым эпизодам преступной деятельности этой группы государству был причинен ущерб на общую сумму более двух миллионов долларов. Легко можно представить себе, какие «коммерческие структуры и частные предприниматели» покупали ворованные запчасти для зенитно-ракетных комплексов. И совершенно очевидно, что без участия ФСБ и ГРУ несколько лет разворовывать средства ПВО было невозможно.

28 сентября 1999 года сотрудники Рязанского управления по борьбе с организованной преступностью (УБОП) арестовали начальника мастерской по ремонту автомобильной техники склада авиационных средств поражения 35-летнего прапорщика Вячеслава Корнева, служившего на военном аэродроме в Дягилеве, где базировались бомбардировщики. Во время задержания при нем были обнаружены 11 кг тротила. Корнев признался, что тротил похищен с воинского склада и что группа сотрудников, в которую входил Корнев, добывала его из хранившихся на складе под открытым небом фугасных бомб ФАБ-300.

В тот же день военный суд Рязанского гарнизона огласил приговор начальнику полевого расходного склада Рязанского института ВДВ

прапорщику А. Ашарину, похитившему свыше трех килограммов тротила и намеревавшемуся сбить его за три тысячи долларов. Хотя соответствующая статья УК РФ предусматривала наказание сроком от трех до семи лет, военнослужащего оштрафовали на 20 тысяч рублей.

Таким образом, воровать тротил-гексоген мелкими порциями было сложно. Вывозить крупными — легко, но имея на то соответствующие разрешения, а значит — непременно оставляя следы. Эти следы могли привести в ФСБ. Многие представители российского военно-промышленного комплекса утверждали после взрывов, что такое количество взрывчатых веществ могло быть похищено только при участии высокопоставленных должностных лиц. 15 сентября начальник Главного управления по борьбе с организованной преступностью (ГУБОП) МВД Владимир Козлов подтвердил, что при взрыве на улице Гурьянова использовалась не пиротехническая смесь кустарного производства, а промышленная взрывчатка.

Чтобы сбить со следа пронырливых журналистов и добросовестных сотрудников угрозыска, ФСБ подбросила в СМИ сообщение о гексогене как «отвлекающую версию»: на самом деле, мол, взрывчатым веществом была аммиачная селитра. Дело в том, что аммиачная селитра, являющаяся удобрением, могла закупаться, перевозиться и складироваться открыто. Она обладала хорошим фугасным эффектом и с добавлением в нее гексогена, тротила или алюминиевой пудры становилась мощной взрывчаткой. Правда, детонатор к ней требовался сложный, не каждый террорист с таким детонатором умеет работать.

Почему же первоначально было объявлено о гексогене? Да потому что взрывали дома одни сотрудники ФСБ, экспертизу взрывчатки (совместно с угрозыском) проводили другие, а пропагандистское (или, как сейчас говорят, — пиарное) освещение терактов осуществляли третьи. Первая группа успешно (за исключением Рязани) провела теракты. Вторая легко определила, что взрывали гексогеном. А третья спохватилась, что гексоген производят в России на закрытых военных предприятиях и установить, кто именно и когда купил тот самый гексоген, которым взорвали дома, не стоит ничего. Тут началась паника. За три дня вывезли все вещественные доказательства (взорванные дома), срочно забросили в СМИ версию об аммиачной селитре. 16 марта 2000 года первый заместитель начальника второго департамента (по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом — Управление «К») и Оперативно-розыскного управления ФСБ Александр Дмитриевич Шагако заявил на пресс-конференции, что взрывчатое вещество, ис-

пользуемое в абсолютно всех взрывах в России, определено, и это вещество — селитра:

«Мне хочется отметить, что в результате проведенных криминалистических исследований специалистами ФСБ России получены подтверждения того, что составы взрывчатых веществ, примененных в Москве, и составы взрывчатых веществ, которые были обнаружены в подвальном помещении дома по улице Борисовские Пруды в Москве, а также составы взрывчатых веществ, которые были обнаружены в городе Буйнакске 4 сентября в автомобиле ЗИЛ-130, невзорвавшемся, они идентичны, т. е. в состав этих всех веществ входит аммиачная селитра, алюминиевая пудра, в отдельных случаях есть добавки гексогена и в отдельных случаях есть добавки тротила».

Оставалось только определить, откуда селитра взялась в Москве и других городах России. С этой задачей Шагако и присутствовавший на пресс-конференции Зданович успешно справились. «Были ли хищения этой взрывчатки с государственных заводов, где она производится по определенным технологиям? — задал себе вопрос Зданович и сам же ответил: — Сразу могу сказать — не было, или по крайней мере у нас таких данных в распоряжении следствия нет».

Установить производителя и покупателей-злоумышленников по селитре невозможно. Слишком много ее по всей стране, в том числе и в Чечне. Небольшие количества тротила, гексогена и алюминиевой пудры мог украсть кто угодно с любого военного склада (о чем с подачи ФСБ и Главной военной прокуратуры было организовано несколько публикаций в СМИ). Дезинформируя общественное мнение по вопросу о составе взрывчатого вещества, ФСБ отводила от себя подозрения в организации и исполнении терактов. Все, что нужно было теперь сделать, это найти на территории Чечни склад химических удобрений. Оказалось, что и это уже сделано, и очень удачно, что успели завершить расследование за несколько дней до президентских выборов:

«Мне хотелось бы еще при этом обратить ваше внимание на то, — сообщил Шагако, — что два месяца тому назад сотрудниками Федеральной службы безопасности в Урус-Мартане был обнаружен центр по подготовке подрывников. На территории этого центра было обнаружено пять тонн аммиачной селитры. Здесь

же были обнаружены исполнительные механизмы, аналогичные тем механизмам, которые использовались в вышеперечисленных мной взрывах. [...] Исполнительные механизмы, обнаруженные в автомобиле ЗИЛ-130 в городе Буйнакске, а также исполнительные механизмы, обнаруженные в подвальном помещении в городе Москве по улице Борисовские Пруды, в ходе криминалистического исследования доказана их идентичность. Во всех этих исполнительных механизмах использовались в виде замедлителя электронные часы типа «Касио». Во всех этих исполнительных механизмах использовались светодиоды одинаковой конструкции, электронные платы, даже цвета проводов, которые использовались для пайки, — они имеют один цвет во всех механизмах. Я хочу ваше внимание при этом обратить на то, что несколько дней тому назад сотрудниками Федеральной службы безопасности на территории Чеченской Республики были обнаружены в вещах погибших боевиков, которые прорывались из окружения из города Грозного, было обнаружено несколько исполнительных механизмов. Проведенные исследования специалистами Федеральной службы безопасности показали, что исполнительные механизмы, изъятые в Грозном, исполнительные механизмы, изъятые в автомобиле ЗИЛ-130 в Буйнакске, и исполнительные механизмы, изъятые на Борисовских Прудах в городе Москве, — они все являются одной конструкции. Они все между собой идентичны. [...] В марте месяце в населенном пункте Дуба-Юрт было обнаружено отдельно стоящее здание, в котором была найдена литература по минно-подрывному делу на арабском языке, инструкции по военной подготовке, и кроме этого в этом же помещении были найдены инструкции по использованию часов «Касио». Данные часы, как я ранее вам говорил, — они активно использовались преступниками во всех вышеперечисленных взрывах. В марте месяце на территории населенного пункта Чире-Юрт было обнаружено отдельно стоящее здание, обнесенное железным забором, внутри которого выяснено и выявлено и обнаружено 50 мешков с аммиачной селитрой, это где-то порядка двух с половиной тонн».

Если бы террористы действительно использовали аммиачную селитру, следователи РУОПа не искали бы гексоген на руках Дахкильгова и Саутиева, а сосредоточились бы на селитре. Гексоген на руках аресто-

ванных милиция искала именно потому, что экспертиза в Москве выдала следствию официальное заключение: при взрыве домов использовался гексоген. Никакие позднейшие экспертизы не могли быть более точными, в том числе повторные экспертизы, проводившиеся затем следственными органами ФСБ и обнаруженные в марте 2000 года. Наоборот, есть все основания считать, что в марте 2000 года, за несколько дней до президентских выборов, ФСБ занималась намеренной дезинформацией.

13 сентября 1999 года Лужковым в Москве были подписаны три нормативных документа, противоречащих Конституции и законам РФ. По первому акту в Москве была объявлена перерегистрация беженцев и переселенцев. Второй документ требовал выселения из столицы людей, нарушивших административные правила регистрации. Третий — прекращал регистрацию в Москве беженцев и переселенцев. В тот же день губернатор Подмосковья Анатолий Тяжлов подписал распоряжение о задержании лиц, не имеющих прописки в Москве или области. Чеченцев, конечно же, нормативные документы не упоминали. Кавказцев — тоже.

С 15 сентября в Москве началось совместное патрулирование милиции и военных, а по всей территории России начали проводить с привлечением внутренних войск антитеррористическую операцию «Вихрь-Антитеррор». Москвичи тогда еще не знали, что волна террора в столице на этом закончилась. Настала очередь провинции. Ранним утром 16 сентября был произведен подрыв жилого многоквартирного дома в Ростовской области, в Волгодонске. Семнадцать человек погибли.

На внеочередном заседании Совета Федерации, проходившем в закрытом режиме 17 сентября с участием главы правительства и силовых министров, СФ одобрил предложения о создании «советов гражданской безопасности» в российских регионах. Председатель СФ Егор Строев отметил, что сенаторы намерены «дать политическую оценку событий и предложить ряд конкретных экономических и социальных мер в зоне конфликта, в том числе в поддержку мирного населения и армии». Спикер отметил, что взрыв в Волгодонске «усилил настрой сенаторов на необходимость более решительных и жестких действий для борьбы с терроризмом». Строев не обвинял в организации терактов чеченцев, но очевидным образом связывал «зону конфликта» в Дагестане и «борьбу с терроризмом».

На заседании с докладом выступил председатель правительства России Владимир Путин. В качестве «мер по защите от терроризма» он предложил установить «санитарный кордон» по периметру всей

российско-чеченской границы, а также активизировать авиабомбардировки и артиллерийские обстрелы территории Чечни. Таким образом, Путин объявил Чеченскую республику ответственной за теракты и призвал к началу военных действий против Чечни.

По окончании заседания Путин заявил, что члены СФ поддержали действия правительства «самого жесткого характера» для урегулирования ситуации на Северном Кавказе, в том числе и «предложение о введении карантина вокруг Чечни». Отвечая на вопросы журналистов, Путин подчеркнул, что превентивные удары по базам бандитов в Чечне «наносились и будут наноситься», но что вопрос о возможности введения войск на территорию Чеченской Республики на заседании СФ не обсуждался.

Путин подчеркнул, что «бандиты должны быть уничтожены — здесь не может быть никаких других действий». Под бандитами Путин подразумевал чеченскую армию, а не террористов. Иными словами, правительство остановилось на одной-единственной версии взрывов: чеченской, причем готово было использовать взрывы как повод к войне.

Руководители северокавказских регионов понимали, что Россия затевает новую войну против Чеченской Республики. 20 сентября на встрече в Ингушетии, в Магасе, А. Масхадова, А. Дзасохова и Р. Аушева президенты Ингушетии и Северной Осетии поддержали идею Масхадова о необходимости переговоров между Масхадовым и Ельциным. Кроме того, Дзасохов и Аушев намеревались организовать встречу президента Чечни с премьер-министром Путиным в Нальчике или Пятигорске не позднее конца сентября 1999 года. На встрече должны были присутствовать все северокавказские лидеры.

Понятно, что политические переговоры могли предотвратить войну и пролить свет на произошедшие в России теракты. Именно поэтому ФСБ сделала все от нее зависящее, чтобы встреча руководителей северокавказских регионов не состоялась. До конца сентября предполагалось взорвать жилые здания в Рязани, Туле, Пскове и Самаре.

Как всегда, когда готовился большой теракт, в котором принимали участие группы террористов, произошла утечка информации. «По нашим данным, именно Рязань была намечена террористами для следующего взрыва. Из-за Рязанского училища ВДВ», — рассказывал глава администрации Рязани Маматов. Этим «следующим взрывом» должен был быть предотвращенный вечером 22 сентября взрыв дома на улице Новоселов.

23 сентября Зданович сообщил, что ФСБ установила всех участников терактов в Буйнакске, Москве и Волгодонске. «Ни одного этни-

ческого чеченца среди них нет». Ни одного. После этого, разумеется, последовало извинение генерала ФСБ перед чеченским народом и чеченской диаспорой в России... Нет, конечно. После этого Зданович стал с упорством двоечника искать «чеченский след». И, нужно отдать ему должное, Зданович «чеченский след» нашел. Он не исключил, что после осуществления взрывов террористы, готовившие свои акции с середины августа, имели пути отхода. Возможно, они скрылись в странах СНГ, но наиболее вероятно, что они ушли в Чечню. В общем, чеченцев бомбили из-за того, что, по мнению Здановича, туда, вероятно, ушли террористы (среди которых этнических чеченцев не было). Но почему же тогда не бомбили страны СНГ?

«Мы имеем определенные источники информации на территории Чечни и знаем, что там происходит», — подчеркнул Зданович. С 1991 по 1994 годы ФСК фактически не вела оперативную работу на территории этой республики, но затем «мы определенную работу проделали». Мы знаем о тех людях, которые разрабатывают террористические операции, осуществляют финансовые вливания, вербуют наемников, готовят взрывчатку. Сегодня в стране легко получить информацию об изготовлении взрывного устройства, и кроме этого есть множество людей, повоевавших в горячих точках, которые имеют необходимые знания и навыки. Многие из них воевали в Карабахе, Таджикистане и Чечне. Это не означает, что кто-либо обвиняет население Чечни или Аслана Масхадова. «Мы обвиняем конкретных преступников, террористов, которые находятся на территории Чечни. Вот откуда появилось название «чеченский след», — закончил Зданович, так и не назвавший ни одного «конкретного» преступника.

Использовать «вероятный» отход террористов в Чечню как повод дня начала войны против чеченского народа, признавая при этом, что взрывы проведены не чеченцами, — верх цинизма. Если из-за этого «вероятно» правительство Путина сочло возможным начать вторую чеченскую войну, нужно понимать, что взрывы были только предлогом, а война — давно спланированной в генштабе операцией. Определенный свет на этот вопрос пролил в январе 2000 года Степашин, сообщивший, что политическое «решение о вторжении в Чечню было принято еще в марте 1999 года»; что интервенция была «запланирована» на «август-сентябрь» и что «это произошло бы, даже если бы не было взрывов в Москве». «Я готовился к активной интервенции, — рассказывал Степашин. — Мы планировали оказаться к северу от Терека в августе-сентябре» 1999 года. Путин,

«бывший в то время директором ФСБ, обладал этой информацией».

Показания бывшего руководителя ФСК и бывшего премьер-министра Степашина расходятся с показаниями бывшего руководителя ФСБ и бывшего премьер-министра Путина:

«Летом прошлого года мы начали борьбу не против самостоятельности Чечни, а против агрессивных устремлений, которые начали нарождаться на этой территории. Мы не нападаем. Мы защищаемся. И мы их выбили из Дагестана. [...] А когда дали им серьезно по зубам, они взорвали дома в Москве, в Буйнакске, в Волгодонске.

Вопрос: Решение продолжить операцию в Чечне вы принимали до взрывов домов или после?

Ответ: После.

Вопрос: Вы знаете, что есть версия о том, что дома взрывались не случайно, а чтобы оправдать начало военных действий в Чечне? То есть это якобы делали российские спецслужбы?

Ответ: Что?! Взрывали свои собственные дома? Ну, знаете... Чушь! Бред собачий. Нет в российских спецслужбах людей, которые были бы способны на такое преступление против своего народа. Даже предположение об этом аморально и по сути своей не что иное, как элемент информационной войны против России».

Когда-нибудь, когда откроются архивы Министерства обороны, мы увидим эти военные документы: карты, планы, директивы, приказы по войскам о нанесении воздушных ударов и о развертывании сухопутных сил. Там будут стоять даты. Мы окончательно определим, насколько спонтанным было решение российского правительства начать сухопутные операции в Чечне и не оказалось ли, что генштаб закончил разработку военных действий до первого сентябрьского взрыва. Мы зададимся вопросом, почему взрывы происходили до предвыборной кампании и до вторжения в Чечню (когда это было невыгодно чеченцам) и прекратились после избрания Путина президентом и начала полномасштабной войны с Чеченской республикой (когда чеченцы как раз и должны были начинать мстить захватчикам). Но на эти вопросы, а их очень много, исчерпывающие ответы мы сможем получить только после смены власти в России.

Глава 7

ФСБ ПРОТИВ НАРОДА

Освещение некоторыми средствами массовой информации конкретных террористических акций несет в себе порой не менее опасный потенциал, чем сами террористы. В этой связи интересам обеспечения безопасности общества отвечает продуктивное взаимодействие средств массовой информации с властями, в том числе и правоохранительными органами.

Н. П. Патрушев. Из речи на международной научно-практической конференции «Международный терроризм: истоки и противодействие».
Санкт-Петербург, 18 апреля 2001 г.

Итак, террористы не определены, точнее, определены как не чеченцы. Несостоявшийся взрыв в Рязани дает все основания полагать, что за взрывами стоит ФСБ. Для «партии войны» это сигнал к тому, что большую войну в Чечне нужно начинать немедленно. Не случайно именно на 24 сентября, как если бы взрыв в Рязани состоял-

ся, было назначено жесткое выступление Путина и всех силовых министров.

24 сентября, как в хорошо спланированном спектакле, российские политики начинают дружно требовать войны. Патрушев сообщает, что террористы, осуществившие взрывы жилых домов в Москве, в настоящее время находятся в Чечне. Мы знаем, что это ложь. Источники информации Патрушев не указывает, так как их нет. Доказательств не приводит. Его пресс-секретарь Зданович говорил лишь о возможном или вероятном отходе террористов в Чечню (или в страны СНГ). Но Патрушеву нужно начинать войну, и он утверждает, что Чечня превратилась в рассадник терроризма.

Рушайло указывает, что оргпреступность, в том числе и зарубежная, опираясь на чеченский плацдарм, развернула «широкомасштабную подрывную деятельность против России. [...] Правоохранительные органы и вооруженные силы обладают достаточным потенциалом для защиты интересов России на Северном Кавказе. [...] Федеральные силы готовы к проведению силовых операций». Иными словами, МВД собирается воевать с Чечней в рамках борьбы с организованной преступностью, в том числе и с международными ОПГ. Можно подумать, что на всей остальной территории России с преступностью обстоит благополучно.

О ситуации на Северном Кавказе и возможных последствиях для России в интервью газете «Сегодня» рассказывает председатель комитета СФ по безопасности и обороне Александр Рябов. По его мнению, происходит геополитический передел мира под прикрытием мусульманских лозунгов. Для врагов России главное — создать в «мягком подбрюшье» России слабую зону. Это уже похоже на заговор Сионских мудрецов, только мусульманских. «Геополитический передел мира» — это серьезно. Тут без большой войны никак не обойтись.

Газета «Век» публикует интервью вице-президента коллегии военных экспертов Александра Владимирова, который считает, что лучший выход сейчас — это маленькая победоносная война в Чечне. По его мнению, санитарный кордон вокруг Чечни, предлагаемый Путиным, — хорошо, но это должно быть только первым шагом, так как кордон ради кордона — занятие бессмысленное. (Точку зрения Владимирова, безусловно, приняли во внимание и начали сразу со второго шага — полномасштабной войны).

Последний решающий голос за войну был подан находящимся в Астане премьер-министром Путиным:

«Российское государство не намерено спускать ситуацию на тормозах. [...] Происходившие в последнее время неспровоцированные нападения на сопредельные с Чечней территории, варварские акции, приведшие к человеческим жертвам среди мирного населения, поставили террористов не только вне рамок закона, но и вне рамок человеческого общества и современной цивилизации». Авиаудары наносятся «исключительно по базам боевиков, и это будет продолжаться, где бы террористы ни находились. [...] Мы будем преследовать террористов всюду. Если, пардон, в туалете поймаем, то и в сортире их замочим».

Настроение в обществе в те дни лучше всего характеризовал тот факт, что после крылатой фразы «в сортире замочим» рейтинг Путина вырос. Пропагандистская кампания сторонников войны достигала желаемого результата. Согласно опросу, проведенному Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), почти половина россиян была убеждена в том, что взрывы в российских городах осуществляли боевики Басаева, еще треть винила в этом ваххабитов во главе с Хаттабом. 88% процентов опрошенных опасались стать жертвой теракта. 64% согласны были с тем, что всех чеченцев следует выслать из страны. Такой же процент высказался за массированные бомбардировки Чечни.

Взрывы домов переломили общественное мнение. Маленькая победоносная война казалась естественным и единственным способом борьбы с терроризмом. То, что террористы не чеченцы, а война не будет маленькой и победоносной, одурманенная страна еще не знала.

Обратим внимание на вопиющее отсутствие логики. Чеченское руководство отрицает свою причастность к терактам. Зданович подтверждает, что чеченцев среди исполнителей теракта нет. Чечню пока что начинают бомбить. Масхадов заявляет о готовности вести переговоры, но его не слышат. ФСБ важно втянуть Россию в войну как можно скорее, чтобы выборы президента России происходили на фоне большой войны и чтобы новый президент, пришедший к власти, получил в наследство войну вместе с теми политическими последствиями, которые она в себе несет: опору президента на силовые структуры. Только через войну власть в стране окончательно может захватить ФСБ. Речь идет о банальном заговоре с целью захвата власти бывшим КГБ под флагом борьбы с чеченским терроризмом.

4 октября переворот завершился победой заговорщиков: в этот день

российские войска перешли границу Чечни. Большинство населения поддержало решение бывшего руководителя ФСБ премьер-министра Путина, директора ФСБ Патрушева и генерала ФСБ главы СБ Сергея Иванова.

В это непростое для российской политической элиты время определились те, кто выступил категорически против войны. «Новую газету» следует назвать одним из самых принципиальных противников войны с Чеченской Республикой:

«Подполковник КГБ с блатной лексикой, чудом оказавшийся во главе великой страны, спешит воспользоваться произведенным эффектом. Любой военачальник или политик, планирующий военную операцию, всегда стремится уменьшить количество своих врагов и увеличить количество союзников. Путин сознательно бомбит Грозный, чтобы сделать невозможным переговоры с Масхадовым, чтобы в кровавой бойне похоронить все предыдущие преступления режима. Уходящий режим стремится готовящимся преступлением — геноцидом чеченского народа — повязать кровью весь русский народ, сделать его своим сообщником и заложником. Еще не поздно остановиться на пути к гибели России».

Поздно, было уже поздно. Константин Титов, губернатор Самарской области, считал, что наземная операция в Чечне — для России катастрофа. «Я вообще не верю в чисто силовые методы решения глобальных проблем. И в Самаре никогда не допущу таких этнических чисток, как в Москве». (Константин Титов, разумеется, не знал, что для взрыва жилого дома в Самаре, на улице Нововокзальной, в те дни все было готово, но после провала в Рязани ФСБ приостановила теракты).

Настроение обеспокоенной части демократического общества описал в те дни известный российский адвокат Анатолий Кучерена:

«КОГДА ГРОХОЧУТ ПУШКИ, ПРОКУРОРЫ МОЛЧАТ
Ярчайшая иллюстрация — «учения», проведенные ФСБ в Рязани. Эта акция свидетельствует о глубочайшей деградации, в первую очередь нравственной, отечественных спецслужб. Спецслужбы по-прежнему мнят себя «государством в государстве». Их руководителям, вероятно, кажется, что они не подчиняются никаким законам и действуют исключительно на основе политической целесообразности, как в те славные времена, когда органы организовывали похищения и политические убийства на территории дру-

гих государств, «легендировали» несуществующие антисоветские организации, писали сценарии показательных процессов.

Многочисленные «шпионские дела» последних лет — Платона Обухова, Григория Пасько, капитана Никитина; операция «мордой в снег»; различные антиправовые акции накануне президентских выборов 1996 года, такие, как попытка «опечатать» Государственную думу; авантюра с вербовкой российских военнослужащих для штурма Грозного силами так называемой антидудаевской оппозиции в ноябре 1994 года — все это свидетельствует о том, что антиправовые тенденции в деятельности спецслужб сохраняются и по сей день.

Складывается впечатление, что и действующая власть, и так называемая оппозиция полагают, что на демократическом проекте в России можно ставить крест. Власть не способна навести порядок, основанный на Законе, не в ее силах построить правовое государство. Альтернатива правовому государству — государство бандитско-полицейское, то есть такое положение дел, когда действия террористов, бандитов, с одной стороны, и правоохранительных органов — с другой уже не различаются ни по целям, ни по используемым методам. В обществе нарастает массовое убеждение, что демократия как форма правления себя не оправдала.

А коль скоро с демократическим проектом ничего не вышло, у многих политических игроков возникает искушение покончить с ним раз и навсегда. Каждый из них при этом преследует свои цели, но объективно вектор их усилий совпадает. Кого-то страшит надвигающийся передел собственности, кто-то хочет уйти от ответственности за совершенные противоправные деяния, кто-то видит в себе нового Бонапарта или Пиночета, и ему не терпится «порулить» железной рукой.

Правление посредством демократических учреждений в очередной раз в России не удалось. Наступает время правления посредством страха. Время террора — как бандитского, так и государственного. А может быть, это и есть «политический проект» действующей власти для новой России?»

Если опасения демократической части населения сформулировал Кучерена, цели и планы заговорщиков, отстоявших вторжение в Чечню, раскрыл 8 марта 2000 года в статье «Стране нужен новый КГБ» член Государственной думы и бывший руководитель СБП Коржаков:

«В подготовке к президентским выборам наблюдается одна принципиально важная особенность. Характеризуя кандидата номер один на высший государственный пост Владимира Путина, практически никто не высказывает неудовлетворения тем, что он выходец из спецслужб, а точнее, из недр КГБ. Лет несколько тому назад такое и представить себе было невозможно. А теперь налицо симпатии общественного мнения к политическому деятелю, начавшему свой путь в спецслужбе. Высокий рейтинг Владимира Путина свидетельствует в первую очередь о том, что в нем, выходеце из КГБ, люди видят государственного деятеля, способного навести в стране порядок, организовать работу всех властных структур таким образом, чтобы начать наконец реально выходить из общественно-политического кризиса. Выдвижение бывшего сотрудника КГБ на высший государственный пост дает мне повод еще раз привлечь внимание к некоторым моментам деятельности спецслужб и их роли в целом на современном этапе нашего экономического и политического развития.

Известные случаи со взрывами домов в Москве и других городах страны, повлекшие за собой гибель десятков мирных, ни в чем не повинных людей, продолжающийся вывоз национального богатства из страны за рубеж, процветающая махровым цветом коррупция в государственных структурах, случаи работорговли и торговли детьми — все это вызывает законное возмущение граждан страны. Люди с недоумением спрашивают: где же наши спецслужбы, которые для того и существуют, чтобы бороться с подобными рода явлениями? И сил, и необходимых спецслужб у нас достаточно: ФСБ, МВД, ГРУ, СВР, ФАПСИ — все они способны решать самые сложные задачи. Проблема в том, что спецслужбы действуют разрозненно, по принципу разжатого кулака.

В свое время нашу демократическую общественность страшно пугало существование КГБ. Тогда решили разрушить «монстра», чтобы обезопасить себя от всякого рода неожиданностей. Кое-кому казалось, что так будет легче контролировать деятельность спецслужб. Однако с контролем, как задумывалось, не получилось, и с координацией действий спецслужб дело далеко не пошло. Подтверждение тому — хрестоматийные ошибки и провалы, допущенные в борьбе с чеченскими и международными террористами. Теперь даже самым ярким противникам КГБ становится понятно, что разрушение этой структуры ничего полез-

ного нам не дало. Не случайно Александр Солженицын заметил однажды в узком кругу, что нам не хватает КГБ.

Есть и другая реальность. Наворованные и вывезенные за рубеж наши общенародные средства никто и никогда добровольно в страну не вернет. Ни одна иностранная спецслужба никогда не упустит шанс получить у нас важные секретные сведения из научной или другой важной области, если не перекрыть ей путь к нашим секретам. Коррупция будет существовать до тех пор, пока соответствующие службы, которым положено выявлять взяточников, будут действовать разрозненно, каждая сама по себе. Казнокрадство будет продолжаться до тех пор, пока наши законы будут гуманными по отношению к любителям совать свои грабли в государственную казну.

Поддерживая кандидатуру Владимира Путина на должность президента страны, наши люди тем самым дают сигнал власти, смысл которого совершенно понятен: пора наконец собрать спецслужбы в единый кулак и ударить им по тем, кто мешает нам нормально строить свою жизнь. России нужен свой КГБ! Пора сказать об этом без стеснений! Разделяя подобное мнение, считаю, что первым шагом на пути создания нового Комитета государственной безопасности должно быть образование Координационного совета спецслужб (КСС) при Совете безопасности с непосредственным подчинением главе государства. Это позволит сформировать структуру будущего КГБ, определить его функции и задачи. В случае создания Координационного совета спецслужб уже в ближайшее время можно будет более эффективно решать проблему возврата в страну незаконно вывезенных капиталов. Говорю это с уверенностью, поскольку в свое время Служба безопасности президента начала работать в этом направлении и добилась конкретных результатов. Служба на деле доказала, что возвращать капиталы в страну не только нужно, но и можно, если заниматься этим серьезно.

Вторая первостепенная задача — борьба с терроризмом специфическими методами и средствами, исключая применение крупных военных сил и гибель мирного населения. Никто не сомневается в том, что чеченские и международные террористы будут разбиты. Однако на этом угроза терроризма не исчезнет. Не следует забывать, что в Чечне уже выросло поколение молодых людей в условиях войны и ненависти к русским. Стремле-

ние сегодняшних чеченских мальчишек отомстить «обидчикам» любым способом будет проявляться не только на территории Чечни. Использовать армию для борьбы с локальными проявлениями терроризма больше нельзя, лимит таких возможностей исчерпан. Этим будут заниматься спецслужбы.

Третья задача — выявление фактов незаконной приватизации объектов стратегического значения, искусственного банкротства заводов, фабрик, шахт с целью захвата их в личную собственность. Практика показала, что без участия спецслужб в этой работе нам тоже не обойтись».

Кучерена считает, что беды России — от бандитско-полицейского государства. Коржаков утверждает, что все несчастья — от недостаточно твердой руки власти, так как спецслужбы действуют «по принципу разжатого кулака». Он предлагает сжать кулак, создать Координационный совет спецслужб (КСС), подчинить его секретарю СБ (генералу ФСБ Сергею Иванову). Можно предположить, что во главе этого нового органа Коржаков видит себя, подчеркивая, что возглавляемая им ранее СБП работала именно в этом направлении и добилась конкретных результатов. Иными словами, Коржаков признает, что злоупотреблял властью и превышал должностные полномочия, что по российскому законодательству считается преступлением и карается лишением свободы (в функции Коржакова входила охрана президента и членов его семьи).

Только из этого заявления становится понятно, чем на самом деле занималась все эти годы СБП во главе с Коржаковым, а затем и сам Коржаков — на правах частного гражданина со связями в силовых структурах. Назовем вещи своими именами. Оказавшись вне властных структур, отстраненные от госслужбы, Сосковец вместе с отставными генералами Коржаковым и Барсуковым с помощью ранее используемых ими ЧОПов, типа «Стелс», пытались активно внедриться в передел собственности в России с целью установления контроля над бизнесами и извлечения личных финансовых выгод. Финансирование их деятельности осуществлялось «измайловской» ОПГ. Агентурно-оперативной работой занимались различные ЧОПы. Информационно-пропагандистское прикрытие осуществлялось рядом подконтрольных или купленных СМИ. Боевое обеспечение предоставляли организованные криминальные группы и отдельные боевики из числа бывших сотрудников спецподразделений МО, ФСБ и МВД.

Возврат капитала из-за границы «по Коржакову» — на самом деле банальное вымогательство. На практике, получив через спецслужбы конфиденциальную финансовую информацию, Коржаков вызывал бизнесмена к себе, говорил, что ему известно о «вывезенных» за границу деньгах, и требовал вернуть их в Россию. Однако очень важно понять, что бизнесмен возвращал деньги не на казенные счета, а на счета, указанные Коржаковым.

Коржаков раскрыл и политические цели своей структуры. Первая: подчинение всех спецслужб Службе безопасности президента (или новой структуре — КСС). Вторая: карт-бланш на карательные акции по всей стране, т. е. диктаторские полномочия. Более того, Коржаков открыто заявил, что государственной политикой России должен стать геноцид чеченского народа. Вчитаемся еще раз: «Не следует забывать, что в Чечне уже выросло поколение молодых людей в условиях войны и ненависти к русским. Стремление сегодняшних чеченских мальчишек отомстить «обидчикам» любым способом будет проявляться не только на территории Чечни». Похоже, что чеченских «мальчишек» Коржаков хочет отстреливать по всей территории России, дабы они не дорастали до возраста, когда смогут отомстить за убитых отцов и разоренную родину.

То, что обращение Коржакова «Стране нужен новый КГБ» не случайность, а тенденция, продемонстрировал в июле 2001 года кадровый сотрудник ФСБ, директор Института проблем экономической безопасности Ю. Овченко. На встрече с узким кругом журналистов он сообщил, что ряд чиновников, имеющих «выход на президента» и связанных с силовыми структурами, в том числе заместитель директора ФСБ Ю. Заостровцев, намерены кардинально изменить экономическую политику правительства и перейти «от олигархической системы к национальной». Согласно газете «Аргументы и факты», Овченко сказал буквально следующее:

«Особенно важна роль спецслужб в процессе деприватизации и розыске незаконно вывезенного капитала. Контроль над процессом смены собственников должен быть передан в систему ФСБ. [...] Функции контроля за результатами приватизации необходимо передать в Совбез, секретарем которого должен быть человек системы ФСБ. [...] Чтобы остановить дальнейшую утечку капитала, необходимо передать под реальный контроль системы Центральный банк и Государственный таможенный комитет

России. [...] В состав руководства этих органов должны быть введены представители экономической безопасности, которые располагают полной информацией об уже вывезенных ресурсах и в состоянии говорить с олигархами на понятном последнем языке. [...] При том, что предлагаемые мероприятия [...] будут чрезвычайно популярны среди населения, их решение потребует установления контроля государства над основными электронными медиа. Следовало бы законодательно запретить частному капиталу иметь в собственности контрольные пакеты акций метровых каналов и газет с тиражом выше 200 тыс. экз.».

На вопрос о сроках реализации плана Овченко ответил: «К концу года перемены будут. Но, возможно, и раньше, если созреют предпосылки».

Общество разделилось. Одни требовали отстроить новые спецслужбы. Другие считали, что и старые — хуже любых террористов. Однако дальше едких журналистских статей дело не шло. Адвокат Павел Астахов попытался сделать в ФСБ запрос о том, какие оперативные действия стали причиной нарушения свобод граждан Рязани, отправленных на улицу в тот холодный осенний вечер. ФСБ сослалась на закон «Об оперативно-розыскной деятельности». Получалось, что согласно этому закону ФСБ имела право проводить учения где угодно и когда угодно. И на этот закон у народа управы нет.

Между тем инцидент в Рязани не вписывался в рамки федерального законодательства и в компетенцию ФСБ. В «Федеральном законе о Федеральной службе безопасности» написано, что деятельность органов ФСБ «осуществляется в соответствии с законом РФ «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», уголовным и уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, а также настоящим федеральным законом». Ни в одном из этих документов, равно как и в «Положении о Федеральной службе безопасности Российской Федерации», не предусматривалась возможность проведения учений. Более того, в законе «Об оперативно-розыскной деятельности», на который неоднократно ссылались руководители ФСБ, об учениях не говорилось ни слова. При этом 5-я статья закона — о «соблюдении прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» — предоставляла гражданам формальные гарантии того, что со стороны правоохранительных органов не будет злоупотреблений:

«Органы (должностные лица), осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, при проведении оперативно-розыскных мероприятий должны обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, [...] неприкосновенность жилища [...]. Не допускается осуществление оперативно-розыскной деятельности для достижения целей и решения задач, не предусмотренных настоящим федеральным законом. Лицо, полагающее, что действия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, привели к нарушению его прав и свобод, вправе обжаловать эти действия в вышестоящий орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, прокуратуру или суд. [...] При нарушении органом (или должностным лицом), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, прав и законных интересов физических и юридических лиц вышестоящий орган, прокурор либо судья в соответствии с законодательством Российской Федерации обязаны принять меры по восстановлению этих прав и законных интересов, возмещению причиненного вреда. Нарушения настоящего Федерального закона при осуществлении оперативно-розыскной деятельности влекут ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации».

Таким образом, Зданович, а вместе с ним и Патрушев откровенно лгали, когда ссылались на российское законодательство.

Забить рязанскую историю Путину и Патрушеву не давали до самых президентских выборов. В ночь на 4 октября 1999 года в Надтеречном районе Чечни без вести пропали три офицера ГРУ — полковник Зурико Иванов, майор Виктор Пахомов, старший лейтенант Алексей Галкин и сотрудник ГРУ, чеченец по национальности, Весами Абдулаев.

Руководитель группы Зурико Иванов окончил Рязанское училище ВДВ, попал в разведку специального назначения, служил в известной еще по Афганистану 15-й бригаде спецназа, потом в Северо-Кавказском военном округе. Руководил личной охраной связанного с Москвой Доку Завгаева. Незадолго до начала второй чеченской войны Иванова перевели в центральный аппарат, в Москву. Его новая должность не предполагала рейдов по враждебным тылам, но как только начали готовить наземную операцию в Чечне, Иванов потребовался в зоне конфликта.

19 октября в Грозном руководитель пресс-центра вооруженных сил Чечни Ваха Ибрагимов от имени военного командования сообщил

собравшимся журналистам, что эти офицеры ГРУ «инициативно вышли на контакт с чеченскими военными» и изъявили желание сотрудничать с чеченскими властями. Ибрагимов утверждал, что офицеры ГРУ и их агент готовы предоставить информацию об организаторах взрывов в Москве, Буйнакске и Волгодонске. Министерство обороны России назвало заявление чеченской стороны провокацией, направленной на дискредитацию внутренней политики российского руководства и действий федеральных сил на Северном Кавказе. Однако в конце декабря 1999 года ГРУ официально признало факт гибели руководителя группы Иванова: федеральным силам был передан обезглавленный труп человека и залитое кровью удостоверение личности полковника Зурико Амирановича Иванова (отрубленную голову офицера нашли позже). 24 марта 2000 года Зданович сообщил, что вся группа сотрудников ГРУ была казнена чеченцами.

6 января 2000 г. выходящая в Лондоне газета «The Independent» опубликовала статью корреспондентки Елены Вомак «Российские агенты взорвали дома в Москве»:

«The Independent» получила видеопленку, на которой российский офицер, захваченный чеченцами, «признается», что российские спецслужбы совершили в Москве взрывы жилых домов, которые разожгли нынешнюю войну в Чечне и привели Владимира Путина в Кремль. На пленке, отснятой турецким журналистом [Седатом Аралем] в прошлом месяце, до того, как Грозный был окончательно отрезан российскими войсками, пленный россиянин называет себя сотрудником ГРУ (Главное разведывательное управление) Алексеем Галкиным. Заросший бородою пленный признает, и это подтверждается его собственными документами, демонстрируемыми чеченцами, что он «старший лейтенант спецназа, войск специального назначения генерального штаба Российской Федерации». Министерство обороны вчера занималось проверкой того, существует ли в действительности такой офицер ГРУ. «Даже если он существует, вы понимаете, какие методы могли быть к нему применены в плену», — сказал один из младших офицеров, просивший не называть его имени.

Полковник Яков Фирсов из Министерства обороны формально заявил следующее: «Чеченские бандиты чувствуют, что им приходит конец, и в информационной войне используют любые грязные приемы. Это провокация. Это вранье. Российские вооруженные силы защищают людей. Невозможно предположить, что они воюют с собственным народом».

На видеопленке лейтенант Галкин говорит, что он был пленен на чечено-дагестанской границе, когда выполнял задание по минированию местности. «Я не принимал участия во взрывах домов в Москве и Дагестане, но у меня есть об этом информация. Я знаю, кто ответствен за взрывы в Москве (и Дагестане). За взрывы в Волгодонске и Москве ответственно ФСБ (Федеральная служба безопасности) вместе с ГРУ». После этого он назвал других офицеров ГРУ. Около трехсот человек погибло, когда четыре многоэтажных дома были взорваны террористами в сентябре. Эти теракты дали возможность господину Путину, за месяц до того ставшему премьер-министром, начать новую войну в Чечне.

Фотограф агентства новостей ISF Седат Арал сказал, что он отснял эту видеопленку в бункере в городе Грозном, где он встретился с руководителем чеченской службы безопасности Абу Мовсаевым. Господин Мовсаев сказал, что чеченцы могут доказать, что не причастны к взрывам многоквартирных домов.

Российская общественность поддерживает «антитеррористическую кампанию» в Чечне, которая настолько резко подняла популярность ее автора господина Путина, что Борис Ельцин досрочно ушел в отставку, чтобы уступить место избранному им преемнику. Война началась к явной выгоде господина Путина. Бывший руководитель Службы безопасности России теперь готов реализовывать свои президентские амбиции».

Обозреватель Би-би-си Хэзлетт, комментируя статью, утверждал, что гипотеза заговора спецслужб существовала с тех самых пор, как произошли взрывы, поскольку ФСБ могла подложить бомбы, чтобы оправдать военную операцию в Чечне. В этой связи Хэзлетт отметил, что власти до сих пор не представили убедительных доказательств причастности чеченцев к взрывам, а Шамиль Басаев — один из тех, кого обвиняют в этих злодеяниях, — категорически отрицал свое к ним отношение. Хэзлетт полагал, что в преддверии президентских выборов репутация Путина может сильно пострадать из-за скандала с видеозаписью показаний Галкина, поскольку популярность Путина — до недавнего времени малоизвестного офицера ФСБ — значительно возросла после начала военных действий в Чечне.

Французская газета «Ле Монд» также писала об опасности для Путина разоблачений о причастности спецслужб к сентябрьским взрывам: «Укрепив свою популярность и победив на выборах в Государственную думу в результате войны, развязанной против чеченского народа, Владимир Путин понимает, что есть только две причины, могущие

помешать ему стать президентом на выборах в марте. Это крупные военные неудачи и потери в живой силе в Чечне, а также признание возможной причастности российских спецслужб к взрывам жилых домов, унесшим жизни около трехсот человек в сентябре прошлого года и послужившим официальным обоснованием для начала антитеррористической операции» в Чечне.

Интересно, что по делу о взрывах в Москве ни Лазовский, ни кто-либо из его людей не допрашивался, хотя можно было предположить, что за этими терактами стоят те же люди, что и за терактами 1994–1996 годов. Только весной 2000 года прокуратура дала согласие на арест Лазовского. Одновременно теми, кто стоял за Лазовским, а очевидно, что за Лазовским стояло прежде всего московское УФСБ, было принято решение не допустить задержания Лазовского. По оперативной информации, сразу же после того, как был выписан ордер на арест Лазовского, его убили: 28 апреля 2000 года на пороге Успенского собора в своем поселке он был расстрелян из автомата Калашникова с глушителем и оптическим прицелом. Четыре пули, одна из которых попала в горло, были смертельными. Стрельба велась из зарослей кустарника с расстояния примерно в 150 м. Джи́па с охраной, который неотступно следовал за Лазовским в последнее время, рядом почему-то не оказалось. Убийца бросил оружие и скрылся. Кто-то оттащил окровавленное тело к больнице неподалеку и положил на лавку. Местная милиция привлекла для осмотра трупа врача из единцовской поликлиники. Документы освидетельствования убитого и осмотра места происшествия были составлены крайне неряшливо и непрофессионально, и это дало повод утверждать, что убит не Лазовский, а его двойник.

Вечером 22 мая 2000 года в засаду спецназа ГРУ в районе между селениями Сержень-Юрт и Шали попал небольшой отряд боевиков. В результате скоротечного боя десять боевиков были убиты, остальные рассеяны. Среди убитых оказался 38-летний полевой командир и глава военной контрразведки Чечни Абу Мовсаев, допрашивавший старшего лейтенанта Галкина и, наверное, располагавший дополнительной информацией о взрывах. Местные жители рассказывали, что в мае Мовсаев несколько раз тайком приходил ночевать к живущим в Шали родственникам. Один из членов местной администрации сообщил об этом уполномоченному УФСБ. Тот не принял мер. Когда спецназ ГРУ попытался захватить полевого командира, ФСБ выступила против. Разразился скандал, дело передали в Москву, где приняли решение Мовсаева брать. Однако живым он взят не был.

9 марта 2000 года при взлете в Москве разбился самолет, на борту которого находилось девять человек: президент холдинга «Совершенно секретно» Артем Боровик, глава холдинга АО «Группа Альянс» чеченец по национальности Зия Бажаев, два его телохранителя и пять членов экипажа.

Як-40, около года назад арендованный Бажаевым у Вологодского авиапредприятия через столичную авиакомпанию «Аэротекс», должен был вылететь в Киев. В сообщении комиссии по расследованию происшествий на воздушном транспорте говорилось, что вологодские авиатехники перед взлетом не обработали самолет специальной жидкостью против обледенения, а его закрылки были выпущены всего на 10 градусов при необходимых для взлета 20 градусах. Между тем утром 9 марта в Шереметьеве было всего четыре градуса мороза, без осадков. И обрабатывать самолет жидкостью «Арктика» не было необходимости. Кроме того, Як-40 без проблем можно было поднять в воздух и при выпущенных на 10 градусов закрылках: просто удлинился бы разбег, а взлет стал бы «ленивым». Судя по тому, что самолет рухнул примерно в середине взлетной полосы, которая в Шереметьеве имеет длину 3,6 км, разбег у самолета был штатный — около 800 м.

Узнав о трагедии, лидер «Яблока» и депутат Государственной думы Григорий Явлинский заявил, что в последнее время Боровик и его команда занимались независимым расследованием взрывов в Москве. К каким выводам пришел бы Боровик, остается только догадываться.

Бывший генерал КГБ Олег Калугин по вопросу о взрывах имел свое мнение. Он считал, что ФСБ как организация не была непосредственно причастна к организации терактов и что взрывы были заказаны одной из «группировок российской власти», которая была заинтересована в повышении политического рейтинга Путина. Не исключено, что заказчики терактов использовали отдельных специалистов ФСБ или бывшего КГБ, однако сама государственная структура была подключена к операции только после провала в Рязани и обеспечивала прикрытие провалившейся операции и ее организаторов.

Конечно, возникает вопрос о том, что же это была за «группировка» и кто во главе нее стоял, если после провала в Рязани вся ФСБ, да и другие силовые ведомства были брошены на «прикрытие провалившейся операции и ее организаторов». Понятно, что руководить такой «группировкой» должен был Путин и что в «группировку российской власти», повышающую рейтинг Путина, входили те, кто сегодня стоит у власти в России, продолжает войну в Чечне и сжимает в кулак спецслужбы.

Свое профессиональное суждение о взрыве в Рязани высказали неназванные сотрудники ФСБ в интервью журналистам «Новой газеты»:

«Если бы взрыв в Рязани действительно готовили спецслужбы, то для этого должна была быть создана хорошо законспирированная группа (5-6 человек), состоящая из офицеров-фанатиков двух категорий. Первых — непосредственных исполнителей — должны были бы сразу уничтожить. И, разумеется, руководство не давало бы им непосредственных инструкций». Кроме того, «существует маловероятная, но в наших условиях весьма возможная версия рязанских событий. Разруха внутри спецслужб привела к тому, что внутри, например, ФСБ возникла группа офицеров-«патриотов», которая вышла из-под контроля. (Нынешняя степень скоординированности действий внутри этой структуры позволяет сделать такое предположение). Допустим, она была достаточно законспирированной, автономной, выполняла определенные негласные задания, но помимо своей основной деятельности стала заниматься отсебятиной. К примеру, некоторые подобные «автономии» в свободное от работы время могут проявлять себя как неуловимые преступные группы. А эти из соображений политической целесообразности захотели взорвать дом, для того чтобы повысить боевой дух нации и т. д. Даже если руководство ФСБ выявит нерегламентированную деятельность такой отколовшейся группы, то никогда не признает факта ее существования. Конечно, на раскольников объявят охоту и в итоге ликвидируют, но без лишнего шума. Эту тайну, если бы она существовала, хранили бы особенно ревностно. А на попытки ее раскрыть реагировали примерно так же, как сейчас».

И все-таки теория заговора внутри ФСБ разбивается об очевидное покровительство высшего руководства ФСБ и государства. Да и неправильно предполагать, что в самом ФСБ прозевали столь крупный внутренний заговор. Чтобы дослужиться до генерала ФСБ, нужно пройти такие медные трубы и иметь такой нюх, что любой заговор подчиненных улавливаешь на большом расстоянии. К тому же внутренне ведомственное доносительство в ФСБ поставлено на широкую ногу. Пять-шесть человек самостоятельно договориться о теракте не могут. А взрывы в четырех городах — это уже не пять-шесть человек, а много больше.

Депутат Государственной думы Владимир Волков также считал, что сентябрьские взрывы были делом спецслужб:

«Вот уже дважды подряд президентские выборы словно бы случайно совпадают с обострением событий в Чечне. На этот раз чеченскую кампанию предварили теракты в Москве, Буйнакске, Волгодонске, Ростове... Но почему-то сорвался взрыв жилого дома в Рязани, ныне выдаваемый за учения. Как военный знаю, что ни одно учение не проводится с настоящими взрывными устройствами, что об учениях обязательно должна была знать местная милиция и ФСБ. Увы, в Рязани все было по-другому, и пресса уже в открытую высказывается о том, что все «чеченские» теракты в русских городах — дело спецслужб, подготавливавших «маленькую войнушку» под Путина. Поиск ответа на эти подозрения еще предстоит, но уже сегодня ясно, что вместо белого коня Путину подсунили красного, чрезмерно окропленного народной кровью».

По-своему отмечая годовщину взрывов в Буйнакске, Москве и Волгодонске, сотрудники ФСБ, известные по «документам прикрытия» как майор Исмаилов и капитан Федоров, 8 августа 2000 года совершили теракт в подземном переходе Пушкинской площади. Тринадцать человек погибли, более ста получили ранения различной тяжести. Неподдалеку от места взрыва специалисты Московского УФСБ обнаружили еще два взрывных устройства и расстреляли их из гидропушки.

Взрыв на Пушкинской был выстрелом в сердце. «Неизвестные пока злоумышленники очень точно выбрали место для своей акции, — писал 12 августа в киевской газете «Зеркало недели» Виталий Портников. — Для того чтобы понять, что такое Пушкинская площадь для жителя российской столицы, нужно, конечно же, быть москвичом. Потому что Красная площадь, Александровский сад, подземный комплекс в Охотном ряду, старый Арбат — скорее места туристических прогулок. Москвичи назначают встречи на Пушкинской [...]. Старый кинотеатр «Россия», перелицованный в «Пушкинский» и ультрасовременный «Кодак-Киномир», место молодежной «тусовки», первый в СССР «Макдональдс» и восточная закусочная системы «Елки-Палки», кофейни и офис «Мобильных телесистем», Ленком и доронинский МХАТ, бутики в галерее «Актер» и самый модный в среде политической элиты ресторан русской национальной кухни «Пушкин» — именно в нем московский мэр Юрий Лужков договаривался с министром печати Михаилом Лесным о судьбе своего телеканала ТВ-Центр... Пушкинская — не просто центр города, площадь или станция метро.

Это среда обитания [...]. Взорвать среду обитания для террориста важнее, чем даже подложить бомбу под жилой дом. Потому что дом может оказаться соседским, а среда обитания — всегда ваша».

Юрий Лужков поспешно попытался списать и этот взрыв на чеченцев: «На сто процентов это — Чечня». Уставшие от постоянных обвинений чеченцы на этот раз решили одернуть мэра. Глава администрации Чечни Ахмад Кадыров выразил возмущение тем, что во взрыве бездоказательно снова обвиняют чеченцев. Представитель Кадырова при российском правительстве, бывший министр иностранных дел в администрации Джохара Дудаева Шамиль Бено пригрозил демонстрацией чеченцев в Москве, а председатель Госсовета Чечни Малик Сайдуллаев пообещал внушительную премию за информацию об истинных организаторах взрыва. Аслан Масхадов также отмежевался от теракта и выразил соболезнование россиянам.

5 августа 2000 года двенадцать человек — члены спецгруппы Андрея Александровича Морева, прибывшие на Петровку, 38 для инструктажа перед очередной операцией, — стали свидетелями разговора Исмаилова и Федорова о работе на Пушкинской площади. Через три дня там действительно произошел теракт, а в фотороботах Морев опознал двух офицеров ФСБ. Только эта случайность позволяет нам сегодня утверждать, что за взрывом на Пушкинской площади стояли спецслужбы, а не чеченцы.

Пройдут годы. Россия, конечно же, будет другой. У нее будет другое политическое руководство. И если мы еще будем живы, нас спросят наши дети: почему вы молчали? Когда вас взрывали в Москве, Волгодонске, Буйнакске, Рязани — почему вы молчали?

Мы не молчали. Мы возмущались, кричали, писали... Жители дома № 14/16 по улице Новоселов подали в суд на ФСБ. В письме, отправленном в генпрокуратуру России, говорилось: «Над нами поставили чудовищный эксперимент, в котором двумстам сорока ни в чем не повинным людям отвели роль статистов. Всем нам нанесли не только тяжелую психическую травму, но и невосполнимый вред здоровью». Рязанцев поддержала администрация Рязанской области. Однако дальше слов дело не пошло, а коллективное заявление в прокуратуре затерялось.

18 марта депутаты фракции «Яблоко» Сергей Иваненко и Юрий Щекочихин подготовили проект постановления Госдумы о парламентском запросе и. о. генерального прокурора Владимиру Устинову «О факте обнаружения в г. Рязани 22 сентября 1999 года взрывчатого ве-

щества и обстоятельствах его расследования». Иваненко и Щекочихин предлагали депутатам Госдумы получить ответы на следующие вопросы: «на какой стадии находится уголовное дело по факту обнаружения в Рязани взрывчатого вещества 22 сентября 1999 г.; проводилась ли экспертиза найденного вещества; кто и когда отдал приказ о проведении учений, каковы были цели и задачи учений; какие средства и вещества — взрывчатые или имитирующие их — использовались при проведении учений; провести проверку публикаций «Новой газеты» № 10 за 2000 г. о том, что на складе оружия и боеприпасов одной из учебных частей ВДВ хранился гексоген, расфасованный в мешки из-под сахара».

В проекте запроса говорилось также о том, что руководство ФСБ в течение двух дней со дня происшествия изменило официальную позицию. Согласно первой версии, 22 сентября 1999 г. был успешно предотвращен террористический акт. Согласно второй — в Рязани проводились учения по проверке боеготовности правоохранительных органов. «Ряд приведенных фактов ставит под сомнение официальную версию событий, происшедших в Рязани», — говорилось в запросе. Информация, связанная с учениями, закрыта. Недоступны материалы уголовного дела, возбужденного УФСБ по Рязанской области по факту обнаружения взрывчатых веществ. Не названы лица, заложившие имитационное взрывное устройство, а также те, кто издал приказ о проведении учений. «Заявление руководства ФСБ о том, что найденное в Рязани вещество состояло из сахарного песка, не выдерживает критики». В частности, прибор, использованный для анализа найденного вещества, указывал на наличие гексогена и был совершенно исправен, а детонатор взрывного устройства не был имитацией.

Увы, большинство членов Думы проголосовало запрос не производить. Против направления запроса выступили проправительственная фракция «Единство», группа «Народный депутат», часть фракции «Регионов России» и часть Либерально-демократической партии России (ЛДПР). За запрос высказались «Яблоко», Союз правых сил (СПС), коммунисты (КПРФ) и Аграрно-промышленная группа (АПГ). В результате сторонники Щекочихина и Иваненко набрали 103 парламентских голоса (при необходимых 226). Членов российского парламента правда о сентябрьских взрывах почему-то не интересовала.

Вторая попытка поставить вопрос на голосование, предпринятая 31 марта, приблизила Щекочихина и Иваненко к цели, но победой не увенчалась. При голосовании на пленарном заседании Думы, несмотря

на поддержку КПРФ, АПГ и «Яблока», а также частичную поддержку фракций «Отечество — вся Россия» (ОВР) и СПС, проект запроса набрал 197 голосов против 137, при одном воздержавшемся. Из фракции «Единство» «за» не проголосовал ни один человек.

16 марта 2000 года Зданович указал в одном из своих интервью, что, по имеющейся в ФСБ информации, журналист Николай Николаев, ведущий на НТВ цикл передач «Независимое расследование», намерен в ближайшие дни, еще до президентских выборов, провести расследование рязанских учений в студии НТВ. Программа была намечена на 24 марта. Неудивительно, что за несколько дней до этого пришло известие, которого ждали много месяцев. 21 марта Федеральное агентство новостей (ФАН) передало сообщение о результатах экспертизы образцов сахара, найденного в Рязани 22 сентября 1999 года. В ФАН информация пришла из Рязанской области, от начальника УФСБ по Рязанской области генерал-майора Сергеева. По его словам, экспертизой было установлено, что в найденных мешках содержался сахар без примеси каких-либо взрывчатых веществ. «В результате проведенных исследований образцов сахара следов тротила, гексогена, нитроглицерина и других взрывчатых веществ не обнаружено», — было отрапортовано в заключении экспертов. Кроме того, по словам Сергеева, экспертиза подтвердила, что взрывное устройство, найденное вместе с мешками с сахаром, являлось муляжом. «Следовательно, можно сделать вывод, что данное устройство взрывным не являлось, так как в нем отсутствовали заряд взрывчатого вещества и средство взрыва-ния», — говорилось в заключении.

Постепенно становилось ясно, что ФСБ пытается закрыть уголовное дело до программы Николаева и президентских выборов. Уголовное дело, возбужденное 23 сентября 1999 года начальником следственного отделения УФСБ РФ по Рязанской области подполковником Максимовым, после заявления Патрушева об «учениях» было 27 сентября прекращено. Однако 2 декабря, т. е. через два с лишним месяца, Генпрокуратура сочла, что уголовное дело прекращено преждевременно, и, отменив постановление рязанского УФСБ от 27 сентября, возобновила следствие, дав понять, что с версией об «учениях» у ФСБ не все обстоит благополучно. Правда, «доследование» было поручено не независимому следствию (такого не существует), а заинтересованной стороне — ФСБ, структуре, обвиняемой в планировании теракта. И все-таки дело закрыто не было.

Рязанское УФСБ повторно запросило в лаборатории ФСБ в Москве результаты полной экспертизы вещества, находившегося в мешках из-под сахара, и механического устройства, найденного при них. 15 марта 2000 года УФСБ получило из Москвы долгожданный ответ (на который так надеялось руководство): «Установлено, что вещество во всех образцах (взятых из трех мешков) представляет собой сахарозу — основу сахара, получаемого из свекловичного и тростникового сырья. По химическому составу и внешнему виду исследуемое вещество соответствует сахару в виде пищевого продукта. В представленных образцах следов взрывчатых веществ не обнаружено. Иницирующее устройство не могло быть использовано в качестве средства взрывания, т.к. в нем нет заряда взрывчатого вещества. Следовательно, реально жильцам ничто не угрожало». А значит, нет признаков «терроризма».

«На мой взгляд, мы получили достаточно веские основания для того, чтобы дело прекратить в связи с учебным характером событий, имевших место 22 сентября 1999 года в доме по улице Новоселов», — сообщил в интервью 21 марта 2000 года возбудивший дело следователь Максимов.

Теперь предстояло дезавуировать результаты экспертизы, проведенной Ткаченко. Эта честь также выпала 21 марта на долю Максимова: «Анализ проводил начальник ИТО [инженерно-технического отдела] Юрий Васильевич Ткаченко. На его руках, как позже выяснилось, после суточного дежурства остались следы пластита, в состав которого входит гексоген. Необходимо отметить, что подобный «фон» в виде микрочастиц может присутствовать на коже длительное время — до трех месяцев. Чистоты проводимого анализа можно было достичь только при работе в одноразовых перчатках. Увы, они не входят в рабочий комплект специалиста-взрывотехника, а средств на их приобретение нет. Мы пришли к выводу, что только поэтому милиционеры «поставили диагноз» — наличие взрывчатого вещества».

Наверное, именно так написал Максимов в сопроводительной документации в Генпрокуратуру, объясняя необходимость закрытия дела против ФСБ по статье «терроризм». Требовать от следователя героизма мы не вправе. У Максимова, как и у всех нас, семья. Идти против руководства ФСБ было непрактично и рискованно. Однако следует отметить, что мнение Максимова расходится с точкой зрения Ткаченко, которого никак нельзя заподозрить в заинтересованности в этом вопросе. Ничего, кроме неприятностей, принципиальность Ткаченко

принести ему не могла. И действительно — после рязанского эпизода он был командирован в Чечню.

Рязанское отделение специалистов-взрывотехников, которым руководил Ткаченко, было уникальным не только для Рязани, но и для всех близлежащих областей. В нем трудились тринадцать человек саперов-профессионалов, имевших большой опыт работы, неоднократно проходивших курсы повышения квалификации в Москве на базе научно-технического центра «Взрывиспытание» и раз в два года сдававших специальные экзамены. Ткаченко утверждал, что техника в его отделе была на мировом уровне. Использованный для анализа найденного вещества газовый анализатор — прибор, стоящий около 20 тысяч долларов, — был совершенно исправен (иначе и быть не могло, так как жизнь сапера зависит от исправности техники). Согласно своим техническим характеристикам газовый анализатор обладает высокой надежностью и точностью, поэтому результаты анализа, показавшего наличие паров гексогена в содержимом мешков, сомнений вызывать не должны. Следовательно, в состав имитационного заряда входило боевое, а не учебное взрывчатое вещество. Обезвреженный специалистами-взрывотехниками детонатор, по словам Ткаченко, также был изготовлен на профессиональном уровне и муляжом не был.

Теоретически ошибка могла произойти в случае, если за техникой не было надлежащего ухода и если газовый анализатор «сохранил» следы прежнего исследования. Отвечая на заданный по этому поводу вопрос, Ткаченко сказал следующее: «Техническое обслуживание газового анализатора проводит только узкий специалист и строго по графику: есть плановые работы, есть профилактические проверки, поскольку в приборе существует источник постоянной радиации». «Следы» остаться не могли еще и потому, что в практике любой лаборатории определение паров гексогена — довольно редкий случай. Припомнить, когда бы пришлось определять прибором гексоген, Ткаченко и его сотрудники не смогли.

20 марта жильцы дома по улице Новоселов собрались для записи программы «Независимое расследование» в студии НТВ. Вместе с ними на телевидение прибыли представители ФСБ. В эфир программа вышла 24-го. В публичном телерасследовании принимали участие Александр Зданович, первый заместитель начальника Следственного управления ФСБ Станислав Воронов, Юрий Шекочихин, Олег Калутин, Савостьянов, глава рязанского УФСБ Сергеев, следователи и эксперты ФСБ, независимые эксперты, юристы, правозащитники и психологи.

Выступая без масок и без оружия, сотрудники ФСБ очевидным образом проиграли битву с населением. Экспертиза над сахаром, проводившаяся почти полгода, выглядела анекдотично. «Если вы утверждаете, что в мешках был сахар, то уголовное дело по обвинению в терроризме должно быть прекращено. Но уголовное дело до сих пор не прекращено. Значит, там был не сахар», — восклицал адвокат Павел Астахов, не знавший о том, что 21-го дело закроют. Было очевидно, что на повторную экспертизу в Москву ушли другие мешки, не те, которые нашли в Рязани. Только доказать эту очевидность никто не мог.

Присутствовавший в зале эксперт-взрывник «Трансвзрывпрома» Рафаэль Гильманов подтвердил, что гексоген совершенно невозможно перепутать с сахаром. Даже по внешнему виду они не похожи. Версию следователей ФСБ о том, что во время первой экспертизы перепачканный чемодан пиротехника «дал след», эксперт назвал неправдоподобной. Столь же неправдоподобно выглядели и утверждения представителей ФСБ о том, что саперы, вызванные на место происшествия, приняли муляж за настоящее взрывное устройство. Сотрудники ФСБ объяснили, что генерал Сергеев, сообщивший о взрывателе и присутствующий теперь в зале, «не является тонким специалистом в области взрывных устройств» и 22 сентября просто ошибся. Генерал Сергеев на обвинения в свой адрес в непрофессионализме почему-то не обиделся, хотя 22 сентября делал публичное заявление о взрывателе, основываясь на выводах подчиненных ему экспертов, в чем профессионализме сомнений не было.

Оказалось, что в зале много военных. Они с уверенностью заявляли, что происшедшее в Рязани не похоже даже на самые «максимально приближенные» к боевым учения. Подготовка боевых учений всегда сопровождается обязательными подготовительными мероприятиями, в частности, на случай возможных ЧП готовится скорая медицинская помощь, медикаменты, перевязочные средства, теплая одежда. Даже самые важные учения, если они связаны с действиями среди гражданского населения, обязательно согласовываются с местным руководством и заинтересованными ведомствами. В данном случае ничего не подготавливалось и не согласовывалось. Так учения не проводятся — категорически заявил один из жильцов дома, профессиональный военный.

В целом аргументы сотрудников ФСБ были настолько нелепы, что один из жильцов итоги подвел по-своему: «Не надо нам вешать лапшу на уши». Вот небольшой отрывок из теледебатов:

«Народ: Следственное управление ФСБ возбудило уголовное дело. Оно что, возбудило дело против самой себя?»

ФСБ: Уголовное дело возбуждено по факту обнаружения.

Народ: Но если это были учения, то по какому факту?

ФСБ: Вы не дослушали. Учения проводились с целью проверки взаимодействия различных правоохранительных органов. На тот момент, когда возбуждалось уголовное дело, ни милиция Рязани, ни федеральные органы не знали, что это учения...

Народ: Так против кого же возбуждено дело?

ФСБ: Я еще раз говорю — уголовное дело возбуждалось по факту обнаружения.

Народ: По какому факту? По факту учений в Рязани?

ФСБ: Человеку, который не разбирается в уголовно-процессуальном законодательстве, бесполезно объяснять...

Народ: В чем же заключалась безопасность граждан, которые всю ночь провели на улице, в чем безопасность здесь для физического и психического здоровья? И второе — вы возмущены тем, что звонят телефонные террористы и грозят взрывами, а чем вы от них отличаетесь?

ФСБ: Что такое обеспечение безопасности граждан? Это какой-то конечный эффект, когда взрывы не прогремят...

Народ: Я сам бывший военный. Учений провел за 28 лет ну знаете сколько, и то, что здесь рассказывают солидные люди, генералы, об учениях, вы знаете, уши вянут!

ФСБ: Вы как бывший военный проводили, наверное, военные учения. У нас специальная служба, и в этой службе используются специальные силы и средства на основании закона об оперативно-розыскной деятельности...

(Вмешаемся в спор народа с ФСБ и еще раз подчеркнем, что в законе «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» об учениях не говорится).

Народ: Если кто-то фиксировал ход учений, то где эти люди?

ФСБ: Если бы, конечно, нам раз в 10 увеличить личный состав, то, конечно...

Народ: Не надо нам лапшу вешать на уши! Люди, которые видели гексоген, никогда его с сахаром не спутают...

ФСБ: Порошок насыпали на крышку чемодана, с которым они с 95-го года ездили на все учения. И в Чечню в свое время брали. Короче, среагировали бумажки на пары гексогена...

Народ: Я видел мешки с трех метров. Во-первых, желтоватые. Во-вторых, мелкие гранулы, как вермишель.

ФСБ: Сахар производства Курской области. Сахар производства Воронежской области отличается. А сахар, который производят у нас на Кубе, он вообще желтый!»

Присутствовавший в студии рязанский журналист Александр Баданов писал на следующий день в местной рязанской газете:

«Что же все-таки произошло? — пытались выяснить на телепередаче рязанцы. Однако на большинство их вопросов представители ФСБ не дали удовлетворительного ответа. [...] По словам Здановича, ФСБ расследует сейчас уголовное дело по факту сентябрьских событий в Рязани. Абсурд, возможный, вероятно, только в России: ФСБ расследует уголовное дело по факту учений, проведенных ею же! Но ведь дело может быть возбуждено лишь по факту предполагаемых противоправных действий. Как же тогда относиться ко всем предыдущим заявлениям высокопоставленных спецслужбистов о том, что никаких нарушений закона при проведении учений не было? Жильцы дома #14 пытались подать в Рязанскую прокуратуру иск к ФСБ с требованием возмещения причиненного морального ущерба. Жильцам сказали, что иск согласно процессуальным нормам они могут предъявить только к конкретному человеку, который отдал приказ о проведении учений. Шесть раз Здановичу и Сергееву задавался один и тот же вопрос: кто отдал приказ провести в Рязани учения? Шесть раз Зданович и Сергеев уходили от ответа, мотивируя это интересами следствия. [...] Отсутствие правдивой информации породило версию о том, что спецслужбы действительно хотели взорвать жилой дом в Рязани для оправдания наступления федеральных войск в Чечне и поднятия боевого духа солдат. «Я видел содержимое мешков, на сахар это никак не похоже, — сказал в заключение Алексей Картофельников. — Я уверен в том, что в мешках был не сахар, а настоящий гексоген». С ним согласны другие жильцы дома. Так что, думается, в интересах самой ФСБ было бы назвать того, кто подписал приказ о проведении учений, подорвавших доверие и престиж российских спецслужб».

Практическим результатом встречи в студии стало вмешательство адвоката Астахова в старый коллективный иск рязанцев. Потерпевшая сторона попросила Генпрокуратуру разъяснить ей цель операции, а также определить размеры и форму компенсации морального ущерба. На этот раз ответ пришел подозрительно быстро: «Сотрудники ФСБ

действовали в рамках своей компетенции»,— сообщила Генпрокуратура. И ясно, почему она торопилась. На 24 марта была запланирована пресс-конференция Здановича, на которой руководство ФСБ планировало «наехать» на СМИ, а на 26 марта 2000 года были назначены президентские выборы.

После позорного поражения Здановича и его коллег в студии Николаева руководство ФСБ приняло решение в открытых дебатах с населением больше не участвовать и в НТВ не ездить. Более того, видимо, именно в эти роковые для всей страны дни ФСБ постановила начать планомерное уничтожение НТВ. 26 марта, в ночь после президентских выборов, об опасности закрытия НТВ властями в связи с показом программы Николаева «Рязанский сахар — учения спецслужб или неудавшийся взрыв?» открыто заявил в «Итогах» Евгения Киселева Борис Немцов:

«Я не знаю, что будет с НТВ. После того как один из авторов, по-моему Николаев его фамилия, изложил свою версию взрывов в Москве и других городах. Я думаю, что над НТВ нависла реальная угроза... Я считаю своим долгом защищать НТВ, если будут какие-то попытки его закрыть. А я не исключаю, что такая возможность существует. По крайней мере по отношению к ряду журналистов подобные попытки, может, не со стороны Путина, но со стороны его окружения делались».

В неформальной обстановке генералы ФСБ признавались, что ими принято решение о «вытеснении» из России руководителей НТВ Гусинского, Игоря Малашенко и Киселева. Буквально на следующий день после прихода к власти Путин действительно приступил к разгрому НТВ и империи Гусинского «Мост», а из названных руководителей канала в России сумел удержаться только Киселев.

К 24 марта 2000 года Здановичу было крайне необходимо иметь на руках постановление Генпрокуратуры России о законности проведения ФСБ «учений» в Рязани в сентябре 1999 года. И Зданович этот документ получил перед самой пресс-конференцией, 23 марта. Генеральная прокуратура России отказала жителям Рязани в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников ФСБ «за отсутствием состава преступления». Прокуратура пришла к заключению, что действия сотрудников органов безопасности по проверке эффективности принимаемых органами правопорядка мер были осуществлены в рамках

компетенции органов ФСБ России в связи с проводимым «комплексом предупредительно-профилактических мероприятий, направленных на обеспечение безопасности граждан» в ходе операции «Вихрь-Антитеррор» «в связи с резким осложнением оперативной обстановки в стране, вызванным серией террористических актов». Учитывая это, а также то, что действия сотрудников ФСБ не имели общественно опасных последствий и не повлекли нарушений прав и интересов граждан, Генпрокуратура приняла решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

В тот же день начальник Управления Генпрокуратуры по надзору за ФСБ Владимир Титов победно отрапортовал об этом государственному каналу РТР в 17-часовых новостях. В пересказе РТР и Титова знакомая всем рязанская история от 22 сентября выглядела рядовым событием, недостойным внимания общественности и журналистов:

РТР: Жильцов эвакуировали. Прибывший взрывотехник не обнаружил в мешках взрывчатого вещества. Милиционеры сначала хотели объявить этот инцидент чьей-то дурацкой шуткой.

Титов: Вместе с тем на место приехал начальник отдела экспертизы Ткаченко. Имеющимся у него прибором проверил мешки. Прибор показал наличие гексогена.

РТР: Из каждого мешка взяли по килограмму содержимого и отвезли на полигон. Но вещество не сдетонировало. В мешках находился сахар. Два дня спустя директор ФСБ Николай Патрушев заявил, что в Рязани проводились контртеррористические учения. И эксперты объяснили, почему прибор, которым пользовался Ткаченко, показал наличие гексогена.

Титов: Этот начальник постоянно занимался проведением экспертиз, и прибор сработал на наличие микрочастиц на его руках.

РТР: Сегодня в деле о «рязанском гексогене» поставлена точка. Копии постановления Генпрокуратуры отсылают в Рязанское УФСБ и для депутатов фракции «Яблоко», которые подготовили запрос о ходе проверки.

Первоначальные выводы экспертов о том, что в мешках, обнаруженных в подвале жилого дома в Рязани, находился гексоген, в ходе проверки Генпрокуратуры опровергнуты. Повторная экспертиза доказала, что мешки были наполнены сахаром. Однако в прессе и на телевидении появились сообщения о том, что на

учениях использовался гексоген и ФСБ проводила эти учения с риском для населения.

Титов: Можно делать только один вывод — заинтересованность определенных корреспондентов, я бы даже сказал недобросовестность... просто подавать жареную фактуру, только и всего... для поднятия тиража.

РТР: Теперь жители дома номер 14 дробь 16 по улице Новоселов наконец узнают, ради чего им пришлось провести всю ночь на улице, ожидая взрыва.

Титов: Это была проверка начальника местного УФСБ. Надо было посмотреть, как он будет действовать в экстремальных ситуациях.

РТР: В итоге Генпрокуратура постановила, что эти учения проводились без общественно опасных последствий и в рамках компетенции спецслужб. Следственное дело по статье «терроризм», которое рязанские следователи завели осенью прошлого года, будет закрыто.

24 сентября, имея в своем распоряжении своеобразную индульгенцию — документ об отказе Генпрокуратуры рязанцам в праве возбуждения иска против ФСБ, — Зданович перешел в наступление против журналистов. Сильно нервничая, на отвратительном русском языке, он приступил к откровенным угрозам:

«Я бы хотел обратить ваше внимание на то, что мы не оставляли и не оставим впредь — я хочу это официально заявить — без внимания ни одну провокацию, которые против государственной службы, государственного института организуют отдельные журналисты. [...] Значит, чтобы конкретно указать: вот из «Новой газеты» корреспондент, который публиковал эти статьи, я не боюсь называть его провокатором, поскольку у нас сейчас есть полностью показания того солдата, который потом, так сказать, был использован как перепев и в «Общей газете», как все происходило и как из него вытаскивали, так сказать, эти слова и что ему сулили за все это. Это все доказано. В рамках уголовного дела, которое существует по этой... по вашим же публикациям, может, не вашим, а по другим — уголовное дело — оно будет завершено в начале апреля. Значит, в рамках этого уголовного дела будет допрошен сам корреспондент,

почему он такие действия, так сказать, совершал. И в рамках этого уже есть определенные иски со стороны представителей воздушно-десантных войск, и, когда это все будет закреплено процессуально и ляжет в виде протоколов в уголовное дело и будет оценено соответствующим образом и прокуратурой, и нашими представителями Договорно-правового управления, я не исключаю совершенно, что мы предъявим определенные иски, в том числе и в судебном порядке, потому что провокациями заниматься никому не позволено».

Выслушав угрозы Здановича, один из присутствующих на брифинге журналистов, видимо, не сильно испугавшийся, спросил: «Я вот, честно говоря, не хотел вам задавать вопрос по поводу Рязани, меня эта тема как бы мало интересует, но вы сами вступили в полемику. Объясните мне, пожалуйста, вот предположим, у меня есть в деревне свой частный дом, вы можете там провести учебную тревогу и подложить вот под мой дом учебную бомбу, имеете вы законные основания?»

Ответ Здановича еще раз продемонстрировал, что ФСБ и российское общество говорят на разных языках, хотя и живут в одном государстве:

«Значит, я понял, значит, я еще раз говорю, что мы действовали строго в рамках закона по борьбе с терроризмом. Все наши действия [...] исследованы прокуратурой, и ни одного действия, которое бы нарушало тот или иной закон, не зафиксировано. Вот я вам могу такой ответ дать».

Слишком много событий наслоилося на вторую половину марта 2000 года. Видимо, именно из-за выборов 26 марта не вышел очередной номер опальной «Новой газеты», содержащий материалы о финансировании предвыборной кампании Путина и о ФСБ. 17 марта неизвестные хакеры взломали компьютер газеты и уничтожили компьютерную верстку выпуска. Щекочихин на это заявил, что взлом компьютерной системы стал последним в целом ряду инцидентов, направленных на то, чтобы помешать газете нормально работать. В частности, не так давно офис газеты был взломан, а компьютер, содержащий информацию о рекламодателях, похищен. За последние два года налоговая полиция четыре раза проводила проверки в офисе «Новой газеты», а от

некоторых ее спонсоров Кремль требовал прекращения финансирования строптивного органа.

Руководство «Новой газеты» попыталось понять, что именно завело его в столь серьезное противостояние с ФСБ. С просьбой проанализировать ситуацию журналисты «Новой газеты» обратились к самим сотрудникам ведомства. Ответ, который получила газета, следует назвать откровенным:

«Такая активность со стороны государства по отношению к изданию, безусловно, свидетельствует о том, что вы вторглись в запретную зону, наступили кому-то на хвост. Не исключено, что вы стали нежелательными свидетелями не самого удачного эпизода внутренних разборок в спецслужбах. Если факт имел место, никто из противоборствующих системных группировок его не подтвердит. Все заинтересованы в том, чтобы его скрыть. Они явно опасаются, что найдутся новые живые свидетели подготовки рязанских «событий».

К этому времени Рязань из провинциального города превратилась в место паломничества иностранных журналистов. Как остроумно заметил Павел Волошин, Рязань «по количеству иностранных журналистов на душу населения скоро сравняется с Москвой». Номера «люкс» местных гостиниц были заняты теперь иностранными корреспондентами, и все они, вместе со своими съемочными бригадами, осаждали местные милицию, ФСБ и даже МЧС. По этой причине из Москвы в Рязань пришел приказ в УФСБ и УВД контакты с прессой прекратить. Кто-то из офицеров, уже успевших дать интервью, поспешно отказывался от своих слов. По факту утечки информации в рязанских силовых ведомствах началась служебная проверка. А на все журналистские запросы Юрий Блудов сухо отвечал: «Без комментариев».

От намерения судиться с ФСБ все без исключения жильцы рязанского дома отказались, хотя уверенности в невинности ФСБ не было. В дом № 14/16 неоднократно приезжали офицеры милиции и ФСБ, уговаривали не подавать на организаторов учений в суд. Даже генерал Сергеев приезжал, просил не жаловаться, извинялся за своих московских коллег. Когда 20 сентября 2000 года НТВ передавало репортаж о приближающемся скорбном юбилее, одна из женщин сказала: «Скоро подходит это число, вообще из дома хочется уйти. Потому что боюсь, что годовщину, не дай Бог, отметят опять таким же учением. Я лично сомневаюсь, что это были учения. Я сомневаюсь». «С нами обошлись, как с быдлом, — говорила другая жительница дома. — Если бы нам хотя бы под утро сказали, что это проверка, а то ведь только через два дня...

Мы не верим, что это были учения». «Я не верю, что это были учения, — сказала Людмила Картофельникова. — Ну разве можно так издеваться над людьми? В нашем доме на восьмом этаже пожилая женщина не смогла вывезти парализованную мать и эвакуировалась одна. Как же она рыдала потом в кинотеатре». Герой рязанских событий Алексей Картофельников тоже сомневался: «Никто нам в тот день не объяснил, что это были учения. Да мы и не верим. У нас ведь как — если что-то взорвалось, значит, теракт. Если разминировали — учения».

Сомневались не только жители злополучного рязанского дома, но и российская пресса. «Если власти убедительно докажут, — писала «Версия», — что именно чеченские террористы взрывали дома со спящими жителями, мы если не одобрим, то поймем ту жестокость, с которой обрушились на чеченские города и села наши войска. Но если взрыв заказали не чеченцы, не Хаттаб, не Басаев, не Радиев? Если не они, то кто? Подумать страшно. [...] Мы уже понимаем, что просто так заявлять о том, что взрывы организовали чеченцы, мы не можем».

Наконец, сомневались многочисленные иностранные специалисты. Вот что ответил на вопрос о причинах возникновения войны в Чечне Вильям Одом:

«Россия, по моему мнению, сама сфабриковала предлог для этой войны. Есть достаточно убедительные доказательства того, что полиция инсценировала некоторые взрывы в Москве. Они попались на таких действиях в Рязани — и попытались представить свои действия в качестве учений. Я думаю, что российский режим сфабриковал целую цепочку заранее спланированных событий с тем, чтобы сформировать российское общественное мнение и направить страну по пути, который неприемлем для большинства россиян».

Выйдя за рамки правового поля, ФСБ основывала свою деятельность не на Конституции РФ и не на уголовном и уголовно-процессуальном кодексах, а на собственных политических пристрастиях, сформулированных в инструкциях и устных приказах. Беспредел, в который погрузилась Россия, возник прежде всего потому, что спецслужбы планомерно и целенаправленно разрушали законодательные основы российской государственности. В этой войне самым страшным оружием спецслужб были организуемые ими по всей стране подконтрольные внештатные спецгруппы.

Глава 8

СОЗДАНИЕ ПОДКОНТРОЛЬНЫХ ФСБ ВНЕШТАТНЫХ СПЕЦГРУПП

Внештатные конспиративные боевые группы из бывших и действующих сотрудников специальных воинских подразделений и силовых структур начинают создаваться в России в 1980-е годы. Всего в России существует около 30 силовых ведомств. Воинские подразделения были при каждом из них. Трудно сказать, насколько эта акция носила организованный, а насколько стихийный характер. Очевидно, что ФСБ пытается везде иметь своих людей и, если не всегда организует группировки в формальном смысле слова, то в той или иной степени контролирует их деятельность с самого начала. Показательной является история создания в Приморье группировки братьев Александра и Сергея Ларионовых.

В конце 80-х годов в одно из самых крупных производственных объединений Владивостока «Востоктрансфлот» по распределению отправляются два брата Александр и Сергей Ларионовы. Вскоре С. Ларионов становится руководителем комсомольской организации объединения. Когда началось акционирование госпредприятия, братья Ларионовы, где-то раздобыв деньги, сами и через подставных лиц скупили круп-

ный пакет акций и зарегистрировали при «Востоктрансфлоте» службу безопасности производственного объединения под названием «Система СБ». На базе этой структуры была затем создана самая мощная и кровавая в истории Приморья ОПГ.

Люди Ларионовых объезжали воинские части Тихоокеанского флота, шли к командиру или его заместителю по работе с личным составом, рассказывали, что занимаются трудоустройством увольняющихся в запас бойцов спецподразделений в «Систему СБ», занимающуюся борьбой с оргпреступностью; и после увольнения в запас бойцы диверсионных подразделений поступали к ним на работу. Группировка была построена по системе ГРУ; имела свою разведку и контрразведку, своих «чистильщиков», бригады наружного наблюдения, взрывников и аналитиков. В Японии было приобретено самое современное оборудование — сканеры, позволяющие перехватывать пейджинговые сообщения и разговоры по радиотелефонам, «жучки», приборы ночного видения и направленные микрофоны, спрятанные в различные предметы.

Бригада Ларионовых действовала в тесной связи с приморскими спецслужбами, прежде всего с военно-морской разведкой ГРУ. Заказы на отстрел преступных авторитетов поступали из местного УФСБ. Аналитики Ларионовых определили семь «преступных авторитетов», возглавлявших группировки, контролирующие владивостокские бизнесы. Эту семерку Ларионовы решили «убрать», а бизнесы забрать себе.

Первым в списке стоял бандит по уголовной кличке Чехов. Двое ликвидаторов бригады Ларионовых организовали засаду на трассе за городом и расстреляли из автоматов машину Чехова. Выскочивший из машины водитель был убит выстрелом в голову, а раненого «авторитета» увезли в сопки, облили бензином и сожгли.

Другому «приговоренному» бросили в спальню взрывное устройство большой мощности. Объект теракта уцелел, но обрушился подъезд жилого дома, погибли четыре случайных человека.

В 1993 году внутри группировки Ларионовых возник конфликт. Один из ее лидеров, Вадим Голдберг (или Гольдберг), и его поделщики похитили А. Ларионова, вывезли его в лес и убили, нанеся несколько десятков ударов ножами. Узнав о смерти брата, С. Ларионов скрылся. К концу года все члены банды, в том числе С. Ларионов и Голдберг, были задержаны уголовным розыском. На одном из первых допросов С. Ларионов заявил, что пока говорить ничего не будет, но все расскажет на

суде: и о «Системе СБ», и о кураторах из спецслужб. Чтобы этого не произошло, Ларионова убили.

Содержался он во Владивостокском СИЗО № 1, в усиленно охраняемой одиночной камере. По пути на очередной допрос навстречу Ларионову в коридор вывели Евгения Демьяненко, прошедшего за решеткой 19 лет. Проходя мимо, Демьяненко выхватил «зачочку» и убил Ларионова одним ударом.

Месть Ларионову на этом не закончилась. В 1999 году неизвестные подорвали квартиру Ларионова, где находилась его жена, которая не пострадала. Некоторое время спустя наемный убийца расстрелял адвоката Ларионова Надежду Самихову. По Владивостоку поползли слухи, что «спецслужбы убирают свидетелей». Действительно, прокуратура подозрительно долго тянула с судом. Следствие длилось несколько лет, обвинительное заключение было вынесено только 14 января 2000 года. Уголовное дело по группировке Ларионовых насчитывало 108 томов. Но на скамье подсудимых оказались всего девять человек. Трое вышли прямо из зала суда, так как им засчитали время, проведенное под следствием. Остальные получили от 8 до 15 лет лишения свободы (в частности, 15 лет получил Голдберг).

Есть основания предполагать, что на ФСБ работала бригада известного самарского криминального «авторитета» Александра Литвинки (уголовная кличка Ниссан). Литвинка жил на Украине. В начале 80-х годов приехал в Самару и вскоре за серию разбойных нападений был осужден на семь лет. Из колонии вышел «авторитетом», уголовную кличку Ниссан получил за любовь к японским автомобилям. Заручившись поддержкой самарских «авторитетов», таких, как Дмитрий Рузляев (Дима Большой) и Михаил Бесфамильный (Бес), Литвинка создал свою «бригаду», костяк которой составили бывшие спортсмены-каратисты, строго соблюдавшие «сухой закон» и беспрекословно подчинявшиеся приказу.

Вскоре Литвинка начинает участвовать в войне за контроль над Волжским автозаводом (ВАЗом). В начале 1996 года в пансионате «Дубки» проходит встреча представителей двух самарских преступных группировок. После того как переговоры удачно завершились, четверо неизвестных расстреляли собравшихся из «калашниковых». Четыре криминальных «авторитета» и один «вор в законе» были убиты. В одном из нападавших был узнан Литвинка, вскоре арестованный. Спустя месяц Литвинка из тюрьмы был освобожден, обвинений предъявлено ему не было.

С этой минуты в криминальной среде Самары уже не сомневались в том, что Литвинка работает на спецслужбе. На одной из «воровских» сходов Литвинку объявили вне закона. Чтобы не быть убитым, Литвинка уехал из Самарской области и появлялся там редко, в основном для того, чтобы совершить очередное заказное убийство «авторитета». Видимо, именно он убил в Самаре в 1998 году Дмитрия Рузляева, а в 1999 — «авторитета» Константина Беркута.

Днем 23 сентября 2000 года Александр Литвинка был убит в Москве в районе дома 27 по улице Крылатские Холмы. Стреляли четыре человека. На месте убийства сотрудниками милиции были обнаружены брошенные два пистолета Макарова с глушителями, пистолет-пулемет «Кедр» и пистолет «Иж-Байкал». Там же был найден пистолет Макарова, принадлежавший убитому. Преступники скрылись с места происшествия на белом автомобиле ВАЗ-2107. Кто именно убрал Литвинку — сотрудники ФСБ или самарские «авторитеты», — остается только догадываться.

Известная «курганская» бригада Александра Солоника (Саши Македонского), состоявшая в основном из бывших и действующих сотрудников российских спецслужб и подразделений, также курировалась спецслужбами, в частности, СБП и ФСБ. «Курганская» группировка появилась в Москве в начале 90-х и была взята под контроль лидером «ореховской» группировки Сергеем Тимофеевым (Сильвестром). Тимофеев являлся агентом МБ-ФСК и плотно общался с бывшим офицером 5-го Управления КГБ СССР Майоровым, позже возглавлявшим одну из охранных структур в Токо-Банке. Майоров регулярно посещал начальника Оперативного управления (ОУ) АТЦ ФСБ генерал-лейтенанта Ивана Кузьмича Миронова, бывшего секретаря партийной организации 5-го Управления КГБ СССР, в чьи непосредственные обязанности теперь входил розыск террористов.

В середине 90-х внутри «ореховской» группировки наметились крупные перемены: у Тимофеева появился соперник — Сергей Буторин (Ося). В сентябре 1994 года Тимофеев был взорван в своем «Мерседесе». Друг за другом исчезли верные Тимофееву люди. Буторин создал собственную группировку, в которую вошли люди из «ореховской», «курганской» и «медведковской» ОПГ. Среди «чистильщиков» находились бойцы спецназов ГРУ, МВД, ВДВ. В окружении Буторина появились действующие сотрудники силовых ведомств, в том числе один подполковник из контрразведки (он был обвинен затем в ряде тяжких преступлений, но позже обвинения были сняты).

К концу 1994 года у «курганцев» четко обозначились лидеры — Колигов, Нелюбин и Игнатов. Слава о «чистильщиках кургана» разносилась по всей России. Одним из самых известных наемных убийц стал Александр Солоник. Однако наиболее активным и опасным убийцей в «курганской» ОПГ был Конахович.

Жестокой была война «курганцев» против «бауманской» ОПГ. Со слов одного из агентов, работавших у «курганцев», во время этой войны погибло несколько десятков членов «бауманской» бригады, причем людей, как правило, похищали, жесточайшим образом пытали (выкалывали глаза, жгли огнем) и только потом убивали. «Бауманских» «курганцы» окрестили «звериной бригадой». По их словам, там было много дагестанцев. Война шла, в частности, за контроль над одной из фирм, продающих американские автомашины. Хитрость состояла в том, что в автопокрышках этих машин из Колумбии переправляли наркотики.

Разработкой «курганцев» занимался 12-й отдел МУРа. Оперативное дело вел Олег Плохих. Два члена «курганской» ОПГ были наконец задержаны и посажены в СИЗО «Матросская тишина». Один из них в беседе с адвокатом сказал, что если к нему применят психотропные средства, он может «расколоться» и все рассказать, а рассказов будет на десяток крупных заказных дел, включая убийство Листьева. Арестованный просил перевести его в Лефортово и обещал начать сотрудничать со следствием, если ему дадут определенные гарантии безопасности, так как на счету «курганских» было множество убийств, в том числе и так называемых воров в законе, за что по неписаным правилам российской тюрьмы была положена смерть.

МУР уже начал готовить перевод обоих арестованных, но не успел. Произошла утечка информации, и «курганцев» в одну ночь убили, хотя они и сидели в разных камерах. А ведь их показания помогли бы раскрыть не одно громкое заказное убийство.

Солоник оказался более удачлив. После задержания он был помещен в специальный корпус тюрьмы «Матросская тишина», откуда ему был организован побег в Грецию.

К разгрому «курганцев» непосредственное отношение мог иметь лидер «коптевской» ОПГ Василий Наумов (Наум), состоявший в агентурном аппарате МВД РФ. В свое время «курганцы» вошли в доверие к «коптевской» ОПГ и, выявив практически все доходные точки соперников, стали убирать их лидеров. Поняв, кто именно их убирает, Наумов сдал

«курганцев» 12-му отделу МУРа. Тогда в конфликт вмешалась ФСБ, не заинтересованная в разгроме «курганской» группировки, которую она курировала, а главное — опасаящаяся утечки информации и скандала. В ФСБ быстро определили, что информация о «курганских» поступает в МУР через Наумова, плотно общающегося с членами «курганской» группировки. Эта информация была передана «курганцам».

27 января 1997 года Наумов в сопровождении охранявших его бойцов милицейского спецназа «Сатурн» подъехал для встречи с оперативным сотрудником МУРа, у которого он был на связи, к зданию ГУВД на Петровке, 38. По мобильному телефону он вызвал к себе оперуполномоченного и стал ждать в машине. В этот момент к машине Наумова сзади пристроились «Жигули», и находившиеся в них люди расстреляли Наумова. Так «курганцы» дали понять, что в курсе сотрудничества Наумова с МУРом.

Работа агента МВД Наумова не смогла бы привести к разгрому «курганской» бригады, если бы не два дополнительных обстоятельства. Первым было снятие Коржакова с должности руководителя СБП и последующая ликвидация этой структуры. Без поддержки Коржакова «курганцы» стали уязвимы. Вторым — «проплаченный» в центральный аппарат МВД заказ на уничтожение «курганской» группы. Заказ был «проплачен» «бауманскими» бандитами, которые традиционно имели в руководстве МВД хорошие связи и после отставки Коржакова смогли поставить в министерстве вопрос об устранении «курганцев».

Кроме МУРа за «курганцами» охотился еще и Буторин, давший команду на их отстрел. Все спланированные группировкой Буторина убийства проводились на уровне профессиональной спецслужбы, включая буквально поминутный отчет участников операции. Предполагалось собрать костяк «курганских» боевиков (Колигов, Нелюбин, Игнатов и Солоник) в Греции и убить всех разом.

Операция Буторина по устранению группы Солоника проводилась под контролем ФСБ и ГРУ. Наверное, именно поэтому произошла утечка информации, и две недели круглосуточного наблюдения за греческой виллой Солоника были потрачены впустую. Колигов, Нелюбин и Игнатов у Солоника не появились. Тогда двое верных Буторину людей — Саша Солдат и Сережа — получили команду убрать одного Солоника. 2 февраля 1997 года Солдат и Сережа подъехали к дому Солоника, с которым были знакомы, вызвали его и поехали в сторону Афин. По пути сидевший сзади Солдат набросил Солонику на шею удавку и задушил его.

В Грецию тем временем вылетели сотрудники московского РУОПа, получившие от Буторина информацию, что Солоник живет в пригороде Афин в местечке Варибоби. Двигаясь по переданной Буториным схеме, руоповцы 3 февраля 1997 года обнаружили труп Солоника. Прилети они на сутки раньше — могли бы застать его в живых. Но те, кто составлял график операции, знали, кто, куда и когда должен был прилететь.

Потому РУОП и опоздал, что не должен был застать живого Солоника.

В общем, это официальная версия. А что произошло на самом деле, мы никогда не узнаем. Четыре аудиокассеты с записью своих воспоминаний Солоник оставил в номерном сейфе в банке на Кипре. В январе 1997 года, за несколько дней до «гибели», он позвонил своему адвокату Валерию Карышеву и попросил его в случае смерти пленки издать. 2 февраля Солоник действительно «ушел из жизни», почему-то прихватив с собой деньги со счета. Из уголовного дела Солоника куда-то делись его отпечатки пальцев. Как сквозь землю провалилась находившаяся с ним в Варибоби подруга.

С достойной адвоката оперативностью Карышев в том же году издал записи Солоника. И было очевидно, что книга, где рассказано многое, но без фамилий, — своеобразная страховка Солоника: не ищите, иначе назову фамилии. Кстати, Буторин, объявленный в федеральный розыск «за совершение особо тяжких преступлений», тоже не найден. Говорят, он стал крупным коммерсантом.

Еще одна внештатная спецгруппа — организация полковника ГРУ Валерия Радчикова, руководителя Российского фонда инвалидов войны в Афганистане (РФИВА), — была создана в 1991 году по линии ГРУ. Из тех, кто имел отношение к фонду, 37 человек были убиты и 62 ранены.

В 1994 году в подъезде своего дома был взорван первый руководитель фонда Михаил Лиходей. В октябре 1995 года чудом уцелел сам Радчиков. Он получил шесть пуль, был тяжело ранен, но сумел на машине уйти от убийц. А вот его юрисконсульт и доверенное лицо Дмитрий Матешев в той перестрелке был убит.

10 ноября 1996 года 14 человек были разорваны на куски и 26 искалечены во время взрыва на Котляковском кладбище. Среди погибших была вдова Лиходея Елена Краснолуцкая, занимавшая пост финансового директора РФИВА, а также друг и преемник Лиходея Сергей Трахиров. В организации взрыва был обвинен Радчиков. 3 сентября 1998

года, когда Радчиков уже сидел в тюрьме, был застрелен другой его помощник — генеральный директор нового афганского фонда Валерий Вуколов.

Все эти годы из фонда расхищались деньги, что для России обычно. Но необычны были размеры хищений. По самым скромным подсчетам, речь шла о 200 миллионах долларов. Дело расследовали лучшие силы генеральной прокуратуры во главе со следователем по особо важным делам Даниловым. Ему помогали еще четыре «важняка» и свыше 100 оперативников (всего 180 человек). Но они так и не смогли понять, куда подевались миллионы, похищенные у инвалидов-«афганцев». Самому Радчикову в вину вменялась кража только 2,5 миллиона.

Через несколько дней после ареста Радчикова его заместитель по фонду Валерий Вощевоз, курировавший все финансовые потоки фонда, а во время президентской кампании 1996 года являвшийся доверенным лицом Бориса Ельцина, был спешно отправлен полномочным представителем президента в Амурскую область. Суд над Радчиковым и двумя его подельниками — Михаилом Смуровым и Андреем Анохиным — длился десять месяцев. 17 января 2000 года государственный обвинитель потребовал дать подсудимым соответственно 13, 15 и 10 лет лишения свободы.

Радчиков обвинялся в том, что летом 1996 года задумал убить своего конкурента по «афганскому» движению — председателя РФИВА Сергея Трахирова — и передал для этого своему соседу по дому ветерану Афганистана Андрею Анохину пистолет и не менее 50 тысяч долларов в качестве вознаграждения. Анохин же склонил к соучастию в убийстве за 10 тысяч долларов Михаила Смурова.

Убить Трахирова было не просто. Его повсюду сопровождали телохранители из отряда «Витязь», находящегося в подчинении у С. И. Лысюка, тесно сотрудничавшего с ФСБ. «Герой России» Сергей Иванович Лысюк, создатель и первый командир отряда внутренних войск специального назначения МВД РФ «Витязь», еще старшим лейтенантом был завербован в агентурный аппарат Особого отдела КГБ. Последним сотрудником спецслужбы, у которого Лысюк находился на связи, был начальник отдела военной контрразведки полковник Владимир Евгеньевич Власов, который исключил Лысюка из агентурного аппарата ФСБ (чтобы у того не появился новый куратор) и сделал его так называемым архивным агентом. «Героя России» Лысюк получил за командование отрядом «Витязь» при защите «Останкина» в 1993 году. Именно он отдал приказ открыть огонь по путчистам.

Власов был одним из заместителей Лысюка в возглавляемой последним коммерческой фирме, которая, по оперативным данным, тренировала наемных убийц, в том числе членов группировки Лазовского.

Итак, заговорщики решили взорвать Трахирова на Котляковском кладбище, на поминках по убитому в 1994 году первому председателю РФИВА Михаилу Лиходею. Удивительно то, что за несколько дней до взрыва у Трахирова сменили охрану. Новая охрана при взрыве погибла. Старые телохранители из «Витязя» уцелели. Можно предположить, что о предстоящем покушении Лысюк мог знать от Власова или каких-то других людей.

18 января завершились судебные слушания по делу о взрыве. Подсудимым было предоставлено последнее слово. Все трое заявили о своей «полной непричастности» к теракту и попросили суд признать их невиновными. Адвокат Радчикова П. Юшин заявил, что дело сфабриковано. 21 января Московский окружной военный суд под председательством полковника юстиции Владимира Сердюкова оправдал подсудимых за «недоказанностью участия в совершенном преступлении».

Аргументы следствия по делу о взрыве на Котляковском кладбище суд счел неубедительными. Основанием для оправдательного приговора стали результаты судебной экспертизы остатков взрывного устройства, которые выявили существенные расхождения с данными экспертизы, проведенной в ходе следствия. Кроме того, знакомая одного из обвиняемых, Михаила Смурова, на суде неожиданно заявила, что в день взрыва Смуров находился дома и не мог привести в действие взрывное устройство, что ему инкриминировалось следствием.

Валерий Радчиков был также оправдан по делу о хищении из фонда 2,5 миллионов долларов. Все трое были освобождены из-под стражи в зале суда. 25 июля 2000 года Генпрокуратура проиграла в Верховном суде ходатайство об отмене оправдательного приговора. Радчиков предполагал вынести спор в Европейский суд. Однако 31 января 2001 года, примерно в 8 часов утра, он погиб в автокатастрофе на 39-м километре Минского шоссе, когда возвращался в Москву на машине марки «Москвич-2141». В тот же день агентство РИА «Новости» передало, что, по мнению правоохранительных органов, его гибель может оказаться не просто несчастным случаем.

Десятки трупов, пропавшие миллионы и ни одного пойманного преступника — для банальной уголовщины вещь статистически невозможная. Не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы вычислить, кто стоял за этой сложной и, безусловно, успешной игрой, в которой главный герой так вовремя погиб в автокатастрофе.

Глава 9

ФСБ ОРГАНИЗУЕТ ЗАКАЗНЫЕ УБИЙСТВА

С 1993 года на Лазовского работала «узбекская четверка». Все четверо были русские, родом из Узбекистана. Группа состояла из бывших спецназовцев, которые, по словам начальника 10-го отдела московского РУОПа Виталия Сердюкова, в совершенстве владели всеми видами стрелкового оружия и из подручных предметов могли изготовить мощные бомбы. Специализацией преступников были заказные убийства. По предварительным подсчетам оперативников, на ее счету было около двадцати убийств по контрактам в Москве, Санкт-Петербурге, Липецке, Тамбове, Архангельске и других городах. За спиной убийц стоял некий «генеральный подрядчик», своего рода диспетчер, который принимал заказы. На заказчиков при такой организации работы выйти было практически невозможно. Первым «узбекскую систему» просчитал Цхай.

Проживала «узбекская четверка» в одном из домов на Петровке, рядом со зданием московского ГУВД. Жертвами наемных убийц, видимо, были нескольких нефтяных и алюминиевых магнатов, банкиров и крупных предпринимателей. Не исключено, что на счету «узбекской четверки» убийство вице-губернатора Санкт-Петербурга Михаила

Маневича, генерального директора Общественного российского телевидения (ОРТ) Владислава Листьева, председателя республиканского союза предпринимателей Олега Зверева и многих других. Во всяком случае, руоповцы утверждали, что четверка по количеству жертв и «качеству работы» шла в сравнение только с «курганской» бригадой. Правда, последние убивали в основном «воров в законе» и «авторитетов» преступного мира.

«Узбекская четверка» и люди Лазовского подозревались в похищении из зала VIP в аэропорту Шереметьево-1 и последующем убийстве российского представителя американской корпорации АИОС Феликса Львова. Фирма Львова соперничала за контроль над Новосибирским электродным заводом, являвшимся основным поставщиком электродов на Красноярский алюминиевый завод, а также за приобретение крупного пакета акций самого Красноярского алюминиевого завода (КраЗа). В конце 1994 года руководство КраЗа во главе с гендиректором Юрием Колпаковым подписало контракт с компанией АИОС, тесно сотрудничавшей в Москве с коммерческим банком «Югорский». Президент банка Олег Кантор и его заместитель Вадим Яфясов рассчитывали привлечь КраЗ в банк в качестве клиента, а затем сделать из него партнера и через переориентацию банка на обслуживание алюминиевых заводов заработать неплохие деньги.

Переговоры продвигались успешно. В марте 1995 года Яфясов был назначен заместителем гендиректора КраЗа по внешнеэкономическим связям. Попутно Львов, который к тому времени уже сотрудничал с руководством КраЗа и отвечал за связи с силовыми структурами, добился переключения на АИОС практически всех товарно-сырьевых потоков КраЗа и вел дело к тому, чтобы американской компании был передан в управление с последующей продажей 20-процентный пакет акций Ачинского глиноземного комбината — поставщика сырья КраЗа. 10 апреля 1995 года, за четыре дня до собрания акционеров Ачинского глиноземного комбината, которое должно было переизбрать гендиректора, Яфясов был убит в собственной машине у подъезда своего дома в Москве.

Понятно, что Феликс Львов был этим событием напуган. В конце мая он выступил на слушаниях в Госдуме, где рассказал о незаконных операциях по скупке акций алюминиевых заводов в России и о вовлеченности в этот бизнес узбекской и российской мафий. Но обращение к общественности и власти не помогло. Днем 20 июля на территории круглосуточно охраняемого подмосковного дачного комплекса был

зарезан президент банка «Югорский» Олег Кантор. В конце июля был дан еще один сигнал: похищен неизвестными и через несколько дней освобожден водитель фирмы «Форвард», принадлежавшей Львову.

6 сентября 1995 года Львов вылетал из Шереметьева-1 в Алма-Ату. Он уже прошел таможенный контроль, когда к нему подошли два сотрудника ФСК, предъявили удостоверения и увели. Позже свидетелями по фотографии (высокий, худощавый, с черными волосами) был опознан один из сотрудников ФСК, задерживавших Львова, боевик Лазовского Леха. Есть основания полагать, что к организации этого похищения, кроме Лазовского, непосредственное отношение имел Петр Суслов.

8 сентября тело Феликса Львова обнаружили на 107-м километре Волоколамского шоссе с пятью огнестрельными ранениями, на куче мусора, в пяти метрах от асфальтированной площадки для отдыха. В карманах убитого были найдены 205 тысяч рублей, визитная карточка члена совета директоров «Альфа-банка» и удостоверение сотрудника МИД с фотографией Львова и вымышленной фамилией (к МИДу Львов отношения не имел).

Боевиков «узбекской четверки» поймали случайно. Лидер группировки, по прозвищу Ферганец, попался с фальшивыми документами, когда пересекал таджикско-киргизскую границу. По картотеке было установлено, что Ферганец находится в розыске по подозрению в убийстве Маневича. На допросе Ферганец сообщил, где в Киргизии скрывались остальные члены группы. В середине июля 1998 года сообщники Ферганца были арестованы. В Москву арестованных перевозили с особыми мерами предосторожности. Местонахождение их под арестом никому не сообщалось.

Правда, в убийстве Маневича прокуратура Санкт-Петербурга подозревала еще одну петербургскую группировку, тоже спецназовскую. Возглавляли ее бывший прапорщик 40-летний Владимир Борисов (Прапорщик) и бывший капитан-танкист Юрий Бирюченко (Бирюк). На группировку сотрудникам угрозыска удалось выйти в конце лета 1998 года. 21 августа в двух районах Санкт-Петербурга — Центральном и Красногвардейском — практически одновременно были совершены покушения на двух бригадиров «акуловской» преступной группировки, также бывших офицеров армейского спецназа, Раззувайло и Лося. Первого смертельно ранил из пистолета в подъезде дома на Лиговском проспекте боевик, загримированный под бомжа профессиональными

гримерами на Ленфильме. Второго пытались взорвать в автомобиле БМВ на Свердловской набережной Невы, но бомба оказалась недостаточно мощной, Лось выжил и рассказал сыщикам, кто мог стоять за обоими преступлениями.

Борисов и Бирюченко организовали также убийство в Пскове в 1998 году еще одного бригадира «акуловской» группировки — Изморосина. Дело об убийстве двух «авторитетов» и покушении на третьего объединили в одно производство. Для его расследования создали оперативно-следственную группу, которую возглавил старший следователь прокуратуры Вадим Поздняк.

Членами бригады Юрия Бирюченко в основном были бывшие спецназовцы. Тренировки по стрельбе они проводили в тире Петербургского гарнизона, а технике наружного наблюдения и прослушивания телефонных переговоров обучались, как позднее установило следствие, у кадровых сотрудников ГРУ и петербургского УФСБ. Каждый боец Бирюченко был экипирован по последнему слову техники: машина, пейджер, радиотелефон, специальные технические средства. Квартиры и машины боевиков оформлялись на подставных лиц, боевики имели по несколько комплектов документов, носили вымышленные имена и пользовались системой цифровых кодов для общения друг с другом.

Вскоре после неудачного покушения на Лося оперативники задержали Борисова, его ближайшего помощника Сергея Кустова (тренера по восточным единоборствам) и нескольких рядовых боевиков, которые числились менеджерами в обществе с ограниченной ответственностью «Петровский автоцентр». Бирюченко и членов его команды ловили по всей России — в Пскове, Вологде, Ростове, в деревнях Новгородской области. Сам Бирюченко долгое время скрывался в Праге, где он наконец был арестован с помощью Интерпола и этапирован в Санкт-Петербург.

В большинстве доказанных эпизодов убийства совершались в подъездах домов, причем наемные убийцы использовали самое разное оружие — от пистолетов ТТ и снайперских винтовок СВД до самодельных взрывных устройств на основе пластита. «Зарплата» наемного убийцы в обычное время составляла 200-500 долларов в месяц, а за каждое выполненное задание выплачивалась премия в две тысячи долларов.

Следствие обвинило Борисова, Бирюченко и Кустова в четырех заказных убийствах, бандитизме, вымогательстве и других тяжких преступлениях. Участников группировки подозревали практически во

всех громких убийствах, совершенных на территории Санкт-Петербурга и Северо-Запада начиная с осени 1997 года. В частности, проверялась их возможная причастность к смерти Маневича и к покушению на заместителя начальника РУБОПа Николая Аулова, но доказать их вину не удалось.

Некоторые оперативники, работавшие по этому делу, до сих пор уверены, что им удалось обнаружить лишь верхушку айсберга. В частности, руководитель оперативно-следственной группы Вадим Поздняк заявил, что «если бы нас освободили от других текущих дел, мы бы наверняка подняли еще не один десяток эпизодов преступной деятельности этой банды».

В 1995 году Лазовский создал аналог «узбекской группы», состоящей из ветеранов спецподразделений «Витязь» и «Вымпел»: Кирилл Борисова, Алексея Сукача, награжденного за боевые операции в Чечне орденом Мужества и несколькими значками внутренних войск МВД, Армена Шехояна и Павла Смирнова. Группа проработала четыре года. «Подрядчиком» группы был, судя по всему, Марат Васильев.

В 1999 году Васильев был арестован и осужден на 13 лет колонии строгого режима за убийство в 1993 году Алиева, владельца торгового ряда на Люблинском рынке (это единственное преступление, за которое был осужден Васильев). Осенью 2000 года был задержан Борисов, затем и остальные спецназовцы: Шехоян, Смирнов и Сукач. В квартире последнего нашли арсенал группировки: семь автоматов, десять пистолетов Макарова, два пистолета CZ MOD-83 чешского производства и немецкий револьвер Rohm. Суд над арестованными начался в Москве в апреле 2001 года. Ни в одном из вменяемых им преступлений подсудимые не сознались. Вопрос о возможной причастности их или Лазовского к терактам в Москве в сентябре 1999 года следствие и прокуратура не поднимали. Супруненко учел печальный опыт своего предшественника Владимира Цхая и решил не давать ФСБ повода к своему устранению.

Вымпеловцам вменялись в вину чисто уголовные преступления. Так, прокуратура утверждала, что 21 мая 1996 года Марат Васильев предложил Борисову и Сукачу «разобраться» с владельцами кафе-шашлычной «Усадьба», расположенной на 36-м километре московской кольцевой дороги. В три часа ночи боевики приехали к шашлычной, облили ее бензином и подожгли. Выбравших из горящего заведения владельцев кафе Газаряна и Дуляна обстреляли из пистолетов (стреляли над головами, для острастки).

23 сентября 1996 года был убит глава итальянской фирмы «Dimex» Дмитрий Наумов. Он продавал за границей нефтепродукты чеченцев и присвоил значительную часть выручки. В России Наумов, известный также под прозвищем Бендер, появлялся довольно редко — получив двойное гражданство, он проводил большую часть времени в Италии. В мае 1996 года он приехал по делам в Москву и остановился в гостинице «Балчуг-Кемпински». Здесь его впервые увидели Борисов и Сукач.

23 сентября Наумов снова появился в Москве и остановился в «Тверской». Около шести вечера Сукач, находившийся в это время на Триумфальной площади, у станции метро «Маяковская», получил от посредника два пистолета ТТ с глушителями, которые затем передал Борисову. Исполнителя в «Жигулях», за рулем которых сидел Павел Смирнов, привезли к гостинице. Борисов поднялся на четвертый этаж, в холле наткнулся на Наумова и открыл огонь одновременно из двух «стволов». Все пять выпущенных им пуль попали в голову жертве. Выходя из отеля, Борисов сказал охраннику: «У вас там людей расстреливают, а вы тут спите». Охранник бросился наверх, а Борисов сел в «Жигули» и уехал. Через пару дней участники убийства были уже в Чечне.

Вскоре группа вернулась в Москву и 11 июля 1997 года по указанию Марата Васильева убила гендиректора фирмы «Harley Enterprises» Александра Байрамова, занимавшегося поставками в Россию сигарет на льготной основе. Бизнесмен не захотел поделиться прибылью от последней сделки, которая принесла ему 8 млн долларов. В 1-м Красногвардейском проезде одна из машин «вымпеловцев» подрезала «Мерседес» Байрамова так, чтобы он врезался в другой автомобиль (с убийцами). Когда участники столкновения вышли из машин, Борисов и Шехоян буквально изрешетили Байрамова (у Сукача пистолет заклинило).

Группа снова на время уехала в Чечню. В мае 1998 года она вернулась в Москву для выполнения еще одного заказа: убийства гендиректора фирмы «Ветер века» Александра Редько, числившегося помощником депутата Госдумы от ЛДПР Алексея Зуева. 18 июня убийцы приехали к гаражам на улице Кравченко и стали поджидать жертву. Когда предприниматель вывел машину и пошел закрывать гараж, Борисов и Сукач открыли огонь. Охранники Редько организовали погоню, но догнать бывших спецназовцев не смогли. Редько был тяжело ранен, но выжил.

25 июня 1998 года был убит глава администрации Нефтеюганска Петухов. Оперативная информация, полученная в рамках дела опера-

тивной разработки (ДОР) под много говорящим кодовым названием «Хищники», привела оперативников к выводу, что убийство было заказано Сусловым и проведено Лазовским.

23 августа 1998 года Борисовым и Сукачом за кражу у Сукача большой партии наркотиков был убит член группировки Лазовского Дмитрий Заикин. В час ночи Сукач вывез Заикина на «Волге» в Марьино и застрелил прямо в машине. Затем Сукач и Борисов отвезли труп на пустырь Верхних полей, расчленили его лопатой и закопали, а голову выбросили в Москва-реку.

В 1998 году начинает работу спецгруппа Морева. История ее создания банальна. Морев служил в Чечне, в отдельном разведбатальоне 8-го полка спецназа ВДВ (воинская часть 3866). Под Аргунем разведчики напоролись на засаду. В живых остались трое. Их спасли вертолеты. Через несколько дней эти трое отправились в аул Свободный, расположенный рядом. Разведчики открывали двери домов и бросали внутрь гранаты. Аул из пяти домов был уничтожен полностью, вместе с женщинами, детьми и стариками. Военная прокуратура возбудила уголовное дело. Всем троим грозил трибунал. Вот тогда, в апреле 1996 года, в спецотделе, куда привели Андрея Морева, его завербовал полковник ФСБ. Он предложил Мореву сделать простой выбор: либо сесть, либо сотрудничать. Морев выбрал второе и получил агентурную кличку Ярослав. Уволившись в запас, Морев отправился домой, в Ярославль. Два года о нем не вспоминали. В 1998 году вспомнили и вызвали в Москву.

В спецгруппе было двенадцать человек, все прошли Чечню, за всеми числились прощенные в обмен на сотрудничество грехи. Группе сообщили, что ее главная задача — ликвидация особо опасных преступников, криминальных «авторитетов». Команда работала не только в России. Выезжали в командировки — в Ирак, Югославию, Украину, Молдавию. На спецзадания всегда отправлялись группами из двух-трех человек. В Ираке ликвидировали бывшего разведчика — то ли из СВР, то ли из ГРУ.

На Украине ликвидировали местного бизнесмена по фамилии Тищенко. В Киев группа прилетела самолетом. Фотографию Тищенко выдали еще в Москве. Там же боевики получили информацию об адресе конспиративной квартиры на центральном проспекте в Киеве, марке и номере машины жертвы. В камере хранения железнодорожного вокзала из ячейки, номер и код которой были даны тоже в Москве, взяли сумку с оружием. Это была разобранный снайперская винтовка СВД.

Квартира в Киеве была пустой. Окнами она выходила на перекресток со светофором. Тищенко всегда ездил по одному и тому же маршруту, и его машина часто останавливалась на этом перекрестке. Там его и застрелили — из окна квартиры. Операция заняла один день.

На ликвидацию обычно отводилось не более двух дней, хотя период подготовки мог длиться до года: уточнялись маршруты движения объекта, адреса, знакомства, привычки, график работы. За два дня до «часа X» наемный убийца получал информацию о жертве и приезжал на все подготовленное, чтобы поставить точку. Так, ярославского «авторитета» по уголовной кличке Перелом расстреляли из автоматов в центре города, когда тот подъехал к своему дому. Группа работала прицельно, чтобы не пострадали сидящие в машине подруги бандитов. Автоматы бросили на «точке» вместе с удостоверением на имя некоего чеченца (идея направить следствие по «чеченскому следу» родилась у московских кураторов операции). Последняя операция группы по устранению объекта была 2 июня, когда в Воронеже убирали местного милиционера. Группа вывела из строя тормоза его машины, и милиционер на скорости врезался в специально подставленный грузовик.

На инструктаж группа собиралась раз в неделю, по субботам, в московской квартире по адресу улица Вагоноремонтная, д. 5, корп. 1 (в квартире жила женщина с ребенком).

Здесь группу встречал куратор — офицер ФСБ по имени Вячеслав (фамилии своей ни разу не называл). От него группа получала задания. У всех членов спецгруппы были «документы прикрытия» с фальшивыми фамилиями. Так, у Морева было три паспорта (Расторгуев Андрей Алексеевич, Козлов Михаил Васильевич, Зимин Александр Сергеевич). На последнюю фамилию был выдан и загранпаспорт.

Спецгруппа не числилась в штате силовых ведомств или спецсил. Иными словами, формально она не существовала. Нештатная спецкоманда работала высокопрофессионально. За два года работы был только один срыв из-за того, что в Москве объект (один из помощников Геннадия Зюганова) не появился на точке. И один отбой — в Кишиневе, когда нужно было по команде людей из ФАПСИ убрать директора местного винзавода, но в последнюю минуту операцию отменили (по странному стечению обстоятельств именно прапорщики ФАПСИ в Москве в свободное от службы время подрабатывали в охране одной из фирм, занимающихся поставкой вина из Молдавии, о чем был поставлен в известность начальник службы безопасности ФАПСИ).

Несколько раз спецгруппа вывозила оружие из Чечни. Инструктаж перед такими командировками проходил не в квартире на Вагоноремонтной, а на Петровке, 38, в здании Московского уголовного розыска. Перед отправкой группа получала милицейскую форму и соответствующие удостоверения. Типична одна из таких поездок. На грузовых фургонах «Газель» через Волгоград добрались до Моздока; там на подъезде к городу колонну ждал армейский «КамАЗ» с оружием (автоматы, снайперские винтовки СВД и тротил). Все это выгрузили из зеленых армейских ящиков и запаляли в цинковые гробы, как если бы везли трупы. Потом колонна «Газелей» «с грузом 200» отправилась в Москву. Сопровождали колонну сотрудники ФСБ, поэтому неожиданностей в пути не было.

Разгрузка производилась в 9-м микрорайоне Солнцева. Там же у спецгруппы забрали милицейскую форму и удостоверения, раздали премии. Вся командировка заняла две недели. В зависимости от количества привезенного оружия каждому участнику за такую поездку выдавали от 700 до 2000 долларов.

Последняя операция группы по переброске оружия состоялась в первой половине августа 2000 года. В этот период у спецкоманды начались проблемы. Сначала исчезли несколько членов группы. Потом в Волге утонул еще один. В июне прямо в машине сгорели Геннадий Чугунов, Михаил Васильев и Сергей Тарасев (имена и фамилии подлинны). Морев ехал в тех же «Жигулях», но вышел раньше, так как у него была назначена встреча с двоюродным братом. Перед поездкой «Жигули» простояли некоторое время на автостоянке Петровки, 38.

Узнав о гибели товарищей, Морев, сделав для страховки видеозапись своих показаний и раскидав пленки по нескольким адресам, бежал из Москвы. Тогда он был объявлен в федеральный розыск за вывоз оружия из Чечни и за покушение на убийство. Теперь Морев скитается по России и не спит в одном месте более двух ночей подряд. В отличие от своих товарищей он жив.

В убийстве 20 ноября 1998 года в Санкт-Петербурге депутата Госдумы, лидера движения «Демократическая Россия» (ДР) Галины Старовойтовой и ранении ее помощника Руслана Линькова также были замешаны спецслужбы. Если пистолет-пулемет Agran-2000 и Beretta, из которых была убита Старовойтова, преступники бросили на месте убийства, то пистолет USP, из которого ранили в голову Линькова, они почему-то унесли с собой. В ноябре 1999 года в Латвии был арестован бывший

боец советского рижского ОМОНа Константин Никулин. При обыске у него был обнаружен 9-миллиметровый пистолет, из которого, как показала экспертиза, был тяжело ранен Линьков.

Однако Санкт-Петербургское УФСБ отказалось принять эту версию. По словам пресс-секретаря УФСБ А. Вострецова, «на сегодняшний день нет сведений об участии Никулина в этом деле». Взамен следственные органы выдвинули экономическую версию убийства Старовойтовой. Суть этой версии была в том, что за несколько дней до убийства в столичном офисе ДР прошло собрание спонсоров объединения, которые выделили на проведение выборов в законодательное собрание Санкт-Петербурга 890 тысяч долларов. В ФСБ утверждали, что деньги были переданы Старовойтовой, о чем она написала расписку, положенную в сейф штаб-квартиры ДР. Правда, расписку эту никто не видел, так как через неделю после убийства офис ДР ограбили и расписка Старовойтовой исчезла. В ДР версию об убийстве с целью ограбления с самого начала отвергали.

Глава 10

СПЕЦСЛУЖБЫ И ПОХИЩЕНИЯ ЛЮДЕЙ

Общеизвестно, что похищениями заложников в надежде на выкуп занимаются главным образом чеченские бандиты. О том, насколько непростой является работа по освобождению заложников, можно судить по известному случаю похищения Магомета Келигова, 1955 года рождения. Келигов был похищен 15 сентября 1998 года в городе Малгобеке чеченской преступной группировкой из Урус-Мартана, возглавляемой Ризваном Вараевым. Наводчиком и организатором преступления был сосед Келигова — житель города Малгобек. Похитители считали, что их не установят, и стали направлять к Келиговым посредников, которые передали требование об уплате выкупа в сумме пяти миллионов долларов. Келиговы платить отказались. Наводчик вскоре был изобличен и заключен под стражу. Был установлен полный состав группировки Вараева. Тогда Вараев открыто признал, что Магомет Келигов находится у него в заложниках и потребовал выкупа.

Семья похищенного твердо решила выкупа не платить (наверно, таких денег просто не было). Более того, на деньги семьи Келиговых (и с участием мужчин — членов семьи) государственное спецподразделение по борьбе с похищениями людей подготовило операцию

по захвату и уничтожению банды Вараева. 22 июля 1999 года в 14 часов Келиговы и сотрудники спецподразделения устроили засаду возвращавшимся на трех автомобилях из села Гойское в Урус-Мартан членам банды. В течение 20-минутного боя колонна была расстреляна из автоматов и гранатометов. Было убито семь членов банды, ранено пять. Забрав с собой труп Аслана Вараева и тяжелораненого Ризвана Вараева, Келиговы и сотрудники спецподразделения прибыли в Ингушетию. Ризван вскоре скончался. Несмотря на это Келиговы объявили, что братья Вараевы ранены и могут быть обменены на Магомета Келигова. Во время дальнейших переговоров с представителями банды Вараева Келиговым пришлось признать, что братья Вараевы убиты. Тем не менее бандиты согласились обменять Магомета Келигова на трупы братьев Вараевых. Обмен состоялся 31 августа 1999 года в 17 часов дня на административной границе с Чеченской республикой в районе села Аки-Юрт. Магомет пробыл в заложниках почти год.

Вараевым не повезло. Куда удачнее оказались другие известные чеченские похитители людей: Арби Бараев из Алханкалы (Ермоловки), Резван Читигов, Апти Абитаев, Идрис Межидов (Абдул-Малик), Аслан Гачаев (Абдулла) и другие. Как и в случае с другими преступными спецгруппами, здесь тоже не обходится без обвинений, что к похищениям людей в Чечне причастны спецслужбы. Серьезные улики имелись в отношении Арби Бараева.

По мнению Руслана Юсупова, чеченца, бывшего офицера советской, а затем российской армии, являющегося завербованным сотрудником ФСБ в Чечне, Бараев, безусловно, работал на российские спецслужбы, которые, в свою очередь, оберегали Бараева и его людей.

Так, в середине июля 2000 года к Юсупову обратился Магомет С. — его бывший одноклассник. Магомет сообщил, что хотел бы связаться с ФСБ и передать информацию по Бараеву. Именно Бараев, как по крайней мере считал Магомет, был ответственен за захват в Чечне десятков заложников, в том числе сотрудников ФСБ, представителя президента России в Чечне Валентина Власова, журналистов ОРТ и НТВ. Бараев был также причастен к убийству сотрудников Красного креста, трех граждан Великобритании и новозеландца.

Договорились, что за 25 тысяч долларов Магомет в ближайшие 20 дней выведет ФСБ на точное место встречи Бараева с чеченскими полевыми командирами. Как связаться с Юсуповым и с заместителем начальника районного отдела ФСБ, Магомету объяснили.

Через пять дней состоялась новая встреча заместителя начальника районного отдела ФСБ с Магометом. На эту встречу, под гарантии ФСБ, Магомет привез одного из самых близких Бараеву людей — Аслаханова. Последний находился в федеральном розыске и в розыске Интерпола за участие в казни англичан и новозеландца, за похищение поляков, захваченных в Дагестане, фотокорреспондента Яцины и солдатских матерей, искавших в Чечне своих сыновей. По Чечне Аслаханов передвигался, имея в кармане удостоверение чеченского МВД на имя Саралиева. Во время переговоров с ФСБ условия сделки были изменены. Магомет, сам бывший боевик, и Аслаханов соглашались сдать Бараева без денег, в обмен на амнистию.

Вскоре Аслаханов сообщил о предстоящей встрече Бараева с полковыми командирами Цагараевым и Ахмадовым в Грозном, на химзаводе. За четыре часа до встречи Юсупов получил подтверждающую информацию, которая была доложена начальнику районного отдела ФСБ. Встреча Бараева, Цагараева и Ахмадова состоялась в назначенное время. Но ФСБ операции по задержанию проводить не стала. Когда Юсупов начал выяснять у заместителя начальника отдела ФСБ, почему операцию по захвату отменили, тот ответил: «Если я буду лезть выше, голову снимут и с меня и с тебя. Мы здесь только пешки, мы ничего не решаем».

Еще через пару дней Аслаханов сообщил, что они с Магометом вынуждены бежать, так как людям Бараева все стало известно. Юсупов немедленно связался с районным руководством ФСБ и договорился о встрече. Когда Магомет и Аслаханов прибыли в условленное место в соседний районный центр, вместо сотрудников ФСБ их ждали боевики, расстрелявшие их прямо на улице. В тот же день на автобусной остановке неизвестные захватили жену Юсупова и ее сестру и отвезли их в здание республиканского ОМОНа, где сообщили милиционерам, что «у этих гулящих мужики работают на русских». Женщины плакали, объясняли, что они замужем. Но за них никто не заступился. Похитители увезли их на какой-то заброшенный двор, избили до полусмерти и изнасиловали.

Юсупов обратился в уголовный розыск Ленинского района Грозного с просьбой найти владельцев белой «шестерки» 023 ВАЗ 21-26, на которой передвигались похитители. В угрозыске Юсупову сообщили, что люди эти в Грозном не проживают и их никто не знает. Вскоре Юсупов установил, что похитители — из отряда Бараева, бывшие сотрудники чеченского ОМОНа, уроженцы Ачхой-Мартана, что

на их счету много преступлений, но, поскольку они люди Бараева, их не ищут.

Спустя неделю к Юсупову явились двое чеченцев из республиканской ФСБ и русский, сотрудник ГРУ. Заявив, что Аслаханова убили из-за Юсупова, они избили Юсупова на глазах жены и детей, после чего отвезли его в соседний район в частный дом. Через час туда же прибыли двое боевиков Бараева. По тем вопросам, которые они задавали Юсупову, стало ясно, что все присутствующие в курсе работы Юсупова на ФСБ. Так как Юсупов сотрудничество с ФСБ отрицал, его начали избивать. Били чеченцы из ФСБ. На следующий день Юсупова привезли в Грозный и выкинули в развалинах. Через два дня вместе с семьей Юсупов покинул Грозный.

У чеченцев в ходу была шутка: «На каждый квадратный метр в Чечне приходится три с половиной БТРа, десять спецслужб и один чеченец». И еще одна: уберите от нас агентуру ГРУ, ФСБ и МВД — и наступит мир. Кто на какую российскую спецслужбу работает — угадать трудно. Ходили упорные слухи, что на российские спецслужбы работал не только Арби Бараев, но и братья Ахмадовы из Урус-Мартана. По рассказам местных жителей братья Ахмадовы и Арби Бараев до последнего времени проживали в своих домах. Во время второй чеченской войны Бараев дважды в своем доме в Алханкале шумно справлял свадьбы. Ахмадовы и Бараев спокойно передвигались по республике на собственных автомобилях и не испытывали затруднений на блокпостах при проверке документов. Рядовые на блокпостах Бараеву отдавали честь. Летом 2000 года стало известно, что братья Ахмадовы имеют на руках удостоверения сотрудников ФСБ. Возможно, именно за утечку информации и рассекречивание агентов уволили уполномоченного УФСБ по Урус-Мартановскому району Юнуса Магомадова.

Бараев был причастен к работе ФСБ по печатанию в Чечне фальшивых долларов. С началом чеченской кампании печатание фальшивых долларов было перенесено на чеченскую территорию, поскольку в случае огласки или обнаружения типографий ответственность за преступление падала на чеченское руководство. Одна из типографий Бараева была обнаружена в апреле 2000 года (дом, в котором находилась типография, принадлежал его родственникам). Через Ингушетию доллары завозились в центральные регионы России и обменивались по курсу 30-35 центов за один фальшивый доллар.

Фальшивки были высокого качества; выявить их с помощью детекторов валюты в пунктах обмена было практически невозможно — для

этого требовалось спецоборудование, имеющееся только в банках. Большая часть вырученных денег пускалась на зарплаты боевикам, закупку оружия и боеприпасов. Фальшивые доллары имели хождение и за пределами России. Считается, что за последние несколько лет могло быть пущено в оборот до десяти миллиардов фальшивых долларов, т.е. примерно по 10 тысяч поддельных долларов на каждого чеченца. Предположить, что за этим стоял один Бараев, очень сложно. Скорее Бараев использовался как прикрытие для организованного ФСБ бизнеса по изготовлению фальшивок.

Дипломатичные, но абсолютно однозначные намеки на сотрудничество Бараева с ФСБ во время пресс-конференции 6 июня 2000 года сделал президент Ингушетии Руслан Аушев. На вопрос о том, кто виновен в недавнем нападении на колонну войск в Ингушетии, Аушев ответил:

«На колонну в Ингушетии напал отряд Арби Бараева. Кстати, я не могу одну вещь понять: Арби Бараев дислоцируется в поселке Ермоловка, вы знаете, кто в Грозном был из вас, что это почти пригород. Он находится там, по-моему, в пятый раз женился. Все нормально — он находится там, все знают, где он находится. Надо, мне кажется, как-то энергичнее действовать объединенной группировке, тем более Бараев нападает на колонны. [...] Я знаю, что Арби Бараев, по моим данным, находится в Ермоловке, которую... ну, никаких нет проблем, это решить. Я говорю, он недавно еще очередной раз женился. [...] И наше Управление Федеральной службы безопасности об этом знает. Это все знают».

Депутат Думы, известный правозащитник Сергей Ковалев был более откровенен:

«Возьмем одного из самых главных торговцев людьми, Арби Бараева, это такой молодой мерзавец, вероятно, довольно смелый. Уж забудем, что на Северном Кавказе абсолютно все говорят: «Арби Бараев? Так это же агент КГБ!». Ладно, это уверенные предположения, но их не проверишь. Но вот вам несколько загадок. Несколько месяцев назад всем было известно, что он живет недалеко от Грозного, в деревне Ермоловке. Он там женился в энный раз, как позволяет ислам, и жил с молодой женой. Коменданта федеральных войск спрашивают: «Почему вы не бе-

рете Бараева?». Он с армейской наивностью отвечает: «Скажут — мы его возьмем». А почему не говорят?! [...] Мы встречались с чеченскими парламентариями. Один из них, очень солидный и уважаемый человек, рассказал, что его родственник, недавно спустившись с гор, пришел в Ермоловку. А тут началась так называемая зачистка. А у него документы не в порядке — как быть? Ему доброжелатели говорят: «Иди в дом Бараева, там тебя никто не тронет». Он пошел в дом Бараева, и зачистка его не коснулась».

Видимо, через ГРУ или МУР была организована утечка информации в прессу, указывающая на то, что покровителями Ахмадовых и Бараева в Москве являются люди, занимающие высокое должностное положение. Ряд московских газет опубликовал материалы о том, что в августе 2000 года Бараев был в Москве и останавливался в доме на Кутузовском проспекте. Было установлено, что Бараев встречался с рядом высокопоставленных российских чиновников. Как указывалось, в числе машин, подъезжавших к подъезду с «нехорошей квартирой», была машина с номером руководителя администрации президента РФ Александра Волошина.

Возможно, заявление президента Аушева и скандальные публикации о нахождении Бараева в Москве стали последней каплей в пользу аргументации сторонников ликвидации Бараева. Подробности его гибели до сих пор неясны. Предположительно, он был убит в период между 22 и 24 июня 2001 года в своем родном селении Алханкала в ходе операции, проводившейся, по одним сведениям, сводным отрядом МВД и ФСБ, по другим — спецотрядом ГРУ, сформированным из лиц чеченской национальности. А по информации депутата Госдумы от Чечни генерала МВД Асланбека Аслаханова, Бараева убили кровники, т.е. те, чьих родственников убил Бараев.

Показания живого Бараева были невыгодны целому ряду высокопоставленных чиновников, сотрудников спецслужб и военных. Поэтому живой Бараев, могущий многое рассказать и на многое пролить свет, никому нужен не был. А на мертвого Бараева можно будет сейчас списывать и списывать...

Если Бараев был самым известным похитителем, то журналист радиостанции «Свобода» Андрей Бабицкий был одним из самых нестандартных похищенных. Несмотря на очевидное отличие дела Бабицкого от

остальных случаев кражи людей, оно стало новым доказательством причастности российских спецслужб к похищениям.

После начала второй чеченской войны военные власти в Моздоке не дали Бабицкому аккредитации. Требование наличия ведомственной аккредитации было незаконно, так как в Чечне не было введено чрезвычайное положение и не была определена зона «антитеррористической» операции. Согласно постановлению Конституционного суда РФ неопубликованные акты российского правительства или военных ведомств, если они затрагивают права и свободы граждан, считались недействительными. Основываясь на этом понимании российских законов, корреспондент радио «Свобода», российский гражданин Андрей Бабицкий поехал в Чечню в обход ведомственного запрета. В конце декабря 1999 года он на несколько дней вернулся из Грозного в Москву и привез видеокадры, показанные затем в программе НТВ «Итоги». 27 декабря он возвратился в Грозный, а 15 января 2000 года снова собрался в Москву.

16 января на выезде из Грозного, возле Урус-Мартановского перекрестка трассы Ростов — Баку, Бабицкого и его проводника-чеченца задержал блокпост пензенского ОМОНа. В постановлении следователя Генпрокуратуры сообщалось, что именно сотрудник УФСБ проводил досмотр Бабицкого и изъятие его вещей. Таким образом, было документально подтверждено, что Бабицкого задерживало УФСБ. Затем Бабицкого передали в чеченский ОМОН Б. Гантамирова, где его лично избивал один из гантамировских командиров — Лом-Али, после чего передал Бабицкого начальнику Управления ФСБ Фомину в Урус-Мартан.

Формально Бабицкого арестовали по указу о бродяжничестве и «для установления личности» отправили в фильтрационный лагерь в Чернокозово. Там Бабицкого снова били, под пытками заставляли часами петь. На показанной 5 февраля по телевидению видеопленке отчетливо были видны следы побоев. Вопреки Уголовно-процессуальному кодексу в Чернокозове не был составлен протокол задержания Бабицкого. Ему не было предоставлено право на свидание с родственниками и на встречу с адвокатом (согласно 96-й статье, части 6-й УПК). На запросы адвокатов, в том числе известного адвоката Генри Резника, Генеральная прокуратура России не отвечала. Не было ответа и на запрос о Бабицком депутата Думы Сергея Юшенкова.

Коллеги начали искать Бабицкого 20 января. Но, поскольку российские власти отрицали, что он задержан, целую неделю не было ясных

ти. 27 января власти объявили, что Бабицкий арестован, имеет статус подозреваемого и задержан на 10 дней (которые истекли 26 января). Прокуратура планировала предъявить Бабицкому обвинение по 208-й статье УК РФ (организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем). «Если твой друг у наших, а я думаю, что это именно так, то все, кранты, его ты больше не увидишь. И никто не увидит. Уж прости за прямоту», — сказал корреспонденту «Комсомольской правды» Александру Евтушенко старый знакомый, офицер ФСБ.

2 февраля в Чернокозове для Бабицкого была принята передача. Однако встретиться с ним следователь Юрий Чернявский не разрешил, намекнув, что Бабицкого через четыре дня освободят. Освобождения журналиста требовали радио «Свобода», Совет Европы, госдепартамент США, Союз журналистов, правозащитники (в том числе вдова А. Д. Сахарова Елена Боннэр). Министр иностранных дел Игорь Иванов на переговорах с госсекретарем США Олбрайт объявил, что дело находится «под контролем» и. о. президента Путина.

В 16.00 2 февраля прокурор Наурского района Чечни Виталий Ткачев сообщил, что мера пресечения Бабицкому изменена на подписку о невыезде из Москвы, куда он вот-вот должен быть отправлен из Гудермеса. Позже пресс-секретарь прокуратуры РФ по Северному Кавказу Сергей Прокопов объявил, что Бабицкий 2 февраля был освобожден. (Только позже стало известно, что Бабицкий освобожден не был и ночь со 2 на 3 февраля провел в автозаке — машине для перевозки арестованных). На следующий день, в 3 часа дня, не сильно смущающийся Ястржембский объявил об обмене «освобожденного» Бабицкого на трех военнопленных. Потом поправился, что на двух.

Так как на Бабицком была рубашка, переданная в Чернокозово 2 февраля, можно было сделать вывод, что Бабицкого передали 3-го. Никто в Чечне не знал «чеченских полевых командиров», которым, по сообщению Москвы, передали Бабицкого в обмен на «пленных российских военнослужащих». Президент Чечни Масхадов заявил, что не знает, где находится Бабицкий. Да и «обмененных» российских военных никто не видел.

На самом деле все участники обмена, за исключением Бабицкого, были сотрудниками ФСБ. Один — работающий на ФСБ чеченец — помог обмануть Бабицкого, а когда Бабицкий все понял, было уже поздно. Вечером 8 февраля в интервью НТВ заместитель министра внутренних дел Иван Голубев сообщил, что это он принял решение об обмене Бабицкого. Другой чиновник убеждал журналистов, что «обмен», на-

оборот, местная инициатива и что Кремль разбирается, кто виноват в случившемся, так как «дело Бабицкого» работает против Путина.

Официальные представители правительства утверждали, что Бабицкий жив и завтра в Москву придет доказывающая это видеопленка. Действительно, вечером 8 февраля, даже раньше обещанного срока, на «Свободу» неизвестными была передана кассета. Один из «чеченцев», передававший ее и якобы приехавший из Чечни, был в форме сотрудника МВД. На пленке — измученный Бабицкий.

Журналисты анализировали пленку, говорили, что чеченцы не берут за руку так, как взяли Бабицкого, что это милицейский жест. Собственно, фальсификацию не скрывали и сотрудники ФСБ, участвовавшие в «обмене». Один из них — в отделе ФСБ отмечали годовщину вывода советских войск из Афганистана — признался Александру Евтушенко: «Ты же видел бойцов в масках. И того, кто прихватил Бабицкого. По телевизору показывали. Так то я же и был».

Территория, на которой производился «обмен», — недалеко от полностью контролируемого федеральными войсками Шали, рядом с селением Мескер-Юрт, которое также контролировалось федералами. Там стояли блокпосты, проезжали БТРы, там находились солдаты федеральных сил.

Люди в масках увезли Бабицкого, как потом оказалось, в чеченское село Автуры. Хотя село в этот момент еще не было занято федеральными войсками, попал журналист вовсе не к бойцам сопротивления. Он стал пленником в доме родственников Адама Дениева, известного своим сотрудничеством с московскими властями (у его религиозно-проимперской организации «Адамалла» был офис в Москве). В этом доме Бабицкого продержали три недели, ни разу не позволив связаться с внешним миром.

23 февраля похитители вывели Андрея из дома, приказали лечь в багажник «Волги» и повезли в Дагестан. В этот день — годовщину депортации чеченцев — федеральные посты были многократно усилены, и жители Чечни предпочитали не выходить лишний раз из дома, но машины похитителей — «Волгу» и сопровождавшие ее «Жигули» — ни разу не остановили: на каждом блокпосту водители только притормаживали, чтобы на ходу показать какие-то документы.

Таким образом Бабицкого доставили в Махачкалу. Здесь ему вручили паспорт на чужое имя, но с профессионально вклеенной фотографией Андрея (как потом выяснилось, чистый бланк паспорта с этим номером был совершенно законно выдан одним из паспортных столов

МВД России). Похитители требовали, чтобы Бабицкий с чужим паспортом перешел через границу в Азербайджан. Но Андрею удалось бежать. Вернувшись в Махачкалу, он из гостиницы (где пришлось предъявить фальшивый паспорт) позвонил друзьям, и мир наконец узнал, что журналист жив. Затем он сдался дагестанской милиции.

Несмотря на то, что милиционеры получили потом премии за спасение жизни Андрея, самого Бабицкого власти обвинили в использовании фальшивого паспорта, несколько дней продержали в махачкалинской тюрьме, а позже судили, приговорили к большому штрафу, но амнистировали...

То, что Бабицкого похитили, арестовали, избивали и пытали, — Генпрокуратуру почему-то не волновало. А вот использование полуживым человеком чужого паспорта оказалось преступлением. Этот паспорт стал основной уликой в деле Бабицкого.

За всем этим, конечно же, стояла уверенность вовлеченных в дело Бабицкого сотрудников силовых ведомств и чиновников в абсолютной безнаказанности, а безнаказанность эта основывалась на том, что санкция на устранение Бабицкого была получена от руководства ФСБ.

Почти все персонажи этой истории известны. О группе Дениева мы уже сказали. Был опознан и человек, который производил «обмен» Андрея, — полковник ФСБ Игорь Петелин (его узнал в телекадрах военный обозреватель «Новой газеты» Вячеслав Измайлов). А фотографию одного из тех, кто держал Бабицкого в заложниках, Андрей увидел позже в газете — в группе телохранителей нынешнего «президента Чечни» Ахмада Кадырова.

На чеченской войне спецслужбы расправлялись с врагами без оглядки на закон. Странная история с похищением в Чечне 9 января 2001 года в районе селения Старые Атаги представителя американской благотворительной медицинской организации Кеннета Глака слишком многих навела на мысль о том, что Глак был похищен российскими спецслужбами. 18 апреля 2001 года на пресс-конференции в Санкт-Петербурге в присутствии Патрушева Зданович дал понять, что ФСБ в работе Глака в Чечне заинтересована не была: «У ФСБ, мягко говоря, большие сомнения и в том, что Кеннет Глак являлся на самом деле представителем гуманитарной организации». После этого Зданович рассказал, что на ЦРУ в Чечне работает известный полевой командир и торговец людьми Резван Читигов.

Стало ясно, что ФСБ считает Глака сотрудником ЦРУ, занимающимся шпионажем в пользу США. Видимо, именно по этой причине

ФСБ решила выдворить Глака с территории Чеченской республики. Сначала Глак был украден; затем, 4 февраля, было инсценировано его освобождение: «без всяких условий и выкупа в результате спецоперации, проведенной сотрудниками ФСБ».

Абсолютно всем было понятно, что спецоперация по освобождению Глака не проводилась, что он был просто отпущен похитителями, решившими его не убивать. После случая с Бабицким ФСБ перестала конспирироваться, так как уверовала в абсолютную безнаказанность. Случай с Глаком был столь же очевиден. Всему миру было понятно, что Глака похитила ФСБ. «Поэтому и вся история с захватом и освобождением Глака была такой странной», — заявил Зданович на одной из пресс-конференций. С ним трудно не согласиться. Когда одна и та же структура крадет и освобождает, это действительно выглядит странно.

На этом фоне почти естественной и законной выглядит история о похищении сотрудниками ГРУ бывшего председателя парламента Чечни Руслана Алихаджиева. Будучи известным полевым командиром в первую чеченскую войну, он не участвовал в боевых действиях 1999-2000 годов. В середине мая 2000 года Алихаджиев был задержан в собственном доме в Шали. По словам местных жителей, задержание осуществили сотрудники ГРУ генштаба, которые доставили бывшего спикера в Аргун, где его следы потерялись.

После 15 мая Алихаджиева не видел даже его адвокат Абдулла Хамзаев. Он рассказывал, что неоднократно запрашивал различные инстанции о судьбе своего подзащитного, но встретиться с ним не сумел. Из прокуратуры Чеченской республики пришла информация, что по факту исчезновения Алихаджиева возбуждено уголовное дело по ст. 126 УК РФ (похищение человека). При этом уголовного дела против Алихаджиева прокуратура не возбуждала и, следовательно, не санкционировала его задержания. В МВД о судьбе Алихаджиева ничего не знали. 8 июня 2000 года Хамзаев получил справку из ФСБ о том, что Алихаджиев в СИЗО ФСБ Лефортово не содержится. Из генпрокуратуры Хамзаев ответа на свой запрос не получил. Наконец 3 сентября 2000 года радиостанция «Эхо Москвы» сообщила, что Алихаджиев скончался от инфаркта в Лефортове и что семья Алихаджиева уже получила официальное извещение о его смерти.

Похищения чеченцев в Чечне федеральными силовыми ведомствами ради наказания, выкупа или убийства — почти что служебный

долг. Милиция Октябрьского временного отдела внутренних дел Грозного во главе с полковником Суховым и майором В. В. Ивановским подозревалась журналистами и общественными деятелями в похищении и убийстве примерно 120 жителей Грозного и других районов Чечни. Предположительно, трупы сбрасывались в подвал здания, находившегося на охраняемой территории Октябрьского временного отдела внутренних дел (ВОВД). Позже здание было взорвано самими милиционерами для сокрытия следов преступлений.

Организация «зачисток» ради похищения чеченцев и получения выкупа за освобождение задержанных стала обыденным явлением, буднями войны. Известны случаи продажи российскими офицерами в рабство чеченским бандитам российских солдат, объявляемых затем дезертирами.

Война в Чечне обесценила человеческую жизнь. Зверские убийства и торговля рабами-заложниками стали нормой. Через войну проходят десятки тысяч молодых людей. Они не смогут вернуться в гражданскую жизнь.

Чечня — это кузница ФСБ. В ней воспитываются будущие кадры российских спецслужб и внештатных бригад наемных убийц. Чем дольше ведется эта война, тем необратимее становятся ее последствия. Самое страшное из них — ненависть Чеченцев — к русским. Русских — к чеченцам. Этот конфликт был искусственно создан российскими силовыми ведомствами, главным образом — Федеральной службой безопасности России.

Глава 11

РЕФОРМИРОВАТЬ ИЛИ РАСПУСТИТЬ ФСБ?

Всё путем!

Молодежный лозунг,
придуманный «пиаровцами» Путина

Зря на нас клеветеете, умники речистые. Все путем у нечисти, и даже совесть чистая.

Владимир Высоцкий

Оbjectивности ради укажем, что попытки реформировать ФСБ предпринимались единичными представителями этой системы, но к успеху не привели. Борьба отдельных офицеров ФСБ за чистоту рядов органов всегда завершалась сокрушительным поражением. История этой борьбы доказывает, что реформировать ФСБ невозможно и данная государственная структура должна быть уничтожена. В подтверждение этого можно привести один документ, адресованный президенту РФ Ельцину задолго до взрывов домов в России — 5 мая 1997 года. Поскольку документ публикуется без ведома автора, в первом издании книги мы не считали себя в праве называть имя автора.

Однако к моменту второго издания книги в жизни автора все-таки произошли существенные перемены: его арестовали. По этой причине мы приняли решение обнародовать его имя. Автором послания к Ельцину был бывший полковник ФСБ адвокат Михаил Трепашкин, арестованный в Москве в 2003 году по сфабрикованному обвинению в незаконном хранении оружия и в раскрытии государственных тайн (шпионаже) и до сих пор находящийся в заключении:

«О противоправной деятельности ряда должностных лиц ФСБ РФ

Уважаемый Борис Николаевич! Обстоятельства вынуждают обратиться лично к Вам в связи с тем, что директор Федеральной службы безопасности генерал-полковник Ковалев Н. Д. и другие руководители ФСБ РФ не принимают мер по проблемам государственной безопасности России, поднятым мной в рапортах и заявлениях, которые я направлял им начиная с 1996 г.

Организованные преступные группировки на протяжении последних лет всеми путями стремились проникнуть в ФСБ РФ. Вначале наиболее распространенной формой было установление отношений с отдельными сотрудниками ФСБ РФ и занятие преступной деятельностью под их прикрытием («крышей»). А затем эти группировки перешли на путь делегирования своих членов в ряды ФСБ РФ. Поступление на службу идет через знакомых им работников кадровых аппаратов и руководителей подразделений.

Особенно активно проникновение членов преступных группировок в ряды ФСБ РФ шло при Барсукове М. И. и Ковалеве Н. Д. При этих руководителях был принят на службу ряд членов солнцевской, подольской (в частности, Кузовкин В. А. — на должность начальника направления 3 отдела УЭК) и других преступных группировок. Для обеспечения их безопасности на ключевые посты выдвигались «свои люди». В то же время был необоснованно уволен ряд профессионалов с большим опытом оперативной работы. Все это происходило при попустительстве бывшего сотрудника кадрового аппарата Патрушева Н. П.

Действия руководителей ФСБ РФ Барсукова, Ковалева, Патрушева направлены на то, чтобы выжить профессиональных работников из системы ФСБ РФ в угоду криминальным элементам. Так, Патрушев, будучи назначен на должность начальника Управления собственной безопасности ФСБ РФ, вместо борьбы

с преступными группировками начал преследовать сотрудников ФСБ — профессионалов с большим опытом борьбы с преступностью, заставил их уволиться из органов безопасности. В связи с этим в Управлении прекратилась реализация дел на вооруженные преступные группировки.

В настоящее время начальник Управления собственной безопасности ФСБ РФ Патрушев переведен на должность начальника Организационно-инспекторского управления ФСБ РФ, а вместо него Ковалевым на эту должность назначен Зотов, о связи которого с криминальными структурами в ФСБ поступало немало информации. До этого назначения Зотов курировал антитеррористический центр, не имеющий практически реализаций дел оперативного учета, в то время как кругом совершались и совершаются террористические акты, а в незаконном обороте только в гор. Москве находится большое количество оружия и боеприпасов. Именно Зотов приложил немало усилий для блокировки в декабре 1995 года разворота дела по чеченской организованной преступной группировке (ОПГ). По оперативным источникам, Зотов получил в качестве подарка от одной из группировок автомашину — джип иностранного производства, которую продал при назначении на генеральскую должность, чтобы скрыть указанный факт.

Ковалевым на генеральские должности назначен ряд сотрудников не по профессиональным качествам и не по боевым заслугам, а по признакам знакомства и преданности директору. Так, в августе 1996 года в системе ФСБ РФ было создано Управление перспективных программ. В это Управление, подчиненное непосредственно директору ФСБ РФ Ковалеву, было переброшено из других подразделений значительное число профессионалов. Однако никто в ФСБ не знает, для чего Ковалев держит это подразделение, так как до сих пор не определены цели и задачи Управления, а также функциональные обязанности его сотрудников. Практически Управление перспективных программ ФСБ РФ не занимается борьбой с преступностью, а обеспечивает безопасность негосударственных структур (например, ассоциации «Стелс» и др). Тем не менее на генеральские должности в УПП были назначены приятели Ковалева — Хохольков, Степанов и Овчинников. Первые двое уже получили генеральские погоны. Причем Хохольков и Овчинников ранее являлись объектами

разработок УСБ ФСБ РФ. Первый поддерживал тесные отношения с бандитами, получал от них денежные вознаграждения, что позволяло ему за один вечер проигрывать в казино до 25 000 долларов США. [...]

Известный в РУОП ГУВД гор. Москвы бандит Стальмахов в беседе с одним из источников заявил, что с 1993 года членами его группы, в которую входит ряд бывших сотрудников КГБ СССР, совершается контрабанда товаров. Прикрывают же их преступную деятельность за денежные вознаграждения высокопоставленные сотрудники ФСБ РФ, включая генералов УЭК Порядина и Кононова, генерала УФСБ по гор. Москве и Московской области Трофимова, о чем директор ФСБ РФ Ковалев Н. Д. осведомлен. В феврале 1994 года мною как старшим следователем по особо важным делам Следственного управления МБ РФ было задержано девять автомашин («фур») с контрабандными товарами на сумму свыше 3 млн. долларов США. Предпринятыми мерами со стороны указанных должностных лиц контрабанда была освобождена и сокрыта на заводе «Серп и молот», откуда затем незаконно реализована. На меня же был инспирирован ряд заявлений о вымогательстве, что не позволило мне работать по выявлению указанной контрабанды.

Беспокоят также факты утечки оперативной информации из ФСБ РФ в криминальные структуры.

Руководители ФСБ РФ Ковалев Н. Д. (а до него Барсуков М. И)., начальники Управлений Патрушев и Зотов блокируют работу по пресечению преступной деятельности организованных группирований, совершающих тяжкие преступления, в частности по пресечению преступной деятельности чеченцев в гор. Москве. [...] В ходе реализации имеющихся материалов в служебном помещении коммерческого банка «Сольди» при вымогательстве 1,5 млрд. рублей и 30 000 долларов США были задержаны члены «чеченской» ОПГ Новиков В. Д., Бакаев Л. М., а также Азизбемян К. Н. — руководитель охранного предприятия «Кобра-9», начальник группы генерального штаба Российской армии, полковник Голубовский Г. У., оперуполномоченный ОБПСЭ ГУВД Мосгорисполкома, старший лейтенант милиции Угланов В. В.

Из числа лиц, осуществлявших прикрытие вымогателей на входе в банк, были задержаны члены ОПГ Ханшев Б. Б. и Айтупаев С. А., а также сотрудники МВД РФ старший оперуполномоченный ОЭП ГУВД гор. Москвы, майор милиции Дмитриев Г. Ф., инспектор отдела ГАИ,

майор милиции Павлов В. И. (оба вооружены пистолетами ПМ) и прапорщик милиции Колесников И. А.

Во время допроса установлено, что существенную помощь в решении вопросов криминального порядка для данной ОПГ оказывал консультант Академии ГШ ВС РФ генерал-майор Тарасенко Ю. И., которому Новиков В. Д. ежемесячно выплачивал по 5-10 тыс. долларов США. Будучи допрошенным по делу, Тарасенко признал факты получения денежных вознаграждений от Новикова В. Д. и Азизбеяна К. Н., а также то, что он направлял на помощь «чеченской» ОПГ военнослужащих генштаба и сотрудников милиции.

1 декабря 1995 года следственным отделом 3-го РУВД ЦАО гор. Москвы было возбуждено уголовное дело № 055277 по ч. 5 ст. 148 УК РФ.

В ходе первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий было установлено, что помимо вымогательства члены названной ОПГ совершали убийства в г. Москве и в Чечне, хранили оружие и боеприпасы на нелегальном складе в Подмосковье и переправляли оружие и боеприпасы с военных складов г. Электрогорска в районы боевых действий в Чечне.

Поскольку я был одним из руководителей операции, то мне отводилась немаловажная роль в раскрытии преступной деятельности «чеченской» ОПГ. Однако уже в начале декабря 1995 года меня отстранили от дела в связи с инспирированным служебным разбирательством и изъяли табельное оружие. Причины и основания проведения служебного разбирательства мне неизвестны до настоящего времени.

По окончании «служебного разбирательства» был издан приказ от 8 февраля 1996 года № 034 о моем наказании якобы за срыв операции, хотя в материалах уголовного дела № 055277, в письмах РУОП ГУВД гор. Москвы, 3-го РУВД ЦАО гор. Москвы, Тверской межрайонной прокуратуры гор. Москвы утверждается обратное.

Члены комиссий, ссылаясь на указания «сверху», сфабриковали заключение, расценив задержание опасных преступников как превышение мною должностных полномочий. Это обстоятельство послужило поводом для отстранения меня от работы по разоблачению деятельности преступных группирований.

По имеющимся оперативным данным, члены упомянутой преступной группировки для блокирования работы по делу выделили 100 000 долларов США, заявляя, что у них хватит средств, чтобы «купить и ФСБ, и МВД, и Министерство обороны».

Несколько слов о том, чем закончилось противостояние Трепашкина на момент выхода первого издания книги в 2002 году. После своего письма Ельцину Трепашкин был уволен. Зданович оклеветал его в СМИ, обвинив в совершении уголовного преступления. Уволенный Трепашкин подал на руководство ФСБ в суд. Во время судебных слушаний, длившихся более года, руководством ФСБ было подготовлено и совершено два покушения на Трепашкина. Однако он умудрился выжить и даже выиграл суд, где одним из ответчиков был Патрушев. Правда, решение суда, вступившее в законную силу, новый директор ФСБ (тогда им стал Путин) исполнять отказался, лишний раз продемонстрировав невозможность реформирования ФСБ или борьбы с нею, опираясь на существующее законодательство. В 2003 году, после того, как бывший офицер ФСБ стал адвокатом сестер Татьяны и Алены Морозовых (чья мать погибла в Москве при взрыве дома в сентябре 1999 года) и вызвался представлять интересы их семьи в деле о расследовании терактов российскими правоохранительными органами, Трепашкина все-таки арестовали.

В идее роспуска ФСБ нет ничего неожиданного. Уже в декабре 1999 года, возможно под влиянием сентябрьских взрывов в России, в прессе появилась информация о планируемом расформировании ФСБ. Одна из московских газет писала:

«По данным осведомленных источников, в ближайшие дни возможно создание новой силовой структуры, построенной по примеру ФБР США. Возглавить новую структуру должен, предположительно, руководитель в ранге первого вице-преьера. По нашим сведениям, планируется, что это будет нынешний министр внутренних дел Владимир Рушайло. [...] Новое ведомство собираются наделить функциями кураторства над всеми силовыми структурами, включая ФАПСИ, МВД, ФСБ, Министерство обороны и так далее. Основной базой для нового департамента послужат структуры МВД. Из ФСБ к нему на первом этапе должны отойти департаменты по борьбе с терроризмом и политическим экстремизмом, экономическая контрразведка. Если же в дальнейшем новое ведомство включит в себя и функции контрразведки, то ФСБ фактически будет ликвидирована».

Однако мирным вливанием ФСБ в МВД ограничиваться нельзя. Верховный суд РФ обязан начать полномасштабное расследование всех

громких террористических актов, прежде всего сентябрьских взрывов, как состоявшихся, так и предотвращенных, в том числе в Рязани, причем следствие должно быть передано из распускаемого ФСБ в специально созданный при МВД орган, а лица, причастные к организации терактов в России, должны понести наказание, предусмотренное законом.

Государственная дума обязана в кратчайшие сроки разработать и утвердить закон, воспрещающий бывшим и нынешним сотрудникам органов государственной безопасности занимать в ближайшие 25 лет выборные или государственные посты и предписывающий всем бывшим и нынешним сотрудникам органов государственной безопасности уйти в отставку в согласованные со специально созданной для этого комиссией сроки. Вышеупомянутый указ Государственной думы должен быть распространен и на нынешнего президента России — бывшего руководителя ФСБ Путина Владимира Владимировича.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ФСБ У ВЛАСТИ

Федеральная служба безопасности провела в президенты своего кандидата. Выступая 20 декабря 1999 года, в годовщину создания Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), перед своими коллегами, Путин начал речь фразой о том, что задание ФСБ выполнил — стал премьер-министром России.

Восстановление мемориальной доски Андропову на здании Большой Лубянки, где располагается ФСБ, тост с лидером российских коммунистов Зюгановым за здоровье Сталина, взрывы жилых домов и новая война в Чечне, принятие закона, разрешающего возбуждать расследования по анонимкам, привод во власть генералов ФСБ и военных, наконец, тотальное разрушение основ конституционного общества, построенного пусть на хлипких, но все же демократических ценностях и рыночной экономике, удушение свободы слова — вот лишь некоторые достижения премьер-министра и президента Путина за первые месяцы его правления.

К этому следует добавить милитаризацию экономики России, начало новой гонки вооружений, увеличение контрабанды и продаж Россией оружия и военных технологий правительствам, враждебно настроенным к развитым странам мира, контрабанду наркотиков из центральной и юго-восточной Азии под руководством и прикрытием ФСБ в Россию и далее на Запад.

Историкам еще предстоит ответить на вопрос, кем столь блистательно была проведена многоходовая операция по приводу Путина к власти и кто подложил его кандидатуру ближайшему окружению первого президента, которое, в свою очередь, представило бывшего руководителя ФСБ Ельцину в качестве преемника. Удивительнее другое: два предшествующих Путину кандидата на роль преемника — Степашин и Примаков — тоже были из силовых ведомств. С поразительным упрямством Ельцин пытался посадить в свое кресло человека из органов государственной безопасности.

На выборах 2000 года перед российским избирателем был восхитительный список претендентов: старый чекист Примаков, самоуверенно заявлявший, что в случае прихода к власти посадит 90 тысяч бизнесменов, т. е. всю деловую элиту России, молодой чекист Путин, до прихода к власти подчеркивавший необходимость продолжения политики Ельцина, и коммунист Зюганов, чьи будущие действия были легко предсказуемы.

Чтобы посадить 90 тысяч бизнесменов, президент Примаков должен был бы арестовывать по 60 человек в день, без выходных и праздников, в течение четырехлетнего срока президентского правления. Молодой чекист Путин обещал быть не столь кровожадным. Может быть, предвыборная пьеса кем-то разыгрывалась по сценарию плохого и хорошего следователя? Плохой следователь Примаков добровольно снял кандидатуру после разгрома на думских выборах. Остались молодой чекист и старый коммунист. Все свелось к черно-белому варианту 1996 года, и победил Путин. В чем-то он не обманул доверия. До 60 человек в день Путин, кажется, не доводит, если не считать вихрей террора, антитеррора и чеченской войны. Но титул тирана Путин, безусловно, заслуживает, поскольку зачатки самоуправления в России он старательно разрушил первыми же своими указами и сейчас его власть опирается на очевидный произвол, в народе называемый беспределом. Именно так определяет слово «тиран» Советский энциклопедический словарь 1989 года: «правитель, власть которого основана на произволе и насилии».

Однако Россия — страна непредсказуемая. Это единственное, что про нее известно достоверно. Может оказаться, что именно в этом заключается сила помощнее сжатого кулака спецслужб.

ЭПИЛОГ

Организация признается террористической, если хотя бы одно из ее структурных подразделений осуществляет террористическую деятельность с ведома хотя бы одного из руководящих органов данной организации. [...]

Организация признается террористической и подлежит ликвидации на основании решения суда.

При ликвидации организации, признанной террористической, принадлежащее ей имущество конфискуется и обращается в доход государства.

Федеральный закон Российской Федерации
о борьбе с терроризмом

Принят Государственной думой 3 июля 1998 г. Одобрен
Советом Федерации 9 июля 1998 г. Подписан президентом
Б. Н. Ельциным 25 июля 1998 г.

... сентября ... года в 00 часов Указом президента Российской Федерации была распущена Федеральная служба безопасности России. Этот поистине исторический документ стал началом новой эпохи развития

демократических институтов страны. Мы хотели бы познакомить читателей с этим Указом в связи с его очевидной важностью:

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«О роспуске органов государственной безопасности — Федеральной службы безопасности, Службы внешней разведки, Федеральной службы охраны, Федерального агентства правительственной связи и информации»

1. Деятельность органов государственной безопасности СССР и России с декабря 1917 года по настоящее время признать противоречащей законам Российской Федерации, провозглашенной Конституцией РФ, и интересам народа.

2. Органы государственной безопасности — Федеральную службу безопасности, Службу внешней разведки, Федеральную службу охраны, Федеральное агентство правительственной связи и информации — распустить.

3. Документы, регламентирующие их деятельность, признать утратившими силу со дня публикации Указа.

4. В течение 30 дней со дня публикации Указа создать Общественную комиссию по расследованию преступлений, совершенных органами государственной безопасности против собственных граждан как на территории России, так и за ее пределами. В состав данной комиссии включить видных общественных деятелей, правозащитников, юристов, депутатов Государственной думы, представителей СМИ. Председатель Общественной комиссии назначается президентом РФ и подотчетен ему лично.

5. Объявить открытыми без каких-либо ограничений архивы органов государственной безопасности. Поручить Общественной комиссии по расследованию преступлений, совершенных органами государственной безопасности против собственных граждан, разработать и реализовать проект публикации документов, представляющих особый интерес для общественности.

6. Передать российским и иностранным гражданам, в отношении которых органами государственной безопасности проводились оперативные мероприятия, или их родственникам, в случае смерти объектов оперативных мероприятий, материалы оперативных мероприятий.

7. В случае, если граждане, являвшиеся объектом оперативных мероприятий со стороны органов государственной безопасности, сочтут, что органами государственной безопасности были нарушены их гражданские права, в результате чего граждане понесли моральный или материальный ущерб, в соответствии с действующим законодательством они будут иметь право обратиться в судебные органы России или страны проживания с требованием возбуждения судебных исков в отношении конкретных сотрудников органов государственной безопасности.

8. Органам Министерства внутренних дел с 00 часов 2 сентября 2002 года взять под охрану все служебные помещения органов государственной безопасности и охранять их до особого распоряжения.

9. Министру внутренних дел назначить коменданта (представителя МВД), отвечающего за охрану служебных помещений органов государственной безопасности на всей территории России. Сотрудникам МВД жестко пресекать любые акции неповиновения со стороны сотрудников органов государственной безопасности.

10. Общественной комиссии по расследованию преступлений, совершенных органами государственной безопасности против собственных граждан, совместно с МВД РФ в 90-дневный срок со дня публикации Указа разработать проект о передаче ряда функций упраздняемых органов государственной безопасности в ведение МВД.

11. Администрации президента подготовить проект закона, запрещающего как действующим, так и бывшим сотрудникам органов государственной безопасности и их агентам занимать в последующие 25 лет государственные должности, и в десяти-

дневный срок со дня публикации Указа направить проект закона на рассмотрение в Государственную думу. Обратить особое внимание на тех сотрудников органов государственной безопасности, чья деятельность имела отношение к так называемой борьбе с инакомыслием.

12. Сотрудникам органов государственной безопасности, как действующим, так и уволенным, в месячный срок представить в территориальные налоговые органы РФ декларации об имеющейся личной и близких родственников (включая родителей, братьев и сестер, близких родственников жен и мужей, как нынешних, так и бывших) собственности: недвижимости, транспортных средствах, счетах в российских и зарубежных банках, акциях и ценных бумагах российских и зарубежных предприятий и организаций, с подробным указанием источников дохода, на которые это имущество было приобретено; времени и места покупки, а также продавца данного имущества. Налоговым органам РФ в течение 2002 года произвести соответствующую проверку деклараций и решать вопрос в установленном порядке согласно российскому налоговому законодательству.

Всем гражданским лицам и организациям с момента подписания и публикации Указа и до окончания налоговой проверки запрещается проводить какие-либо сделки по купле, продаже, дарению или отчуждению, залогу недвижимости, транспортных средств, акций и ценных бумаг, переводу денег со счетов, принадлежащих действующим или уволенным сотрудникам органов госбезопасности или их родственникам. Все сделки, произведенные в указанный период с участием действующих или уволенных сотрудников органов госбезопасности или их родственников, будут признаны недействительными.

13. Военнослужащим органов государственной безопасности до их увольнения в запас Вооруженных сил РФ:

а) находиться в местах проживания;

б) в течение семи суток со дня публикации указа встать на временный учет в местных управлениях внутренних дел по месту регистрации, для чего в МВД РФ назначить уполномоченных из числа офицерского состава;

в) в течение суток со дня публикации Указа сдать личное та-

бельное оружие, служебные удостоверения, документы прикрытия, ключи и печати уполномоченному в УВД с подробным описанием своих рабочих мест и функциональных обязанностей, названием управлений, отделов и должностей;

г) до увольнения в запас военнослужащим органов государственной безопасности отмечаться лично у уполномоченных УВД по месту регистрации: генералам и адмиралам — один раз в три дня; старшим и младшим офицерам — один раз в пять дней; прапорщикам, старшинам, сержантам и рядовым — один раз в семь дней; для чего уполномоченным в УВД завести специальные учеты;

д) за нарушение данного распоряжения начальникам УВД взыскивать с провинившихся вплоть до ареста на гарнизонной гауптвахте. Неявку на регистрацию рассматривать как невыход на службу;

е) выплату денежных пособий обеспечивать через финансовые органы указанных УВД по нормам довольствия, положенным для военнослужащих, находящихся за штатом, до решения об увольнении.

14. Сотрудникам органов государственной безопасности в течение семи суток со дня публикации Указа составить подробное объяснение о своей работе в органах государственной безопасности со дня зачисления и до дня Указа о запрещении органов.

а) Особо указать участие в оперативных мероприятиях и их наименование, в отношении кого проводились, по чьему распоряжению, а также что известно о проведении мероприятий другими сотрудниками и органами.

б) Указать полные установочные данные агентов (резидентов), доверенных лиц, держателей явочных квартир; адреса конспиративных квартир; имена и адреса людей, находящихся на связи; места хранения их личных и рабочих дел; названия дел оперучета; установочные данные объектов данных дел; места хранения дел.

в) Руководящим работникам органов государственной безопасности указать полные наименования подразделений, установочные данные и места проживания подчиненных.

г) Указанные объяснения должны быть переданы уполномоченным в отделениях внутренних дел, зарегистрированы в жур-

нале учета заявлений от граждан и направлены лично председателю Общественной комиссии.

д) К лицам из числа сотрудников органов государственной безопасности, допустившим самовольное уничтожение оперативных дел, применять меры уголовно-процессуального характера.

15. Лица, ранее служившие в органах государственной безопасности СССР и России, продолжающие в настоящее время службу в государственных учреждениях РФ, должны быть в пятидневный срок выведены за штат и до вступления в силу закона о запрете действующим и бывшим сотрудникам органов государственной безопасности СССР и России занимать государственные должности находиться в распоряжении этих ведомств.

16. Настоящий Указ распространяется на всех действующих или уволенных сотрудников органов государственной безопасности, а также на всех лиц, когда-либо служивших или состоящих в агентурном аппарате органов государственной безопасности СССР и России.

17. Настоящий указ рассматривать каждым военнослужащим органов государственной безопасности как письменный приказ Верховного главнокомандующего. За неисполнение приказа виновные будут нести уголовную ответственность.

18. Указ вступает в силу со дня его подписания и опубликования в СМИ.

Президент Российской Федерации Верховный главнокомандующий

* * *

Предвосхищать будущее — занятие рискованное. Предвосхищать политическое развитие России — тем более. Мы, однако, беремся утверждать, что ошибаемся лишь в дате президентского указа. В том, что данный указ — дело ближайшего времени, мы убеждены абсолютно. Иначе бессмысленным было бы написание нашей книги.

ПРИЛОЖЕНИЯ

*Документы и материалы, собранные авторами
после выхода в свет первого издания книги
«ФСБ взрывает Россию»*

Приложение 1

СТЕНОГРАММА

*заседания Совета Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации*

13 сентября 1999 года

Председательствует: СЕЛЕЗНЕВ Г.Н.

СЕЛЕЗНЕВ Г.Н. Здравствуйте, уважаемые коллеги!

Наша пресс-служба просит, чтобы на протокольную съемку мы могли на две минуты запустить камеры. Нет возражений? Пожалуйста, Виктор Иванович, тогда пусть зайдут.

(Идет протокольная съемка)

Уважаемые коллеги! Сегодня в России день траура. Давайте мы тоже начнем наше заседание с того, что почтим память всех погибших в Дагестане и Москве.

(Минута молчания)

Пожалуйста, садитесь.

Как видите, повестка Совета первого нашего в этой сессии огромна. Но я думаю, нам сейчас надо будет обменяться мнениями по поводу завтрашнего и послезавтрашнего дней. Придется, видимо, в тот предложенный заранее регламент внести определенные коррективы. Поэтому вы видите, что первый день — он в основном предусматривает рассмотрение программы законотворчества на эту сессию завтра.

Но я думаю, сейчас мы обменяемся мнениями, какие внести коррективы, как вообще построить завтрашнее заседание Государственной Думы. Нужно будет, конечно же, заслушать вопрос о ситуации в связи с событиями в Дагестане и терактами в Москве. Надо нам будет определиться со временем. Председатель Правительства появится только завтра в два часа. Он вылетел, но сутки дорога оттуда и восемь часов разница. Я разговаривал с его секретариатом, они сказали, что завтра в два его встречают.

Поэтому сейчас давайте обменяемся мнениями. [...]

СЕЛЕЗНЕВ Г.Н. Вот сообщение еще передают. По сообщению из Ростова-на-Дону, сегодня ночью был взорван жилой дом в городе Волгодонске.

ЖИРИНОВСКИЙ В.В. А в Волгодонске атомная станция.

ИВАНЕНКО С.В. Конечно, откладывать совершенно невозможно, проявлять такую трусость в этой ситуации, а ничем иным это я не назову. Просто неприлично для страны, которая воюет, и для органов власти, которые должны отвечать соответственно моменту.

По поводу ответственности я хочу сказать господину Жириновскому, что надо было голосовать за импичмент и не морочить голову. За импичмент по Чечне.

(Шум в зале)

Что касается завтрашнего заседания, то я полагаю, что необходимо запланировать с 10 до 14 часов вопрос о ситуации на Северном Кавказе и о террористических акциях в Российской Федерации. По этому вопросу, мне кажется, можно заслушать информацию Министра обороны, Министра внутренних дел, Директора ФСБ и обменяться мнениями. Выступят руководители фракций. Не предопределяя, какие документы мы будем принимать. Потому что сейчас пока еще говорить о том, что мы способны сделать что-то содержательное, пока рано. Если удастся сделать нам постановление хорошее, значит, хорошо, значит, примем завтра. Не удастся — значит, не удастся.

СЕЛЕЗНЕВ Г.Н. Я хочу еще послушать председателей комитетов по обороне и по безопасности. Роман Семенович, пожалуйста.

ПОПКОВИЧ Р.С. Уважаемые коллеги, первое, что я хочу сказать, я убедительно прошу всех лидеров фракций и всех остальных, когда мы будем обсуждать ситуацию в Дагестане и так далее, очень взвешенно подойти к тому, что вы будете говорить. Там, в Дагестане, военные и все остальные именно боятся, что мы в своих дебатах уйдем от основного вопроса, что нам там надо делать, как закончить все это дело, и перейдем опять к выяснению взаимоотношений друг с другом. [...]

Приложение 2

СТЕНОГРАММА ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РФ

17 сентября 1999 года

Утреннее заседание

Председательствует Председатель Государственной Думы

Г.Н.Селезнев

Председательствующий. Уважаемые депутаты, доброе утро! Пожалуйста, пройдите в зал.

Уважаемые коллеги, пожалуйста, присаживайтесь. Включите режим регистрации депутатов. Кто без карточки, пожалуйста, зарегистрируйтесь в секретариате.

Покажите результаты.

Результаты регистрации (10 час. 02 мин. 17 сек.):

Присутствует 352 чел. 78,2%

Отсутствует 98 чел. 21,8%

Всего депутатов 450 чел.

Кворум есть

Кворум имеется. Уважаемые коллеги, позвольте от вашего имени поздравить с днем рождения Медикова Виктора Яковлевича и Степанкова Валентина Георгиевича. (Аплодисменты.)

Уважаемые депутаты, у вас на руках есть порядок сегодняшней работы. Предлагаю проголосовать его за основу. Кто без карточки и желал бы проголосовать? Покажите результаты.

Результаты голосования (10 час. 03 мин. 10 сек.)

Проголосовало за 274 чел. 60,9%

Проголосовало против 0 чел. 0,0%

Воздержалось 0 чел. 0,0%

Голосовало 274 чел.

Не голосовало 176 чел.

Результат: принято

За основу принимается.

В связи с сегодняшней повесткой дня, с «правительственным часом», слово — Борису Юрьевичу Кузнецову. Пожалуйста.

Кузнецов Б.Ю., Первый заместитель Председателя Государственной Думы. Уважаемые депутаты, в разделе «Правительственный час» нашей сегодняшней повестки дня первым значится вопрос о деятельности МИДа и Министерства обороны, ну, для краткости скажу, по Приднестровью. Это внесла депутат Жанна Михайловна Лозинская, и палатой этот вопрос был проголосован.

Министерство иностранных дел, министр Иванов лично и в письменном виде (это письмо у вас есть, оно роздано сегодня), и вчера в устном разговоре со мной просил о переносе этого вопроса на более поздний срок. Они сейчас интенсивно ведут переговоры с Приднестровской Республикой, Смирнов должен приехать и встретиться с Председателем Правительства. Очень убедительно просят о переносе и готовы рассматривать этот вопрос 1 октября. Наши возможности совпадают с их предложением, и мы можем перенести этот вопрос на 1 октября. Если же мы будем все-таки сегодня рассматривать, то надо иметь в виду, что министр Иванов находится в командировке и к нам для участия в работе готов прийти Средин Василий Дмитриевич, статс-секретарь, заместитель министра. Палата сейчас должна решить: или перенести этот вопрос нашего «правительственного часа» на 1 октября, или все-таки его сегодня осуществить в закрытом режиме, но отсутствие министра иностранных дел зафиксировано в документах. Спасибо.

Председательствующий. Ну, мне кажется, что пришло письмо и от Министерства обороны. Там тоже предлагается: на уровне начальников управлений.

Уважаемые коллеги, я не вижу, к сожалению, Жанну Михайловну Лозинскую, автора этого документа. Пожалуйста, давайте от фракций обменяемся мнениями, как нам с этим сегодняшним вопросом поступить.

Владимир Вольфович, пожалуйста.

Жириновский В.В., руководитель фракции Либерально-демократической партии России. Я думаю, отсутствие инициатора вопроса лучше всего говорит о том, что вопрос лишний, ненужный. Оставьте в покое сегодня наших министров. Видите, что происходит в стране?! Помните, Геннадий Николаевич, вы нам в понедельник сказали, что дом в Волгодонске взорван, за три дня до взрыва.

Это же можно как провокацию расценивать: если Государственная Дума знает, что дом уже взорван якобы в понедельник, а его взрывают в четверг. И в это время мы с вами занимаемся совсем другими делами. Давайте этим займемся лучше. Как это произошло: вам докладывают, что в 11 утра в понедельник взорван дом, а администрация Ростовской области не знала о том, что вам об этом доложили? Все спят, через три дня взрывают, тогда начинают принимать меры.

Вчера вы очень хорошо говорили о смене руководства «Транснефти», а в это время, сейчас, рабочие в Красноярске отбиваются от такого же ОМОНа, когда Лебедь пытается захватить предприятие, уже давно приватизированное. Давайте без двойных стандартов! Если вас интересует «Транснефть»...

(Микрофон отключен.)

Председательствующий. Владимир Вольфович, нас с вами все должно интересовать. Там, где царит беззаконие, мы должны вмешиваться. (Выкрики из зала.) Да, хорошо, я понял позицию вашей фракции.

Сергей Николаевич Решульский, пожалуйста.

Решульский С.Н., фракция Коммунистической партии Российской Федерации. Конечно, необходимо, чтобы здесь присутствовал министр, и надо получить наиболее достоверную информацию о той работе, которая ведется. Я полагаю, что фракция не возражает против переноса на 1-е число.

Председательствующий. На 1 октября. Фракция «НДР» тоже согласна.

Голов, пожалуйста.

Голов А.Г., фракция «ЯБЛОКО». Фракция «ЯБЛОКО» предлагает пригласить 1 октября на «правительственный час» Валентину Ивановну Матвиенко.

Председательствующий. Анатолий Григорьевич, мы сейчас не об этом. Мы говорим о том, чтобы сегодняшний «правительственный час» по Приднестровью перенести на 1 октября для участия министра иностранных дел. Не возражаете? Хорошо.

Николай Иванович Рыжков, ваше мнение.

Рыжков Н.И., руководитель депутатской группы «Народовластие». Мы считаем, что этот вопрос должен рассматриваться в присутствии министра.

Это важнейший вопрос. Но оттого, что мы перенесем, ничего страшного не случится, поэтому мы не возражаем перенести на 1-е число.

Председательствующий. Вот Жанна Михайловна подошла, она согласна.

Давайте все-таки мы проголосуем. Да, Геннадий Иванович Райков тоже считает, что это возможно.

Ставлю на голосование: перенести данный вопрос на 1 октября.

Кто без карточки?

Покажите результаты.

Результаты голосования (10 час. 08 мин. 13 сек.)

Проголосовало за 216 чел. 48,0%

Проголосовало против 4 чел. 0,9%

Воздержалось 1 чел. 0,2%

Голосовало 221 чел.

Не голосовало 229 чел.

Результат: не принято

Пожалуйста, Лозинской включите микрофон.

Лозинская Ж.М., депутатская группа «Народовластие». Я прошу прощения, что получилась накладка.

Уважаемые коллеги, я прошу вас, давайте проявим организованность и проголосуем. Есть прямая целесообразность. Конечно, нам резоннее по очень важному вопросу поговорить с первыми лицами. И неделя-две совершенно ничего не решат, у нас нет никакого в этом плане пожара.

Я прошу, давайте организованно проголосуем о переносе на 1 октября.

Председательствующий. Коллеги, я предлагаю вернуться к голосованию по данному вопросу и вопрос этот решить. Голосуем вопрос о возвращении к голосованию.

Кто без карточки?

Покажите результаты.

Результаты голосования (10 час. 09 мин. 16 сек.)

Проголосовало за 288 чел. 100,0%

Проголосовало против 0 чел. 0,0%

Воздержалось 0 чел. 0,0%

Голосовало 288 чел.

Не голосовало 0 чел.

Результат: принято

Вернулись к голосованию.

Ставлю на голосование: перенести рассмотрение данного вопроса на пятницу, 1 октября. Пожалуйста, голосуйте. Коллеги, идет голосование.

Кто без карточки?

Покажите результаты.

Результаты голосования (10 час. 09 мин. 48 сек.)

Проголосовало за 321 чел. 71,3%

Проголосовало против 0 чел. 0,0%

Воздержалось 0 чел. 0,0%

Голосовало 321 чел.

Не голосовало 129 чел.

Результат: принято

Принимается.

Включите, пожалуйста, режим записи депутатов для внесения предложений по повестке дня. (Шум в зале.) Там и Анатолий Григорьевич выступит.

Пожалуйста, покажите список. Депутат Астраханкина, пожалуйста. (Выкрики из зала.) Потом вы — от фракции. Я дам слово от фракции, да. Татьяна Александровна, пожалуйста.

Из зала. (Не слышно.)

Председательствующий. Снимаете.

Владимир Вольфович — от фракции, пожалуйста.

Жириновский В.В. Геннадий Николаевич, мне кажется, все-таки наши комитеты, депутаты должны сами без напоминания реагировать на ситуацию.

Вот в Волгодонске произошло — где шесть депутатов фракции КПРФ?! Они должны выехать туда и помогать, раз там спят местные органы и ждут. Мы в Москве уже за три дня знали о взрыве, а они проснулись, только когда прогремело.

Приложение 3

ЗАЯВЛЕНИЕ АСЛАНА МАСХАДОВА

ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА ИЧКЕРИЯ

ПРЕЗИДЕНТ

[Перевод с английского]

№ 10-718

11 февраля 2002 г.

Пошел третий год жестокой оккупации Чеченской Республики Россией. В то время, как весь цивилизованный мир сражается с угрозой международного терроризма, государственный террор, проводимый Кремлем на Кавказе, практически игнорируется этим же сообществом государств, торжественно обещающих защищать демократию и права человека от угрозы агрессии со стороны экстремистов.

Молчание вокруг Чечни — это цена, заплаченная за создание коалиции: сближение Запада с Москвой, жизненно важное для проведения союзнических операций в Центральной Азии, зиждется на дипломатии целесообразности и забывчивости, и поэтому страдания, голод, ужас, страх, жестокость и смерть, ставшие ежедневными спутниками чеченского народа, могут быть забыты до тех пор, пока российский

президент Владимир Путин одобряет войну с терроризмом.

Россия называет серию взрывов, потрясших ее города в сентябре 1999 г., в качестве *casus belli* ее вторжения в Чечню, и сейчас это вторжение широко рекламируется как еще одно сражение в рамках всеобщей борьбы с терроризмом радикального крыла ислама.

В этих взрывах обвинили чеченцев, и вскоре после этого танки и истребители Москвы обрушили свой огонь на мою нацию. Тем временем Путин выиграл свою президентскую гонку на волне бредовых рассуждений националистов, которые с помощью инъекции милитаристского авантюризма заставили на время забыть о хронических социально-экономических проблемах страны.

Однако ответственность чеченцев за упомянутые выше взрывы никогда не была доказана, не было проведено заслуживающее доверия расследование, подозреваемым не было предъявлено неопровержимое обвинение. Более того, несколько позднее была обнаружена группа агентов Федеральной службы безопасности России в момент закладки ими взрывчатых веществ и детонаторов в подвал жилого дома в г. Рязани, расположенном к юго-востоку от Москвы. Официальное объяснение этого случая заключалось в том, что эти агенты занимались проверкой готовности в рамках учений по борьбе с терроризмом. Это объяснение выглядело сомнительным тогда, таким же оно остается и сейчас.

Некоторые сознательные члены российского парламента попытались заняться более глубоким расследованием этого события, будучи особенно озабоченными возможным участием секретных служб, однако в марте 2000 г. Дума сняла свой запрос. По мере эскалации военных действий в Чечне высшие чины российского правительства начали, после своей отставки, сообщать о том, что российское вторжение в Чечню планировалось за много месяцев до начала взрывов. Атака на российские города в 1999 г. остается загадкой, однако несостоятельность приведенных здесь доводов Кремля в пользу проводимой им войны не является какой-то тайной гипотезой — это документированный факт, неоднократно опубликованный ведущими западными газетами.

Часто повторяемая ложь, к нашему сожалению, превращается в разменную монету. По крайней мере безответственные преступные обвинения, распространяемые российскими силами безопасности и охотно подхватываемые средствами массовой информации, о том, что легионы чеченских боевиков воевали в Афганистане, оказались ложными.

И несмотря на это Сергей Иванов, российский министр обороны, и глава службы безопасности Николай Патрушев все еще не могут отказать от своих мифических заготовок, в соответствии с которыми именно чеченцы обвиняются в имевших место террористических актах, которые и явились той искрой, которая разожгла в Москве пламя ненависти к чеченскому народу и желание истребить его.

Борис Березовский, влияние которого помогало российским президентам «сесть на трон», попавший недавно в немилость и проживающий в настоящее время в изгнании в Лондоне, обещает доказать обратное. Если у Березовского, бывшего совсем недавно привилегированным членом ближайшего окружения Путина, хватило мужества, чтобы выступить, и если у него действительно есть доказательства кремлевского одурачивания народа в самом начале войны, то Запад обязан в дальнейшем прислушаться к информации, которую он может представить.

Во всяком случае, Чеченская Республика еще раз недвусмысленно доказывает несостоятельность обвинений о ее каком-нибудь моральном или материальном участии во взрывах 1999 г., и просит международные организации, готовые начать открытое (прозрачное), а не партизанское их расследование и выяснение их происхождения, делать это без помех.

Мы также просим уважаемых членов Думы, которые занимались этим делом, возобновить их усилия и попытаться получить доказательства, с помощью которых можно будет с определенностью доказать, что российская агрессия против моего народа не имеет оснований и должна быть прекращена, что необходимо открыть дорогу к мирным переговорам. Мы также призываем Соединенные Штаты, Европейский Союз, ОБСЕ, ООН и Интерпол по доброй воле помочь их усилиям путем направления для участия в этих действиях независимых наблюдателей и следователей. Мы также просим, чтобы обнаруженные в результате такого расследования факты и материалы были представлены в международный суд для принятия окончательного решения и чтобы все фигуранты, участие которых в этом преступном сговоре будет доказано, предстали перед международным судом.

Чеченская Республика отнюдь не является преступной диктатурой, средневековым религиозным государством или всеми презираемой террористической организацией, наше правительство было избрано демократически, на законных основаниях чеченским народом без всяких предубеждений или силового давления, выборы проходили под

защитой международного права, в соответствии с принципами ОБСЕ, представители которой осуществляли мониторинг наших знаменательных выборов, которые последовали после нашей войны за свою независимость.

Чечня, которую описывает Путин, это страна, которую мы не можем узнать и никогда не признаем. Ненавистную ложь о том, что террористы намерены все разрушить, мы отвергаем как апостасию фанатизма. Мы такие, какие мы есть, и правда о нашей трагедии должна быть всем известна, а нам должно быть позволено жить в мире и свободе.

Аслан Масхадов

[подпись]

Президент, Чеченская Республика Ичкерия

Приложение 4

ПЕРВЫЙ ОТЧЕТ ЭКСПЕРТА О ФОТОГРАФИЯХ АЧЕМЕЗА ГОЧИЯЕВА

Бюро интерпретации изображений, Калгейт
Отчет Джеффри Джона Оксли
Специализация: судебный аналитик изображений

Сравнение двух лиц, называемых Человек А и Человек В

Введение

Я, Джеффри Джон Оксли, — старший аналитик в Бюро интерпретации изображений, Калгейт. Мне было предложено посмотреть на 8 фотографий, на каждой из которых был изображен человек, названный объектом. Затем меня попросили ответить на 3 вопроса, относящиеся к этим фотографиям.

Анализ фотографий осуществлялся с использованием стереоскопа Абрамса и точного измерительного усилителя Бауш и Лом. Ввиду того, что на некоторых фотографиях отсутствовали подробности, мне уда-

лось осуществить лишь небольшое число фотограмметрических измерительных сравнений. Результаты фотограмметрии приведены в Приложении А.

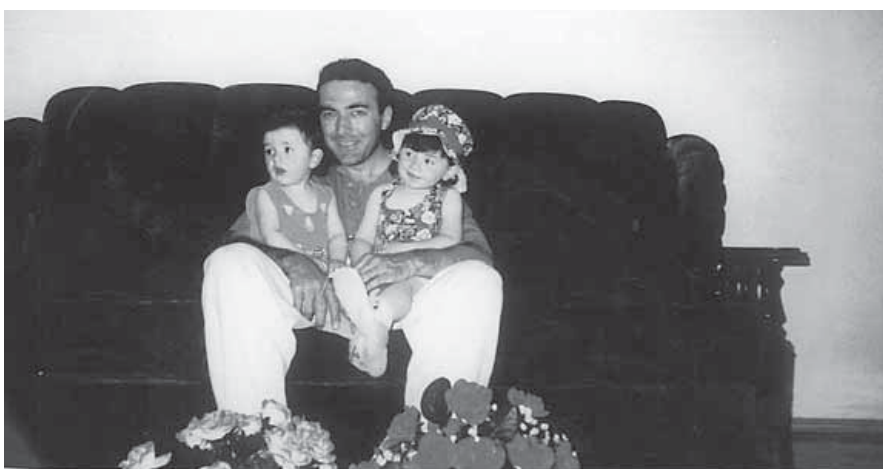
Вопрос 1. На фотографиях с №1-ГО по №6-ГО представлено одно и то же лицо или разные лица?

№1-ГО

№2 ГО

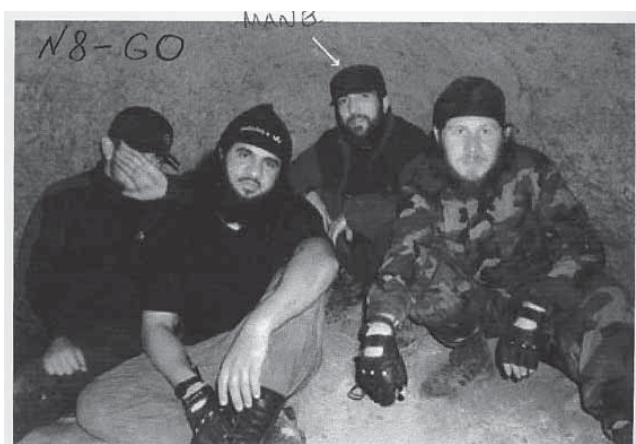

• №3-ГО •

Мои А

ФСБ взрывает Россию

Ответ. На фотографиях представлено одно и то же лицо. Огромное количество сходных черт лица позволяет утверждать, что только однополовые близнецы могут обладать таким сходством. Далее это лицо называется Человеком А.

Вопрос 2. На фотографиях с №7-ГО по №8-ГО представлено одно и то же лицо или разные лица?

Ответ. Эти фотографии не являются оригиналами, и похоже, что они подвергались цифровой обработке. На обеих фотографиях изображено одно и то же лицо. Черты лица, которые можно рассмотреть на фотографиях, совпадают, растительность на лице и одежда идентичны. Далее это лицо называется Человеком В.

Вопрос 3. Можно на основании этих фотографий определить, являются ли Человек А и Человек В одним и тем же лицом или это разные лица?

Ответ. На этот вопрос ответить нельзя. Для надежного сравнения не хватает подробностей черт лица Человека В. Верхняя часть лица Человека В скрыта его шляпой, а нижняя — волосным покровом лица. Имеются определенные сходства, например, в общей форме лица и общей форме носа. Однако такого рода сходство может наблюдаться у значительного числа лиц.

Вопрос 4. Является ли разумным использование для идентификации с положительным результатом только фотографий №7-ГО и №8-ГО?

Ответ. Нет, это было бы как неразумно, так и ненадежно с судебной точки зрения. Здесь имеется недостаточное количество подробностей черт лица, и поэтому можно провести явно недостаточное количество измерений.

Приложение А. Результаты фотограмметрии

Были использованы фотографии №3-ГО и №8-ГО. Они выполнены в различных масштабах. Однако если используется отношение величин (расстояний), то можно избежать необходимости перемасштабирования. В каждом случае было выполнено 10 измерений каждого расстояния, затем, с целью уменьшения ошибок измерения, использовалось среднее значение результатов этих измерений.

ФСБ взрывает Россию

	Человек А	Человек В
Nasion (верх носа)	0 мм = 0%	0 мм = 0%
Pronasale (кончик носа)	6,5 мм = 70,6%	3,8 мм = 69,1%
Stomion (центр рта)	9,2 мм = 100%	5,5 мм = 100%
Уши	7,4 мм = 80,4%	4,0 мм = 72,7%
Глазное расстояние	8,6 мм = 93,4%	5,1 мм = 92,7%

Из этих результатов видно, что в пределах математически допустимого отклонения оба лица являются идентичными в большей части измерений. Исключением является пропорциональный размер ушей. Хотя это обстоятельство и может привести к сомнению в идентичности Человека А и Человека В, тем не менее одного отличия такого масштаба недостаточно для утверждения о том, что это два различных человека.

Приложение 5

ВТОРОЙ ОТЧЕТ ЭКСПЕРТА О ФОТОГРАФИЯХ АЧЕМЕЗА ГОЧИЯЕВА

Калгейт, Бюро интерпретации изображений
Отчет аналитика изображений

представлен

Джефри Джоном Оксли

31 июля 2002 г.

Специализация: Аналитик изображений

По указанию: Александра Литвиненко

Предмет: Сравнение Человека А и Человека В

ВВЕДЕНИЕ

Официальные данные

1. Я, Джефри Джон Оксли, — старший аналитик изображений в Бюро интерпретации изображений, Калгейт. У меня имеется математическое и естественнонаучное университетское образование. Я являюсь действительным членом Ассоциации юристов и юрисконсультов и членом

Королевского авиационного общества. Я являюсь членом-учредителем Общества свидетелей-экспертов, членом Института свидетелей-экспертов и занесен в Справочник свидетелей-экспертов Юридического общества. Я был приглашен Александром Литвиненко.

Формат отчета

2. Данный отчет разделен на две части. Первая часть посвящена работе по выданным мне инструкциям. Вторая часть, в форме Приложения, содержит схемы, на которых показаны наименования опознавательных антропометрических точек на лице, которые могут быть использованы в работе.

Указания

3. Бюро Калгейта было предложено подготовить отчет об анализе изображений, в котором должно быть указано — возможно или невозможно, что Человек А и Человек В являются одним и тем же лицом.

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

Изображение

4. После моего первого отчета по этому вопросу я проанализировал более качественные копии фотографий Человека В. Кроме того, я проанализировал еще одну фотографию (которую я назвал №9-GO). Она более ясно изображает Человека В, который сфотографирован с открытым во время разговора ртом. Помимо этого я получил с веб-сайта в интернете фотографию в фас Человека А. К сожалению, эта последняя фотография выполнена в мелком масштабе, и поэтому многие подробности на ней утрачены. Я запросил копию этой фотографии в оригинальном масштабе; если она окажется удовлетворительной и сможет что-то добавить к уже имеющимся свидетельствам, то я выпущу дополнение к данному отчету.

Методология

5. Моя методология заключалась в использовании как высококачественных оптических инструментов, так и увеличенных изображений на экране ПК с целью внимательного просмотра различных фотографий и выполнения надлежащего анализа.

АНАЛИЗ

Сходства

6. Мой анализ свидетельствует о наличии определенного сходства между Человеком А и Человеком В. Нижние части лица схожи по форме и по пропорциональным размерам. У обоих аналогичным образом утончен нос в месте стыка носовой кости и верхнего бокового хряща. Кончик носа наклонен вперед и немного заострен. Это могло бы привести к заключению, что Человек А и Человек В являются одним и тем же лицом, однако такой вывод был бы неразумным, поскольку указанные совпадения не являются ни уникальными, ни достаточными в качественном и количественном отношении для обеспечения надежной положительной идентификации.

Возможные отличия

7. Представляется, что между Человеком А и Человеком В имеется три отличия. Однако поскольку эти отличия могут иметь приемлемые объяснения, то они являются недостаточными для исключения Человека А. Тем не менее они бросают тень сомнения на утверждение о том, что Человек А и Человек В являются одним и тем же лицом. Эти отличия иллюстрируются ниже и сопровождаются моими комментариями.

Фото человека, похожего на Гочияева, с сайта fsb.ru:

а. Глаза

Глаза Человека В

Глаза Человека А

а.1. По общему очертанию глаза Человека В представляются более широкими, при этом верхние веки менее прикрыты и левый глаз представляется более узким, чем правый.

а.2. По общему очертанию глаза Человека А представляются более узкими, при этом верхние веки несколько более прикрыты и правый глаз представляется более узким, чем левый.

а.3. Эти отличия могут быть вызваны различными условиями освещения и/или степеней расслабленности Человека А и Человека В либо иными причинами. Поэтому я не могу прийти к заключению, что эти отличия являются определяющим доказательством того, что эти два человека не являются одним и тем же лицом.

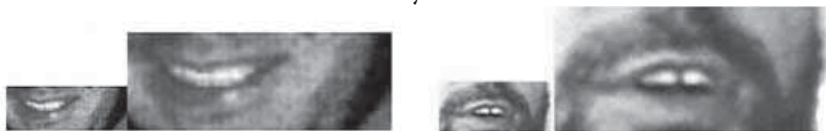
б. Левое ухо Человека А и Левое ухо Человека В

б.1. Оба левых уха неплотно прилегают к голове, и хотя ухо Человека А представляется менее хорошо очерченным, тем не менее имеется ряд сходств в выступе противозавитка ушной раковины. Однако если завиток ушной раковины Человека А представляется завернутым нормально, то у Человека В наблюдается разрыв в районе верхней части ушной раковины. Кроме того, представляется меньшим расстояние между головой и верхней частью ушной раковины. Первое из этих видимых отличий может быть вызвано изменением угла зрения, а последнее может быть преувеличено из-за наличия толстого слоя волос в районе верхней части уха Человека В.

б.2. Поэтому вновь эти очевидные отличия в строении уха сами по себе не являются определяющим доказательством того, что Человек А и Человек В не являются одним и тем же лицом

в. Зубы

Зубы Человека А

Зубы Человека В

в.1. В отличие от Человека А, у Человека В виден явный зазор между передними зубами. Это могло бы представляться основательным отличием, однако поскольку эти фотографии были сделаны в разное время, то я не могу исключить, что причиной появления зазора могло быть последующее повреждение или разрушение зубов.

ВЫВОДЫ

8. Я прихожу к следующему выводу

Свидетельств, полученных с исследованных мною до сих пор фотографий, недостаточно, чтобы доказать, что Человек А и Человек В являются одним и тем же лицом.

Хотя я и не могу исключить возможность того, что оба эти человека являются одним и тем же лицом, тем не менее очевидные различия левых ушей, глаз и зубов бросают тень сомнения на заявление о том, что эти два человека являются одним и тем же лицом.

Джеффри Джон Оксли,
старший судебный аналитик изображений
30 июля 2002 г.

Приложение 6

ОЦЕНКА ЭКСПЕРТОМ ПРОИСШЕСТВИЯ В РЯЗАНИ 22 СЕНТЯБРЯ 1999 Г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. Приведенное ниже является совершенно независимым комментарием, базирующимся на информации, представленной нам 28 февраля 2002 г. Эта информация намеренно предоставлялась поэтапно, чтобы не подменять собой и не оказывать влияния на наше мнение.

2. В некоторой степени эксперт полагается на информацию, полученную им во время интервью и брифингов. Эта информация была использована вполне добросовестно, однако эксперт не может взять на себя ответственность за ее точность. Многие аспекты данной оценки базируются на собственном профессиональном опыте эксперта и его профессиональных знаниях, а также на данных, к которым у него был доступ.

3. Данная оценка содержит в себе как предположение, так и факт. Из имевшейся в наличии информации были сделаны разумные дедуктивные выводы, однако в ряде случаев не представляется возможным сделать более точные выводы, поскольку со времени происшествия прошло 2,5 года и эксперт на месте происшествия не присутствовал.

4. Эксперт является офицером-сапером в отставке, он занимался обезвреживанием неразорвавшихся бомб, находился в рядах армии 23 года и проходил службу в различных странах мира.

ФОТОГРАФИИ

5. Не предоставив никакой исходной информации, эксперта попросили прокомментировать ряд фотографий.

Комментарий

5.1. На фотографии представлена типичная схема IED (самодельного взрывного устройства). IED состоит из ряда основных компонентов:

Заряд (взрывной, зажигательный и т. д.)

Средство инициализации (детонации)

Замыкатель (ключ)

Ключ безопасности (не обязателен)

Источник питания

5.2. На фотографии виден охотничий патрон; представляется, что он был подключен для замены ударного капсюля. Он должен обеспечить детонацию, которая инициирует некую взрывчатую смесь.

5.3. В цепь включен таймер или пейджер (по этой фотографии точнее трудно определить). Он должен обеспечить включение. Оба типа соответствуют *modus operandi* (образу действия) диверсанта, поскольку позволяют осуществить дистанционный взрыв.

5.4. Батарея (PP3 на 9 В или эквивалентная) является источником питания.

5.5. Имеется еще один объект. Он имеет вид небольшого контейнера, в котором, возможно, находятся еще две батареи. Качество фотографии не позволяет идентифицировать что-либо иное. Это может быть либо какое-то устройство обеспечения безопасности, либо большой источник питания, обеспечивающий достаточный импульс на входе инициирующего (детонирующего) патрона.

Заключение: На фотографии представлено IED (самодельное взрывное устройство).

ЗАРЯД

6. Затем эксперту было сообщено, что эта схема была найдена подключенной к 3 большим мешкам (примерно по 50 кг каждый). Эти мешки были уложены один на другой, при этом средний мешок был разорван с целью обеспечения подключения. Первоначальный анализ, проведенный офицером-сапером, показал, что в мешках находился гексоген. Его заключение базировалось на наличии желтоватых гранул и показаниях детектора взрывчатых веществ, использующего метод газовой хроматографии.

Комментарий

6.1. Если это был гексоген, то мог ли иницирующий патрон привести к его детонации? Гексоген (или циклонит, или RDX) обычно имеет вид бесцветных кристаллов (желтоватые гранулы подходят под это описание). Это вещество используется довольно часто, поскольку оно является, вероятно, наиболее важным из веществ с большим бризантным действием; большое значение его бризантной мощности обусловлено высокой плотностью и большой скоростью детонации. Это вещество относительно нечувствительно (по сравнению, скажем, с PETN, который является взрывчатым веществом аналогичной мощности). Оно является также весьма стабильным. Нефлегматизированный циклонит в комбинации с TNT используется в качестве сыпучей смеси длякумулятивных зарядов и бризантных взрывных зарядов. Смеси циклонита с алюминиевым порошком используются также в качестве торпедных зарядов (гексотонал, торпекс и др.).

6.2. Маловероятно, чтобы обычный охотничий патрон мог привести к детонации чистого гексогена. Однако здесь имеются две неизвестные переменные:

Содержание патрона — в него могло быть что-то подмешано.

Точность описания заряда — согласно приведенному описанию, гексоген мог быть смешан с чем-то иным для придания ему большей чувствительности. Однако ответ на этот вопрос требует физического описания и ознакомления с оборудованием.

6.3. Размещение иницирующей схемы в центральном мешке является стандартной практикой, поскольку это с наибольшей вероятностью приводит к детонации всего материала, в то время как при размещении этой схемы сверху нижний мешок может не сдетонировать.

6.4. Насколько мне известно, офицер-сапер использовал детектор паров взрывчатых веществ Sinex MO2 вначале для обнаружения самого вещества. Показанный здесь сигнал является реакцией на RDX (гексоген). Далее это вещество было проанализировано с использованием газовой хроматографии, которая является обычно используемым методом для такого рода операций и обладает исключительно высокой надежностью. И вновь был обнаружен RDX. Хотя обнаружение паров и не является столь же точным методом, тем не менее, при больших объемах взрывчатых веществ, является весьма надежным, и маловероятно, чтобы он привел к ложной тревоге в результате наличия небольшого количества частиц, например, в виде загрязнения окружающей среды или находящихся на руках оператора. Насколько мне известно, офицер-сапер, о котором идет речь, обладал чрезвычайно большим опытом и хорошей квалификацией, позволяющей ему правильно использовать прибор и обеспечить отсутствие загрязнения на нем самом и его коллегах.

7. Затем эксперта попросили прокомментировать возможность перепутать гексоген и сахар.

Комментарий

7.1. Эксперт считает это весьма абсурдным. На самом деле между этими двумя веществами нет ничего похожего, сахар был бы моментально распознан любым опытным оператором и, возможно, большинством простых людей, поскольку представляет собой широко распространенный продукт ежедневного потребления. Сахар не привел бы к положительному отклику ни одного из приборов любого типа.

Заключение

Вероятнее всего, это был гексоген или гексогеновая смесь.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

8. Насколько мне известно, официальное объяснение данного происшествия заключалось в том, что это были учения, направленные на проверку готовности публики и милиции к такого рода угрозе.

Комментарий

8.1 Помимо психологической неприемлемости такого мероприятия, не поддаются логике технические факты. Чтобы изучить реакцию неквалифицированных наблюдателей, нет необходимости создавать такое сложное устройство — несколько проводников, часы и батарея приведут к желаемому эффекту. В частности, конфигурация патрона является совсем ненужной подробностью для проведения учений, равно как и подключение к среднему мешку — лучше было бы к верхнему. Зачем нужны 3 мешка? Достаточно было бы одного.

8.2. Наиболее правдоподобным ответом было бы проведение контрольных учений для офицеров-саперов, однако такой ответ никогда не был упомянут и милиция не была предупреждена.

Заключение

Эта версия не является невозможной, однако весьма маловероятна, а если к этому добавить предыдущее заключение (о том, что это был гексоген), то в нее вообще трудно поверить.

Д-р Джон Уайатт
Крэнбрук, Кент

Приложение 7

ОТЧЕТ ЭКСПЕРТА О ПОДОЗРЕВАЕМОМ САМОДЕЛЬНОМ ВЗРЫВНОМ УСТРОЙСТВЕ

г. Рязань (Россия, сентябрь 1999 г.)

ВСТУПЛЕНИЕ

Фирма «Тауэр Мэнэджмент», 4-6 Saville Row, Лондон, привлекла меня в качестве консультанта для предоставления заключения относительно возможного самодельного взрывного устройства (СВУ) и предложила мне изучить фотографии, видеозапись и обсудить ряд соображений.

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

Самодельное взрывное устройство (СВУ) — это обобщающий термин, который употребляется для обозначения различных нестандартных взрывных устройств, в отличие от стандартных устройств промышленного производства для военных целей или иных законных видов

использования. Такие нестандартные устройства бывают самого различного типа: от простейших устройств ручного метания (например, фугасные бомбы и бомбы из отрезка трубы) до устройств, снабженных сравнительно изощренными электронными системами, в том числе часовыми механизмами замедления, элементами неизвлекаемости, средствами применения вне досягаемости средств поражения противника и устройствами дистанционного управления.

За общим исключением устройств для ручного метания и устройств артиллерийского типа большинство СВУ содержат, как правило, какой-либо вид электрической схемы (цепь поджигания) для обеспечения начала детонации. Такое устройство обычно содержит источник питания (батарею или несколько батарей), один или несколько электрических переключателей, взрывной заряд и средство поджигания — зачастую это детонатор. Переключатели бывают либо простыми (включено/выключено), выполняющими функцию предохранительно-исполнительного механизма, либо переключателями часового механизма замедления, либо эти переключатели предназначены для приведения в действие самой жертвой. Иногда они являются радиоприемниками, а иногда сочетают в себе несколько из перечисленных функций. Компоненты электрической схемы соединены между собой проводником. Независимо от схемы и выбранных функций, в какой-то момент времени все переключатели схемы будут находиться в положении «включено», чем обеспечивается подача тока от источника питания на детонатор, который и приводит в действие взрывной заряд.

Существует огромное разнообразие взрывчатых веществ (ВВ): от простых, на базе одного химического соединения, до сложных смесей с различной степенью чувствительности (от чрезвычайно чувствительных, типа ртутного фульмината, до сравнительно малочувствительных типа гексогена). Многие ВВ представляют собой смеси окислителя и соответствующего топлива, например, нитрата аммония и мазута; в других ВВ окислитель и топливо объединены в одну молекулу, как, например, в ртутном фульминате или гексогене. Выбор зажигательного устройства в значительной степени определяется чувствительностью ВВ.

Некоторые чрезвычайно высокочувствительные ВВ почти не имеют промышленного или коммерческого применения за пределами вооруженных сил.

Наиболее чувствительные ВВ могут быть детонированы с помощью тепла, например, искрой от горящего взрывателя (который также

является дистанционным взрывателем замедленного действия) или, чаще всего в коммерческом исполнении, — с помощью детонатора (небольшого самостоятельного взрывного устройства).

Самодельный детонатор можно изготовить из сравнительно простых и общедоступных материалов. В Северной Ирландии часто встречались именно такие самодельные детонаторы. Среди пригодных для их изготовления материалов можно перечислить следующие: ртутный фульминат, триацетонтрипероксид (в английском сокращении и далее по тексту ТАТР) и гексаметилентрипероксидамин (в английском сокращении и далее по тексту НМТД), формулы, исходные материалы и процедуры изготовления которых свободно доступны в сети Интернет.

При наличии минимальных знаний и элементарной тщательности самодельное взрывное устройство (СВУ) можно без особого труда изготовить из общедоступных материалов.

Я получил информацию о том, что рассматриваемое в данном случае устройство было сопряжено с тремя 50-килограммовыми мешками вещества, которое назвали гексогеном (усовершенствованное В8 или RDX; циклонит, циклотриметалентринстрамин); это прозвучало из уст офицера по обезвреживанию неразорвавшихся боеприпасов и относилось к мешкам, содержащим желтое зернистое вещество, несладкое на вкус. Мне сообщили также, что эти мешки были поставлены в ряд, а компоненты ВУ были вставлены в средний мешок сбоку, через разрезанное отверстие.

Следует подчеркнуть, что из фотографий можно извлечь лишь ограниченный объем сведений и выводов. Даже если имеется возможность установить наличие различных компонентов, то часто невозможно с уверенностью судить о том, как они соединены между собой и соединены ли они вообще. Имея все это в виду, я могу высказать следующие соображения.

1. Изучение фотографий

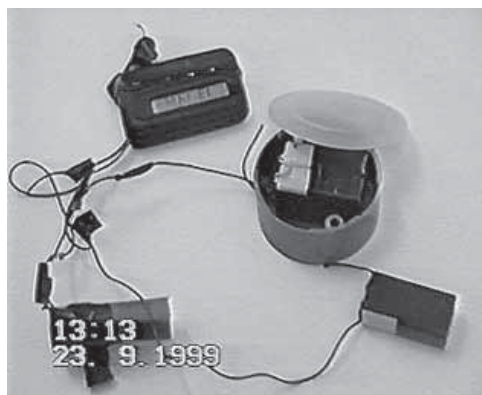
Мне было показано пять фотографий, на которых, как мне было сообщено, изображены элементы самодельного взрывного устройства (СВУ), найденного в г. Рязани, Россия. Меня попросили прокомментировать эти фотографии и, в частности, обсудить потенциальную боеспособность компонентов, которые видны на этом СВУ. На фотографиях, по всей видимости, изображены (а) электронный таймер или пейджер, (б) возможно, три батарейки РРЗ (9 В) (две батарейки поме-

щены в маленький круглый контейнер), (с) гильза ружья 12-го калибра, отрезки электрической проволоки и пластиковой клейкой ленты. Такое впечатление, что эти компоненты были соединены друг с другом с помощью электрического проводника.

(а) Электронный таймер или пейджер. Устройство, изображенное на фотографиях, скорее всего является таймером, который показывает время 13.14. На фотографии указано время 13.13 и дата 23.9.1999. Если этот таймер был компонентом цепи поджигания, то он выполнял функцию переключателя замедления действия и был подключен к электрической схеме через будильник.

(б) Если батарейки были полностью заряжены и подключены в цепь последовательно, то они обеспечивали напряжение в 27 вольт.

(в) Несмотря на то, что провода расположены рядом с гильзой, а около основания гильзы намотана клейкая лента, невозможно установить, была ли гильза модифицирована или провода просто примотаны лентой снаружи гильзы. (i) Если провода примотаны с наружной стороны гильзы, то гильза не могла быть боеспособным элементом цепи зажигания. (ii) Если провода вставлены внутрь гильзы, например, через отверстие в стенке гильзы, и если концы проводов заканчиваются каким-либо поджигателем накаливого типа, тогда можно инициировать артиллерийский заряд и произойдет выброс пламени. В то время как такая система может инициировать взрыв чувствительного ВВ, она не способна вызвать взрыв менее чувствительного ВВ, такого как гексоген. (iii) Чтобы изготовить детонатор, способный вызвать взрыв менее чувствительных ВВ, необходимо было бы опорожнить гильзу, вставить в нее поджигатель накаливого типа и заполнить гильзу высокочувствительным ВВ типа ртутного фульмината, ТАТР или НМТД.

2. Гексоген

В чистой форме гексоген представляет собой белый кристаллический материал, мощное бризантное ВВ. Соответственно, гексоген широко применяется вооруженными силами в качестве подрывных зарядов и в составе боеприпасов. Однако за пределами этих видов использования гексоген имеет весьма ограниченное применение. Для простоты использования его иногда смешивают со связующими материалами и пластификаторами. Такие связующие материалы и пластификаторы могут быть окрашены. Кристаллическое строение и внешний вид гексогена отличаются от сахара кристаллического вида (в зависимости от сорта сахара, с которым сравнивается гексоген); гексоген не сладок на вкус.

3. Ложное или настоящее устройство

Меня попросили ответить на вопрос, мог ли опытный офицер по обезвреживанию неразорвавшихся боеприпасов не отличить ложное устройство от настоящего СВУ. После того, как он обезвредил ВУ, обученный офицер по обезвреживанию неразорвавшихся боеприпасов и бомб должен иметь возможность, квалификацию и компетентность для того, чтобы отличить ложное (обманное) ВУ от настоящего, особенно если у него была возможность более детально ознакомиться с различными компонентами ВУ.

4. Первоначальное обнаружение гексогена

Мне сообщили, что первоначально положительные результаты на гексоген были получены с помощью устройства по обнаружению ВВ. Обнаружение остаточных ВВ с помощью приборов зависит от наличия чрезвычайно малых объемов ВВ. Чем меньше количество остаточного ВВ, тем серьезнее становится потенциальная проблема загрязнения. Это может привести к так называемой «ложной положительной реакции», когда прибор показывает наличие ВВ, а проверяемое вещество или среда не являются источником этого ВВ. Если прибор загрязнен, положительные результаты тестирования могут оказаться недействительными. Однако, если этот же прибор не давал ложноположительных реакций на данное ВВ до или после тестирования, то загрязнение можно исключить.

5. 150 кг возможного гексогена

На основе моего опыта изучения мест взрывов в Северной Ирландии я считаю, что 150 кг правильно размещенного гексогена достаточны для того, чтобы взорвать и разрушить 8-этажное здание.

6. Устройство

Если предположить, что гильза была должным образом модифицирована и заполнена чувствительным ВВ типа фульмината ртути или ТАТР, то полученная в результате зажигания ударная волна привела бы к единовременной и немедленной детонации всего гексогена.

Подозреваемое самодельное взрывное устройство, г. Рязань, Россия, в сентябре 1999 г.

Отчет Г.Т. Марри, OBE (кавалер Ордена Британской Империи), BSc (Бакалавр Наук), PhD (Доктор Наук), C Chem, FRSC (Почетный член Королевского Общества Химиков) 4 марта 2002 г.

По поручению фирмы «Тауэр Менеджмент», 4-6 Савиль Роу, Лондон

Приложение 8

ОТЧЕТ ЭКСПЕРТА О ВЗРЫВНОМ УСТРОЙСТВЕ, ОБНАРУЖЕННОМ В ЖИЛОМ ДОМЕ В РЯЗАНИ

(Россия, сентябрь 1999 г.)

Мне предложили написать отчет, базируясь на серии фотографий, видеозаписи и ряде устных пояснений.

ВВЕДЕНИЕ

Прежде чем приступить к обсуждению работы самодельных взрывных устройств, может оказаться полезным объяснить, каким образом происходит их детонация с помощью «взрывной цепочки». Гексоген является относительно стабильным взрывчатым веществом (ВВ), с ним можно обращаться довольно небрежно, его можно даже уронить — детонации при этом не произойдет. Это объясняется его «нечувствительностью». Это вещество известно как вторичное ВВ. Чтобы инициировать взрыв гексогена, необходим небольшой взрыв, который обеспечивается детонатором, содержащим очень чувствительное ВВ,

способное детонировать при неправильном с ним обращении. Такие ВВ называют первичными. Для взрыва некоторых нечувствительных ВВ необходимо наличие бустерного заряда (усилителя детонатора), расположенного между основным зарядом и детонатором.

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

Мне были показаны фотографии устройства, содержащие детали, которые выглядят как основные компоненты, необходимые для изготовления самодельного взрывного устройства (IED). IED определяется как «устройство, изготовленное самодельным способом, которое содержит разрушающие, смертельные, отравляющие, пиротехнические или зажигательные химические продукты, предназначенные для разрушения, обезображивания, создания паники или беспокойства. Оно может содержать компоненты военной техники, однако обычно в нем используются небоевые компоненты». Обратитесь к Приложению А, где приведена схема базового IED. На приведенных фотографиях я могу идентифицировать следующие основные компоненты:

1. Таймер/пейджер: Этот элемент выглядит как стандартные электронные часы, изготовленные такими компаниями, как Casio, и предназначенные для использования в качестве будильника при путешествиях. Эти часы могут быть применены в качестве ключа-пускателя данного устройства путем использования либо самого часового механизма, либо, что более вероятно, путем установки будильника на определенное время.

2. Элементы питания в виде 3 батарей и соединительных проводников: Соединения представляются рабочими, однако это лишь чистое предположение, поскольку мы не знаем, куда ведут эти проводники и к чему они подключены. Например, должна ли третья батарея находиться внутри пластикового контейнера? Соединены батареи последовательно или параллельно? Если они соединены последовательно, то может быть подано напряжение 27 В, приводящее к соответствующему увеличенному значению тока. Именно ток используется для инициирования детонаторов/инициирующих ВВ. Как подключен к системе патрон от ружья?

3. Патрон от ружья, который может быть использован в качестве детонатора заряда основного ВВ: На фотографии не видно, был ли патрон изменен таким образом, чтобы он мог служить в качестве детонатора/инициатора. Если через хвостовик патрона пропущена проволока (см. схему в Приложении В), которая проходит через порох, то при протекании тока проволока раскаляется и поджигает порох. Остальная часть патрона заполнена очень чувствительным ВВ под названием триацетонтрипероксид (ТАТР), которое было обнаружено в целом ряде террористических устройств. Этого было бы достаточно для детонации основного заряда гексогена.

Неоспоримым является тот факт, что все самодельные взрывные устройства требуют наличия элементов, представленных на этих фотографиях. Однако несмотря на то, что все эти компоненты представляются реальными и работоспособными, невозможно подтвердить работоспособность всего устройства в целом при отсутствии более подробного его описания. Я бы хотел увидеть полную схему соединений и убедиться в том, что система может работать так, как это задумано.

Полезно было бы получить фотографии, сделанные с разных сторон и под разными углами, а также несколько более подробную информацию, поскольку я уверен, что мы могли бы создать работающее устройство с целью проведения испытаний.

Гексоген известен также под наименованием усовершенствованного ВВ (RDX) — в основном он представляет собой ВВ исключительно военного применения, используемое в боеприпасах типа снарядов и бомб. Он является также составной частью большинства видов пластиковых взрывчаток типа РЕ4. В чистом виде гексоген представляет собой белое кристаллическое вещество, однако после смешивания с Тл[№]Т приобретает желто-коричневый цвет. После обсуждения с другими специалистами мы пришли к выводу, что гексоген отдаленно напоминает сахар только на ранних стадиях изготовления. [...]

Имея 30-летний стаж работы с вооружением и ВВ, я лично могу немедленно идентифицировать некоторые ВВ, однако существуют некоторые вещества, которые не очень просто идентифицировать в качестве взрывчатых. Поэтому могут иметь место веские причины, по которым сапер не распознал гексоген в качестве взрывчатого вещества. Если бы он был обученным оперативником, имеющим опыт работы по разоружению самодельных взрывных устройств (IED), то я считаю, что он немедленно распознал бы угрозу, увидев времязадающий меха-

низм. Если процедура безопасного обезвреживания (RSP) осуществлялась так, как это предлагается в видеофильме, то из этого следует, что действия сапера не были максимально безопасными.

Общее количество ВВ, равное 150 кг, более чем достаточно, на мой взгляд, для разрушения здания. Степень разрушения зависела бы от реальной конструкции здания, т. е. от наличия в нем железобетонных плит, кирпичей и т. д. Она зависит также от расположения заряда по отношению к стойчатым опорам, окнам, коридорам, открытым пространствам, вентиляционным системам и т. д. При детонации ВВ внутри здания проявляется эффект воздействия сжатого воздуха внутри замкнутого помещения. Поэтому для достижения наибольшего результата заряд должен быть расположен внутри помещения с максимальной воздухопроницаемостью. Если в этом помещении нет ни окон, ни дверей, вызванное взрывом напорное давление должно было устремиться через наиболее слабое место здания. После обсуждения с Александром мы пришли к выводу, что мешки были расположены, по-видимому, возле одной из стойчатых опор в подвале. Если именно это и имело место, то при срабатывании гексогена именно так, как и предполагалось, здание должно было быть разрушено при первичном взрыве, а его обрушение и пожар должны были довершить дело. Такая картина была отображена графически при нескольких нападениях, таких как на башню Кхобар в Дхахране, посольство в Найроби и здание федеральной службы в Оклахоме.

Как показано на приложенной схеме, мешки с гексогеном были уложены друг на друга. Таймер был единственным видимым элементом схемы питания/установки времени. Патрон от ружья был установлен, по-видимому, внутри гексогена. При уложенных друг на друга мешках с гексогеном место размещения детонатора не играет большой роли: если устройство сработало бы так, как ему положено, то детонировал бы весь гексоген.

В период моей службы в Королевских ВВС (RAF) я был офицером штаба, отвечавшим за проводимые RAF в разных странах мира операции по обезвреживанию неразорвавшихся бомб и снарядов (EOD) и обезвреживанию самодельных взрывных устройств (IEDD). В этом качестве я прошел обучение и стал экспертом НАТО, отвечавшим за проверку специалистов НАТО, занимавшихся обезвреживанием ВВ. В качестве такого проверяющего лица я отвечал за разработку учебных сценариев, максимально приближенных к реальности, и за последующее применение этих сценариев в различных странах мира. Иногда та-

кие сценарии разыгрывались в центре городов типа Стамбула и Афин. Ни в одном из этих случаев никогда не использовались реальные ВВ, а вся программа учений была заранее известна местным жителям, представителям местных властей, военному руководству, а иногда даже представителям местных средств массовой информации.

Алан И. Хэтчер,
4 марта 2002 г.

Приложение 9

ОБЩЕСТВЕННАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ВЗРЫВОВ ДОМОВ В МОСКВЕ И ВОЛГОДОНСКЕ И УЧЕНИЙ В РЯЗАНИ В СЕНТЯБРЕ 1999 ГОДА

ЗАЯВЛЕНИЕ

4 апреля 2002 года нами образована Общественная комиссия по расследованию обстоятельств взрывов домов в городах Москве и Волгодонске и проведения учений в городе Рязани в сентябре 1999 года.

Война в Чечне продолжается. А значит, трагические события, предшествовавшие ее началу, не ушли в прошлое.

С сожалением восприняли мы отказ Государственной Думы начать парламентскую процедуру проверки обстоятельств террористических актов 1999 года и сопутствовавших им происшествий. Тем большего уважения заслуживает позиция фракций КПРФ, СПС, «Яблоко» и Аграрной депутатской группы, проголосовавших 3 апреля за предложение о создании парламентской комиссии.

Но полномочия комиссии Государственной Думы (если бы таковая была образована), несмотря на ее высокий статус и политические воз-

возможности, были бы ограничены отсутствием в Конституции института парламентского контроля, отчего в названии думской комиссии предполагалось использовать выражение «по изучению обстоятельств». Общественность же имеет право на большее: проводить собственное расследование. Такая возможность вытекает из конституционного принципа непосредственного осуществления народом своей власти.

Однако проводить эту непростую работу нам будет трудно без поддержки гражданских организаций, средств массовой информации, всех честных людей — подлинных патриотов своей страны. Мы надеемся и на диалог с государственными органами, на понимание ими необходимости и значимости общественного контроля.

Мы призываем всех имеющих информацию по изучаемым нами вопросам направлять ее по адресу: 103265, Москва, Охотный ряд, дом 1, Государственная Дума, депутату Ковалеву Сергею Адамовичу, электронный адрес: kovalev_sa@duma.gov.ru, факс 292-98-25. Телефон ответственного секретаря Комиссии Левинсона Льва Семеновича 722-54-74.

По поручению Общественной комиссии
председатель Комиссии Сергей Ковалев,
заместитель председателя Комиссии Сергей Юшенков

Приложение 10

ПОКАЗАНИЯ СТАРШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА АЛЕКСЕЯ ГАЛКИНА

(после 18 ноября 1999 г.)

[Старший лейтенант А. В. Галкин дает интервью группе иностранных журналистов, в том числе американскому и турецкому. Вопросы задаются на английском и переводятся на русский. В распечатке даются русские переводы вопросов, озвученные переводчиком, и ответы Галкина.]

Переводчик-журналист (далее: Журналист): Можете представиться, пожалуйста.

Галкин: Помощник начальника направления старший лейтенант Галкин Алексей Викторович, сотрудник...

(Иностранные журналисты указывают, что Галкин плохо сидит и на него не попадает свет камеры. Галкина пересаживают правее.)

Журналист: Вот сюда можете, поближе к свету. Еще раз в камеру скажите, пожалуйста.

Галкин: Помощник начальника направления старший лейтенант Галкин Алексей Викторович, сотрудник Главного разведывательного управления Российской Федерации.

Журналист: Могу ли я спросить, пожалуйста, как Вы сюда попали?

Галкин: Я вместе с полковником Ивановым и старшим лейтенантом Похомовым был задержан 3 октября на территории Чеченской Республики Ичкерия при попытке проехать из Моздока в селение Беной-Юрт для выполнения специального задания.

Журналист: И при попытке пересечения вот эти все документы — вот это ваше удостоверение, вот это — оно находилось при вас? [Показывает удостоверение].

Галкин: Это удостоверение находилось при мне, и вот эти вот документы находились в наших личных вещах.

Журналист: И какую именно цель несет вот эта информация, которая находится в этой книжке, что это за информация здесь находится?

Галкин: Здесь находится переговорная таблица [показывает] для работы по средствам связи, то есть таблица кодированных сообщений для передачи информации по открытым каналам связи, таким как УКВ-радиостанция типа «Моторола», «Кенвуд» и радиостанция ФТ.

Журналист: С какой целью информация вот в этой книжке [показывает книжку]?

Галкин: Это блокнот с расчетными формулами для подрыва конструкций, строений, зданий и разных сооружений.

Журналист: Это ваша записка, ваш почерк?

Галкин: Да, это мой почерк.

Журналист: Что Вы собирались делать с этой информацией, с помощью этой информации?

Галкин: Наша задача была минирование автомобильных дорог с целью уничтожения автотранспорта с беженцами и мирным населением, а также в дальнейшем для минирования зданий и подрыва зданий с мирным населением.

Журналист: Принимали ли вы участие во взрывах зданий в Москве и Дагестане?

Галкин: Лично я участия во взрывах зданий в Москве и в Дагестане не принимал, но мне известно, кто подорвал, кто стоит за подрывом зданий в Москве, и кто подорвал здания в Буйнакске.

Журналист: Вы можете сказать, кто?

Галкин: За подрыв зданий в Москве, в Волгодонске ответственные спецслужбы России — ФСБ совместно с Главным разведывательным управлением. Подрыв зданий в Буйнакске — это дело рук сотрудников нашей группы, которая в это время находилась в командировке в Дагестане.

Журналист: И, насколько я знаю, уже здесь вы были сняты на пленку, сознавались во всем этом, по-видимому, вы были сняты на видеокамеру. И когда вы... во время съемок вы действовали по собственному желанию?

Голос за кадром руководителя чеченской службы безопасности Абу Мовсаева: Это... На этот вопрос не надо отвечать.

Журналист: Как к вам здесь относились?

Галкин: Ко мне здесь относились хорошо. Меня как военнопленного здесь не били, три раза в день кормили и при необходимости оказывали медицинскую помощь.

Журналист: Здесь заявление, сделанное вами. Вы подтверждаете, что вы сделали это добровольно, без какого-либо давления с чьей либо стороны?

Галкин: Это заявление отпечатано с моих слов, я написал это заявление от руки [держит бумажку перед лицом], с моей личной подписью.

Журналист: Сейчас, на данный момент, когда вы с нами говорите, вы боитесь чего-нибудь?

Галкин: Нет, просто я первый раз выступаю перед журналистами... журналистами западных телекомпаний, поэтому немного волнуюсь.

Голос за кадром Абу Мовсаева: Ихние службы не должны выступать по...

Галкин: Просто-напросто по роду нашей службы мы должны... перед телекамерами не должны показываться. [Напряженно улыбается.]

Журналист: Спасибо.

Голос за кадром: А, да, теперь вопросы, только на турецком языке... Сюда переходите...

Журналист: Это те же вопросы, только на турецком, спросят и всё... [Вопросы задаются на турецком языке, затем переводятся на русский.]

Журналист: Вы подтверждаете, что все эти документы принадлежат вам? Вот это удостоверение, вот это заявление, всё это принадлежит вам. [Галкин показывает удостоверение в развернутом виде.]

Галкин: Да, все эти документы принадлежат мне.

Журналист: С какой целью вы прибыли в этот регион — Дагестан, потом в Чечню?

Галкин: В Дагестан и Чечню мы прибыли для проведения террористических актов на территории Дагестана и на территории Чеченской Республики Ичкерия.

Журналист: И против кого были эти акты направлены? Вы должны были сделать взрывы против мирного населения или кого-нибудь еще?

Галкин: Эти взрывы были направлены против мирного населения.

Журналист: И кто... С чьей стороны вы были назначены?

Галкин: Мы были назначены и отправлены в командировку распоряжением начальника Главного разведывательного управления вооруженных сил Российской Федерации.

Журналист: Можете назвать имя именно вот этого человека, который вас послал?

Галкин: Это генерал-полковник Корабельников, начальник главного разведывательного управления, и начальник 14-го управления Главного разведывательного управления генерал-лейтенант Костечко.

Журналист: Вы лично и ваше подразделение имеете ли отношение к взрывам в Москве?

Галкин: Лично наше подразделение к взрывам в Москве отношения не имеет, так как в то время мы находились в Дагестане. Сотрудниками нашего подразделения, численностью в 12 человек, которые находились в это время в Дагестане, был произведен взрыв дома в Буйнакске.

Приложение 11

БЕСЕДА АБУ МОВСАЕВА С ГРУППОЙ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛИСТОВ О ПОКАЗАНИЯХ ГАЛКИНА

Абу Мовсаев: В данное время, в которое у нас находится сотрудник ГРУ, ихний руководитель полковник Иванов, который именно руководил — Иванов — взрывом дома. ГРУ... В данной ситуации вы можете заснять старшего лейтенанта (показывает удостоверение)... старшего лейтенанта Галкина Алексея, который являлся переброшенным на территорию Чеченской Республики Ичкерии с Дагестана. Все, засняли? (Фотографируют). Еще? В Волгодонске также взрывы совершили сотрудники спецслужб. И поэтому сегодня то, что нас называют террористами, — это доказывает обратное. (Показывает). Это у них шифрограммы, то есть шифрограммы здесь. Это книга для взрывов, для взрывной деятельности, для взрывной деятельности: какие, сколько должно применяться. Все это имеется у нас полностью — доказательная база и ихние все... Это все (демонстрирует), все это доказывает (фотографируют)... Это все. Ну, дальше, следующий момент...

Вопрос: (Вопросы задаются обычно на английском и переводятся затем на русский переводчиком, не всегда точно и правильно). Именно у кого-то, у кого-то эту книгу нашли?

Ответ Абу Мовсаева: Ихняя группа, которая у нас задержана, ГРУ. То есть которая была, чтобы понятно вам сегодня было, — это Главное разведывательное управление Российской Федерации, 14-е Управление.

Вопрос: Именно какого числа вы эту книгу нашли?

Ответ: Это мы задержали их 3 — 4 октября 1999 года, эту группу.

Вопрос: Когда они нашли этого человека?

Ответ переводчика: В тот же день, 4-го, октябрь, 4-го.

Ответ: 14-е Управление ГРУ. Главное разведывательное управление Российской Федерации занимается в первую очередь убийствами политических руководителей и подрывной деятельностью. Вот заявление, которое сделал старший лейтенант Галкин. (Показывает).

Вопрос: Добровольное имеет заявление?

Ответ: Да. Вот его подпись.

Вопрос: Почему 4 октября сразу он не сделал заявление?

Ответ: А, не... ну сначала мы с ним сначала работали, долгое время работали, потом он обратился, кассету мы направили в Стамбул на 18 ноября саммит, где он конкретно... они указывали для чего они... После этого, слушайте дальше, после этого российское руководство, Главное разведывательное управление, сделали заявление, якобы они думали, что мы их расстреляли. Так как мы пустили слух.

Вопрос: Мотивацию его признаться? Что его мотивировало?

Ответ: Мотивировало то, что он, когда увидел, что полностью уничтожается чеченский народ, без разбора. Мы показывали ему кассеты убийства детей, убийства женщин, стариков, и так как еще я как-никак являюсь руководителем спецслужбы, зная ихнее Управление, чем они занимаются, и когда мы доказали ему юридически, и так, после последующего, признался.

Вопрос: И он принимает на себя ответственность за один взрыв, это правильно?

Ответ: Не... Взрыв — в то время он находился в Буйнакске. Взрывами данными в Буйнакске руководил полковник Иванов, который являлся его руководителем и вместе с ним был брошен в Чечню. Он называет фамилию Иванова и других сотрудников, да, не... но он не участвовал в этом деле.

Вопрос: На основании этого одного признания вы делаете вывод, что другие взрывы, в Москве, также были работой российского правительства? Вы только думаете...

Ответ: Э, не... Мы это «не думаем», у нас есть доказательства. Первое доказательство, первое доказательство — это то, что любая группа, которую забрасывают в тыл к противнику, они уже знают, ихний руково-

дитель докладывает, что мы идем на территорию Чеченской Республики, так как мы сделали взрывы в Москве, Волгодонске, Буйнакске. То есть не именно ихняя группа во всех, то есть мы из них перед мировым сообществом сделали террористами, убийцами в похищении людей, мы должны сегодня доказать, что эти люди являются... необходимо уничтожить, то есть чеченский народ. На политзанятиях. До сих пор... Второй момент, где у нас имеются доказательства, это то, что я до этого повторял и сейчас повторяю: был применен гексаген. На территории Чечни гексагена не имеется. Гексаген под красной полоской «совершенно секретно» имеется только у спецслужб Российской Федерации, и никто не имеет права без руководителей Главного разведуправления и ФСБ брать хоть грамм этого гексагена. И в последующем задержанные нами сотрудники ГРУ объясняли, что при последнем выходе ихний полковник Иванов при политзанятии им объяснял, что эти взрывы совершили наши сотрудники совместно с ФСБ. Да, да, и еще один, они все об этом...

Вопрос: Обвиняете за эти взрывы правительство России, Главное разведывательное управление, ФСБ или именно какого-то одного человека?

Ответ: Во-первых, я вам конкретно скажу. Разрабатывал Путин Владимир, председатель. Конкретно — руководителями этих спецслужб Российской Федерации, бывшие разведчики внешней разведки, которые были назначены Путиным, и это самые доверенные люди на сегодняшний день у Путина. Здесь второй момент: то, что сегодня на политической арене Путин любой ценой, любыми убийствами хочет стать президентом Российской Федерации.

(Гаснет свет, съемку прерывают. Абу Мовсаев закуривает.) Я когда курю, пожалуйста, не снимай меня. (Свет включают, съемка возобновляется.)

Ответ: Еще одно: я не хочу сегодня вам вот доказывать, что мы ангелы, я не хочу доказывать, что мы хорошие. Мы хотим доказать одно: что Россия является как государство террористическое. Больше ничего. Всё, что мы сегодня... на что мы идем, это ради Аллаха идем, если Запад вмешается... Если честно сказать, мы уверены, что Запад сегодня, руководство Запада в крайнем случае, не будет вмешиваться в убийство чеченского народа... Все остальное знаете: все войны заканчивались переговорами. Я считаю, что мы прошлую войну выиграли, я думаю, мы выиграем и эту войну. Чтобы информация у вас конкретно была: сегодня все передавали, что Аргун русскими взят. Сейчас идут ожесточенные бои в Аргуне, и российские войска отходят назад. Так, еще

ко мне вопросы? Потом... А у меня единственная просьба: переведи им... Слишком много вопросов я не дам задавать сотруднику Главного разведывательного управления. Вы можете у него спросить... спрашивать, с какой целью они были переброшены на территорию Чечни, в отношении Дагестана, где они до этого работали, вот и всё остальное... ну и вот заявление (показывает) — мы его заставили или не заставили. Прошу сегодня не думать, что мы этого человека... Если наши попадают им в руки, они их сразу убивают. Ну, хотя сегодня мы не можем его одеть, накормить так, как положено, — это вина самих русских, потому что мы полностью блокированы. Еще одно: любой международный закон предусматривает сотрудников спецслужбы, которые перешли для подрыва, убийства политических лидеров, — их судебным... проводят судебное расследование — и к расстрелу. Мы могли бы их до этого расстрелять. (Показывает книжку сотрудника ГРУ, показывает шифроблокнот другого задержанного).

Вопрос: Это почерк именно вот этого офицера или еще кого-то?

Ответ: Это второго сотрудника ГРУ, это... А, его самого, его... Это шифрограммы второго сотрудника, шифрограммы и кодовые шифрограммы, которые они передавали, это заранее подготовленные шифрограммы, это всё то, что они передавали, это маршруты ихние, где... да, это ихние шифрограммы, связист и подрывник... Это ихние, да... это... такие кодовые названия, космическая связь... Вот... Вот смотри... Вот переговорная таблица по радиолокации спутниковой связи для ведения службы радиообмена. Это...

Вопрос: Для разведчика это глупо — при себе такие бумаги носить.

Ответ: Они не думали... Их перевозили чеченцы на скрытой машине, так как иногда мы не проверяем чеченские машины, с бородой тем более. Менталитет... Они рассчитывали на это. Вот значение, то, что... Вот смотрите, противник обозначается — лист. (показывает и рассказывает обозначения из шифроблокнота). Если они увидели противника, то есть нас. Они... Кодовые названия...

Переводчик: Жук — бронетранспортер, паук — машина, струна — самолет.

Ответ: Ну, вообще что это. Так, еще что?

Вопрос: Это только в крайних случаях используют?

Вопрос: Это когда они натываются на наш, к примеру, населенный пункт, когда они должны наносить удары, они передавали кодовые названия, если мы сидим там, чтобы не было понятно. Вот, к примеру, Берлин, называют «город Берлин». На территории Чечни есть Братс-

кое. Надтеречный район. Бар, слово «Бар» — тоже Надтеречный район. Это те населенные пункты, где они должны были первоначально работать и наносить удары.

Вопрос: Все ли запланированные взрывы состоялись или же некоторые взрывы были предотвращены? Должны ли были состояться еще взрывы?

Ответ: Естественно. Они, по моим оперативным данным, в Пензе они не были бы, в Рязани то есть... в Рязани не были бы пойманы сотрудниками МВД нечаянно, то взрывы должны были быть в Волгограде, в Ставропольском крае, в Саратовской области, ну, то есть, в основном, где большинство живут чеченцы. (Повторяет.) Саратов... Ну и в основном, где компактно...

Вопрос: Должность ваша?

Ответ: Начальник Особого управления при Президенте. Я тогда давал доказательства убийства... убийства Красного Креста. Я тогда руководил отрядом специального назначения. Что убийство Красного Креста совершили люди Дениева, которые в данное время находятся в Москве. Вот, и там везде...

Переводчик: Адам Дениев...

Ответ: И который является сотрудником, агентом спецслужб. У него имеется удостоверение ГРУ, все у него удостоверения... Когда мы подписали соглашение между ФСБ Российской Федерации и Национальной службой безопасности, официально к Ковалеву, руководителю, тогдашнему руководителю ФСБ, заявили, с доказательствами, чтобы он выдал нам Дениева, на что мне Ковалев ответил, что он не сможет отдать Дениева мне, так как они очень заинтересованы в дальнейшей его работе. И наш прокурор чеченской республики Ичкерия неоднократно официально у прокуратуры Российской Федерации требовал выдачи Дениева, именно по убийству Красного Креста, но мы никак не смогли получить его.

Вопрос: Почему Дениев убил людей Красного Креста?

Ответ: Материал, когда я подал в отставку, оставил нашей службе, спецслужбе, и в прокуратуру, нашу прокуратуру.

Вопрос: Вы знаете, кто убил Фреда Кёнинга?

Ответ: Прекрасно знаю. Так как у меня дома в период до войны в то время... И перед тем, как в последний раз уехать, он ночевал у меня. С некоторыми доказательствами, что творится в фильтрационных лагерях российской республики. После того как он пропал без вести, Джохар Дудаев, президент, был первый президент Чеченской Республики, создал бригаду по розыску и местонахождению Кёнинга. Я как

руководитель спецслужбы входил в эту бригаду, то есть мы установили, что последний раз его видели на перекрестке у Чечен-Аула, где в то время стояли российские войска. С уверенностью... Если сегодня в Российской Федерации... Потом пошел слух, что в Ачхой-Мартановском районе (неразборчиво) мы до сих пор не нашли, я уверен, что если российские войска войдут в этот район, захватят, то обязательно они найдут место захоронения, то есть они единственные знают место захоронения. В 1996 году к нам обратился один офицер Российской Федерации, что он сможет показать место захоронения, но хотел 100 000 долларов. Так как у нас не было таких денег (неразборчиво)... Потом этот офицер как-то пропал (неразборчиво). Мне сказали, что именно продаст медальончик, который находился на его теле.

Вопрос: Что вы знаете об убийстве сотрудников британской телекомпании?

Ответ: Знаю. (Неразборчиво). Один из тех людей именно был похищен. Я в прошлый раз, когда приезжали американские и немецкие журналисты (неразборчиво), мы им давали конкретно, но все запомнить в голове как-то... По этому документу можно уголовное дело (неразборчиво). Это, понимаете, сегодня я могу (неразборчиво)... масса похищенных людей находились на территории Дагестана, Ингушетии и Северной Осетии. И также их содержали там же. У нас организованные преступные группировки всех республик и нашего государства имели между собой какую-то даже (неразборчиво)... Наши преступные группировки сообщали родственникам того или иного и якобы брали на себя ответственность. Конкретно могу: к примеру, Арби Бараев, которого все считали, что он злодей, что он совершал кражи людей. Если вы вспомните, в Махачкале были похищены 4 француза. Если вы помните, 4 француза были похищены. Помните? Вот это дагестанцы вышли на Бараева попросили его сказать, что эти французы находятся в Чечне. За этот звонок Бараев получил \$200 000. Так как Бараев в то время (неразборчиво)... На границе Чечни и Дагестана, в Герзели, Бараев получил \$3 000 000. 200 000 долларов оставил себе, 2 800 000 долларов отдал дагестанцам, и на территорию Дагестана привезли французов и передали. Таких случаев очень много.

Точно? А я первый раз слышу. Я слышал, что на границе Грузии и Чечни якобы пропал. Не было случаев на территории Чечни, не было вот, чтобы... Одна попытка была даже с августа месяца, в сентябре была одна попытка, мы этих людей сразу задержали и по шариатскому суду... мы их предали шариатскому суду.

Приложение 12

11 ИЮНЯ 2002 Г., РАДИО «СВОБОДА», ПЕРЕДАЧА «ФАКТЫ И МНЕНИЯ»

Ведущий — Лев Ройтман

Книга «ФСБ взрывает Россию»: факты или версии?

Лев Ройтман: В Америке в январе этого года на английском языке вышла книга «Взрывая Россию. Террор изнутри». Под таким же заголовком радио «Свобода» дало в нескольких передачах детальное изложение этой книги, а в августе прошлого года отрывки из этой книги публиковала московская «Новая газета». В феврале в нью-йоркском издательстве «Либерти Паблшинг Хаус» вышел русский оригинал книги под названием «ФСБ взрывает Россию», подзаголовок: «Федеральная служба безопасности — организатор террористических актов, похищений и убийств».

Авторы книги — бывший подполковник ФСБ Александр Литвиненко и известный историк Юрий Фельштинский, который участвует в предстоящем разговоре из Бостона по телефону. А в нашем московском бюро у микрофона правозащитники Сергей Ковалев, Олег Орлов и Александр Черкасов.

Юрий Георгиевич Фельштинский! 5 марта в Лондоне, уже после выхода вашей книги, был показан во время пресс-конференции Бориса Березовского французский документальный фильм «Покушение на Россию» — о вероятном участии ФСБ во взрывах жилых домов в сентябре 1999 года. Взрывы — как пролог и повод ко второй чеченской войне. Вы же описываете ФСБ на более широком материале вообще как организацию преступную.

Во-первых, есть ли связь между вашей книгой и французским документальным фильмом? И второе: ваши источники информации — поддаются ли они проверке?

Юрий Фельштинский: Связь между книгой и фильмом безусловна. Потому что инициатором фильма был я, и идея сделать фильм по книге была моя. А дальше уже встает вопрос о том, как именно все это организовывалось, как именно искалась команда французских режиссеров и прочее. Но связь между книгой и фильмом прямая. Это первое.

И второе — ответ на вопрос об источниках книги. В самом издании, и в английском, и в русском, как все обратили внимание, источники не указывались. Это делалось умышленно: я не хотел облегчать работу ФСБ по критике книги. Потому что если источник указан — тогда есть возможность критиковать не книгу и спорить не с фактами, изложенными в книге, а с самими источниками. То есть я как историк, как профессионал знал, что с этой книгой спорить будет намного сложнее, если источников нет.

Но вот уже на пресс-конференции 5 марта всем журналистам, кроме английского издания книги, раздавался еще и компактный диск. И на этом компактном диске были не просто источники, а была вся исходная база данных, по которым писалась эта книга. И это, наоборот, уже было сделано для того, чтобы абсолютно все журналисты, у которых есть время и желание заниматься этим вопросом, могли понять, что ни одна фраза, написанная в этой книге, не выдумана и не взята с потолка, что для абсолютно каждого слова, которое в этой книге написано, для любого вывода есть источник, есть исходный материал, на основании которого авторы, я и Александр Литвиненко, пришли к тем или другим выводам.

Лев Ройтман: Спасибо, Юрий Георгиевич. Теперь очень коротко о вас: вы историк — трудно сказать, американский или русский. Вы защитили докторскую диссертацию в 1993 году в академическом институте в Москве, ваши книги и отредактированные вами сборники документов выходили в Америке еще до этого. В частности, в Париже

книга «Большевики и левые эсеры», затем «К истории нашей закрытости» (Лондон, 1988 год), «Крушение мировой революции» — там же, в Лондоне, в 1991 году, а потом уже и в Москве в 1992-м. И последняя ваша книга — «Вожди в законе». То есть у вас, в сущности, репутация научная безупречна. Это к аттестации, так сказать, вашей научной добросовестности.

Теперь вопрос в Москву, где находятся гости передачи. Александр Владимирович Черкасов, член правления общества «Мемориал», сотрудник Правозащитного центра (в частности, программа «Горячие точки»). Вы были и работали в Чечне во время первой и уже во время второй войны. Следующий сюжет, если хотите: во время моего недавнего пребывания в Москве мы с вами встретились, и вы были очень критически настроены в отношении книги Литвиненко и Фельштинского. В то время как раз шли наши передачи, изложение этой книги, и вы были даже против этих передач. Ваша позиция: во-первых, чем она объяснялась? (Я не хотел выслушать тогда вашу позицию, чтобы вы, простите, по-журналистски, не расхолаживались). Это во-первых: ваша позиция. А во-вторых, быть может, она изменилась все-таки?

Александр Черкасов: Знаете, теперь, когда я имел возможность ознакомиться с текстом книги в целом, я могу сказать, что она разная. В ней есть фрагменты, главы, которые содержат ссылки на источники (или по крайней мере ссылки на источники, которые появились сейчас в открытой публикации). Например, об организации взрывов в Москве в конце 1994 года. Сейчас «Новая газета» напечатала это как материалы судебных слушаний в Московском городском суде. То есть есть возможность перепроверки. Или по Рязани, где просто хорошая сводка материалов вокруг неудавшегося взрыва.

Но дело в том, что российскому читателю исходно в «Новой газете» были доступны три главы книги: глава, посвященная первой чеченской войне, глава, посвященная взрыву в Рязани, и глава, посвященная другим эпизодам, другим взрывам, на источниках, которые непроверяемы, у нас нет возможности их проверить.

Как раз события первой чеченской войны мои коллеги и в какой-то степени я знаем достаточно неплохо. И именно там есть много натяжек, много произвольных толкований для того, чтобы доказать авторскую концепцию. Ясно, что господин Фельштинский это не выдумал, он взял из каких-то источников, видимо, достаточно некритически.

Кое-где это просто даже ставит в ложное положение, например, моих коллег. Оказывается, они не знали, что делали в Буденновске. Вот

сейчас у нас будет годовщина — семь лет со времени буденновских событий. В книге изложена концепция того, что же там произошло. И поскольку всю эту книгу мы здесь разобрать не можем, хотелось бы по некоторым эпизодам показать, что в общем возможны другие толкования.

Оговорюсь: разумеется, книга необходима, и она должна быть прочитана, как многие другие книги, — для того, чтобы с ней спорить. Но с ней нужно спорить уже сейчас, чтобы отделить действительно доказуемые и доказанные моменты от некритического повторения бытующих в прессе — в российской, иной ли — версий.

Лев Ройтман: Сергей Адамович Ковалев, депутат Государственной Думы, председатель российского общества «Мемориал». Во время первой чеченской войны, Сергей Адамович, вы были руководителем так называемой «группы Ковалева». Это была наблюдательная комиссия правозащитных организаций в зоне военных действий в Чечне. Вы были и в Буденновске (коль скоро мы говорим о Басаеве, о захвате больницы в Буденновске). 14 июня — годовщина этого террористического, с моей точки зрения, акта в чистом виде. Сейчас вы председатель Общественной комиссии по расследованию обстоятельств взрывов в городах России осенью 1999 года, а это основная тема книги Александра Литвиненко и Юрия Фельштинского «ФСБ взрывает Россию».

Вопрос: факты, которые приводятся в этой книге (при том, что не все факты документированы, мы слышали мотивировку автора, Юрия Фельштинского, почему не все документированы), как бы то ни было, способствуют ли вашей исследовательской работе эти факты?

Сергей Ковалев: Видите ли, книга нам, несомненно, нужна, более чем полезна, просто необходима. Тем не менее я целиком согласен с замечаниями, сделанными Черкасовым.

Вот речь о том же Буденновске. Это всего один эпизод, но, между прочим, эпизод чрезвычайно, я бы сказал, демонстративный. Гипотеза авторов: была получена взятка за предстоящее перемирие, взятка миллионная. Чеченцев, грубо говоря, кинули, деньги взяли, а перемирие замотали. И тогда Дудаев поручает Басаеву провести некую акцию, которая должна либо привести к миру, либо вернуть деньги. Вот такая удивительно наивная, скажем, конструкция. А дальше события в Буденновске излагаются так: почти захвачена спецчастями больница, вот-вот будут добиты боевики Басаева, и вдруг Черномырдин ни с того ни с сего вспоминает о том, что надо действовать «по понятиям», и хо-

чет восстановить добросовестность со стороны Москвы: приказывает остановить операцию.

Ничего подобного не было. Я не знаю, могли ли быть какие-то обмены деньгами, чего не знаю, того не знаю. Верится в это с трудом, но доказывать я этого не могу. Но уж я точно знаю, что никакой Черномырдин не останавливал атаку ОМОНа. Атака была отбита, атака захлебнулась, больница вовсе не была взята, основные жертвы понесли заложники, а вовсе не боевики. И вот тогда нам удалось дозвониться Гайдару. Гайдар вступил во взаимодействие с Черномырдиным, и Черномырдин поручил мне сформировать делегацию для переговоров с Басаевым, что и состоялось. Что же касается переговоров, которые велись параллельно между Вольским с одной стороны и Имаевым (не только ими, конечно) — с другой, то на самом деле эти переговоры официально начались уже тогда, когда мы в автобусах ехали из Буденновска.

Лев Ройтман: Спасибо, Сергей Адамович. Итак, вы ставите версию Юрия Фельштинского и Александра Литвиненко под сомнение. Естественно, Юрий Фельштинский сейчас выскажется.

Хочу заметить следующее — по поводу того, что «в это верится с трудом». Верится ведь с трудом и в то, что ФСБ взрывала дома в России. По этому поводу очень многие, по чувству и по логике, согласны со следующим заявлением Путина. Он буквально вскричал: «Что? Взрывали свои собственные дома?». Ему был задан соответствующий вопрос журналистом. «Ну, знаете, чушь, бред собачий. Нет в российских спецслужбах людей, которые были бы способны на такое преступление против своего народа. Даже предположение об этом аморально и по сути своей не что иное, как элемент информационной войны против России».

Итак, и это предположение, а это центр всей книги Фельштинского и Литвиненко, говоря на жаргоне, многим на голову не налазит. И тем не менее вы занимаетесь исследованием этих обстоятельств, Сергей Адамович. Не верится, а вдруг так оно и было?

Юрий Фельштинский: Во-первых, мне бы хотелось подчеркнуть, что книга «ФСБ взрывает Россию» в основном своем блоке касается не событий в Буденновске, а более важных для этой книги событий, а именно — истории взрывов в Москве и в Рязани.

Во-вторых, мне не хочется действительно сосредотачивать всю нашу дискуссию вокруг одного эпизода, независимо от того, насколько он аккуратен или неаккуратен с точки зрения участников этого «круглого стола».

В-третьих, нам хотелось обратить внимание не на те эпизоды даже истории Буденновска, которая всем известна, а на тот один эпизод этой сложной истории, который никому не известен. А именно — о взятках, которые давались в этот момент. И то, что Сергей Адамович поставил вопрос, что сомнительно, что все это делалось за деньги, я бы чуть-чуть иначе сформулировал: абсолютно очевидно, что все, что делалось в российской политике в этот период, делалось только за деньги, и никогда ничего не делалось бесплатно. Так что здесь, конечно, есть о чем поспорить.

Но, повторяю, мне хочется и в интересах наших слушателей все-таки передвинуть нашу дискуссию с поминутного и почасового разбора событий буденновских (которые, кстати говоря, не дописаны, эта история еще не дописана, там, я думаю, много нового еще есть и интересного, когда-нибудь мы, наверное, об этом узнаем), а переместить всех нас в сторону основной темы книги, а именно взрывов в России в сентябре 1999 года.

Лев Ройтман: Спасибо, Юрий Георгиевич. Я полностью с вами согласен, и как ведущий я на этом ставлю точку в разборе эпизода с Буденновском. Он действительно далеко не центральный для вашей книги, и, наверное, книги бы не было, если бы речь шла только об этом.

Олег Петрович Орлов — член правления общества «Мемориал», председатель совета Правозащитного центра (та же программа «Горячие точки», ее руководитель). Вы были участником «группы Ковалева», работали в Чечне и во время первой, и во время второй войны. С вашей точки зрения, основные послышки книги «ФСБ взрывает Россию» — заслуживают ли они общественного внимания?

Олег Орлов: Безусловно. Дискуссия вокруг этого вопроса, вокруг посылок этой книги, безусловно, нужна, она очень полезна. Другое дело, что я к этой книге отношусь, пожалуй, значительно более критически, чем мои коллеги.

Понимаете, нам говорят: давайте оставим в стороне события первой войны, книга посвящена другому, мол, это все частности, речь идет о взрывах. Но в той части, где речь идет о взрывах в Москве, я не могу проверить точность фактов, тем более что в книге нет точных ссылок (я с диском не ознакомился). Но в той части, которая касается описания первой войны, — оставим в стороне Буденновск, многие другие эпизоды той войны описаны, мягко говоря, неточно. Или не то что неточно подчас, а берется одна версия, удобная для той основной версии, которая проходит через всю книгу. И когда я сталкиваюсь с

таким подходом, с таким отбором фактов в той части, которая посвящена первой чеченской войне, у меня действительно вызывает сомнения скрупулезная точность изложения и подбора фактов в остальных частях книги.

Именно вот эта неточность, именно эта, скажем так, размашистость в описании фактов (Буденновск — это только вопиющий пример, такие примеры есть еще) обесценивает практически эту книгу. И поэтому та дискуссия, которая очень важна вокруг этого вопроса: кто взрывал дома, участвовали ли спецслужбы во взрывах домов? — когда эта дискуссия строится вокруг этой книги, к сожалению, это снижает уровень этой дискуссии.

Лев Ройтман: Спасибо, Олег Петрович. Для ясности, ради наших слушателей, просто приведу цитату для пояснения мотивов и направленности изложения в книге «ФСБ взрывает Россию»: «Если в первую чеченскую войну 1994–1996 годов госбезопасность пыталась предотвратить разворот России в сторону либерально-демократического развития, политические задачи второй войны были куда серьезнее: спровоцировать Россию на войну с Чечней и в начавшейся суматохе захватить власть в России на ближайших, 2000 года, президентских выборах. «Честь» разжигания войны выпала на долю нового директора ФСБ генерал-полковника Патрушева».

Юрий Фельштинский: Вы знаете, я как автор, наверное, был бы нескромен, если бы призывал организовывать всю дискуссию по взрывам в сентябре 1999 года вокруг собственной книжки. Ради бога, можно поставить ее на полку и просто говорить на эту тему безотносительно к тому, что написано в книге. Трупы-то не виртуальные, а реальные, и с трупами ошибок нет — независимо от того, кто описывает и как описывает эти события.

И на вопрос о том, кто виноват в этих трупах, пока что мы не получили ответа. И если трудно предположить, по мнению президента Путина, что российские офицеры взрывали собственные дома с собственными живыми гражданами, то, по-моему, очень легко предположить, что российские офицеры убивают мирное население в той же Чечне, причем не только чеченцев, а еще и русских. По-моему, очень легко предположить, что не чеченцы взрывали эти дома, поскольку нет никаких указаний на то, что эти дома взрывали чеченцы, и так далее.

Мне кажется, мы все время сужаем наш разговор. Про взрывы мы не хотим говорить, потому что факты, изложенные в книге, может быть, и убедительны, но, если сравнивать их с главой номер один про

чеченские события, то эти моменты не очень убедительны, а тогда не очень убедительна и вся книга, и давайте тогда помолчим и не будем говорить о взрывах... В конце концов, нас же волнует, наверное, не то, насколько мастерски Литвиненко и Фельштинский изложили свою концепцию. Наверное, нас все-таки больше интересует вопрос, кто же и почему взорвал дома в России в сентябре 1999 года. И мне кажется, что правильнее всего сосредоточиться именно на этом вопросе. И почему-то до тех пор, пока мы не написали эту книжку, и до тех пор, пока французские журналисты с помощью денег Березовского не сделали фильм, об этой теме никто не говорил.

Лев Ройтман: Спасибо, Юрий Георгиевич. Это не совсем верно, потому что еще до этого фильма (кстати, вы сами это описываете в книге) депутаты Госдумы Щекочихин и Иваненко пытались добиться парламентского запроса прокуратуре о происходившем, об обстоятельствах событий в Рязани. Другое дело, что эти попытки подвигнуть Государственную Думу на запрос не увенчались успехом. И в результате — правда, уже после фильма и после вашей книги — возникла та Общественная комиссия по расследованию обстоятельств взрывов в городах России осенью 1999 года, которую и возглавляет Сергей Адамович Ковалев.

Сергей Адамович, вырисовывается ли какая-то основная версия у вас? Ведь речь идет о расследовании, в конце концов, а расследование занимается не чем иным, как проверкой различных версий. Какова ваша версия, которую вы проверяете, о взрывах?

Сергей Ковалев: Если говорить о комиссии, которую мы создали, я хотел бы только сказать, что созданию этой общественной комиссии с широким участием депутатов предшествовала очередная попытка создать парламентскую комиссию. Она, как это принято у нас в стране, у нас в Думе во всяком случае, блистательно провалилась. Хотя должен сказать, что довольно многие голосовали за — 180 человек, это все-таки немало.

Что за цели стоят перед этой комиссией, какую версию мы исследуем? Мы начали исследовать, как это и положено, все версии, существующие на этот счет. Что касается версии об участии спецслужб в этих взрывах, об организации... Мне страшно верить в эту версию, но это не значит, что мы ее отвергаем.

Я бы сказал так: нет достоверных доказательств ни версии чеченского следа (есть очень серьезные сомнения в том, что чеченцы осуществили бы это), также я бы сказал, что нет неопровержимых дока-

зательств и версии кремлевской. Есть логические аргументы против обеих версий.

Поручился ли бы я за то, что какая-то из них окажется ложной? Ну, скажем, поручился ли бы я за то, что спецслужбы тут ни при чем? Нет, ни в коем случае не поручился бы. Задача нашей комиссии и состоит в том, чтобы получить достоверные факты.

Лев Ройтман: Вы бы не поручились, а президент Путин поручился. И, можно думать, это не очень способствует работе вашей комиссии. Ошибаюсь ли я?

Сергей Ковалев: Вообще говоря, по логике событий именно власть должна быть более всех заинтересована в подробнейшем и объективном расследовании этих чудовищных преступлений, ибо подозрения ведь на нее падают. Поэтому очень хочется надеяться, что власть будет всячески способствовать работе нашей комиссии. Пока этого не происходит, увы.

Александр Черкасов: Если речь идет о взрывах и о роли спецслужб в российской истории, то мы можем поставить вот это расследование, эту книгу, эту версию (как вы правильно сказали — это версия) в контекст других расследований.

Знаете, были уже реальные попытки, например, спецслужб прийти к власти на волне взрывов, и были успешные расследования. Например, когда на излете народовольчества один из лидеров народовольцев, Дегаев, сговорился с одним из руководителей охраны, Судейкиным, о том, что они организуют серию терактов и государь император, убоившись, дает Судейкину диктаторские полномочия. Было проведено расследование самими народовольцами. Герман Александрович Лопатин это дело выявил. Заговор не удался, неудавшийся диктатор Судейкин был убит, а Дегаеву позволили выехать в эмиграцию. Но тогда было проведено скрупулезное именно в отдельных фактах расследование.

Были и другие эпизоды взаимодействия спецслужб и террористов. Вспомните азефовщину — для нашего сюжета это весьма важно. Если считать, что террористы всегда управляемы спецслужбами, то где же Азеф? Он, оказывается, был связан и со спецслужбами, и он же организовывал теракты против руководства тогдашней России. Что, он был целиком контролируем спецслужбами? Нет, ситуация была сложнее.

Вообще взаимодействие террористического подполья и спецслужб — это сложная материя, нужно там разбираться весьма скрупулезно, чтобы не впасть в такую одностороннюю версию — «все диктуется из одной точки».

Лев Ройтман: Спасибо, Александр Владимирович. Насколько я понимаю книгу, там ведь и нет разговора о подполье. Там разговор о «надполье» — самом высшем эшелоне Федеральной службы безопасности, который организовывал все это ради конкретных политических целей.

Олег Орлов: Я абсолютно согласен с Юрием Георгиевичем, когда он говорит, что люди, которые такое могут творить в Чечне, люди, которые так относятся к своему собственному народу, к российским гражданам в Чечне, люди, которые так могут лгать своему народу на протяжении первой и второй войны, — что от этих людей действительно ждать такого можно, что эта версия очень правдоподобна, исходя из этих общих соображений. А дальше нужно действительно искать факты. Фактов пока таких, которые бы доказывали точно, что за этим стоят спецслужбы, нет, а что это очень вероятно — да, конечно.

Юрий Фельштинский: Вы знаете, мне бы хотелось обратить внимание и слушателей, и участников нашей беседы на эпизод с Рязанью. Мы, я имею в виду себя и Литвиненко, безусловно считаем, что в рязанском эпизоде доказано абсолютно все. И я могу чисто формально, отвлекаясь от эмоций, сейчас за одну минуту изложить вот эту именно версию.

Что мы знаем про Рязань? Мы знаем, что там были заложены мешки с непонятным веществом. У нас есть экспертиза — экспертиза рязанского ФСБ, причем несколько экспертиз, подтверждающие, что в этих мешках была взрывчатка. У нас есть экспертиза детонатора и фотография детонатора, подтверждающая, что это был боевой детонатор. У нас, кстати, есть еще экспертизы независимых экспертов из нескольких стран, тоже подтверждающих, что детонатор был боевой. У нас есть уголовное дело, которое было возбуждено по факту обнаружения боевого детонатора и мешков со взрывчаткой.

И у нас есть совершенно наглые, ложные заявления ФСБ на самых разных этапах, которые уж по крайней мере говорят нам о том, что ФСБ врет от начала до конца по всему рязанскому эпизоду. У нас есть сотрудники «Вымпела», которых показало само ФСБ и сказало, что да, именно эти люди заложили в подвал в Рязани вот эти самые мешки, про которые есть экспертиза, что там взрывчатка, и вот этот самый детонатор, про который есть экспертиза, что этот детонатор — боевой.

Скажите, пожалуйста, какие еще доказательства нужны нам в отношении Рязани? Ведь единственный как бы слабый момент во всей этой концепции — что дом не взорвался. Ну так слава богу!

Лев Ройтман: Спасибо, Юрий Георгиевич. Ну что ж, я думаю, что если бы в нашей передаче участвовал адвокат кого бы то ни было из тех, кто закладывал эти мешки, он привел бы доводы, которые могут опровергать вашу концепцию. Ибо были и повторные экспертизы, и эти повторные экспертизы, которые проводило уже центральное ФСБ, московское, — они как раз показывают, что там был просто сахар и что это был не боевой взрыватель, а муляж, макет. Это, естественно, повод для общественного разбирательства, которым и занята комиссия Сергея Ковалева.

Вы ведь пишете в своей книге: «Патрушев справедливо рассудил, что за терроризм против собственного народа можно получить пожизненное заключение, а за идиотизм в России даже с работы не снимут». Ну вот и сыграли в идиотов.

Сергей Адамович, а что, если ваша комиссия выявит, с вашей точки зрения, только непреложный идиотизм? Как вы будете в этом случае реагировать?

Сергей Ковалев (смеется): Вы знаете, давайте подождем, пока комиссия что-нибудь выявит совершенно непреложное.

Что касается рязанского эпизода, должен я сказать, что это действительно в книге наилучшая глава, это очень аккуратно сделанный компендиум всех существовавших публичных заявлений этого рода и вполне логичный анализ.

А может ли существовать иная версия рязанского эпизода? Я позволю себе — совершенно голословно, конечно, — привести свою версию в пользу КГБ.

Да, несомненно, КГБ завралось. Несомненно, КГБ совершило противозаконные действия. Но ведь вот вопрос: собирались ли они взорвать дом?

Я, например, готов предложить такую версию. ФСБ играло в следующую игру: во-первых, убедить, что террорист не дремлет и по-прежнему стремится терроризировать наше население. А во-вторых, что доблестные органы удачно и своевременно пресекают эти попытки. Вот эта задуманная операция по техническим причинам сорвалась, и КГБ — простите, ФСБ — пришлось вылезать на версию учений, лживо вылезать: там огромное количество совершенно необъяснимых неувязок, вплоть до того, что аж президент заявляет о готовившемся теракте, а потом оказывается, что это были странные учения (учения, между прочим, тоже противозаконные).

Возможен и такой вариант. Я на нем не настаиваю, но отбросить такого рода версии, этого направления версии было бы чрезвычайно опасно.

Лев Ройтман: Спасибо, Сергей Адамович. Ваша версия ведь тоже — если, представим себе, она верна — свидетельствует о чудовищном характере этой организации. В книге «ФСБ взрывает Россию» есть глава «Вместо заключения. ФСБ у власти», в которой описывается, что такое власть этой организации над страной.

Вы, Юрий Георгиевич, приходите к выводу, что ФСБ очень недалеко от власти в России. Не преувеличиваете ли вы, кстати?

Юрий Фельштинский: Нет. В этом основная проблема книги. Главная проблема — в величайшей нашей недооценке той глобально преступной роли, которую играет ФСБ. Главная проблема этой книги в том, что нам удалось показать только маленькую верхушечку огромного айсберга и что действительность намного страшнее. Главная проблема этой книги — что она писалась тогда, когда ФСБ захватывала власть, но, может быть, еще до конца ее не захватила.

А я боюсь, что будущее, которое нас ожидает в перспективе нескольких лет, куда страшнее, чем даже сегодняшний день. И когда ФСБ и российское правительство абсолютно внаглую назначают генерала Здановича главным цензором страны в виде заместителя гендиректора ВГТРК по вопросам безопасности и во всей огромной стране (не надо воспринимать это буквально) не находится ни одного человека, который в состоянии выйти и громко сказать, что это позор, что позор, когда мелкий Геббельс становится цензором государственной телестанции в годы, когда Россия считается свободной, то, простите, единственное, о чем можно говорить, — это о том, что мы далеко не все события описали, что эта преступная деятельность куда серьезнее. Когда тот же Зданович внаглую в интервью «Известиям», если не ошибаюсь, говорит о том, что бывших чекистов не бывает, и говорит это уже не со стыдом, а с гордостью. Когда у нас ведущие члены Государственной Думы, и общество, и журналисты выступают в защиту (Сергей Адамович оговорился, но не случайно) КГБ, да-да, именно КГБ, потому что все те же люди, которые работали в КГБ, работают сегодня в ФСБ, это все тот же кадровый состав, эти люди не изменились, — то, по-моему, будущее, которое нас ждет, далеко не светлое.

Лев Ройтман: Юрий Георгиевич, кстати, я не вполне могу как ведущий согласиться с тем (поскольку речь идет о фактах), что в России никто всерьез не поднял голос, не записался в протестующие в связи с назначением генерала Здановича. Были такие голоса, были такие публикации. Были и в той радиопередаче, которую я вел, она называлась

«Генерал Зданович назначен фельдфебелем Вольтером» — как раз по этому случаю.

Сергей Адамович, вы депутат Государственной Думы. С вашей точки зрения, ФСБ уже у власти, возле власти, недалеко от власти?

Сергей Ковалев: Несомненно, уже у власти. И вот в этом заключении я ни в какой детали спорить с Юрием Георгиевичем не буду. Для меня это очевидно. Мы строим, и очень эффективно строим, «управляемую демократию», как это и было провозглашено нашими политическими лидерами. Сейчас они осеклись и замолчали на этот счет — ну, наверное, опытные консультанты объяснили им, что такие словосочетания употреблять не надлежит.

Более того, некий сотрудник президентской администрации, имеющий отношение к правовым проблемам, сказал как-то в разговоре своему оппоненту: «Вы не понимаете: мы строим антигитлеровское законодательство». И пояснил свои слова следующим образом. Представьте себе, сказал он, что в Германии 1933 года председателем Центральной избирательной комиссии был бы Вешняков. Неужели вы думаете, что тогда Гитлер имел бы шансы прийти к власти? Понимаете, вот это они и делают, это делают выходцы из КГБ.

И я, обращаясь к проблематике книги и к проблематике нашей сегодняшней беседы, хочу сказать, что, с моей точки зрения, главное мое расхождение с Юрием Георгиевичем состоит в следующем. То обстоятельство, что вторая чеченская война обеспечила избрание подполковника Путина президентом, несомненно. То обстоятельство, что взрывы жилых домов оказались самым важным из психологических факторов одобрения обществом этой войны, тоже несомненно. Вопрос состоит в следующем: эти взрывы были организованы ФСБ или они были использованы ФСБ?

И это вопрос не пустой. Понимаете, книга тенденциозна. Нельзя строить столь тяжкие обвинения, обвинения, которые, между прочим, делают невозможным жить в этой стране, — нельзя строить столь тяжкие обвинения на натяжках, которые мы все втроем, московская часть нашего «круглого стола», пытались показать. Буденновск — это ведь только иллюстрация. Ведь можно было привести и другие примеры заведомой тенденциозности.

Книга важна и необходима, потому что в ней собран достаточно большой материал и высказана пусть тенденциозная, но логически непротиворечивая, с моей точки зрения (я согласен с Черкасовым) — несколько наивная версия. Но она есть.

Давайте будем тщательно и скрупулезно исследовать все версии этих трагических событий.

Лев Ройтман: Спасибо, Сергей Адамович. Могу только заметить, что любой коллаж из фактов будет выглядеть тенденциозным, может выглядеть легкомысленным до тех пор, пока внутренняя суть этих фактов, то есть мотивация, не будет обоснована беспристрастным судебным приговором. Но дожидаться судебного приговора по этим делам — по взрывам — наверное, не придется.

А по поводу политической концепции Юрия Фельштинского и Александра Литвиненко никакой суд принимать никакого решения, естественно, не будет в России, да и не стал бы ни в одной стране мира. Так что любая концепция будет так или иначе иметь какие-то лакуны, дыры, через которые проливается вода, и ничего с этим не поделаешь.

Но следующий вопрос. Мы обсуждали книгу. А каким образом наш слушатель, буде он захочет, может эту книгу получить?

Юрий Фельштинский: Я должен сказать, что я обращался в очень многие издательства, не буду их сейчас называть, с предложением опубликовать эту книгу в России. Абсолютно все издатели, с которыми я разговаривал (а у меня хорошие связи в издательском мире, я опубликовал в России очень много книг), объяснили мне, что они не в состоянии этого сделать, потому что боятся. Боятся физически за свою жизнь и боятся экономически за жизнь своих издательств, потому что понимают, что государство их после этого как минимум разорит экономически.

Мне хотелось бы воспользоваться поводом и участием в этой передаче и сказать, что у меня и у Литвиненко нет никаких возражений против того, чтобы эта книга издавалась в России любыми издателями и издательствами без дальнейшего согласования с нами и без выплаты нам каких-то гонораров. То есть мы даем разрешение всем издательствам ее опубликовать.

На сегодня книгу можно прочитать реально только в электронных СМИ. Я знаю, что она помещена на сайте Grani.ru. Я знаю, что буквально на днях Grani.ru открывают специальный сайт, посвященный сентябрьским событиям 1999 года. И вот там полный текст книги помещен уже несколько месяцев.

И еще, если позволите, я прокомментирую последнее высказывание Сергея Адамовича, потому что оно очень интересно.

Я боюсь, что еще одна серьезнейшая проблема с этой книгой — именно в том, что, как Сергей Адамович сказал, если принять эту кни-

ФСБ взрывает Россию

гу, то невозможно жить в этой стране. И я боюсь, что это самая главная проблема. Что поскольку и слушателям, и читателям очень страшно принять то, что изложено в этой книге, то все существо организма пытается уцепиться за какие-то неточности, за какие-то промахи книги, за какие-то не очень убедительные аргументы, чтобы сказать себе: нет, все-таки этого не может быть, наверное, авторы ошиблись. Потому что иначе действительно жить-то в этой стране невозможно.

А что касается доказательств, упрека, что обвинения очень веские, а доказательств мало, то по Рязани-то доказательств много.

Приложение 13

Председателю Общественной комиссии

по расследованию взрывов жилых домов в Москве
депутату Государственной Думы РФ
Ковалёву С. А.
Г. Москва

Лондон, 25 июля 2002 г.

Уважаемый Сергей Адамович!
Направляем Вам материалы о показаниях Ачемеза
ГОЧИЯЕВА для рассмотрения на заседании Комиссии.

С уважением,
Александр Литвиненко, Юрий Фельштинский

Показания Ачемеза Гочияева

Материалы к заседанию Общественной комиссии по расследованию
взрывов жилых домов в Москве

Подготовлены Александром Литвиненко
и Юрием Фельштинском 25 июля 2002 г.

1. Обстоятельства контактов с Гочияевым

В конце марта 2002 г. неизвестный позвонил Юрию Фельштинскому и предложил информацию в отношении Гочияева.

Для принятия решения мы взяли паузу. Второй телефонный звонок от неизвестного был получен в середине апреля. Была достигнута договорённость о встрече в одной из европейских стран.

В конце апреля 2002 г. состоялась встреча Фельштинского и Литвиненко с курьером. Курьеру были переданы список вопросов к Гочияеву, касающихся (1) аутентичности личности Гочияева и (2) обстоятельств терактов в Москве в сентябре 1999 г., а также видеокамера для записи ответов Гочияева.

Через несколько дней в другой европейской стране состоялась встреча с неким посредником. Нам были переданы видеозапись и несколько фотографий, устанавливающих личность Гочияева, а также его рукописные показания.

Материалы получены бесплатно, никаких денег и материальных ценностей за них не передавалось (за исключением видеокамеры, которую не вернули из-за сложностей пересылки техники через границы).

2. Аутентичность личности Гочияева

Изучив фото, видеоматериалы и показания Гочияева, в которых он указал, что не был связан с Хаттабом и Басаевым, мы при очередном разговоре с посредником попросили его получить у Гочияева ответ на вопрос относительно подлинности его совместной фотографии с Хаттабом, опубликованной на официальном сайте «ФСР-ру». Через несколько дней посредник сообщил, что на фотографии не Гочияев, а какой-то другой человек.

Для проверки этого утверждения мы обратились к независимому эксперту Джеффри Джону Оксли (лондонский мобильный телефон — 07970-884-954).

Независимому эксперту были представлены восемь фотографий. № № 1, 2 — выставленные на интернет-сайте «ФСБ-Ру» в разделе «Розыск»; четыре фотографии (№ № 3, 4, 5, 6), полученные от Гочияева, а также выставленные на интернет-сайте «ФСБ-Ру» две фотографии с Хаттабом (№ № 7, 8).

По заключению эксперта, на фотографиях № № 1-6 изображен Гочияев. Из этого следует, что на фотографиях № № 4-6, полученных нами от Гочияева, действительно изображен сам Гочияев. Относительно

фотографий № № 7, 8, где, по утверждению ФСБ, Хаттаб сфотографирован вместе с Гочияевым, экспертиза установила, что фотографии не являются оригиналами и, похоже, были подвергнуты цифровой обработке (иными словами, это «фотомонтаж»).

На вопрос, является ли человек, изображенный на фотографиях № № 1–6 и фотографиях № № 7–8, одним и тем же лицом, эксперт ответил, что фотографии № № 7 и 8 не являются криминалистически достоверными и не могут быть использованы в качестве доказательств.

3. Суть показаний Гочияева

Гочияев предоставил о себе достаточно подробные биографические данные (учеба, служба в армии, служебное положение). Кроме этого, он указал, что начиная с 1996 года он проживал в Москве по адресу Строгино, улица маршала Катукова, дом 6, кв. 188, где был официально зарегистрирован. С 1997 года он являлся руководителем фирмы «Капстрой-2000».

Гочияев утверждает, что в июне 1999 г. арендовал для коммерческих целей помещения в подвалах впоследствии взорванных домов, а также в двух других домах, где взрывы были предотвращены: в Капотне и на Борисовых Прудах. Он утверждает, что его использовал для аренды этих помещений «втёмную» человек, которого он знал «со школьной скамьи» и который, по его мнению, являлся агентом ФСБ.

Именно этот человек утром 9 сентября сообщил Гочияеву по телефону о небольшом пожаре на его складе на улице Гурьянова и просил Гочияева немедленно прибыть к месту происшествия.

После второго взрыва, 13 сентября, Гочияев понял, что взрываются арендованные им склады, и немедленно сообщил в дежурные службы — милицию, «скорую помощь» и службу спасения «911» — о возможных взрывах по адресам улица Борисовские Пруды и Капотня.

Эта часть показаний Гочияева является наиболее важной. Именно он предупредил власти о двух других помещениях, в Капотне и на Борисовых Прудах (где затем были обнаружены склады с взрывчаткой и шестью таймерами), и тем самым предотвратил новые теракты.

Гочияев также отрицает, что он связан с Басаевым и Хаттабом, что проходил подготовку в лагере в Урус-Мартане и что получил за взрывы финансовое вознаграждение.

Гочияев утверждает, что существует приказ ФСБ его «живым не брать», ссылаясь на информацию от своего родственника — работника милиции в г. Карачаевск.

По словам Гочияева, его сестра подвергалась избиениям со стороны ФСБ с целью дать заведомо ложные показания против него.

4. Рекомендации

- Подтвердить биографические данные Гочияева, указанные в объяснении (учеба, служба в армии, место жительства и работы в Москве).
- Провести всестороннее расследование эпизода с обнаружением взрывных устройств в Капотне и на Борисовских Прудах. В частности, выяснить, кто и при каких обстоятельствах сообщил об этих адресах. Истребовать и прослушать магнитофонные записи сообщений 13 сентября 1999 года в дежурных службах МВД, «скорой помощи» и службы спасения.
- Выяснить какие подразделения правоохранительных органов выезжали по этим сигналам. Установить причины, по которым после обнаружения взрывчатки и шести готовых к использованию таймеров взрывных устройств на Борисовских Прудах и в Капотне не была выставлена засада для задержания террористов, а вместо этого информация о находках была дана в СМИ.
- Установить номер мобильного телефона Гочияева и получить распечатки звонков за сентябрь 1999 г. Выяснить, кто звонил Гочияеву около пяти часов утра 9 сентября 1999 г.
- Опросить знакомых Гочияева в Москве для установления его местонахождения с 8 по 13 сентября 1999 г. и оценки его психологического состояния в момент терактов.
- Проверить, была ли зарегистрирована в Москве фирма Гочияева «Капстрой-2000». Изучить деловые операции Гочияева в Москве начиная с июня 1999 г. В частности, проверить сделку с минеральной водой, которая, по словам Гочияева, была заключена с человеком, которого он считает «агентом ФСБ» и который использовал его, Гочияева, «в тёмную».
- Опросить знакомых, родственников и сотрудников Гочияева на предмет установления личности человека, которого он называет инициатором аренды подвалов.
- Просить правоохранительные органы третьих стран в случае задержания Гочияева не передавать его в руки ФСБ, в отношении которой имеются многочисленные факты сокрытия данных, уничтожения доказательств, запугивания свидетелей, фальсификаций и использования недозволенных методов ведения следствия. Гочияев, который является важным свидетелем терактов, должен быть допрошен независимыми и беспристрастными следователями.

Приложение 14

ПИСЬМЕННЫЕ ПОКАЗАНИЯ А. ГОЧИЯЕВА, ДАННЫЕ 24 АПРЕЛЯ 2002 ГОДА

(публикуется полностью, с сохранением орфографии
и пунктуации автора)
24.04.2002 г.

Моё имя Гочияев Ачемез Шагабанович. Родился 28 сентября 1970 г. в г. Карачаевске КЧР (раньше Ставропольский край)).

До 16 лет жил в г. Карачаевске окончил среднюю школу № 3 проживал по адресу ул. Курджиева 14 кв 34. По окончании школы поехал учиться в Москву, там я поступил учиться в ПТУ № 67 которая находилась на станции «Первомайская». Через год я окончил училище и призвался в армию. Потом в Ракетные войска стратегического назначения учёбку прошел в Белоруссии полгода, а остальные служил в Сибири Алтайский кр. пос. Первомайский. После армии около двух лет находился дома, затем вернулся в Москву работал, пытался заниматься комерцией. 1996 г. женился, получил прописку прописан: Строгино ул. Маршала Катукова 6 кв 188. 1997 г. Открыл собственную фирму, занимался строительством катеджей и торг. Фирма называлась «Капстрой 2000».

То, что касается утверждения ФСБ что я являюсь организатором Московских взрывов, что я связан с Басаевым и Хаттабом и то, что они заплатили мне за эти взрывы 500 тыс. \$ то, что я проходил подготовку в лагере в Урус-Мартане, все эти утверждения абсолютная ложь.

С ФСБ и другими подобными структурами не когда не чего не имел.

Как я писал ранее, я жил и работал в Москве, в июне 1999 г. Ко мне на фирму пришел один человек которого я очень хорошо знал, еще со школьной скамьи. Он предложил мне совместно заняться одним делом, он сказал что имеет хорошие возможности для реализации продуктов питания. Сначала он заказал мне минеральную воду, я ему её привез он ее реализовал и расчитался со мной в срок. Потом он мне сказал, что ему нужно помещения на юго-востоке Москвы где якобы у него точки реализации.

Я помог ему реализовать эти помещения на Гурьянова, на Каширке, Борисовские пруды и Копотне. 9 сентября я находился в гостях и мне часа в 5 утра позвонил на мобильный это человек и сказал, что на складе на Гурьянова не большой пожар и мне нужно туда поехать я сказал, что приеду и стал собираться включил телевизор и увидел что произошло на самом деле и я решил не куда не ехать и переждать. 13 сентября когда произошел взрыв дома на Каширском шоссе, я окончательно понял, что меня подставили. Я сразу позвонил в милицию, в скорую даже в службу спасения 911 и сообщил о складах на Борисовских прудах и Копотне, где после этого взрывы удалось предотвратить. Меня объявили подозреваемым, затем организатором и с тех пор мне приходится скрываться. Анализируя все эти события я прихожу к выводу, что весь этот чудовищный план был разработан и реализован теми людьми которым это тогда было выгодно. Но в ихнем плане произошла одна осечка, то что мне удалось от них уйти, я думаю, что то что я 9 сентября находился не дома в гостях сыграло свою роль. Сейчас я почти уверен, что этот человек с которым я работал (все данные на него я предоставлю позже) является агентом ФСБ.

Сотрудники внутренних дел г. Карачаевска на запрос с Москвы, когда готовили для них документы, то указали в них, что я являюсь уроженцем Чечни, чтобы как-то меня связать с Чечней, когда на самом деле я в Чечне не когда не жил.

От своего брата Гочияева Бориса который работает в районном отделе милиции я узнал, что у них приказ меня живым не брать. Тогда я понял, что та реклама которую мне дало ФСБ объявив меня терро-

ристом, организатором взрывов, злодеем и т.д., что всё это делалось специально они надеялись ликвидировав меня трубить на всю страну и весь мир, что уничтожен такой «супертеррорист» который взорвал дома в Москве и этим закрыть эту страшную тему.

На счёт своей сестры, я знаю что её часто допрашивали, сначала предлагали деньги затем пугали, угрожали, били, добиваясь от нее показаний против меня, чтобы она публично заявила, что я совершил эти взрывы. После этого они посадили ее мужа Французова Таукана, обвинив его в участии взрывов в Москве, потом это обвинение как всем известно с треском провалилось, но его всё равно приплюсовали к какой-то группе и осудили на 13,5 лет, я расцениваю это как месть мне. (Если будет необходимость я смогу предоставить свидетельские показания моей сестры, только будет нужно немного времени).

То, что касается Рязани, то я там не когда не был и этот город не знаю.

На вопрос готов ли я выехать в третью страну, чтобы дать публичные заявления. В такой ситуации в которой я оказался гарантий которые гарантировали мою безопасность просто не существует, а, что касается публичного заявления, то я готов встретиться с журналистом (журналистами) ответить на все интересующие вопросы.

Это краткое описание, всех произошедших событий (о деталях будем говорить позже).

Приложение 15

СТЕНОГРАММА СЛУШАНИЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ВЗРЫВОВ ДОМОВ В ГОРОДАХ МОСКВЕ И ВОЛГОДОНСКЕ И ПРОВЕДЕНИЯ УЧЕНИЙ В ГОРОДЕ РЯЗАНИ В СЕНТЯБРЕ 1999 ГОДА

Телемост Москва — Лондон 25 июля 2002 года

Из Москвы: председатель Комиссии Сергей Ковалев, заместитель председателя Комиссии Сергей Юшенков, ответственный секретарь Комиссии Лев Левинсон, члены Комиссии Леонид Баткин, Валерий Борщев, Александр Даниэль, Геннадий Жаворонков, Отто Лацис, Каринна Москаленко, Лев Пономарев, Юрий Просвирин, Юрий Самодуров, Александр Ткаченко, и, возможно, другие члены Общественной комиссии по расследованию обстоятельств взрывов домов в городах Москве и Волгодонске и проведения учений в городе Рязани в сентябре 1999 года; журналисты.

Из Лондона: Александр Литвиненко, Татьяна Морозова, Юрий Фельштинский.

Ковалев: Уважаемые господа, позвольте мне открыть наше сегодняшнее... я даже не знаю, как сказать, ну, скажем, собрание. Оно коренным образом отличается от тех методов работы, которыми пользуется до сих пор Общественная комиссия по расследованию, отличается от ее рабочих заседаний. Отличие понятно, в чем состоит: это первое столь широко публичное действие.

Нельзя сказать, чтобы мы были очень этим довольны. Присланные сегодня материалы представляют чрезвычайный интерес для нашей работы. И так уж получилось, что сегодня публичности не только нельзя было избежать, но она оказалась необходима.

Мы не знакомы заранее — вот сегодня утром только получили основное содержание материалов, передаваемых в нашу комиссию. Мы их не анализировали, не оценивали — это еще предстоит. Вероятно, у нас возникнут дополнительные вопросы, и мы надеемся, что наши зарубежные партнеры согласятся на последующие сеансы связи с тем, чтобы эти вопросы могли быть разрешены.

Я хочу сказать буквально несколько слов об основных принципах работы нашей комиссии и о том, что делалось до сих пор и будет продолжаться делаться. Совсем коротко. И для этой краткости есть веские основания.

Первое. Ни одна из версий тех варварских взрывов, которые были проведены в сентябре 1999 года, не является для нас предпочтительной. Мы стремимся оставаться абсолютно беспристрастными, нудными я бы сказал, тщательными в своих анализах и выводах. Этих выводов, даже предварительных, покуда нет.

Версии взрывов. Крайних версий две — так называемая версия чеченского следа и версия преступления со стороны московских спецслужб. Подчеркиваю: это крайние версии. Обе имеют свои «за», и обе имеют свои очень веские «против». Мы, повторяю, будем абсолютно беспристрастны.

Но это крайние версии, и довольно вероятно, что ни одна из них не окажется справедливой. Потому что возможны и другие версии — я бы назвал их промежуточными. Мы будем действовать в строгом соответствии с теми требованиями, которые разумно предъявлять и предъявляются во всем мире к работе следствия: ни одна из версий не может остаться без проверки.

Теперь два слова о том, что мы делали до сих пор и продолжаем делать, так сказать, в нашей повседневной работе. Мы встречаемся с разными людьми, беседуем с ними и фиксируем эти беседы. Мы

надеемся, что нам будет предоставлена все-таки рано или поздно возможность встретиться с официальными представителями государственных органов и задать им очень животрепещущие для нас вопросы. Мы широко пользуемся запросами, поскольку в рядах комиссии есть несколько депутатов, а депутатский запрос имеет некий установленный законом особый статус, и «коллекционируем» ответы на эти запросы. Я не стал бы сейчас характеризовать эту нашу официальную переписку. Мы получаем разные ответы. В качестве редких исключений — весьма содержательные и обстоятельные ответы на все заданные вопросы, ну а в качестве некой усредненной нормы — либо, простите меня за грубое слово, мычание, либо что-то бессодержательное.

Тем не менее лично я очень рассчитываю, что государственные инстанции изменят свое отношение к нашей работе и окажутся нашими деятельными партнерами. На чем основана эта надежда? Ведь на самом деле власти предъявляются чрезвычайно страшные обвинения. Единственный способ, которым эти обвинения могли бы быть опровергнуты, — это всестороннее и открытое расследование с полным предъявлением взволнованному обществу всех подробностей, всех результатов. Вот на этом и основана надежда.

Теперь мы приступим к основной части нашего собрания: мы слушаем наших лондонских партнеров, и вы будете иметь возможность задать вопросы — вы и мы. Кроме того, я еще раз подчеркиваю, что этот наш контакт, я надеюсь, не окажется последним и что в рабочем порядке мы будем иметь возможность более подробных обсуждений. Спасибо за внимание.

Юшенков: Давайте я сейчас представлю наших лондонских партнеров. Слева направо: Александр Литвиненко, Татьяна Морозова, Юрий Фельштинский.

Фельштинский: Добрый день.

Юшенков: Кто у нас будет?.. Александр, вы, да?

Фельштинский: Вы знаете, нет, мне по праву старшинства из трех присутствующих хочется передать слово Тане Морозовой — буквально на пару минут.

Морозова: Я очень признательна всей комиссии, которая сейчас собралась в Москве, и всем журналистам за то, что вы пришли обсудить и послушать, что происходит. Здесь у нас очень много новостей. Вы можете представить, что называется, <миру> какую-то часть этих новостей. Меня с моей точки зрения не интересуют никакие политичес-

кие разговоры. Что меня интересует? Меня интересует правда, меня интересует истина. Поэтому я здесь.

Сергей Адамович, я знаю, что у вас была встреча с Михаилом Трешкинским, и я бы очень хотела, чтобы вы его рассматривали как нашего представителя — моей сестры и меня.

Фельштинский: Мне бы хотелось добавить, тоже обращаясь к Сергею Адамовичу: мы на самом деле признательны за то, что это обсуждение у нас публичное, потому что единственное, что на самом деле важно во всем этом деле, — чтобы наша дискуссия, наше обсуждение проходило абсолютно открыто. Единственное, что может погубить, собственно, все наше дело, — это если будут предприниматься попытки делать заседания комиссии закрытыми. Потому что на самом деле, как уже много раз повторялось и даже на сайте, по моему, в интернете вывешено как лозунг: нас интересует правда. И нам очень важно, чтобы наша сторона — по крайней мере наша сторона — выступала открыто и публично. Потому что, к сожалению, противная сторона (назовем ее властью, назовем ее ФСБ...) делает все возможное, чтобы наши обсуждения публичными не были, наши факты и выводы не становились известны широкой общественности и чтобы в результате правду о том, кто же на самом деле несет ответственность за сентябрьские теракты 1999 года, не узнал никто. Поэтому еще раз я вам хочу выразить свою признательность за то, что это наше собрание, эта наша дискуссия — открытая и публичная. И хочется пожелать, чтобы все остальные заседания Общественной комиссии также были публичными, потому что это единственная возможность для российской общественности узнать, что же происходит нового в этом деле.

Спасибо. Наверное, сейчас могу передать слово Александру.

Литвиненко: Здравствуйте. Огромное вам спасибо за то, что вы нас пригласили на это заседание. Я передаю эти материалы вместе с Юрием Фельштинским именно вам. Почему? Потому что вы работаете публично и гласно.

Я хочу дополнить то, что говорил Фельштинский, еще вот чем. Я бы хотел, чтобы тех лиц, кого мы будем называть в качестве очевидцев, вы опрашивали так же публично и гласно, в присутствии журналистов. Это нас всех спасет от всякого рода фабрикаций, махинаций, инсинуаций и обвинений в том, что кто-то где-то пытается что-то сфабриковать либо придать этому делу какую-либо политическую сторону. То есть чтобы мы нашли истину и чтобы люди нам поверили, что это

действительно так, — мы должны, я считаю, делать это только гласно. Вот моя позиция. И поэтому я обращаюсь именно к вам.

Фельштинский: Наверно, теперь мы готовы передать слово Москве и отвечать на любые вопросы, которые могут возникнуть или уже возникли.

Юшенков: Юрий, я думаю, все-таки нужно, чтобы Александр очень кратко хотя бы изложил содержание тех документов, которые он нам направил, чтобы представители прессы могли иметь возможность включиться, что называется, в суть вопроса.

Литвиненко: Да, безусловно, конечно. Значит, что я хочу сказать по сути материалов.

Нам с Юрием Фельштинским удалось установить контакт с Ачемезом Гочияевым, который, по версии ФСБ, является руководителем террористической группы, которая организовала взрывы жилых домов в городе Москве в сентябре 1999 года. В связи с этим я считаю, что материалы, которые нам передал Гочияев, имеют крайне важное значение для установления истины.

При этом я хочу отметить главное: что Ачемез Гочияев вышел на нас инициативно сам, и, насколько мне известно, эти материалы, которые он нам передал, то есть эти свои объяснения, он давал, будучи на свободе и добровольно.

В своем объяснении Ачемез Гочияев достаточно подробно указал свои автобиографические данные, которые не представит труда проверить вам, уважаемые члены комиссии.

Кроме того, Ачемез Гочияев заявил, что он действительно арендовал те помещения, в которых произошли взрывы. Но сделал это по просьбе своего знакомого.

Наиболее важным заявлением в этом объяснении я считаю то, что Ачемез Гочияев, после того как произошел второй взрыв — на Каширском шоссе 13 сентября, именно он, по его утверждению, поставил в известность милицию, «скорую помощь» и службу спасения «911» о том, что по другим адресам, арендованным им, в том числе на Борисовских Прудах и в Капотне, возможно, произойдут следующие взрывы.

При этом я хочу отметить следующее: что действительно в адресе на Борисовских Прудах был обнаружен склад взрывчатки и шесть таймеров, готовых к дальнейшему применению. И вот здесь у меня как у бывшего оперативного работника возникает вопрос, очень серьезный вопрос к правоохранительным органам. Если вы действительно пришли в этот адрес и обнаружили там шесть таймеров, то есть склад

взрывчатки, почему вы не выставили там засаду, как говорят оперативные работники, и не задержали преступников, когда они придут за этой взрывчаткой, а объявили об этом по телевизору? То есть предупредили преступников о том, что явочное место, где находятся эта взрывчатка и эти таймеры, известно правоохранительным органам.

Следующее. Ачемез Гочияев дает <...> информацию в отношении того человека, по просьбе которого он снимал эти склады. И, я думаю, найти этого человека не будет так сложно, если использовать все имеющиеся, в том числе у адвокатов, возможности для розыска человека. Адвокат имеет право это сделать, он может обнаружить этого человека. Я думаю, правоохранительные органы тоже должны в этом помочь.

Кроме этого, очень серьезным заявлением Ачемеза Гочияева является то, что его сестра подвергалась недозволенным методам следствия (ее пытали с целью, чтобы она оклеветала своего брата), а также заявление о том, что его брат, который работает сотрудником милиции в Карачаево-Черкесии, предупредил его, что есть команда его не задерживать, а при задержании уничтожить.

Эти сведения также можно проверить, и я бы хотел, чтобы вы их проверили публично и гласно, то есть на следующее заседание комиссии вызвали этих людей, чтобы они в присутствии журналистов, в присутствии общественности дали свои показания или объяснили, почему они их не хотят давать.

Вот эти заявления я считаю наиболее важными. Если они подтвердятся, то они помогут найти истину в этом деле. У меня все.

Юшенков: Александр, вы можете сейчас продемонстрировать вот эти видеозаписи, фотографии? Второе: когда последний раз вы связывались с Гочияевым? Вы уверены, что он сейчас еще жив, и так далее?

Литвиненко: Начнем с его объяснений. Вот его рукописное объяснение на шести листах.

Юшенков: Мы его получили, у нас оно имеется. Фотографии и видеозаписи мы не получили.

Литвиненко: То есть я вам скажу, что путем сличения почерка, я думаю, не представит сложности установить, им это написано или нет.

Второе. Вот его личные фотографии, которые он передал нам. Это вот в большом виде сделаны фотографии. Первая фотография...

Юшенков: Почетче нельзя? Оператора нет там — сделать?.. Может быть, к камере, Юрий? Не получается...

Фельштинский: Эти фотографии в электронном виде будут вам предоставлены. Они уже вывешены, вот мне подсказывают, на сайте Grani.

ги. Это та причина, по которой мы вам их не пересылали, их проще будет посмотреть в интернете.

Литвиненко: Вот одна фотография, вторая его фотография личная. Вот еще одна фотография личная, еще одна фотография личная.

Юшенков: Спасибо, раз они будут вывешены — не надо.

Литвиненко: Для установления того, является ли этот человек Гочияевым, мы обратились к эксперту и предоставили эксперту вот эти фотографии и фотографии, официально вывешенные на сайте ФСБ, то есть фотография из раздела «Розыск» — это вот эта фотография, фотография из раздела «Розыск» — вот эта фотография и две фотографии, где он запечатлен с Хаттабом. Якобы он.

Эксперт дал заключение, что вот по тем фотографиям, которые нам передал Гочияев, и по тем фотографиям, которые вывешены в сайте в розыск, он полностью идентифицировал Гочияева. То есть вот это и это — один человек. При этом эксперт заявил, что вот эта фотография, где Гочияев находится с Хаттабом, — по этой фотографии идентифицировать Гочияева невозможно. Эта фотография не может являться доказательством в суде, а также возможны признаки цифрового монтажа. То есть эта фотография, если сказать простым языком, — фальшивка, которая не может быть документом.

И тут сразу же возникает следующий вопрос: для чего правоохранительным органам предъявлять общественности фальшивку?

Сергей Николаевич, повторите еще раз вопросы.

Юшенков: Когда последний раз вы имели связь с Гочияевым? Вы непосредственно с ним не имели, только через посредников, да?

Литвиненко: Вот по поводу установления связи с Гочияевым, установления с ним контактов — я бы хотел, чтобы этот вопрос прояснил Юрий Фельштинский, потому что все контакты... Значит, первый контакт с посредником был у него, потом у меня. И, вы знаете, здесь ситуация следующая. Мы сейчас стараемся не терять эту связь как бы, этот контакт, потому что по договоренности с посредником после проверки этих материалов... Гочияев же пишет, что «это краткое описание, о деталях будем говорить позже».

То есть я надеюсь, что Гочияеву самому будет известно о том, что происходит, и если у нас будут дополнительные какие-то вопросы, я думаю, он нам даст на них ответы. То есть, пожалуйста, я попросил бы, чтобы Юрий Фельштинский более подробно рассказал об этих контактах.

Фельштинский: Вы знаете, как я понимаю, какая-то информация вам уже была роздана и находится у членов комиссии в напечатанном виде.

А я сразу же хочу сказать и предотвратить наверняка вопросы журналистов на эту тему, что наши контакты носят инициативно односторонний характер. Скажем так, у Гочияева, у людей, которые рядом с Гочияевым, у посредников Гочияева, курьеров Гочияева — как угодно называйте — есть возможность выходить на нас, а у нас нет возможности выходить на них.

Тем не менее этот диалог — он абсолютно реален. Возможность выйти на Гочияева, разговаривать с Гочияевым, безусловно, есть. Есть возможность получать ответы на какие-то вопросы. И в этом смысле мы работаем, по-моему, намного более эффективно, чем некоторые государственные структуры. Я думаю, понятно, почему это происходит. По все той же самой причине: потому что абсолютно всем, и даже Гочияеву, ясно, что нас-то интересует правда, в то время как Федеральную службу безопасности интересуют совсем другие проблемы. Это в двух словах ответ на этот вопрос.

Был задан вопрос, когда именно был установлен контакт. Эта история тоже описана нами. В несколько этапов показания Гочияевым были даны 24 апреля, если не ошибаюсь.

Мне хотелось бы добавить несколько слов по поводу фотографий. Вот эти фотографии, которые наша лондонская независимая экспертиза признала не сильно убедительными или недостоверными и даже назвала фотомонтажом, — это единственная связь между Хаттабом и Гочияевым. Вообще надо сказать, что эти фотографии — на данный момент единственная связь между Хаттабом, Чечней и сентябрьскими взрывами 1999 года. Иными словами, после многих-многих месяцев кропотливой работы Федеральной службы безопасности Российской Федерации у них нет никаких доказательств и никаких указаний в пользу того, что за сентябрьскими операциями в Москве в 1999 году стоят чеченцы, чеченские полевые командиры и в том числе Хаттаб.

Более того, все мы знаем, что некоторое время назад Федеральной службой безопасности был задержан Деккушев и доставлен в Москву и Деккушев, по заявлению ФСБ, дал показания о том, что за терактами в Москве стоят все тот же Хаттаб, все те же чеченцы.

Я хочу заявить в связи с этим, что в нашем распоряжении имеются письменные показания еще двух участников, по версии ФСБ, террористических актов в Москве в сентябре 1999 года — Крымшамхалова и Батчаева, что эти показания нам уже даны. И согласно этим показаниям (которые имеются в письменной форме, равно как и видеозапись имеется) ни Хаттаб, ни какие-либо чеченские полевые командиры, ни

чеченцы вообще не имели никакого отношения к сентябрьским терактам в Москве в 1999 году. Я делаю это заявление в связи с тем, что Федеральная служба безопасности в настоящее время ведет вполне реальную, серьезную охоту за этими людьми, что вполне возможно, что рано или поздно этих людей может постигнуть та же судьба, которая постигла Деккушева, и мы не знаем, какие показания эти люди будут давать после того, как они окажутся в руках ФСБ.

Более того, если ФСБ интересуют участники терактов на «нижнем» уровне — люди типа Деккушева, Батчаева и Крымшамхалова, которых ФСБ объявляет участниками терактов, то нас в отличие от ФСБ интересуют не только те, кто взрывал дома физически, но и те, кто давал заказ на взрыв этих домов, и те, кто руководил этой операцией на среднем уровне.

Так вот я должен заявить, опять же публично и официально, что согласно показаниям Крымшамхалова и показаниям Батчаева руководителями операции по взрывам домов в Москве в сентябре 1999 года является Федеральная служба <безопасности> Российской Федерации. Что согласно этим же показаниям, данным письменно, руководителем этой операции назван директор ФСБ Николай Платонович Патрушев. Что согласно этим же показаниям, данным письменно, куратором операции на уровне реализации являлся вице-адмирал, директор Департамента по защите конституционного строя Герман Алексеевич Угрюмов, погибший при невыясненных обстоятельствах 31 мая 2001 года (есть очень серьезные основания считать, что он был убит самой Федеральной службой безопасности).

Также нами сейчас проверяется версия о том, что одним из реальных руководителей на рабочем уровне этой операции был известный сотрудник спецслужб Макс Лазовский. Как вы знаете, про него в судебном порядке в общем-то было доказано, что он имеет отношение и к терактам в Москве в 1994 году и, скорее всего, к терактам в Москве в 1996 году.

Вот всю эту информацию мы сейчас проверяем. Это дополнительная информация к информации Гочияева, которую мы вам сообщили раньше.

Юшенков: Спасибо. Кто-нибудь из представителей ФСБ здесь есть? Который хотел бы задать вопрос — имеется в виду. В этом смысле. (Смех в зале). Нет, да? Сергей Адамович, тогда мы как договаривались? Члены комиссии вначале задают вопросы какие-то уточняющие, а потом журналисты, да?

Борщев: Александр, уточните: Гочияев лично звонил, предупреждая о возможных взрывах на Борисовских Прудах и в Капотне? И известна ли фамилия того человека, который принял эту информацию?

Литвиненко: По утверждению Гочияева, он лично позвонил 13-го числа утром по телефонам в милицию, «скорую помощь» и «911». Мне как бывшему сотруднику правоохранительных органов хорошо известно, что все такого рода сообщения записываются на магнитофонную пленку. Поэтому комиссия, я думаю, если истребует в правоохранительных органах магнитофонную запись <звонков> в службу «911», в милицию и «скорую помощь» и прослушает их на своем заседании — публично, открыто, гласно, то, я думаю, вот эту информацию можно проверить.

Кроме того, можно установить мобильный телефон, которым пользовался Гочияев, и посмотреть распечатки: какие звонки исходили из этого телефона 13-го числа утром — то есть взять, допустим, определенный промежуток времени и установить. Это работа специалистов. Я думаю, что адвокат Трепашкин и другие адвокаты в состоянии эту работу организовать — написать запросы, получить материалы, сдать их проверить, дать им правовую, юридическую оценку и, я думаю, предоставить эти материалы в полном объеме для комиссии, а также для российской общественности.

Юшенков: Спасибо. Леонид Михайлович Баткин.

Баткин: Здравствуйте. У меня вот какой вопрос.

Показания Гочияева очень конкретны и в этом смысле вызывают доверие, кажутся искренними. Кроме одного пункта, который к тому же, с моей точки зрения, является центральным и крайне меня озадачил. Я цитирую: «Ко мне на фирму пришел один человек, которого я очень хорошо знал еще со школьной скамьи...» и так далее. Этот «один человек» поручил снять помещения в домах, которые были взорваны или затем указаны Гочияевым как объекты предстоящих взрывов. Сам Гочияев утверждает, что он его хорошо очень знает — «со школьной скамьи». Именно с ним была вся эта история связана, и он выступает как организатор реальный (на среднем уровне, как вы выражаетесь) московских взрывов. Но почему не названа фамилия этого человека? Почему о нем не сказано ничего конкретно? Кто он такой? Почему это все время «один человек», хотя в нем-то — суть проблемы? Что Гочияеву скрывать? И почему вы не поставили такой вопрос перед ним?

Литвиненко: Я вас понял. Значит, первое. Я хотел бы вас немножко поправить. Этот человек не поручил Гочияеву снять помещения, а

предложил снять помещения. То есть Гочияев не находился в его подчинении.

Второе. Гочияев указывает некоторые данные на этого человека. Он указывает, что он с ним знаком со школьной скамьи, то есть этот человек является его земляком, но поэтому он не называет его фамилию.

Мы задавали такой вопрос посреднику: почему Гочияев не называет фамилию этого человека? Посредник показал нам на последнее его заявление. Это краткое описание всех прошедших событий, о которых мы будем говорить позже. То есть я так понял, что это первое объяснение Гочияева. Гочияев нас не знает, он нам не доверяет до конца. После того как пытали его сестру, после того как дали команду его «живым не брать» — он, естественно, боится называть этого важного свидетеля.

Но я вам скажу как оперативный работник, что, конечно, это мое мнение, почему он боится называть... Обратились к посреднику, посредник говорит: он боится называть. Я считаю, Гочияев делает глупость в этом плане, но я не могу же его заставить.

Даже по тем данным, которые есть, этого человека несложно найти. Опросить людей, с которыми Гочияев работал на фирме в этот период, и установить всех земляков, которые к нему обращались и которым он реализовывал минеральную воду. То есть проблем нет.

И если взять распечатку телефонов — по этим телефонам можно найти этого человека, как здесь указано, который звонил ему 9-го числа в пять утра. То есть вы понимаете, да? То есть Гочияев как бы нам не называет его фамилию, пытается как бы спасти свидетеля, но тем самым он его полностью перед нами раскрыл. Вам скажет это любой оперативный работник. То есть этого человека идентифицировать и обнаружить — ну, я вам скажу, работа на двое-трое суток для хорошего опера.

Юшенков: Юрий Владимирович Самодуров. И сразу же — Геннадий Жаворонков.

Самодуров: Александр, вот в показаниях Гочияева, которые вы нам передали, есть такая фраза: «Сейчас я почти уверен, что этот человек, с которым я работал, является агентом ФСБ. Все данные на него я представлю позже». Это слова Гочияева. Если Гочияев выйдет с вами на связь, не можете ли вы его попросить представить Общественной комиссии данные этого человека? Он может сам решить, в какой форме он хочет это сделать — в открытой или закрытой.

Литвиненко: Я, конечно, после вашей комиссии попытаюсь установить контакт с Гочияевым и задать ему ряд вопросов. Почему я не делал этого

до вот этого заседания? Я хотел, чтобы Гочияев лично убедился через средства массовой информации, что мы его заявление не спрятали, не поставили на него гриф «секретно», как это делают некоторые господа в Российской Федерации, не стали закулисно это заявление использовать, не стали его продавать кому-то (потому что есть люди, которые, допустим, пытаются этой информацией торговать — сами понимаете, да? Мошенников много разного вида). Я бы хотел, чтобы Гочияев увидел, что расследование пошло гласно. И я все-таки надеюсь, что... Используя вот этот даже телемост — я думаю, он это увидит, — я обратился бы к нему и сказал следующее: что все материалы, которые он нам передаст, будут переданы вашей комиссии. Публично и гласно.

При этом поймите меня правильно. Я не пытаюсь обвинить или оправдать Гочияева самого. Я не могу утверждать, что Гочияев невиновен. Я только могу сказать одно: что это объяснение передал Гочияев, здесь сведения, которые заслуживают самого серьезного внимания, и они должны быть всесторонне, объективно рассмотрены и переданы гласности.

Я исполню вашу просьбу и, если у нас будет еще контакт с Гочияевым, задам ему этот вопрос: назвать имя этого человека, который, по его мнению, является агентом ФСБ. Но я думаю, что адвокат Трепашкин и другие адвокаты... Если на все их запросы правоохранные органы дадут объективные и полные ответы и не будут им мешать, они этого человека могут найти раньше, установить, чем нам о нем расскажет сам Гочияев.

То есть весь вопрос в том, будут нам мешать правоохранные органы или не будут мешать. Будут правоохранные органы оказывать давление на свидетелей или не будут оказывать давления на свидетелей. Вот в чем вопрос.

И при этом я бы хотел поставить небольшой вопрос перед комиссией. Вопрос чрезвычайно серьезный и чрезвычайно важный.

В связи с тем, что мы имеем прямые доказательства по Рязани причастности ФСБ к подрыву жилого дома (там не учение было, а подрыв жилого дома, и мы имеем прямые доказательства того, сейчас я просто не хочу об этом много говорить, потому что, я думаю, на следующем заседании мы их представим), я бы хотел, чтобы комиссия официально обратилась к директору ФСБ Патрушеву с требованием, с просьбой — снять гриф секретности с дела по Рязани и представить его на следующее заседание. Чтобы мы могли объективно и гласно проверить те материалы, которые там есть и которые есть у нас. Вот о чем вопрос.

Жаворонков: Александр, а почему вы так уверены, на чем строится ваша уверенность, что курьер Гочияева — не агент ФСБ? Мало ли игр за свою историю провела ВЧК. Не вам мне рассказывать про дело Савинкова, которого заманили в Россию и потом сбросили в пролет лестничной.

Литвиненко: Я ни разу нигде не заявил, что курьер — агент или не агент ФСБ. Я этого ни разу нигде не заявил. Я только говорю одно: что мы получили рукописный документ, где написано, что этот документ написан Гочияевым, и получили его личные фотографии. Что я мог в Лондоне — я проверил. Я обратился к экспертам, эксперты дали заключение, что на фотографиях личных именно Гочияев. То есть на официальном сайте вывешена фотография его в розыске. То есть это тот человек. А вот все остальное — почерк Гочияева сверять — это дело рук адвокатов, которые находятся в Москве.

И по поводу этого курьера: я не могу дать никаких ему характеристик. То есть вы понимаете меня, да? Если это, допустим, разработка ФСБ, какая-то определенная операция... Слушайте, но зачем ФСБ это надо? Послушайте, если это вскроется, то это лишний раз подтвердит, что ФСБ пытается, вместо того чтобы установить истину, тратит, извините, силы и средства налогоплательщиков на то, чтобы вести какую-то мышиную возню вокруг меня, которую они ведут уже пять лет. Вот о чем разговор.

Ткаченко: Александр, здравствуйте. Это Александр Ткаченко. Я хочу спросить вас вот о чем. Вы сказали, что Гочияев сам сообщил о возможных следующих взрывах в Капотне и на Борисовских Прудах, да? Как вы думаете, сохранились ли записи, фиксация в милиции, в «скорой помощи» о том, что это действительно он предупредил?

Литвиненко: Во-первых, надо установить подразделение, которое выезжало на Борисовские Пруды, установить начальника этого подразделения и установить, откуда был получен сигнал. Если они начнут заявлять, что «агенты, секреты», — вот это, знаете, на данном этапе уже не работает.

Следующий момент. Если бы я был руководителем и офицером, который участвует в розыске преступника, совершившего террористические акты, что бы я сделал в первую очередь, планируя мероприятия? Я бы направил официальный запрос в МВД, во все эти структуры, дежурные службы с требованием: кассеты за этот день и вообще за весь этот период сохранить, их упаковать в пакеты и передать следствию. И я бы эти документы, эти все сообщения тщательно

изучал, устанавливал бы лиц, которые звонят, и этих бы лиц допрашивал в качестве свидетелей. То есть даже не только в тот день, не только за 13-е, а за все дни, когда вся эта ситуация была, весь сентябрь. Если правоохранительные органы этого не сделали, то надо разбираться, почему это не сделали: либо это непрофессионализм, либо это сделано умышленно. А если они это сделали, то, я думаю, эти записи они вам предоставят.

Кроме того, если, допустим, в этих записях не будет Гочияева, то надо посмотреть по мобильному телефону — был ли звонок с мобильного телефона. Это ж тоже важный вопрос. То есть это проверяемо.

Юшенков: У членов комиссии, как я понял, больше нет вопросов? Или у вас еще, Леонид Михайлович?

Баткин: Да, у меня еще один вопрос совершенно иного порядка. В сообщении ФСБ упоминаются некие ваххабиты. Вообще надо сказать, что вся эта версия новая ФСБ опровергает полностью слова о чеченском следе, которые, хотя и при полном отсутствии фактов, фигурировали два с половиной года. Теперь приходится поневоле говорить о дагестанском следе. Тогда нужно объяснить мотивы и обстоятельства, которые могли вынудить людей из Дагестана каким-то образом решиться взрывать дома в Москве. Кроме упоминания фигуры Хаттаба (так сказать, арабский след) на основании фальшивой фотографии, никаких сведений нет. Но где эти ваххабиты? В городе, где родился Гочияев, — в Карачаевске — есть ли там ваххабиты сейчас? Были ли они тогда? Кто ими руководил? Можно ли что-либо узнать по поводу этой среды, из которой якобы вышли взрыватели в Москве?

И последнее. Возвращаясь к этому загадочному «одному человеку», я хочу сказать, предупредить, что я лично не верю в то, что он будет найден. Потому что это центральная фигура. Если Гочияев сказал правду, а у нас есть определенные основания так думать, то этот человек должен быть либо надежно укрыт, изолирован — или уничтожен, или его давно уже нет. Потому что на нем сходятся все нити этого дела (если, повторяю, Гочияев сказал правду). А опровергнуть эти слова Гочияева невозможно, потому что есть наверняка множество документов и фактов, связанных с его фирмой и всей этой торговой деятельностью, тут он врать не может.

Литвиненко: Я хочу ответить на ваш вопрос следующее. По поводу мотива. Я бы не хотел, чтобы меня опять обвинили в том, что... К сожалению... Я иногда даю интервью, что-то пытаюсь объяснить, и есть вещи, когда, допустим, выхватывается из контекста какая-то фраза

и придается совсем другой смысл сказанному. Поэтому я сейчас <не очень сложно> хочу объяснить так. По поводу мотива.

Я никого не оправдываю. Вот нам объясняют, что Хаттаб сделал заказ Гочияеву и что мотив у Хаттаба был — отомстить за то, что их побили в Дагестане (это заявление генерал-лейтенанта Миронова, начальника оперативно-разыскного управления, которое ведет розыск, одно из подразделений ФСБ). То есть мотив — вот то, что побили в Дагестане. Всё, однозначно.

Теперь давайте смотреть. Если у человека возникает мотив... Возьмем человека Х. Если у человека Ха возникает мотив совершить преступление за то, что его где-то побили, а побили этого человека в августе, то планировать это преступление он будет только после августа. Правильно? Сначала его побили, потом у него возникает мотив, и он начинает его планировать. Но если человека Ха побили в конце августа, 26 августа, с 7 августа по 26-е его били, то не может он начинать планировать преступление в июле. Понимаете, какой абсурд?

Умышленных преступлений не может быть без мотива. Не может преступление начинать планироваться до того, как возник мотив. Это вам скажет любой юрист, вот обратитесь, там у вас есть юристы уважаемые, они вам объяснят, что не может планироваться преступление до возникновения мотива. Это же все понимают. То есть надо установить мотив. Если мы обвиняем человека в совершении преступления — мы первое, что должны сделать, — установить мотив: а почему он это сделал? И уже потом разбираться, что он сделал для того, чтобы мысли воплотить в действительность.

По поводу ваххабитов. Я не являюсь специалистом по Корану, по мусульманству. Я не служил в подразделениях, которые занимаются борьбой с инакомыслием, с политическими партиями, с различными религиозными движениями. Я служил в подразделении, которое занималось борьбой с терроризмом и организованной преступностью. Кстати, моя последняя должность — начальник подразделения по розыску лиц, которые объявлены в международный розыск. Поэтому на этот вопрос я подробно не могу ответить, но если это интересно, я могу изучить документы, связанные с ваххабизмом, и на следующем заседании вам дать более... Или пригласить специалистов, кто понимает, что такое ваххабизм вот как религия, то есть что такое религия, на чем она основана и что движет людьми, которые вступают в ту или иную религиозную группу, и эти люди вас проконсультируют.

Москаленко: Здравствуйте. У меня вот какой вопрос — скорее рекомендация. Возможно (вы полагаете, что это возможно), что Гочияев захочет сотрудничать с комиссией. В этом случае я хотела бы ему передать наши рекомендации — если, конечно, он нас слышит сейчас.

Нам сейчас один из коллег сказал, что опровергнуть показания Гочияева невозможно. Пока я хотела бы сказать, что опровергнуть их невозможно так же, как и подтвердить. Если у него существуют какие-то, я бы назвала это, несмываемые следы, то есть те обстоятельства, которые вычеркнуть невозможно и легко идентифицировать, легко их установить, — он должен нам сообщить эти обстоятельства, и мы их сможем в определенных пределах проверить. Вот это было бы моей рекомендацией.

А вообще мы изучим ваши документы, материалы, и, наверно, у членов комиссии могут возникнуть к вам еще вопросы.

Литвиненко: Хорошо, я обязательно вашу просьбу передам. Но я бы хотел сказать, что в тех материалах, которые передал Гочияев, он указал свой адрес, он указал место, где он проживал, он указал свои автобиографические данные, их можно проверить, также опросить людей, которые его видели в то или иное время. Там же, по официальной версии, он подготавливался в лагерях там каких-то террористических на территории Чечни. По времени можно установить — где сколько времени он находился.

Но опять же я бы хотел вам сказать что? Я обращаюсь к сотрудникам правоохранительных органов, к тем людям, с которыми вместе, бок о бок я двадцать лет находился в строю. Я бы хотел обратиться к этим людям, чтобы они все-таки вам помогли. Потому что все-таки адвокатам самим будет крайне сложно это делать. Хотя бы чтобы не мешали, понимаете?

Лацис: Вы знаете, если комиссия не против, может быть, мы предоставим слово журналистам? Я боюсь, что мы оставляем им не очень много времени.

Ковалев: Вы предварили мое предложение. Я и хотел бы сказать, что комиссия свои вопросы подготовит и впоследствии — но в скором времени — постарается задать их вам. Таких вопросов много. А сейчас, вероятно, надо дать возможность прессе задать вопросы.

Но только я хотел бы сделать одно короткое замечание. В ваших словах, уважаемые лондонские коллеги, постоянно и настойчиво звучит один мотив: все шаги расследования должны быть прозрачны с самого начала. Позвольте с вами не согласиться. Я объясню, что я имею в виду.

Комиссия, несомненно, опубликует огромный, нуднейший доклад о своей работе — когда сочтет это возможным и нужным, когда эта работа будет близиться к концу. Делать все промежуточные шаги гласными? Знаете, я немножко удивлен. Ведь уважаемый господин Литвиненко принимал участие в расследованиях. А ведь к гадалке не надо ходить, чтобы видеть, что вы стоите жестко на некоторой версии (между прочим, комиссия, я еще раз подчеркиваю, никакой одной версии не имеет и не рассматривает, она рассматривает разные версии, как это и надлежит делать комиссии по расследованию). Вы стоите на некой вполне определенной версии. Это ваше право. Но ведь, делая все шаги прозрачными с самого начала — все промежуточные, технические шаги, вы ведь даете возможность тем, кого вы подозреваете, иметь в виду ваш следующий шаг.

Вы часто ссылаетесь на свою профессиональность в оперативной работе. Меня лично вот такое настойчивое требование абсолютной прозрачности всех технических и промежуточных шагов очень сильно удивляет. Мы имеем возможность в комиссии обсуждать принципы нашей работы. Пусть поправят меня мои коллеги, но я полагаю, что большинство комиссии склонилось к тому, что многие рабочие заседания комиссии будут закрытыми, и что это целесообразно, и что открытым, абсолютно прозрачным и абсолютно подробным, не скрывающим никаких деталей может быть только окончательное заключение.

Я счел нужным сделать это замечание именно потому, что и вы, Александр, и вы, Юрий, постоянно настаиваете на обратном. Я призываю вас подумать об этом.

Ашот Насибов: В пресс-релизе для журналистов, розданном нам здесь, сказано, что через курьера Гочияеву была передана видеокамера для записи ответов и что обратно были переданы видеозапись и несколько фотографий. Фотографии нам показали. Почему бы не продемонстрировать видеозапись журналистам?

Фельштинский: Вы знаете, чисто по техническим причинам мы как бы не понимаем, как это сделать. Да, мы, безусловно, готовы предоставить видеопленку в распоряжение журналистов. Будем считать, что это вопрос очень короткого времени, связанного с технической задачей этой информации, с практической передачей этой информации в руки журналистов.

Литвиненко: Вы можете сами к нам приехать, мы вам отдадим копию, пожалуйста. Лично вам в руки.

Фельштинский: К сожалению, мы не можем сейчас приехать в Москву.

Зоя Орьяхова (информационное агентство «Прима»): У меня два вопроса. Вчера в Париже лидер Чеченской демократической ассоциации Борзали Исмаилов дал пресс-конференцию, на которой заявил, что заявлением Гочияева располагала чеченская общественная комиссия по расследованию терактов, он обнародовал этот документ и сказал, что, по его мнению, вы получили этот документ через американского журналиста. Как вы можете прокомментировать это заявление?

Второй вопрос: в заявлении он говорит, что готов сделать публичное заявление перед журналистами, но считает, что в третьей стране гарантии безопасности будут не больше, чем <...>. А вы могли бы помочь Гочияеву выступить в третьей стране <...>?

Литвиненко: По поводу того, что Гочияев может встретиться с журналистами и выступить перед прессой. Мы неизбежно этот вопрос зададим, только я не знаю, как он это будет делать. Честно сказать, это его проблема — как он будет это организовывать. Выехать в третью страну у меня нет никакой возможности, потому что я не являюсь сотрудником правоохранительных органов и не могу — ни я, ни Фельштинский — проводить какие-то тайные операции, вы сами понимаете. Выезд человека в какую-то страну — это тайная операция, и мы ее не полномочны проводить и не можем проводить.

Фельштинский: Относительно публикации в чеченских СМИ (я так понимаю, что речь идет об интернетовских СМИ) материала Гочияева — это еще одно указание на то, что материалы подлинные и что подлинность их подтверждается в том числе и чеченской стороной. Материалы были получены нами напрямую, без каких-то хитростей. Мне непонятно, о чем идет речь, когда речь идет о получении этих материалов через некоего американского журналиста.

Юшенков: Материалы-то подлинные, агентство «Прима»?

Литвиненко: У вас есть возможность сейчас проверить: взять почерк Гочияева — я думаю, есть в паспортном столе. Обратиться к его жене, к его сестре, она принесет его письма, тетради, его записи, и проверить: его почерк или не его почерк? Это же не проблема, это просто делается.

«Еженедельный журнал»: Насколько следует из пресс-релиза, который нам роздан, ваши контакты с представителем Гочияева были в марте-апреле. А почему только сегодня, спустя четыре месяца, эта информация обнародована? На что у вас ушли четыре месяца, почему не сразу?

Литвиненко: Первое: мы проверяли материалы, проверяли здесь, что могли. Второе: мы связывались с членами комиссии и просили их, чтобы эти материалы обнародовать. Просьбу свою об обнародовании этих материалов мы высказали где-то, по-моему, месяца полтора назад или месяц назад, после того как мы их дополнительно проверили, и было назначено 25-е число. Мы не видели необходимости, получив материал, в этот же день куда-то с ним бежать. Надо было проверить, надо было еще установить контакт, сказать, что мы их опубликуем, что мы их предадим гласности, и получить ответ. Чтобы, допустим, контакт не оборвался, если будут какие-то дополнительные вопросы. Здесь вопрос корректности тоже определенный.

Фельштинский: Кроме того, еще два соображения. Во-первых, мы до какого-то момента ждали, что получение нашей информации от Гочияева примет более активный характер. А кроме этого, мы занимались (об этом уже говорилось) экспертизой фотографий.

Газета «Коммерсант»: Не могли бы вы назвать лабораторию, в которой работает эксперт, который утверждает, что фото Хаттаба с Гочияевым смонтировано?

Литвиненко: Вот его визитная карточка, фамилия его.....

Газета «Коммерсант»: Это все есть в пресс-релизе, назовите лабораторию, в которой он работает.

Литвиненко: <...> Этот человек является официальным экспертом, он выступает в британских судах и международных и дает свои заключения. Я знаю, что вчера ему звонили журналисты, он выступал в британском суде в качестве эксперта. Он имеет лицензию, вот, пожалуйста, есть нотариальное подтверждение его заключения.

Газета «Коммерсант»: Почему бы вам не представить полученную видеозапись?

Фельштинский: Это вопрос к тем, кто занимался технической стороной передачи материалов, я в этом деле мало что понимаю. Но я знаю, что фотографии передали, а... Вы лично можете приехать или кого-то попросить, мы вам дадим. Мы сделаем копии, размножим. Вопросов здесь нет никаких. На данный момент просто запись имеется в двух-трех экземплярах, будем откровенны. Кроме этого, мы не понимали до конца, в каком формате будет проходить передача самих фотографий, текстов... Тексты и фотографии были нам пересланы только, по-моему, либо сегодня, либо вчера поздно вечером. Вот, собственно, и все. Повторяю, это только вопрос времени.

Газета «Коммерсант»: К господину Фельштинскому. Вы сказали о каких-то дополнительных показаниях от некоего Батчаева, который утверждает, что Хаттаб не имеет никакого отношения ко взрывам в Москве и Гочияев, соответственно, тоже. Что это за люди, которые так утверждают?

Фельштинский: Это очень известные люди. Это люди, которые обвиняются Федеральной службой безопасности как организаторы террористических актов в Москве и Волгодонске. Это те люди, за которыми сейчас ФСБ ведет достаточно активную охоту на территории Грузии. Это те люди, о которых ФСБ объявляет (такое заявление было сделано, по-моему, два дня назад одному из телеграфных агентств), что вопрос об их аресте — это только вопрос времени, причем короткого времени. Я охотно верю, что вопрос об их аресте может быть действительно вопросом короткого времени.

Именно потому, что практика показывает, что люди, попадающие в застенки ФСБ, почему-то дают показания, которые выгодны исключительно ФСБ, причем даже эти показания, в отличие от тех показаний, которые даются нам в письменном виде и которые мы демонстрируем публично, общественности не демонстрируются... Чтобы не получилась та же история, когда после того, как эти люди окажутся в руках ФСБ, они начнут давать показания о том, что заказ на взрывы домов они получили от Хаттаба или от каких-нибудь чеченских полевых командиров, я и хотел засвидетельствовать, пользуясь случаем, что в нашем распоряжении уже есть письменные показания и Батчаева, и Крымшамхалова.

И эти письменные показания, повторяю, свидетельствуют не о том, в чем нас пытается убедить ФСБ. Они свидетельствуют о том, что ни Хаттаб, ни кто-либо из чеченских полевых командиров, ни кто-либо из чеченского руководства не стоял за взрывами в сентябре 1999 года, не выплачивал деньги за организацию взрывов в сентябре 1999 года, а что за этими взрывами стоят совсем другие люди, а именно, повторяю, Федеральная служба безопасности во главе с конкретно названными людьми: Патрушевым и Германом Угрюмовым.

Газета «Коммерсант»: На чем основываются...

Литвиненко: Я хочу дополнить Фельштинского. Нам же ФСБ когда выдает, допустим, показания Деккушева — они же, кроме показаний, больше ничего не выдают. Вы понимаете: «Деккушев сказал...» — и все. Но <...> Гочияев сказал так, а если Гочияева задержит ФСБ — ФСБ скажет: «Гочияев сказал так...». То есть, кроме показаний, ничего нет. Это первое.

И второе. Вы понимаете, что ФСБ является заинтересованной стороной. В Рязани — есть прямые доказательства, что была попытка подрыва жилого дома. Ведь уже два-три года в отношении Патрушева звучат прямые обвинения в терроризме. Это не только я говорю, это говорят средства массовой информации. Прямо заявляют, что Патрушев организовывал эти взрывы. И ни одного вразумительного ответа! Вы понимаете, что происходит? И ни один сотрудник ФСБ не пришел на эту комиссию, чтобы... <Они обратились к> секретной службы Англии. Почему секретной? Потому что эти службы секретные. Вот поэтому они туда обращаются. Они надеются, что эти материалы я передам в секретные службы Англии, из этих секретных служб по секрету эти материалы перейдут к господину Патрушеву и мы о них никогда не узнаем.

Так вот я еще раз заявляю: я готов ответить на вопросы любых секретных служб только гласно.

Фельштинский: Тем не менее у меня впечатление, что мы вас перебили и вы недозадали вопрос — из региона.

Вопрос: Вопрос из региона дайте, пожалуйста, задать! Вопрос из региона!

(Шум в зале).

Вопрос: Господин Фельштинский, скажите, пожалуйста, на чем основываются показания этих людей? При чем здесь Патрушев, при чем здесь Хаттаб? Ничего не понятно.

Фельштинский: Дело в том, что эти люди являются, по утверждению ФСБ и по нашему мнению, главными свидетелями по вопросу о сентябрьских взрывах 1999 года. Эти люди официально объявлены Генпрокуратурой Российской Федерации в розыск. Повторяю: и по утверждению ФСБ, и по нашему мнению они являются как минимум основными свидетелями (вместе с Деккушевым, может быть) по взрывам в сентябре 1999 года. Это очень ценные, очень важные свидетели. И с этими свидетелями завтра что-нибудь случится. Если их, например, случайно завтра убьют в Грузии при задержании — мы рискуем никогда не узнать того, что знают эти люди о сентябрьских взрывах в Москве в 1999 году.

У меня есть письменные показания и одного, и другого участника (или подозреваемого участника) этих событий о том, что о событиях в сентябре 1999 года они знают всё и готовы об этом рассказать.

Сергей Кузнецов: У меня вопрос из региона. Сергей Кузнецов, это издание «Радио «Свобода» — Екатеринбург». Вопрос к Александру Фель-

штинскому. Вот как раз по поводу того, что вы только что... Извините, к Александру Литвиненко.

2 сентября (возвращаясь к книге) исполняется дата возможного подписания указа, который опубликован в вашей книге: о роспуске ФСБ. Вам не кажется, что это решение было бы удивительно вовремя сейчас? Это бы дало возможность и комиссии работать максимально эффективно. Не изменилось ли ваше отношение к этому указу? И, по крайней мере, не могли бы вы рекомендовать нашему президенту немедленно отстранить господина Патрушева — хотя бы на время раследования этой комиссией?

Литвиненко: Рекомендовать Путину кого-то отстранить от должности? Я считаю, это некорректно. Он взрослый человек, занимает высокий пост, и ему самому решать, кого куда назначать и кого откуда убирать. Он несет ответственность за своих подчиненных лично.

По поводу указа. Есть закон о терроризме, о борьбе с терроризмом в Российской Федерации. В законе ясно написано, что организация, одно из звеньев которой занимается терроризмом и об этом известно руководству, должна быть объявлена террористической и распущена.

Мы уже имеем факты, когда агенты Федеральной службы безопасности совершали террористические акты: это 1994 год, капитан Щеленков, подрыв железнодорожного полотна; это взрыв автобуса — подполковник Воробьев, это перед началом первой чеченской войны. Даже по этим фактам мы уже можем ставить вопрос согласно закону о борьбе с терроризмом: вообще ФСБ РФ — она в современных условиях России, в условиях действующей Конституции и законов — она вообще укладывается в рамки понимания того, что происходит в государстве, или не укладывается? То есть если поднимать эти факты... (Шум в зале).

Юшенков: Александр, все понятно. Юрий и Александр, все-таки вы не ответили на вопрос «Коммерсанта» в отношении того, откуда у вас, где вы взяли показания этих новых фигурантов по этому делу? И на каком основании они в общем-то давали вам эти показания и так далее? И чем подтверждаются — объективные подтверждения есть этих показаний, которые у вас имеются?

Фельштинский: Форма выхода на нас была примерно такая же, как и с Гочияевым. Да, на нас вышли люди и сказали, что они хотят рассказать опять же правду о том, что произошло в сентябре 1999 года. Мы сейчас находимся с этими людьми в активном контакте. Естественно, как всегда, это не прямой контакт, а через их посредников. Я даже не знаю, как точнее ответить на этот вопрос. Эти люди, повторяю, явля-

ются либо участниками, либо по крайней мере свидетелями. Они утверждают, что знают всё <...> — всё о том, что произошло в сентябре 1999 года в Москве.

Ну, и Александром были заданы им вопросы, очень много вопросов, на которые даны обширные ответы. И вот согласно их ответам на эти вопросы вырисовывается (абсолютно определенные, так сказать, конкретные вопросы, которые были нами заданы) очень четкая картина.

Повторяю: эта картина заключается в том, что никакие чеченцы ни на каком уровне, ни даже наемные Хаттабы и прочее, не имеют никакого отношения к заказу взрывов в Москве и в Волгодонске (и в Дагестане, кстати говоря) в 1999 году, что за организацией всей кампании взрывов стоит Федеральная служба безопасности. Повторяю: названы конкретные люди.

Юшенков: Юрий, когда вы нам эти материалы, показания предоставите?

Фельштинский: Вы знаете, мне бы хотелось сказать следующее. Вы все-таки должны понимать, и, я надеюсь, это поймут журналисты тоже, что мы с Александром — два частных гражданина, у нас нету ксив в кармане, у нас нету кобуры на поясе, за нами не стоят российские или иностранные правоохранительные органы. Мы ведем на самом деле достаточно тяжелую, изнурительную и даже опасную работу против очень мощной структуры, которая называется Федеральной службой безопасности, в которой работают десятки тысяч человек. При том, что мы стараемся быть максимально открытыми — возвращаясь к вопросу об открытости — максимально открытыми и с максимальной быстротой доводить до общественного мнения каждый, каждый новый наш рывок вот в этом нашем независимом расследовании, — мы (я надеюсь, вы поймете нас) должны чуть-чуть думать о безопасности нашей этой работы. И просто на этом этапе, вот сейчас, мне не хочется передавать вам те кусочки информации, которые уже имеются в нашем распоряжении, просто потому, что, повторяю, с этими людьми мы — в отличие от Гочияева, с которым мы сейчас не находимся в активном контакте, — с этими людьми, Крымшамхаловым и Батчаевым, мы находимся в активном контакте, и от них постоянно поступает небольшими порциями новая информация и новые...

Юшенков: Юра, все понятно. Коль скоро тема сегодня — только Гочияев, давайте <не будем> затрагивать вот тему...

Литвиненко: Сергей Николаевич, и еще я хотел бы здесь сказать, обратить ваше внимание, что, вы понимаете, за нами за самими же слезка

идет постоянно. Вот недавно ко мне, допустим, пытались сотрудники российской разведки войти в квартиру. Моя жена их не пустила. В суде подтвердили, что это были не дипломаты, а сотрудники российской разведки. Документы их <есть в суде>, я могу вам их предоставить. Вы понимаете, что делается? Давят <на> моих родственников. Моих близких родственников, которые приезжают ко мне сюда, задерживают, обыскивают в Шереметьеве, раздевают догола, вы понимаете? Тещу 65-летнюю догола раздевали в «Шереметьеве-2». И постоянные угрозы. Вот там сидит адвокат Трепашкин, который подтвердит, как передавали угрозу, что меня убьют, бросят под поезд, если я не успокоюсь. Вы понимаете, что делается?

Юшенков: Нет, мы понимаем ваше положение...

Литвиненко: Эти факты я вам тоже дам на комиссию. Я вам передам эти факты.

Юшенков: Хорошо, хорошо.

Литвиненко: Для чего они это делают? Значит, они не заинтересованы в объективном...

Юшенков: Пожалуйста, следующий вопрос.

Информагентство «Росбизнесконсалтинг»: У меня вопрос к Татьяне Морозовой. Если я не ошибаюсь, ранее вы заявляли о своем намерении подать иск против России в связи с ненадлежащим расследованием этих взрывов, <при которых> погибла ваша мать. Скажите, пожалуйста, вы осуществили свое намерение, подали?

Морозова: Да, подали иск, и сейчас этим занимаются адвокаты. 4 марта в этом году, прямо перед пресс-конференцией, которая была 5 марта, был подан иск в Люблинский муниципальный суд.

Я очень благодарна вам, что уважаемые журналисты и представители прессы пришли в эту студию, и я очень хочу, чтобы передали мою просьбу, мой призыв ко всем тем, кто принимал те звонки, о которых Александр говорил, в службе «03», в службе «911», чтобы эти люди откликнулись и проконтактировали с московской комиссией, которая занимается расследованием этой трагедии. Я очень надеюсь, что люди откликнутся. Я думаю, что их сердца еще не очерствели и помощь к нам обязательно придет. Пожалуйста, передайте мою просьбу.

Юшенков: Да... Спасибо. У кого вопросы? Поднимите руку, просто чтоб было видно.

Лев Московкин: У меня вопрос скорее идеологический. В настоящее время позиции спецслужб в массовом сознании удивительно прочны, в отличие от <...> назад. Даже если встать на вашу сторону и принять

ваши аргументы — как понять, на что вы рассчитываете, почему вы стараетесь <...>?

Юшенков: По-моему, мы все сказали, что мы расследуем факты и хотим установить истину. «Эль Паис», пожалуйста.

Лев Московкин: Пожалуй, это общий для комиссии вопрос и для вас... А, ну вы ж не сказали... Александр, вопрос к вам.

Литвиненко: Я вам хочу сказать следующее. Эти взрывы, которые произошли, — они вошли в каждую российскую семью. Каким образом? Кто-то погиб под обломками этих домов. Кто-то сейчас воюет в Чечне — президент России прямо сказал, что началу войны в Чечне предлогом были эти взрывы. Кто-то воюет в Чечне, гибнет, убивает. А основная часть российских граждан — она свою свободу отдала в обмен на безопасность. То есть люди российские дали разрешение правоохранительным органам в обмен на безопасность проверять багажники их машин, заходить к ним в квартиры. Они вынуждены дежурить, охраняя свои подъезды, и за двадцать метров от своей квартиры не отходить без паспорта в кармане с пропиской, с регистрацией. Вот о чем разговор, понимаете.

И поэтому я считаю, что каждый человек должен сейчас обозначить свою гражданскую позицию. И каждый гражданин России должен проявить интерес к этому. То есть найти истину. И я хочу эту истину найти, вы понимаете? И использовать в том числе тот опыт, который у меня за двадцать лет службы накопился. Я не являюсь, допустим, самым опытным сотрудником или неопытным сотрудником, я бы не хотел этого говорить, просто я 20 лет отслужил, и я бы хотел те знания, которые у меня есть, все-таки посвятить тому, чтобы найти тех преступников, которые совершили эти взрывы. Вот моя позиция.

Юшенков: «Эль Паис», Испания.

«El Pais»: У меня очень конкретный вопрос. В показаниях Гочияева от 24 апреля говорится, что к нему на фирму пришел один человек, которого он очень хорошо знал, и из текста следует, что это тот человек, который подставил его. Так вот вопрос: почему не называется этот человек?

Юшенков: Этот вопрос задавался.

«El Pais»: Задавался? Извините. А он из ФСБ или нет? (Смех в зале).

Фельштинский: В прошлый раз Саша отвечал, теперь я отвечу. Понимаете в чем дело, ведь то, что мы представили вам, что нами получено, — это, повторяю, на сегодняшний день первые и пока что единственные письменные показания Гочияева, которые у нас имеются. Повто-

ряю: расчет был — видимо, и Гочияева, и наш, конечно, — на то, что этот контакт еще будет продолжен.

По каким соображениям Гочияев решил не открывать нам имя (которое нас очень интересовало, и поверьте, что этот вопрос задавался неоднократно, упрямо и упорно) — я сейчас не могу сказать. Но, как объяснил Александр, вычислить имя этого человека — для любого следователя это вопрос двух суток.

«Независимая газета»: У меня вопрос к членам комиссии. Сергей Адамович, вы говорили, что используете практику запросов — отправляете письма в различные инстанции, органы власти. Мне бы хотелось узнать конкретно: какие службы и как реагируют? Идут на контакт? Кто старается вас не замечать, а кто <...>?

Ковалев: Видите ли, я не случайно сказал, что сегодня подробностей на этот счет не будет. Их, вероятно, не будет еще достаточно долго. Почему? Отвечаю. Мы не ограничиваемся единичными запросами, а ведем активную переписку. Если хотите, у меня есть некоторый опыт шестидесятых-восьмидесятых годов. Вот не каждый ответ... Отчет о переписке должен состояться тогда, когда вы отчетливо понимаете, что переписка кончена, исчерпаны позиции, они обозначены. Вот тогда вы можете их предъявить общественности.

Юшенков: Некоторые давали очень подробные ответы.

Ковалев: Самый достоверный и подробный ответ — от министра образования господина Филиппова.

Юшенков: Просто по гексогену, по этому вот научно-исследовательскому институту.

Я понял так, что вопросов больше нет. Спасибо журналистам. Спасибо, Александр, Татьяна, Юрий. Сергей Адамыч, мы, наверно, тогда сегодня вот эту вот часть комиссии завершим, да? У членов комиссии есть вопросы? Когда мы в следующий раз соберемся? <...> Да, хорошо. Уважаемые журналисты, спасибо вам. Может быть, мы перерыв объявим, а потом сюда зайдём? Так, перерыв тогда объявим для членов комиссии. Спасибо, Александр, Татьяна, Юрий. До свиданья!

Приложение 16

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В КОМИССИЮ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ВЗРЫВОВ ЖИЛЫХ ДОМОВ В МОСКВЕ И ВОЛГОДОНСКЕ

Уважаемая комиссия!

В силу обстоятельств мы оказались соучастниками преступления, унесшего жизни почти трех сотен человек. Мы имеем в виду сентябрьские 1999 года теракты в Москве и Волгодонске.

С тех пор мы находимся объявленными в федеральный и международный розыск и вынуждены скрываться от правоохранительных органов РФ.

После сентября 1999 года спецслужбами России предпринимались неоднократные попытки нашего ареста или устранения. Из-за сделанных недавно нами и Гочияевым заявлений в последнее время эти попытки усилились. Похоже, в недалеком будущем нас действительно постигнут задержание или смерть.

Это те причины, по которым мы хотим именно сейчас обратиться к вам с этим открытым письмом.

1. Мы признаем себя соучастниками террористических актов, состоявшихся в Москве и Волгодонске в сентябре 1999 года.

Мы заявляем, что ни Хаттаб, ни Басаев, ни кто-либо из чеченских полевых командиров и политических лидеров, ни кто-либо из чеченцев вообще не имели никакого отношения к сентябрьским терактам 1999 года. Они не заказывали, не финансировали и не организовывали эти теракты.

С Хаттабом и какими-то полевыми командирами мы впервые встретились только после того, как бежали в Чечню от преследований российских правоохранительных органов после терактов.

2. Мы являемся соучастниками терактов на низшем исполнительском уровне, причем к самим взрывам отношения не имеем. Мы имели отношение только к транспортировке мешков, как мы считали, со взрывчаткой для временного складирования их и для последующего использования для подрыва административных зданий спецслужб и военных, а не жилых домов.

То, что взрывы произойдут по месту хранения мешков, в подвалах жилых зданий, мы не предполагали. Время совершения терактов известно нам не было.

Узнав об этих взрывах, мы бежали в Чечню.

3. Не будучи чеченцами по национальности, мы являлись искренними сторонниками борьбы чеченского народа за независимость. Именно эти наши взгляды позволили тем, кто действительно стоял за организацией и реализацией терактов в Москве и Волгодонске в сентябре 1999 года, завербовать нас для участия в организации терактов. Сегодня мы понимаем, что нас использовали «втемную», что в 1999 году мы не понимали, кто на самом деле является нашими начальниками и на кого мы на самом деле работаем.

Сегодня мы это понимаем и знаем. Почти три года ушло на то, чтобы осознать происшедшее, собрать информацию и доказательства о том, кто же на самом деле стоял за нашими спинами.

Многих из тех, кто участвовал в сентябрьской операции 1999-го в Москве, Волгодонске, Рязани и Дагестане, уже нет в живых. Пока мы живы, мы хотим, чтобы все узнали главное. Согласно собранной нами информации, полученной от различных участников операции разного уровня, заказчиком операции по взрывам в России в сентябре 1999 года является Федеральная служба безопасности РФ. В этой связи не-

однократно и точно упоминалась фамилия директора ФСБ Николая Платоновича Патрушева.

Куратором всей программы взрывов являлся Герман Угрюмов, ликвидированный затем, по нашим сведениям, самой ФСБ. Общее число членов группы составляло, по нашей информации, более тридцати человек. Как руководителей среднего звена мы знаем только двоих: 1) подполковник, татарин по национальности, кличка (псевдоним) Абу-бакар; 2) полковник, русской по национальности, псевдоним Абдулгафур. Мы предполагаем, что Абдулгафур и известный сотрудник российских спецслужб Макс Лазовский — это одно и то же лицо.

4. Мы оказались частью трагедии чеченского и русского народов. Мы просим прощения у тех, кому принесли горе в сентябре 1999 года. Мы просим прощения еще и у чеченского народа за то, что были использованы «втемную» ФСБ для начала второй чеченской войны. Мы не просим к себе снисхождения и остаток своей жизни посвятим борьбе за независимость чеченского народа.

Крымшамхалов Юсуф Ибрагимович, карачаевец, 16 ноября 1966 г.р.
Батчаев Тимур Амурович, карачаевец, 27 июня 1978 г.р.

28 июля 2002 г.

Приложение 17

ЮРИЙ ФЕЛЬШТИНСКИЙ: ВОЙНА НА УНИЧТОЖЕНИЕ СВИДЕТЕЛЕЙ

Интернет-сайт «Somnenie.narod.Ru»

19 сентября 2002 г.

— **Юрий Георгиевич, в прессе не видно ни ваших статей, ни интервью. Журналисты к вам не обращаются или вы всем отказываете?**

— За всё это время, начиная с 27 августа 2001 года, когда «Новая газета» опубликовала отрывки из нашей с Александром Литвиненко книги «ФСБ взрывает Россию», российские журналисты связывались со мною два раза. И в первом, и во втором случае я исчерпывающе ответил на все заданные мне вопросы. Несколько раз звонили с просьбой об интервью корреспонденты и сотрудники западных радиостанций, в том числе «Свобода». Абсолютно всем, кто просил дать интервью, я его давал.

Как ученого и историка меня потрясает тот факт, что российские журналисты, прежде чем опубликовать ту или иную статью с теми или иными предположениями и догадками (очень часто, кстати, ошибочными), не считают правильным и профессионально необходимым поз-

вонить мне или Литвиненко и задать нам интересующие их вопросы. Ни одному журналисту, насколько мне известно, ни разу не отказал в интервью и мой соавтор Александр Литвиненко. Мой телефон поисковая машина американского интернета выдает всем желающим за несколько секунд. Да и общих знакомых всегда много. Так что дело не в трудности связи, а в отсутствии желания узнать правду.

— При всех недоработках (за которые я первый вас жесточайше критиковал) несомненно одно: вы больше всех сделали для общественного расследования. Когда вы заинтересовались этой темой? Была ли это инициатива Бориса Березовского?

— Идея разрабатывать тему взрывов пришла в голову мне. Литвиненко (позвольте, я буду далее говорить Александр, а то получается как-то очень формально) тогда еще был в Москве, только что был освобожден из тюрьмы. Я собрал кое-какие материалы. Получалось, что темой этой стоит заниматься и дальше. Хочу напомнить, что я всю свою сознательную жизнь занимался изучением советской истории: Столыпиным, революцией, советско-германскими отношениями, Троцким, Лениным, Сталиным... Жанр научного (исторического) исследования был мне хорошо знаком.

В этом привычном мне жанре я и стал изучать историю взрывов домов в России в сентябре 1999 года. Но мне не хватало информации «изнутри», потому что есть вещи чисто психологические, которые в голове человека, не служившего в спецслужбах России, не умещаются.

Ведь до сих пор самая большая проблема читателя с нашей книгой — психологическая. Очень трудно поверить в то, что офицер российской спецслужбы (ФСБ или ГРУ) может подорвать жилой дом. Все факты, документы, доказательства — на нашей стороне. Но «простому человеку» в это поверить настолько сложно, что он ищет какие-то другие более понятные объяснения, хотя эти объяснения фактами не подтверждаются вовсе. Но так проще жить. А ведь читатель живет в России (я живу в Бостоне, мне легче). Кстати, с нашими соотечественниками, живущими за границей, в целом этой проблемы нет. С западным читателем — тоже. На Западе очень хорошо известно, на что способна ФСБ, и аргумента «не может быть» не возникает.

Так вот, мне не хватало «внутренней информации». Я полетел в Москву, к Александру, которого знал с 1998 года. Сказал, что несколько месяцев занимаюсь изучением темы взрывов. Сказал, что у меня есть определенные подозрения, и попросил его помочь мне в моем расследовании.

Мы уже тогда конспирировались, как могли. За Александром постоянно следили. Две машины наружного наблюдения по три человека в каждой ездили за ним днем, стояли у подъезда его дома ночью... Мы поехали за город, разговаривали шепотом в лесу. Александр сказал, что займется этим вопросом. Я улетел к себе в США. И оказалось, что это была последняя моя поездка в Россию.

Через какое-то время Александр передал, что им собраны очень важные и интересные документы, касающиеся взрывов, что они полностью подтверждают мою версию и что он считает необходимым продолжать работу над этой темой.

К тому времени было понятно, что Александру и его семье в России жить спокойно не дадут. У прокуратуры развалились одно за другим абсолютно анекдотичные дела, состряпанные против Александра, а посадить его очень уж хотелось, так как Александр пошел против системы и система (ФСБ) хотела ему отомстить. Я настоятельно посоветовал Александру обдумать вопрос об эмиграции из России, поскольку в противном случае убьют и его, и его семью. Угрозы в адрес его семьи действительно были. А тут еще и наша книга, писать которую в России было просто самоубийством... Конец этой части биографии Александра теперь всем хорошо известен. Александр покинул Россию и сумел добраться до Англии. В первом же своем интервью в Лондоне он заявил, что покинул Россию, так как располагает материалами о причастности российских спецслужб ко взрывам домов в России в сентябре 1999 года. На это интервью тогда никто не обратил внимания.

Летом 2001 года рукопись в целом была готова. Мы отдали ее на пробное чтение нескольким людям. Одним из них был Борис Абрамович Березовский, с которым и я, и Александр были хорошо знакомы. Б. А. прочитал рукопись и спросил:

— **Ну и что вы теперь собираетесь делать?**

Я ответил:

— Попробуем предложить этот текст «Новой газете». Они этой темой много занимались, я считаю, что право первенства в публикации должно быть у них.

Б.А.:

— **И что будет, как вы думаете?**

— Ну, как что будет...

И тут я красочно описал ему наше победоносное шествие: как посыжутся запросы в Думу и в правительство, как будет создана думская комиссия по расследованию сентябрьских терактов, как Путин

снимет Патрушева — хотя бы на время расследования терактов комиссией, так как иначе станет ясно, что президент действовал заодно с Патрушевым и другими террористами...

Б. А. выслушал меня и сказал:

— **Хотите, я вам скажу, что будет?**

— Ну?

— **Ничего не будет.**

— То есть как ничего не будет? Мы опубликуем вот этот текст — и ничего не будет?!

— **Не будет ничего.**

27 августа вышел спецвыпуск «Новой газеты» с пространными отрывками нашей книги. И не было ничего.

Через какое-то время, когда мы снова встретились, Б. А. спросил:

— **Ну что?**

И мне, и ему было ясно, о чем задан вопрос. Я лишь понуро опустил голову и подумал: «Как всегда, он оказался прав...».

Отклики на нашу публикацию, конечно, были. Мне не хочется сейчас заниматься их разбором. Скажем так: было много публикаций, которые больше говорили об их авторах, чем о нас и нашей книге...

В начале января 2002 года в Нью-Йорке вышло английское издание книги под названием «Blowing Up Russia». Снова молчание. (Полным ходом шла работа над документальным фильмом «Покушение на Россию», но об этом знало всего несколько человек). В конце января в Нью-Йорке же вышло русское издание. Опять молчание.

Тогда я выслал книгу Березовскому. Неожиданно для нас в феврале в интервью НТВ он показал ее в эфире всей стране, заявив, что за взрывали домов в России стоит ФСБ. Тут-то всё и началось. Тема взрывов всех сразу же заинтересовала. И с тех пор нам с Александром постоянно задают вопрос... о Березовском.

Мы безумно признательны Борису Абрамовичу за то, что он сделал из нашей книги всемирно известную. Мы понимаем, что только благодаря ему эта тема вышла на первые полосы всей мировой прессы. Что только благодаря ему эту тему никогда уже не забудут и на вопрос о том, кто стоит за взрывами в России в сентябре 1999 года, рано или поздно придется давать ответ. И поверьте, что подсудимые на этом процессе еще будут сидеть на скамье, что будет еще оглашен приговор. Что будут названы все, кто был причастен к этому самому страшному террористическому акту в истории России. И всё это — только благодаря Б.А. Березовскому.

Когда я читаю статьи российских журналистов, чьи дома, собственно, взрывали ФСБ и ГРУ в сентябре 1999 года, и натываюсь на высказывания типа: «Версия авторов выглядела бы более достоверной, если бы к фильму не имел отношения Березовский», я вспоминаю период между концом августа 2001 года и серединой февраля 2002-го, когда на нашу «более достоверную» версию без участия Березовского внимания вообще никто не обращал.

— Сколько еще лет, по вашему ощущению, займет общественное расследование взрывов? Или вам уже все ясно?

— Вы знаете, то, что происходит сейчас в России в связи или вокруг нашего расследования, больше характеризует состояние умов в России, чем сами несчастные взрывы.

В конце концов, за организацией взрывов стояла относительно компактная группа людей — несколько десятков человек. Они — безусловные злодеи, они, разумеется, террористы. Они, конечно же, члены террористической организации.

Эта террористическая организация называется «российская госбезопасность».

Да, нам уже всё ясно. Мы не знаем всех исполнителей по фамилиям. Но это не столь важно, так как не наша задача доводить дело до суда. Это задача России, российских правоохранительных органов. К тому же многих из этих людей уже нет в живых. Мы знаем, что взрывы в Москве и Волгодонске проводила ФСБ совместно с ГРУ; что подрыв дома в Буйнакске 4 сентября осуществлен подразделением ГРУ из 12 человек.

Учитывая, что мы с Александром проводили это расследование как частные граждане, я считаю, что успехи наши очевидны. Мы определили заказчиков и организаторов этих терактов. Нелишне упомянуть, что во главе группы заказчиков стоит нынешний президент России В. В. Путин и, пока он не уйдет со своего поста, расследовать это преступление в России никто не будет.

Мы знаем имена людей, которые руководили операцией на среднем (практическом) уровне. Часть этих фамилий нами называлась. Часть — еще нет. Когда я говорю «мы знаем имена», это не значит, что мы догадываемся о том, кто курировал операцию или отдавал приказ о ее проведении. Это значит, что у нас есть свидетельские показания исполнителей, называющих имена заказчиков, кураторов и руководителей операции.

Мы уже не говорим о том, что по рязанскому эпизоду мы знаем просто всё, так как сама ФСБ созналась, что она проводила рязанскую операцию.

— **Согласны ли вы, что собранные вами доказательства неодинаково убедительны? Какие из них вы предложили бы суду, если бы вам поставили условие уложиться в страницу?**

— Начнем с Рязани. Патрушев сознался, что лично отдал приказ о проведении операции. Сотрудник ФСБ под камеру (съемка сзади) сознался, что лично загружал мешки в подвал рязанского дома. Эксперт рязанского УВД подтвердил, что лично разминировал бомбу, которая была настоящей и состояла из взрывателя, детонатора и взрывчатого вещества. Прокуратура тогда же возбудила уголовное дело по статье «терроризм». Рязанская милиция заявила, что она задержала по крайней мере двух террористов, оказавшихся сотрудниками ФСБ.

Соответственно, мы обязаны арестовать сотрудника ФСБ, сознавшегося в том, что именно он закладывал мешки в подвал, установить личности террористов (задержанных и затем отпущенных рязанской милицией) и снова их арестовать, арестовать Патрушева, сознавшегося, что он отдал приказ о проведении операции. И уверен, что после нескольких допросов Патрушева и других все остальные участники акции будут названы и арестованы.

Отдельно, разумеется, должен стоять вопрос о том, кто участвовал в сокрытии следов преступления, в дезинформации общественности. Здесь очень важными свидетелями будут Зданович и другие высокопоставленные сотрудники ФСБ, участвовавшие в операции прикрития.

Москва. Уверен, что Патрушев в курсе того, кто именно руководил операцией по подрыву жилых домов в Москве. Крымшамхалов и Батчаев, имевшие, видимо, самое непосредственное отношение к этой операции, назвали руководителем операции Патрушева, куратором — Германа Угрюмова, а одним из исполнителей высшего уровня — сотрудника ФСБ Макса Лазовского. Так как Лазовского застрелили в Москве, а Угрюмов умер при невыясненных обстоятельствах в Чечне, мы обязаны допросить того же Патрушева. Уверен, что опытный следователь получит у него ответы на все вопросы.

Проще всего с Буйнакском, про который нам известно абсолютно всё: весь ряд лиц от заказчиков до исполнителей. Но сейчас я не буду касаться этого вопроса, так как по ряду причин мне не хочется указывать источник информации по Буйнакску, а если я назову все фамилии, ГРУ легко определит источник информации.

Так или иначе, если «на одной странице» излагать дело для суда, то правильнее всего перечислить фамилии людей, которые должны быть

вызваны для допросов как обвиняемые; затребовать материалы «рязанского дела» из Генпрокуратуры; затребовать материалы уголовных дел по взрывам домов в Буйнакске, Москве и Волгодонске. И тогда всем станет ясно еще и то, что все судебные дела, которые ведет ФСБ, — это сплошная фальсификация и сокрытие следов преступлений и истинных преступников.

— Удалось ли вам после июльского телемоста получить дополнительные доказательства подлинности письма Гочияева или дополнительные к этому письму сведения? Не допускаете ли вы, что это письмо — подделка. Кому она была бы выгодна?

— После июльского телемоста (после которого, кстати, ни мне, ни Александру за вопросами и разъяснениями не позвонил ни один журналист или член комиссии) нами были получены не только новые фотографии Гочияева, лишний раз доказывающие, что ФСБ помещает на своем сайте фотографии другого человека, но и новая записка Гочияева, подтверждающая подлинность его первого письма.

Информация, сообщаемая в письме Гочияева, была нами, насколько мы это могли сделать, будучи частными гражданами, проверена и подтверждена другими источниками. Таким образом, считать письмо Гочияева фальшивкой у нас нет оснований. Соответственно, я оставляю без ответа ваш вопрос о том, «кому это было выгодно».

А вот кому было и остается выгодно помещать фальшивки на сайте ФСБ — очень хорошо известно: самой ФСБ. Причем обратите внимание, как нагло это делается. После нашего телемоста было объявлено, что ФСБ поместит новые доказательства связи Гочияева и Хаттаба. Вместо этих новых доказательств появилась еще одна старая фотография — даже не с Хаттабом, а с кем-то еще — снова того же человека, про которого мы с помощью экспертизы уже доказали, что это не Гочияев.

Я хочу, чтобы к этой моей фразе вы отнеслись очень серьезно: у ФСБ нет вообще никаких доказательств причастности чеченцев или Хаттаба к взрывам, кроме этой одной-единственной фотографии, на которой, повторяю, изображен не Гочияев, а какой-то другой, неизвестный человек.

У ФСБ вообще нет никаких доказательств того, что теракты производились чеченцами. Потому что теракты производились не чеченцами, а ФСБ и ГРУ.

— После прошлогодней атаки террористов на Нью-Йорк и Вашингтон многие москвичи приносили цветы к американскому посольс-

тву. В сентябре 1999 года было ли что-то подобное у российских посольства и консульств в Америке?

— Приносить цветы к российскому государственному учреждению (а посольство — это представительство России и российского правительства прежде всего), когда известно, что именно это правительство само произвело теракты (а про сентябрьские теракты в России это в целом на Западе известно), — как-то неуместно. Нет, никто цветов к посольству не приносил.

Да и посмотрите, как «скромно» отметили эту трагическую дату в самой России. Правительство траурных церемоний не проводило, так как хорошо знает, кто именно взорвал дома. Разыгрывать театральную постановку перед камерами всего мира было глупо и рискованно. Пресса скромно молчала. Вообще нелюбопытство прессы в этом вопросе поистине удивительно и показательно. Народ провел несколько траурных церемоний, в которых приняли участие местные власти. Для местных властей, уверен, это действительно была трагедия, как и для пострадавшего народа. Конечно, отказ Путина отметить траурную годовщину — это лишнее доказательство того, что во главе операции по подрыву домов в России три года назад стоял именно Путин. Но это доказательство психологическое, на нем в суде далеко не уедешь.

— Как вы думаете, почему цеэрушник сказал Литвиненко о взрывах домов: «Это не по нашей части»? ЦРУ всё знает или они настолько нелюбопытны?

— ЦРУ, безусловно, знает, что дома в России взрывала ФСБ. И у ЦРУ на эту тему нет психологических сложностей типа «этого не может быть». Весь опыт работы ЦРУ с КГБ и ФСБ (точнее, против КГБ и ФСБ) показывает, что здесь не просто «может быть», а — не может быть иначе.

— Чего бы вы пожелали московской комиссии?

— Чтобы в результатах ее объективного расследования было заинтересовано население России. Сегодня оно в них не заинтересовано, и поэтому комиссия работает в вакууме. Ей в общем-то некому докладывать о результатах своей работы. Правительство в этой комиссии не заинтересовано. Дума — тоже. Правоохранительные органы — тем более. Журналисты стыдливо прячут головы.

Народ в лучшем случае безмолвствует, а в худшем — с любопытством наблюдает, как правительство на глазах у всего народа и всей российской общественности, включая журналистов, нагло развязывает

войну против Грузии (абсолютно так же, как Сталин развязывал войну против Финляндии).

И ведь обратите внимание: войну с Грузией начинают только ради того, чтобы уничтожить осевших там (как считает российское правительство) Гочияева, Крымшамхалова и Батчаева — людей, дающих нам показания. Никаких других поводов для вторжения в Грузию у России, поверьте, нет. Всё остальное — выдумки кремлевских пиарщиков.

Помните, перед вторжением в Финляндию были «провокации финской военщины против Советского Союза»? В 1991 году мы узнали, что провокаций не было, а было неспровоцированное нападение Сталина на Финляндию. Поверьте, если Россия нападет на Грузию, через какое-то время мы узнаем, что «провокаций» с грузинской стороны не было, а было неспровоцированное нападение Путина на Грузию. И очень многим членам Думы, голосующим сегодня за новую войну на Кавказе (при не завершенной, а может быть, даже проигранной уже войне в Чечне), будет как минимум стыдно за соучастие в очередном преступлении российских спецслужб. И детям их будет стыдно. А чьи-то дети, уверен, погибнут в Грузии. И среди них будут, может быть, дети членов Думы.

Марк Уленш

Приложение 18

ТЕРРОРИСТЫ ТРЕБОВАЛИ ЗА СВОИ ПОКАЗАНИЯ \$3.000.000

Историк Юрий ФЕЛЬШТИНСКИЙ — о частном расследовании терактов в Москве, Волгодонске и Буйнакске
9 декабря 2002 г. «Новая газета», Москва

— Крымшамхалов и Батчаев в своих показаниях ссылаются на трех людей, причастных, по их мнению, к террористическим актам — взрывам домов в Москве и Волгодонске: Лазовского, Угрюмова и Патрушева. Хочу спросить сначала про первых двух. Не кажется ли тебе странным, что ссылаются они только на умерших? Угрюмов, по официальной версии, умер от инфаркта в аэропорту Грозного, где находился его кабинет. Лазовский был убит недалеко от церкви, которая находилась возле его подмосковной дачи...

— Мне, конечно, не кажется это странным. Объясню, почему. Про Лазовского не стопроцентно понятно, что это он. Должно быть проведено серьезное опознание по фотографиям. Однако есть большая вероятность, что это он. Думаю, что вся логика событий говорит о том, что это должен быть он. Потому что Лазовский — серьезный сотрудник спецслужб, замешанный, на сто процентов, в целой серии терактов, которые состоялись до этого в Москве.

Предположить, что этот человек не был замешан в операциях в 1999 году, я лично не могу. В опубликованном вами интервью с Галкиным (кстати, и эта история еще требует своих комментариев) — во втором интервью — есть одна интересная фраза: «Но мне кажется, в жизни случайностей не бывает». Вот я тоже не верю в такие случайности: не могли случайно убить Макса Лазовского в районе, где он живет, в не самом, кстати говоря, непрестижном районе.

Напомню, что Лазовский был убит 28 апреля 2000 года на пороге Успенского собора в своем поселке, вскоре после того, как Генпрокуратура дала согласие на его задержание. Подробнее мы описываем этот эпизод в нашей с А. Литвиненко книге «ФСБ взрывает Россию». Есть еще и версия о том, что убили двойника Лазовского, а сам Лазовский жив по сей день. Об этом мне рассказывали по крайней мере три офицера ФСБ.

Про Угрюмова была информация сразу после его смерти, что смерть его не была случайной, что он умер не от сердечного приступа, что к нему приехал курьер, передавший ему пакет, а может, и предложение застрелиться.

Информация эта была опубликована в первый раз (по крайней мере, я ее видел там впервые) на сайте «Стрингер» Коржакова. То есть информация эта была, как мне кажется, из серьезного источника.

— **Что, действительно считаешь Коржакова серьезным источником?**

— Я считаю, что Коржаков, безусловно, имеет отношение к людям, располагающим информацией. Могу привести один пример. Еще в 1999 году один человек, побывавший среди приглашенных на дне рождения Коржакова, рассказал мне, что принято решение «выдавить» из России Березовского, Гусинского, Доренко и Киселева. Как видите, информация оказалась достоверной. «Недовыдавили» только Киселева. У людей есть привычка говорить. У меня есть привычка слушать.

— **Но ты же серьезный человек, серьезный исследователь. Ты считаешь, что действительно сохраняется практика фильмов типа «Шизофреники», когда некто на расстоянии или даже через курьера отдает людям приказ застрелиться? Ты всерьез думаешь, что какой-нибудь генерал ФСБ до сих пор способен выполнить такой приказ?**

— Нет, я не знаю ответа на этот вопрос. Но я точно знаю, что Угрюмов не умер своей смертью от сердечного приступа.

— **Это личное твое допущение?**

— Ну конечно, это допущение. Но это допущение, в котором я лично убежден. То, что Лазовский имел отношение к терактам сентября 1999

года, — тоже допущение. Но это допущение, в котором я тоже убежден. И не только потому, что Лазовский был вице-президентом фонда, в котором президентом был известный сотрудник СВР Суслов.

Таких случайностей тоже не бывает. У нас ведь остался один-единственный живой свидетель — это Патрушев.

— Но каков, по-твоему, уровень информированности, компетентности и даже, скажем так, личной грамотности боевиков Крымшамхалова и Батчаева? Они что, находятся в курсе деятельности Патрушева? Или, например, возможно предположить, они знают, что Патрушев кому-то отдал приказ? Они что, допущены на верхние этажи Лубянки?

— Нет, конечно. На этом уровне их информированность должна быть равна нулю. Однако чисто формально Крымшамхалов и Батчаев являются подозреваемыми в преступлениях, совершенных в России в сентябре 1999 года. Такими подозреваемыми их считают российские правоохранительные органы. И если эти подозреваемые называют всего три имени и одно из них — Патрушев, мне кажется, к такому заявлению мы должны отнестись очень серьезно и выяснить у них, почему и на каком основании именно Патрушева они считают заказчиком и организатором терактов, совершенных в России в 1999 году.

Кроме того, в истории не бывает ситуаций, когда переворот устраивают одни люди, а к власти приходят другие. Понятно, что те, кто берет на себя риск быть казненным за переворот, получают власть в случае успешного результата. Вот это ровно тот случай, который мы имеем с Патрушевым. Это люди, пошедшие на серьезный риск, поскольку случайностей, как вам сказал Галкин, не бывает.

Не может быть случайностью то, что Патрушев был назначен руководителем ФСБ за несколько дней до начала серии терактов; не может быть случайностью и то, что до этого ФСБ возглавлял Путин. Это люди, пошедшие на серьезный риск ради крупной политической операции, ради огромной награды под названием «Россия». В этой операции, между нами говоря, 300 погибших людей не должны для них звучать как серьезная цифра, учитывая, что в чеченской войне гибнут столь же невинные люди и в принципиально большем количестве. Даже по тому, как освобождали заложников на Дубровке, можно понять, что человеческий фактор — не главный для людей типа Патрушева и Путина.

— Если возвращаться к Дубровке, думаю, это была операция не столько по освобождению заложников, сколько по уничтожению

террористов. Но у меня-то вопрос другой! Показания Крымшамхалова и Батчаева опровергают версию о том, что все происшедшее — некий заговор спецслужб. Ведь Крымшамхалов и Батчаев признают себя причастными к тому, что они развозили взрывчатку. А затем ссылаются только на мертвых. Что делать с этим? И зачем они дали вот эти показания, это заявление в комиссию прислали?

— Я не согласен с тем, что показания Крымшамхалова и Батчаева опровергают версию о том, что теракты произведены спецслужбами. Наоборот, именно эти показания доказывают, что операция готовилась очень серьезно, что была предусмотрена и необходимость ареста подставленных террористов. Этими подставленными и должны были быть люди типа Крымшамхалова и Батчаева, способные сообщить миру лишь то, что признают себя виновными. Представим себе на минуту, что было бы, если бы все это нижнее звено было задержано российскими правоохранительными органами. Они рассказали бы, что перевозили взрывчатку по указанию Хаттаба и Басаева. И дело было бы закрыто.

Почему сегодня Крымшамхалов и Батчаев дали показания, прислали это заявление — это вопрос, конечно, не ко мне, а к ним. Но у меня нет проблем с объяснением логики их преступления, логики их поведения. Эта логика очень проста. Относительно молодые люди (Батчаеву был 21 год, а Крымшамхалову — 32. Все эти данные у меня есть в форме заполненных ими ответов на мои вопросники). Это были молодые люди. Они считают — и будем исходить из того, что они правы, — что именно они развозили взрывчатку. То есть они думают, что то, что они развозили из точки А в точку Б, и было взрывчаткой. Между нами говоря, возможно, что все было не так. И все, что делали эти молодые люди, как раз и было операцией прикрытия со стороны ФСБ.

— Все бы так. Но взорвались-то ведь дома, расположенные по адресам, куда они развозили взрывчатку! То есть личной ответственности избежать невозможно.

— Да, но не те дома, которые, как им говорили, должны были взлететь на воздух, не «федеральные объекты». В этом основная загадка. Как я понимаю ситуацию, Крымшамхалова и Батчаева наняли некие люди, представившиеся чеченскими сепаратистами, сказавшие, что у них есть приказ Хаттаба, Басаева или, может быть, президента Чечни взорвать федеральные объекты на российской территории. И эти молодые, не сильно образованные, не сильно сведущие, как я понимаю, люди дали свое согласие на участие в этой операции.

— **И эти несведущие молодые люди знают об участии Патрушева? Не складывается, Юра.**

— Нет-нет. Все, что знали эти молодые люди в тот момент, — это то, что они участвуют в операции чеченских сепаратистов. В их задачу входил, как они считали, перевоз взрывчатки из точки А в точку Б в Москве и в Волгодонске.

— **То есть они знали, что это взрывчатка.**

— Они утверждают, что знали. Но взрывы произошли не тогда, когда им сказали, и не там, где им сказали:

— **Но все-таки, повторю, по тем адресам, куда они взрывчатку развозили.**

— Я считал бы, что да — по тем адресам, куда взрывчатка развозилась. Но, по их мнению, взрывы произошли преждевременно. Я задавал им вопрос: вас не смутил тот факт, что взрывы везде произошли преждевременно? Они ответили, что нет.

— **Ты задавал эти вопросы письменно?**

— Да, конечно. А все, что они знали, — вместо зданий федерального значения взлетели на воздух здания с мирными жителями. Вот это уже для них было сигналом, что происходит что-то не то и что нужно бежать. Бежать в той ситуации они могли только в Чечню, что и сделали. И в Чечню они прибыли как люди, заявившие о себе, что они участвовали в теракте в Москве и в Волгодонске в сентябре 99-го.

У чеченцев с этой информацией возникла очень большая проблема: они не понимали, что им делать с появившимися в Чечне людьми, утверждавшими, что они произвели в Москве теракт по указанию Хаттаба. Все считали, что они самозванцы, которые лгут и пытаются заработать какой-то политический капитал.

— **Тут возникает простой вопрос. Какие чеченцы, собственно говоря, не понимали, что с ними делать? С чего ты взял, что такие есть?**

— Крымшамхалов и Батчаев — не чеченцы по национальности. А надо понимать, что Чечня — это маленькая страна или как бы большая деревня, где все друг друга знают. Как только в Чечне появились люди, сказавшие, что они произвели по указанию Хаттаба и Басаева теракты, они очень быстро оказались у Хаттаба, который сказал им, что никакого указания на производство терактов в Москве и в Волгодонске не было и никто из чеченского руководства, в том числе и военного, таких указаний не давал. Это сказал им Хаттаб. Хочу подчеркнуть, что с первых же дней чеченское руководство отрицало свою причастность к терактам в Москве, в Волгодонске и Буйнакске.

— А тогда какие же чеченцы нашли Крымшамхалова и Батчаева в Москве и предложили им поучаствовать в борьбе за, по их мнению, правое дело?

— Во-первых, никто не сказал, что это были чеченцы. Это были люди, представившиеся чеченскими сепаратистами. А что это были за люди, на кого они на самом деле работали — мы не знаем. Можно предположить, если принять за основу версию, что теракты в России в 1999 году готовили ФСБ и ГРУ, — это были люди из ФСБ или ГРУ.

— Это шаткие предположения. Зачем нужны были такие сложности? Зачем тогда ФСБ и ГРУ отпустили Крымшамхалова и Батчаева? Почему позволили им, как утверждают Крымшамхалов и Батчаев, куда-то позвонить, в некую службу спасения, и сказать, что где-то еще заложена взрывчатка? Бред.

— Давай разбираться. Крымшамхалова и Батчаева не отпустили. Они бежали. За ними до сих пор охотятся, как за Декушевым, которого задержали в Грузии и доставили в Москву. Таким образом, очевидно, что их намеревались арестовать сразу же после терактов, но поскольку взрывы произошли «преждевременно» и не в местах складирования, не на федеральных объектах, Крымшамхалов, Батчаев и другие поняли, что их «подставили», не стали дожидаться выяснения ситуации, а быстро унесли ноги.

Аналогично было и с Гочияевым, с тем исключением, что Гочияев предоставил свои складские помещения под сахар и не знал, что на его склады Крымшамхалов и Батчаев завезли гексоген. В службу спасения звонил именно Гочияев, о взрывчатке не знавший, но после второго взрыва понявший, что взрываются его «мешки с сахаром». Именно Гочияев позвонил в службу спасения и, сообщив адрес склада на Борисовских прудах, предотвратил дальнейшие взрывы в Москве.

— Тогда почему они называют фамилии Лазовского, Патрушева, Угрюмова?

— Вот это самое интересное:

— По твоей логике, есть некие непонятные люди, которые от имени чеченских сепаратистов попросили «помочь в борьбе». Потом, когда «не вовремя» рвануло, Крымшамхалову и Батчаеву это не понравилось. И они сбежали в Чечню, где Хаттаб им объявил, что не отдавал такого приказа.

Но тогда откуда всплывают в их показаниях фамилии того же Патрушева, Угрюмова и просто бандита Лазовского, который действительно был агентом ФСБ? Ведь по их логике — они никого не знали!

— С того момента, как они прибыли в Чечню и объявили, что были завербованы людьми, представившимися сторонниками сепаратистов, чеченскому руководству стало ясно, что события в Москве, в Волгодонске и Буйнакске были намеренной провокацией российских спецслужб, направленной против чеченцев. С этого момента само чеченское руководство начинает проводить расследование о состоявшихся в России в 1999 году терактах. То есть сами чеченские руководители — а там, естественно, нет сейчас единовластия — начинают собирать информацию, выяснять, каждый сам по себе, кто же стоит за терактами 1999 года. Потому что сами они знают про себя, что за этими терактами стоят не они. Вот именно отсюда попытка получения этой информации у того же Галкина; именно отсюда аналогичные попытки получения этой же информации у всех попадающих в плен к чеченцам сотрудников спецслужб.

Этих людей, попавших в чеченский плен за последние два-три года, было довольно много. И от всех этих людей появлялась какая-то информация, имевшая и прямое, и косвенное отношение в том числе и к событиям 99-го года.

— **Но тогда же получается, что показания Крымшамхалова и Гочияева — это не показания свидетелей, которые на самом деле были знакомы, например, хотя бы с Лазовским, а показания людей, которым только потом объяснили, кто бы мог отдавать им приказы.**

— В принципе это так, хотя подчеркиваю: про Лазовского-Абдулгафура, русского, они утверждают, что знали его лично и что именно он был руководителем всей группы террористов. Знали они и другого руководителя террористов: подполковника Абубакара (Абу-Бакара) — татарина, 32 лет, низкого роста, в очках. Но я далек от мысли, что Крымшамхалов и Батчаев без юридического, военного и образования вообще способны были провести свое независимое расследование, даже в том случае, если они к этим событиям имели непосредственное отношение.

— **Но возникает простой вопрос: они так наивны, что у людей, представившихся им чеченскими сепаратистами, не спросили даже имен? Не были с ними знакомы и не попросили никаких рекомендаций? Что, просто так подходишь к «лицу чеченской национальности» и говоришь: «Старик, не хотел бы ты взорвать дом или федеральный объект во имя нашей общей идеи?».**

— Должен сказать, что их ответы на все мои вопросы и все мои анкеты содержат всегда одну и ту же повторяющуюся фразу: подробнее на все вопросы ответим при встрече. А вся информация, которая выда-

ется мне сейчас, она настолько регламентирована теми, кто ее выдает, что мы можем только догадываться о том, что эти люди на самом деле знают и могут рассказать. Потому что про абсолютно все говорится: знаем все, но подробности расскажем при встрече; имена знаем все, но назовем при встрече.

— **А почему не называют? С чего вдруг? Они ведь первыми должны говорить правду о себе, для того чтобы прекратилась эта абсолютно смертоубийственная война. Почему же они все время говорят: «подробности при встрече»; почему они не обращаются срочно в комиссию, которую создали вы по расследованию этих терактов; почему они не проявляют инициативу; почему ты — независимый исторический исследователь — делаешь сейчас больше, чем они?**

— Ответ простой. Они сейчас скрываются. За головы этих людей обещана награда. За ними охотятся ФСБ и ГРУ. В тех местах, где они скрываются, они отсиживаются не в одиночку, а в коллективе людей.

— **Охотятся одни, а содержат другие? Если их наняло ГРУ, то почему ГРУ за ними охотится? Чтобы убить или чтобы схватить?**

— Либо чтобы убить, либо чтобы схватить. Во всех случаях — заставить их замолчать. В их показаниях нужно разбираться, нужно задать действительно много вопросов. Нужно проводить настоящее серьезное расследование, чтобы выявить всех террористов, на всех уровнях, причастных к терактам в России в 1999 году. Для меня их показания не являются фальсификацией, так как тогда, поверь, это были бы простые черно-белые показания типа: «подтверждаем, что были завербованы российскими спецслужбами и произвели взрывы по указанию ФСБ и ГРУ». А их показания, как ты сам видишь, рождают больше вопросов, чем дают ответов. Сегодня Крымшамхалов, Батчаев и Гочияев находятся под контролем каких-то групп людей. Они не свободны ни в передвижении, ни в вынесении решений.

— **Чеченцев? Боевиков?**

— Чеченцев. Никто из них троих не может выжить самостоятельно: их либо убьют, либо продадут, потому что за ними охотятся серьезные спецслужбы России.

— **То есть группировки чеченцев охраняют их? Владеют ими?**

— Владеют скорее, чем охраняют. Но и охраняют, безусловно.

— **То есть возможен торг по продаже террористов?**

— С Гочияевым это стопроцентно так. Он, безусловно, не свободен в своих желаниях. То есть не Гочияев определяет, будет ли он давать интервью, отвечать на вопросы.

— **И ты с этим лично столкнулся?**

— Это тот вывод, к которому я пришел. Не могу сказать, что я с этим столкнулся, потому что хочу подчеркнуть: никого из этих людей я не видел. Получение и сбор информации происходит разными путями, но никого из этих людей ни я, ни Александр Литвиненко не видели ни разу. Поэтому я говорю сейчас о своих ощущениях и выводах. Думаю, что они абсолютно правильны. Уровень свободы Крымшамхалова и Батчаева, безусловно, принципиально больший, чем Гочияева. Кстати, по материалам, которые я передал в «Новую газету», это достаточно очевидно.

— **А если Гочияев, по его утверждениям, ни при чем, то почему его так охраняют и держат под таким контролем? Фактически чуть ли не в заключении? Чего бы ему не приехать в Генпрокуратуру?**

— Думаю, что мы не должны тут чего-то недоговаривать и представлять ситуацию в розовом свете. Российским правоохранительным органам он не может сдаться, так как это — заинтересованные структуры. Правды мы тогда вообще никогда не узнаем. Однако проблема упирается в то, что люди, контролирующие Гочияева, требуют за его освобождение денег.

Во время телемоста из Лондона в июле этого года мне и Литвиненко задали вопрос: почему мы не добились от Гочияева фамилии того самого сотрудника ФСБ, который завез на склады Гочияева в сахарных мешках гексоген? Ведь без этой фамилии заявление Гочияева выглядит куда менее убедительным, чем с нею. Поверь, что выяснить фамилию сотрудника ФСБ я пытался неоднократно при каждом удобном случае. Все, что мне удалось выяснить, — это то, что офицер ФСБ, складирующий у Гочияева взрывчатку, с тех пор сделал неплохую карьеру, продвинулся по службе, по сей день служит в органах. Что это личность сегодня известная. Но дальнейшая информация может быть предоставлена только в обмен на деньги. И без денег Гочияев фамилию не назовет. А поскольку с самого начала и до сегодняшнего дня мы платить не собирались, объясняя, что не можем платить за информацию, поскольку купленная информация перестает быть достоверной, нам не сообщают фамилию сотрудника ФСБ, который нанял Гочияева для складирования взрывчатки.

— **Получается замкнутый круг. Ведь если заплатить, то вы узнаете ту фамилию, которую захочет услышать тот, кто заплатил деньги, а не получите реальную информацию. Я правильно понял, что им деньги много важнее, чем те страдания, которые терпит их народ во время войны?**

— На эту тему я проговорил с ними не один час. И мой аргумент: в первую очередь это нужно вам — пока не действует. Да, это нужно им, но пока что им нужны еще и деньги. Моральную оценку поведению этих людей я давать не стану. Это та реальность, с которой мы столкнулись. С такой же проблемой мы столкнулись при сборе показаний от Крымшамхалова и Батчаева, контролируемых другими людьми. На вопрос, знают ли они всё, они отвечают: да, мы знаем всё. На вопрос, готовы ли они рассказать всё, они отвечают тоже «да». На вопрос, готовы ли они предстать перед Европейским судом в третьей стране, они отвечают: да, готовы, но пока нам не дадут денег, на которые мы сможем обеспечить своих близких, мы не дадим информацию, которой мы располагаем. И что хотите, то и делайте.

— **Но, согласись, это позиция действительно какая-то людоедская, да? Сначала взрываются дома с живыми людьми, целые семьи с детьми... Потом садисты говорят: да, мы взорвали, но для того чтобы сказать, кто конкретно в этом участвовал, нам нужны деньги, чтобы обеспечить свои семьи...**

— Да-да... Но поскольку я же — сторона слушающая, от меня здесь ничего не зависит. Все, что я могу сделать, — это, как попугай, в сотый раз говорить, что мы уже через это прошли, что мы не платим деньги за информацию.

— **А что дальше делать? Вот смотри: они есть, они живы. Это вывод? Вывод. Они находятся под контролем неких людей, которые не относятся сейчас к федеральным структурам России. Или относятся?**

— Не относятся. Более того, уверен, что они относятся так или иначе к тем людям, которых мы называем чеченскими партизанами и чеченскими сепаратистами. Но это опять же мое предположение.

— **И эти люди торгуют находящимися у них в заложниках террористами! Можно так сказать?**

— Можно. Правда, Гочияев себя террористом не считает.

— **И за то, чтобы террористы заговорили, они требуют с нас, которые являются заложниками террористов, денег. Да? Что дальше делать?**

— Ничего. Это та причина, по которой лично я считаю, что мое и Александра Литвиненко журналистское расследование этой темы в смысле снятия показаний Крымшамхалова, Батчаева и Гочияева зашло в тупик. Откровенно так считаю.

— **Ты говоришь про то, что они требуют денег. Скажи, вот конкретно с тебя, для того чтобы встретиться с объявленными в федераль-**

ный розыск Гочияевым, Батчаевым и Крымшамхаловым, сколько требовали денег?

— Ну, ты знаешь, в таких ситуациях все любят большие круглые цифры. И не чтобы встретиться, а чтобы встретиться и снять показания на видеопленку с гарантией получения ответов на все вопросы.

— **«Большая круглая цифра» — по их мнению, это сколько?**

— Была названа сумма три миллиона долларов. Понятно, что трех миллионов долларов у меня нет при всем желании. Поэтому мои моральные соображения здесь, безусловно, сочетаются с абсолютной практической невозможностью заплатить такие деньги.

Вопросы задавал Дмитрий Муратов

Приложение 19

РАСПЕЧАТКА ИНТЕРВЬЮ А. ГОЧИЯЕВА, ДАННОГО ИМ 20 АВГУСТА 2002 Г.

Интервью дано «близкому человеку» и записано на видеокамеру. Как доказательство имеющейся пленки нам передана первая минута видеоинтервью. Рукописный транскрипт передан нам 18 января 2003 г. Текст с видеопленки записан с многими неточностями. Точная распечатка первой минуты видеопленки приводится ниже. Однако существенных смысловых искажений, если судить по этой первой минуте видеоинтервью, нет. В тексте рукописного транскрипта по инициативе владельцев пленки, о чем мы были предупреждены заранее, опущены две фамилии — (К.) и (Х.). Люди, контролирующие Гочияева и владеющие пленкой, рассчитывают на то, что именно за эти фамилии мы согласимся заплатить деньги.

Текст первой минуты интервью, выверенный по пленке:

Вопрос: Расскажите о себе, где вы родились?

Ответ: Моё имя Гочияев Ачемез Шагабанович. Родом из Карачаево-Черкессии. До 1988 года проживал в республике. В 1988 году после

окончания школы поехал учиться в Москву, призвался в армию, вернулся и опять жил в Москве. До сентября 1999 года проживал в Москве. Проживал в Москве в районе Строгино, улица Маршала Катукова.

Вопрос: Как случилось так, что именно ваше имя стали связывать со взрывами домов в Москве? Спец. службы России обвиняют непосредственно вас, что вы организовали эти взрывы (запись обрывается)

Распечатка рукописного транскрипта видеоинтервью

А. Гочияева, 20 августа 2002 г.

Сохранены орфография и пунктуация документа

В данном интервью многое осталось за кадром. Известны имена и фамилии тех ныне действующих сотрудников ФСБ, причастных к этим событиям. Они и по сей день спокойно живут в своих домах и занимают высокие должности.

Это единственное интервью. Корреспондент — близкий ему человек.

Вопрос: Представьтесь, пожалуйста?

Ответ: Я, Гочияев Ачемез Шагабанович. Родился в Карачаево-Черкесской республике. До 1988 г. проживал в КЧР. После окончания школы в 1988 г. поехал в Москву — учиться. Оттуда был призван в армию. Вернулся и опять жил в Москве. До сентября 1999 г. проживал в Москве по ул. Маршала Батукова.

Вопрос: Как случилось так, что именно ваше имя стали связывать со взрывами в Москве? Спец. службы России обвиняют именно вас, что вы организовали эти взрывы в Москве. Почему именно на вас?

Ответ: Как я именно оказался в этой ситуации. В 1997 г. я открыл фирму по строительству коттеджей. Я занимался строительством. Летом 1999 г. ко мне на фирму пришел мой давний знакомый, которого я знал еще со школьной скамьи. Его зовут (К.) Предложил мне заняться совместным бизнесом. Он сказал, что у него есть места для реализации товара, т.е. продуктов питания, и чтоб я помог ему. Я ему поставляю продукты питания, он реализовывает и расплачивается со мной. Один раз он заказал мне минеральную воду, я ему доставил, он расплатился со мной. Потом попросил, чтоб я помог ему арендовать склады на юге Москвы, он сказал, что у него есть там хорошие точки реализации. Я нашел 4 помещения, показал ему и помог арендовать их. Непосредственно после этого произошел взрыв на ул. Гурьянова 9 сентября. В

этот день меня не было дома, я находился в гостях. Он позвонил мне на мобильный и сказал, что какой-то пожар случился на складе, и мне нужно туда приехать. Я сказал: «Хорошо», — и стал собираться. Это уже было под утро. Я вызвал такси и включил телевизор. По утренним новостям и увидел, что дом фактически отсутствует. Это меня насторожило, и я стал ждать. А когда, через несколько дней, произошел второй взрыв на Каширском шоссе, я понял окончательно, что меня подставили. Я сразу же позвонил в милицию и даже в службу спасения и сообщил ещё о двух складах: на Борисовских прудах, в районе Капотни, там в гаражном боксе ещё склад был. После этого мне пришлось покинуть Москву. Вернулся обратно в республику и проживал там определённое время. Сейчас, что я могу сказать. Я знаю, что этот человек (К.) сейчас уже не скрывает, что он работник ФСБ, работает в г. Черкесске в ФСБ. До этого я этого не знал, когда помогал ему.

Вопрос: Вы считаете, что именно (К.) вас подставил?

Ответ: Да, конечно. Я в этом уверен, что это его работа. Кто с ним был, как это было сделано я точно не знаю, и этих людей тоже. Единственное, могу рассказать, что когда однажды я, возвращаясь домой, решил заехать к нему в гости — он меня не ждал. Когда я зашел к нему домой, там с ним вместе был еще один человек. После того, как я поздоровался, тот человек сразу ушёл. Следя за прессой, просматривая интернет, совсем недавно я узнал, кто был этот человек. Это был (Х.)...!!

Вопрос: Вы уверены, что это был именно тот человек, которого вы видели?

Ответ: Да, я узнал его по фотографии..! Кроме этого, в конце августа — начале сентября (К.) несколько раз ездил в г. Рязань и меня просил, чтобы я помог ему и там тоже. У него там якобы тоже есть места сбыта товара, но т.к. своей фирмы у него не было, как он мне говорил, и он хотел, чтобы я оформлял на свою фирму аренду этих складов. Но потом он вроде бы нашел какую-то другую фирму, которая помогла ему арендовать помещения. Я точно знаю, что (К.) ездил в г. Рязань в начале сентября.

Вопрос: Как вы думаете, почему он выбрал именно вас, а не кого-нибудь другого арендовать эти склады?

Ответ: Как я думаю, дело в том, что я работал в Москве.

Вопрос: Когда вы работали?

Ответ: В 1997 г. я непосредственно работал, занимаясь строительством коттеджей.

Вопрос: Фирмы была зарегистрирована?

Ответ: Да. Фирма называлась «КАПСТРОЙ-2000». Мой строительный офис находился в районе метро Барикадное. Рядом с метро двухэтажное здание.

Вопрос: В прессе часто преподносилась информация, что вы — чеченец, что именно терракты — взрывы домов в Москве организованы Хатабом, что вы входили в группировку Хатаба. Есть фотография, опубликованная в интернете, где вы с Хатабом запечатлены в одном кадре. Насколько правдивы эти фотографии?

Ответ: На счет этого я могу сказать следующее. Если вы о той фотографии в интернете, где якобы я с бородой и в шапке рядом с Хатабом, — я видел эту фотографию в интернете. Этот человек не я и близко на меня не похож, и это уже доказано, что это — фотомонтаж! Хотя ФСБ России по сегодняшний день утверждают, что это я. Для чего это сделано, мы сейчас видим и понимаем. Нужен был чеченский след. Даже в моих розыскных документах я фигурировал как чеченец, хотя мои документы были выданы карачаевским РОВД, и, следовательно, в ФСБ определенно знали, что я — карачаевец. Им надо было связать меня с Чечней. Это было сделано для этого. Ни с Хатабом, ни с его группировкой я никогда не был знаком и ничего общего не имел. Для чего это было им необходимо, теперь очевидно.

Вопрос: Вы говорите, что вы невиновны. Какова же причина того, что вы скрываетесь?

Ответ: Причина в том, что спецслужбы усердно ищут меня. После взрывов в Москве я вернулся на родину и, зная что меня подставили, понимал, что теперь я вынужден скрываться. Я жил некоторое время на родине и скрывался — это было после событий в Москве 1999 года. Мой родной брат работал тогда начальником Уголовного розыска района, и он меня предупредил через родственников, что у них есть негласный приказ — меня живым не брать, т.е. ликвидировать, предупредили меня об осторожности. Сейчас я знаю, что его сняли с должности. Я также знаю, что ФСБ России даёт большие деньги, чтоб ликвидировать меня.

Вопрос: А зачем нужна им ваша ликвидация?

Ответ: Потому что я обладаю информацией, я знаю некоторые факты, имена этих «людей»-сотрудников, истинных виновников того, что произошло. Это нетрудно проверить. Они — и поныне действующие сотрудники ФСБ, которые часто ездят в Москву.

Вопрос: Почему бы вам не обратиться в посольство России и не рассказать как все было на самом деле?

Ответ: Смысла нет. Эта система НКВД, КГБ, ФСБ — одна система. Название меняется, а суть, методы работы и цели одни и те же. У них действительно богатая родословная, и доверять им нет никакого смысла. Я знаю, что пользы не будет для меня никакой. Просто сейчас я разговор веду лишь для того, чтобы мир узнал истину, как всё это было. Я на это надеюсь.

Вопрос: Вы чувствуете какую-нибудь вину, что раньше не пытались донести до мира истину об этих событиях в Москве? Ведь одним из мотивов России вторжения в Чечню явились эти взрывы. Почему вы раньше не заявили об этом?

Ответ: Только сейчас появились люди, готовые выслушать, заинтересованные, чтобы правда вышла в свет. Раньше это никому не было нужно. У меня были попытки, но делу не был дан ход — люди боялись себя показывать.

Вопрос: Боялись именно российской власти?

Ответ: Да. Боятся и сейчас, и очень сильно боятся.

Вопрос: Что вы еще хотели бы сказать? Есть факты более убедительные?

Ответ: О некоторых фактах я уже упомянул. Имеются и другие, очень многое осталось за кадром.

Вопрос: Что вас побудило в конечном счёте скрываться от власти? Когда вы поняли, что именно вас хотят подставить? Когда вы пришли к этому мнению?

Ответ: Сразу после второго взрыва я понял, что меня подставили окончательно. После первого взрыва я до конца ничего не понял. Единственное, меня насторожило то, что (К.) сразу не сказал, что и в правду там произошло. Он позвонил на мобильный и сказал мне: «Приезжай, случился небольшой пожар», хотя на самом деле тогда же я увидел по телевизору, что произошло ужасное. Позже я поехал туда, посмотрел — это было жуткое зрелище. Но с (К.) я не встретился. Я приехал, посмотрел и уехал. Все те фальшивые документы, которыми якобы пользовался я, были заготовлены ими заранее, чтобы их операция прошла успешно, и нигде ничего не сорвалось. Они не думали меня не застать дома, иначе бы я сейчас не разговаривал с вами, да и ни с кем.

Вопрос: После произошедшего кто-нибудь с вами связывался?

Ответ: Нет. После 13-го числа я покинул Москву. Я знаю, потом уже московские сотрудники ФСБ работали у нас в республике. Родственников ломали, запугивали очень сильно. Сестре, я слышал, сначала деньги предлагали. Потом, когда она отказалась, начались угрозы

и требования, чтобы она дала интервью, что я способен на это. Сначала подкупом, потом угрозой. Я знаю, что ее вывозили на кладбище с маленьким ребенком, которому не было и трёх лет, чтобы она дала порочащие меня показания, иначе они убьют её и её ребёнка. Таковы методы работы ФСБ.

Вопрос: Как ваши друзья, знакомые относятся к этому?

Ответ: Насчёт друзей, знакомых: все, кто меня знает, не верят в то, что я мог это сделать.

Вопрос: Показания некоторых заключенных против вас?

Ответ: Я знаю, что есть некоторые люди, которых вроде бы тоже обвиняют в терактах, и эти заключенные дают показания против меня. Но зная систему КГБ, ФСБ, в России проживает 150 млн. Людей, и по этой системе их всегда можно сделать свидетелями определённого дела. Для ФСБ это не составит никакого труда. И ещё есть момент такой: когда они говорят, как всё это было там, я больше всего удивляюсь наивности наших вот российских граждан. Как можно думать, что возможно завести в Москву, как они говорят, 10 тонн взрывчатки и осуществить взрыв — это невозможно. Кроме спец. служб это никто не сможет сделать. Эта наивность наших граждан меня удивляет сильно.

Вопрос: В средствах массовой информации говорится о том, что в Западной Грузии в Аджарии был задержан один из подозреваемых в причастности к терактам в России и якобы он сейчас даёт показания, которые удовлетворяют российские спец. службы. Вы не допускаете такое, что он может дать показания против вас? И вообще, вы знакомы с этим человеком?

Ответ: Всё, что я знаю, это то, что был задержан некий Адам Деккушев и он даёт какие-то показания. Я несколько не сомневаюсь, что он даёт именно те показания, которые выгодны ФСБ. Он будет говорить то, что от него требует ФСБ. И это не удивительно, зная эту систему. Давайте вспомним один пример из истории — арест Берии. Берия на второй день после своего ареста уже признался в том, что он работает на 10 иностранных разведок. Следовательно, все, кто попадает в руки ФСБ, будут говорить то, что устраивает ФСБ, и всё, что они хотят услышать.

Вопрос: Следует ли из этого, что все эти показания надуманы и выбиваются из подследственных силой?

Ответ: Конечно. Любой человек, который хоть раз попадал к ним в руки, сталкивался хоть каким-то образом с этой системой, для него это не является секретом.

Вопрос: Вы не боитесь за свою жизнь? Не боитесь попасть в руки спец. службам?

Ответ: Я, конечно же, этого не исключаю. Я знаю, что спец. службы дают большие деньги, чтобы меня ликвидировать.

Вопрос: Вопрос идёт о ликвидации?

Ответ: Вопрос идёт в спец. службах только о ликвидации. Т. е. им не выгодно взять меня живым, потому что я буду говорить. Но не исключено, что со мной может произойти то же самое, что и с этим человеком. И я буду говорить то, что они хотят от меня услышать, даже если своими словами я подпишу себе смертный приговор. Истина то, что я сейчас говорю, находясь на свободе. Не в их руках.

Вопрос: Так вы не даёте гарантии именно за себя, что в случае вашей поимки вы не будете давать ложных показаний против себя?

Ответ: Нет, конечно. Если я окажусь в их руках, в руках ФСБ, то, что я сейчас говорю — не буду говорить, я буду говорить то, что они хотят.

Вопрос: Ну если Берия не смог выдержать эти пытки, я думаю, наверное, мало кто сможет противостоять ФСБ. И у них есть много способов выбивать информацию.

Ответ: Конечно.

Корреспондент: Спасибо вам за то, что вы согласились дать нам интервью. Спасибо большое. И мы надеемся, что именно ваше интервью прольёт свет на истинных виновников и заказчиков этого преступления.

Ответ: Я тоже очень на это надеюсь.

Приложение 20

КТО ПОДСТАВИЛ АЧЕМЕЗА ГОЧИЯЕВА?

В течение нескольких последних месяцев мы вели телефонные переговоры с несколькими людьми, предлагавшими нам купить полчасовое интервью с Ачезом Гочияевым, являющимся, по версии ФСБ и прочих российских правоохранительных органов, одним из организаторов сентябрьских терактов 1999 года. Сам Гочияев говорит, что он обычный бизнесмен, много лет жил и работал в Москве, не имел отношения ни к чеченцам, ни к Чечне, ни к мусульманскому экстремизму, а «подставил» его давний знакомый, оказавшийся сотрудником ФСБ. Сегодня, как утверждает Гочияев, этот человек работает в ФСБ в Черкесске. Именно его сам Гочияев считает организатором терактов в городах России в сентябре 1999 года.

Пленку с интервью Гочияева нам предлагали за 3 миллиона долларов. Мы отказались платить и по финансовым, и по принципиальным соображениям. За заявление Гочияева, полученное нами в апреле 2002 года и обнародованное 25 июля во время телемоста Москва — Лондон с Общественной комиссией по расследованию обстоятельств взрывов домов, денег мы не платили. Собственно, за это заявление денег никто и не просил — просили за видеопленку с именами людей, якобы виновных в организации терактов.

В конце июня на нас вышли уже другие люди и предложили возобновить связь с Гочияевым. Такая связь действительно была вскоре налажена, но не с Гочияевым, а с участниками терактов Юсуфом Крымшамхаловым и Тимуром Батчаевым. Начался новый этап нашей работы — получение показаний Батчаева и Крымшамхалова об их участии в терактах 1999 года. 25 июля о существовании этих показаний и об их сути мы также сообщили Общественной комиссии.

В начале августа мы получили «Открытое письмо» Батчаева и Крымшамхалова в Общественную комиссию, датированное 28 июля. Получила ли такое же письмо Общественная комиссия и посылалось ли оно туда, мы не знали. С публикацией письма, адресованного не нам, мы решили подождать; стали собирать дополнительную информацию. Мы достали пленку с показаниями старшего лейтенанта ГРУ Алексея Галкина, оказавшегося в чеченском плену при невыясненных обстоятельствах вскоре после сентябрьских терактов, и комментариями Абу Мовсаева, проводившего допрос. Была получена очень важная новая информация о том, что Батчаев и Крымшамхалов не знакомы с Гочияевым, а последний не знаком с Хаттабом и никогда с ним не фотографировался.

Вновь была налажена связь с Гочияевым. В ходе этого раунда переговоров нам было разрешено составить вопросы к Гочияеву. Мы надеялись получить на них развернутые ответы. Но вместо этого получили одну рукописную приписку: «На все вопросы ответы готовы, о деталях обговорите при встрече». Имелась в виду встреча с человеком, который помогал нам организовывать связь. Но этой встречи не произошло.

Шел август 2002 года. Предполагалось, что мы встретимся в Грузии... Все помнят, как в августе-сентябре Москва стала оказывать на Тбилиси беспрецедентное для отношений между независимыми государствами давление с целью заставить грузинское правительство занять жесткую позицию в отношении Чечни и чеченских беженцев. Мы знали, что в очень большой степени это давление вызвано нашей активностью по снятию показаний о сентябрьских терактах с Гочияева, Крымшамхалова и Батчаева, находившихся в тот момент в Грузии, что не было ни для кого секретом.

Время работало против нас. Связь становилась редкой. Сообщалось, что российская сторона заплатила крупные суммы денег на контрактной основе нескольким группам людей, взявшимся задержать или убить Батчаева и Крымшамхалова. Доходила информация о первых (неудачных) попытках реализовать этот план, о перестрелках при

попытках задержания, о гибели людей. Проверить точность этой информации, разумеется, не представлялось возможным. Тем не менее от планов вылета в Грузию мы отказались, сочтя их небезопасными и для себя, и для тех, с кем мы планировали встречаться.

В сентябре-октябре легче не стало. Связь с Гочияевым снова была потеряна. Про Батчаева и Крымшамхалова известно было только то, что за ними идет настоящая охота, петля стягивается. Новых сведений получить от них мы уже не рассчитывали. 23 октября в Берлине один из нас (Юрий Фельштинский) передал собранные к тому времени материалы главному редактору «Новой газеты» Дмитрию Муратову. Предполагалось, что «Новая газета» начнет их немедленную публикацию. 24 октября г-н Муратов действительно срочно вылетел в Москву. Он возвращался в уже другую страну — вечером 23 октября террористы захватили «Норд-Ост».

После гибели заложников на Дубровке российские спецслужбы заметно активизировались в Грузии. В ноябре к нам поступила информация о том, что ситуация крайне серьезная и шансов уцелеть у Батчаева с Крымшамхаловым мало. Интуиция подсказывала, что нужно торопиться с публикацией открытого письма, пока Батчаев и Крымшамхалов живы. 2 декабря «Новая газета» опубликовала показания Галкина. В тот же день в Хельсинки Юрий Фельштинский дал развернутое интервью Дмитрию Муратову. Оно было опубликовано 9 декабря вместе с Открытым письмом Крымшамхалова (задержанного в Грузии 7 декабря) и Батчаева (убитого в тот же день при задержании).

Что именно произошло в Грузии 7 декабря, сказать трудно. Полученные нами сведения нельзя считать проверенными. Легковой автомобиль с пятью людьми, в числе которых были Батчаев и Крымшамхалов, выехал из Панкисского ущелья. Машину вел Алекс Кавтарашвили, 1970 года рождения. Рядом с ним находился Эльдар Маргошвили, 1968 года рождения. Оба служили по контракту во внутренних войсках Грузии. Проехав через селение Кабали, где живут в основном азербайджанцы, и через соседствующее с ним грузинское село Баисубани, автомобиль стал въезжать в лесной массив, где ждала засада. Шедшая навстречу автомашина устроила аварию, а когда из первой машины вышли пассажиры, над их головами раздались автоматные очереди и всем было приказано лечь. Крымшамхалова как самого ценного взяли живым. Остальных в упор расстреляли. Сопrotивления со стороны задержанных не было. «Поясами смертников» ни Батчаев, ни Крымшамхалов не воспользовались.

В том же месяце с уже другими людьми возобновились переговоры о покупке пленки с интервью Гочияева. Иногда нам казалось, что еще чуть-чуть — и наши собеседники отдадут пленку бесплатно. Исходную сумму в 3 миллиона долларов сразу снизили до 500 тысяч. В конце концов доторговались до 150 тысяч. Нам удалось договориться о присылке первой минуты записи и транскрипта всего текста интервью с одной существенной оговоркой: из текста будут удалены две фамилии — сотрудника ФСБ, служащего теперь в Черкесске, старого знакомого Гочияева, подставившего своего друга; и еще одного человека, случайно увиденного Гочияевым в гостях у неназванного сотрудника ФСБ. Эти две фамилии как раз и стоили 150 тысяч.

В январе 2003 года мы действительно получили эти материалы. Вырезанные фамилии были обозначены как «К.» и «Х.». Дальнейшие многочасовые телефонные переговоры не увенчались успехом. Убедить наших собеседников дать пленку бесплатно мы не смогли. В конце февраля распечатка интервью Гочияева была передана Анне Политковской для публикации в «Новой газете». 3 марта показания Гочияева, хотя и не полностью, были опубликованы.

Минутная запись интервью с Гочияевым датирована 20 августа 2002 года. Из этого, конечно, не следует, что запись сделана в тот день. Удивляет спокойствие Гочияева, на которого день и ночь идет охота российских спецслужб. Создается впечатление, что Гочияев дает интервью не из Грузии, а из какой-то другой страны. Впрочем, это только предположения.

Мы считали бы этот этап работы завершенным, если бы сумели получить запись и узнать, кто же скрывается за «К.» и «Х.». Бывший следователь ФСБ, полковник, ныне адвокат Михаил Трепашкин недавно обнаружил, что соучредителем фирмы «Капстрой-2000», которая снимала злополучные подвалы в Москве, с 1996 года (что зафиксировано в Московской регистрационной палате) был вместе с Гочияевым еще один человек — Александр Юрьевич Кармишин. Все это навело редактора сайта *Somnienie.Narod.Ru* Марка Уленша, тесно работающего с Общественной комиссией, на мысль о том, что именно Кармишин является таинственным «К.». Нетрудно проверить, работает ли в ФСБ Черкесска человек по фамилии Кармишин. Труднее ответить на вопрос о том, почему молчат следственные органы России.

Гочияева обвинили в причастности к сентябрьским терактам только на основании того, что им и на его имя были сняты подвалы взорванных домов. Между тем соучредитель его фирмы, о существовании

ФСБ взрывает Россию

которого знают и следственные органы, и ФСБ, не только не обвинен в причастности к терактам, но даже не назван. Мы не призываем спешить с обвинениями. Мы требуем, чтобы общественности было сообщено, кем является Александр Кармишин, имеет ли он отношение к ФСБ или другим российским силовым ведомствам, где он в настоящий момент находится и почему он не был объявлен подозреваемым в причастности к взрывам домов в Москве и Волгодонске в сентябре 1999 года.

Александр Литвиненко, Юрий Фельштинский

11.03.2003

Опубликовано: 12.03.2003, Grani.ru

Приложение 21

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я, Чекулин Никита Сергеевич, бывший и.о. директора НИИ «Росконверсвзрывцентр» Министерства образования России, 5 марта 2002 года сделал заявление с критикой официальных российских лиц за сокрытие ими фактов и предотвращение расследования схемы хищения взрывчатых веществ, их незаконного распространения на территории страны, а также неправомерного вывоза компонентов реактивных снарядов и ракет за рубеж.

За прошедший год мною не было получено никакого ответа.

В это же время в некоторых средствах массовой информации были распространены клеветнические утверждения в мой адрес на основе материалов, полученных якобы из Федеральной службы безопасности и имеющих якобы грифы секретности.

Опровержений со стороны ФСБ не последовало.

Одновременно официальные лица ФСБ, МВД и Генпрокуратуры по запросам депутата Государственной Думы Ковалёва С.А. предоставили ему недостоверную информацию в части, касающейся моего заявления.

Так, например, заместитель генерального прокурора Колмогоров в своём письме от 13 августа 2002 года со ссылкой на якобы проведён-

ную ФСБ проверку утверждает, что войсковая часть № 92919 с НИИ «Росконверсвзрывцентр» якобы никогда «никаких отношений не имела и не имеет».

Я располагаю достоверными документами, подтверждающими систематические факты заключения контрактов между командиром войсковой части № 92919 Шатовым и директором НИИ «Росконверсвзрывцентр» Шукиным на поставку взрывчатых веществ начиная с 1997 года. У меня находятся данные о произведённых оплатах со счёта НИИ на счёт указанной войсковой части, сведения об объёмах и наименованиях поставленных взрывчатых веществ, в том числе и за рубеж, в 1998, 1999 и 2000 годах.

5 марта 2002 года я впервые обнародовал факт признаков хищения 5 тонн гексогеновых шашек именно из войсковой части № 92919. Но они никак не исследовались.

Эти и другие примеры свидетельствуют о том, что официальные российские лица по-прежнему осуществляют действия в явном противоречии с российским законодательством по исследованию заявленных мною фактов.

Произведённый мною анализ заявлений официальных представителей российских спецслужб о происхождении взрывчатых веществ, использовавшихся при взрывах жилых домов в 1999 году, позволяет сделать вывод об их недостоверности.

Никита Сергеевич Чекулин
Лондон 5 марта 2003 года

Приложение 22

ТЕРАКТЫ 1999 ГОДА: ЧЕМ ВЗРЫВАЛИ?

Никита Чекулин, бывший и.о. директора НИИ “Росконверсвзрыв-центр” Минобразования России, один из свидетелей по делу о взрывах жилых домов, анализирует версии происхождения взрывчатки, примененной в Москве, Волгодонске и Буйнакске.

Первоначальная версия: гексоген

10 сентября 1999 года в газете “Московский комсомолец” публикуется материал о взрыве на улице Гурьянова, где, в частности, говорится: “Вчера в офис Интерфакса позвонил аноним и с кавказским акцентом заявил: “То, что произошло в Москве и Буйнакске, – это наш ответ бомбардировкам мирных сёл Чечни и Дагестана”. Таким образом “заиграла” чечено-дагестанская версия.

Примерно в это же время с экрана телевизора Мэр Москвы Ю. Лужков заявляет о несомненной причастности к взрывам чеченцев.

В телевизионном интервью после взрыва на улице Гурьянова Директор ФСБ Н. Патрушев сообщает, что при анализе использовавшегося взрывчатого вещества были найдены элементы “гексогена и тротила”.

10 сентября 1999 года УФСБ по Москве и Московской области сооб-

щило, что обрушение подъездов дома на улице Гурьянова произошло “в результате подрыва бризантного смесового вещества массой около 350 кг. Взрывное устройство находилось на уровне первого этажа. Проведёнными физико-химическими исследованиями изъятых на месте происшествия объектов на их поверхности обнаружены следы... гексогена и тротила”.

15 сентября 1999 года начальник ГУБОПа МВД Козлов подтвердил, что на улице Гурьянова использовалась не пиротехническая смесь кустарного производства, а промышленная взрывчатка.

23 сентября 1999 года начальник отдела инженерно-технического отдела УВД Рязанской области старший лейтенант Юрий Ткаченко произвёл экспресс-анализ обнаруженного вещества в доме на улице Новосёлова в Рязани. По заключению Ткаченко, газовый анализатор показал “пары взрывчатого вещества типа гексоген”. Затем этот эксперт неоднократно под видео- и аудиозапись подтверждал этот вывод.

23 сентября 1999 года Пресс-центр МВД сделал официальное заявление о том, что было обнаружено в Рязани на улице Новосёлов: “При исследовании указанного вещества обнаружено наличие паров гексогена”. При этом МВД подчёркивало, что взрывное устройство было обезврежено.

Вторая версия: идентичная взрывчатка

16 марта 2000 года первый заместитель начальника оперативно розыскного управления Департамента “Т” ФСБ генерал Шагако заявил на пресс-конференции: “Составы взрывчатых веществ, которые были обнаружены в подвальном помещении по улице Борисовские пруды в Москве, также составы взрывчатых веществ, которые были обнаружены в городе Буйнакске 4 сентября 1999 года в автомобиле ЗИЛ-130, не взорвавшимся, они идентичны, т. е. в состав этих всех веществ входит аммиачная селитра, алюминиевая пудра, в отдельных случаях есть добавки гексогена и в отдельных случаях есть добавки тротила”.

Затем Шагако сообщает, что двумя месяцами раньше в Урус-Мартановском районе Чечни ФСБ обнаруживает центр по подготовке подрывников, а на его территории было обнаружено 5 тонн аммиачной селитры. “Здесь же были обнаружены исполнительные механизмы, аналогичные тем механизмам, которые использовались в выше перечисленных мной взрывах... исполнительные механизмы, обнаруженные в автомобиле ЗИЛ-130, в городе Буйнакске, а также исполнительные механизмы, обнаруженные в подвальном помещении в горо-

де Москве на улице Борисовские пруды, в ходе криминалистического исследования доказана их идентичность”.

Далее Шагако перечисляет идентичные предметы: часы “Касио”, одноцветные провода и другое, что было найдено в лагерях Хаттаба.

На этой же пресс-конференции генерал ФСБ Зданович задает риторический вопрос: “Были ли хищения этой взрывчатки с государственных заводов, где она производится по определённым технологиям?” И сам же на него отвечает: “Сразу могу сказать – не было, или, по крайней мере, у нас таких данных в распоряжении следствия нет”.

Третья версия: “безгексогоновая”

20 марта 2000 года при записи передачи НТВ у автора Николаева генерал ФСБ Зданович заявил, что ни в Рязани, ни в других городах России при взрывах жилых домов гексогоен не применялся. 24 марта передача вышла в эфир.

22 декабря 2000 года “Московский комсомолец” публикует интервью, взятое корреспондентом Александром Хинштейном у начальника оперативно-розыскного управления, заместителя руководителя Департамента “Т” ФСБ генерала Миронова. В интервью изложена новая версия ФСБ о происшедших взрывах.

Вопрос Хинштейна: “Мы затронули тему московских взрывов. Можно ли с уверенностью сказать, как готовились эти теракты?”

Ответ: “Да, всё уже расставлено по местам. Часть виновников преступления задержаны. Основные находятся в розыске. Мы доподлинно знаем, как производилась эта взрывчатка, кто отдавал команды... Интересно отметить, что ещё до взрывов в Москве и в Буйнакске эта же технология отработывалась и в других местах, например, в Ташкенте. Там был точно такой смесевой состав. Мы предполагаем, что аналогичная взрывчатка была использована и при совершении терактов на территории Африки”.

Генерал Миронов подтверждает, что при терактах в Москве и Волгодонске использовались часы “Касио”.

Вопрос Хинштейна: “Вскоре после взрывов появилось немало версий, как именно гексогоен был доставлен в Москву?”

Ответ: “Сегодня весь путь нами вычислен... В Чечне существовало два диверсионно-учебных лагеря: в Сержень-Юрте и Урус-Марта-не иностранные инструкторы готовили боевиков. На этих базах была специальная установка по производству взрывной смеси в большом количестве. В компоненты её входили аммиачная селитра, алюминий-

евая пудра, сахар. Было изготовлено примерно пятнадцать тонн: пять они использовали, десять изъято нами. Насколько мы знаем, готовили их боевики узбекской национальности. Взрывчатка была специально вывезена и базирувана в Кисловодске, а уже от туда на большегрузном фургоне её вместе с мешками с сахаром доставили в Москву. Развезли по нескольким адресам. Два из этих адресов знают все: Каширское шоссе и улица Гурьянова...”

14 мая 2002 года был опубликован полный текст ответа, присланного из Генпрокуратуры за подписью Колмогорова, на запрос депутата Госдумы Куликова о результатах расследования уголовных дел, возбуждённых по фактам взрывов в Москве и Волгодонске, а также по поводу учений ФСБ, имевших место в Рязани осенью 1999 года. Колмогоров подписывается под справкой своих подчинённых, в которой утверждается:

“В результате проведённого комплекса следственных действий и оперативно- розыскных мероприятий были получены исчерпывающие доказательства о совершении расследуемых актов терроризма организованной преступной группой из членов чеченских незаконных вооружённых формирований под руководством Гочияева А.Ш., в которую помимо него входили Крымшамхалов Ю.И., Батчаев Т.А., Деккушев А.О., Сайтаков Д.В., Абаев Х.М. и ряд других лиц”. Ни один из названных лиц не является по национальности чеченцем.

Генпрокуратура не приводит никаких сведений о названии использовавшихся взрывчатых веществ, их происхождении и способах доставки. На этом фоне крайне показательным является позиция Генпрокуратуры в отношении проверки событий с так называемыми “рязанскими учениями”. Колмогоров не находит ничего лучшего как подробно описать взрывчатое вещество, которое не было найдено в Рязани. В его письме, в частности, говорится:

“Проведённая по делу взрывотехническая экспертиза установила, что в мешках находилась сахароза-дисахарид на основе глюкопиранозы и фруктофу-ранозы. Следов бризантных взрывчатых веществ (тротила, гексогена, октогена, тэна, нитроглицерина, тетрила и пикриновой кислоты) в исследуемом веществе не обнаружено”.

То есть семь возможных наименований взрывчатых веществ – ни больше ни меньше. Среди названных отсутствуют наименования “аммиачная селитра”, “алюминиевая пудра или порошок”, “сахар”, “техническое масло”, “пластид”.

В письме Генпрокуратуры содержится и ещё одно важное свидетельство: “Прибывший по вызову наряд милиции обнаружил в под-

вале указанного дома три мешка с сыпучим веществом белого цвета и устройство, состоящее из трёх батареек “Крона”, электронных часов и охотничьего патрона 12 калибра, похожее на электродетонатор... Учитывая то, что обнаруженные предметы имели сходство с самодельными взрывными устройствами, использованными при взрывах в Москве, было принято решение об эвакуации жильцов дома, а следственным отделением УФСБ России по Рязанской области по данному факту возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст.ст. 30 ч. 3 и 205 ч.1 УК РФ (покушение на терроризм)”.

Четвертая версия: “сахарная”

9 сентября 2002 года, в третью годовщину со дня взрыва на улице Гурьянова, в “Российской газете” публикуется новое интервью Ивана Миронова, находящегося в прежней должности. Отвечая на первый же вопрос, генерал говорит, что он не видит надобности полемизировать с Борисом Березовским, так как “За два года следствием собрано достаточно неопровержимых доказательств вины конкретных людей, чтобы выстроить одну чёткую и логически мотивированную версию московских терактов”. По версии Миронова, главным организатором и исполнителем взрывов был карачаевец Ачимез Гочияев.

Интересен ответ Миронова по поводу мотивов преступлений в Москве и Волгодонске. Генерал отвечает: “Хаттаб преследовал цель создать “второй фронт”. Общим террором планировалось втянуть народы всего Северного Кавказа в боевые действия, стравить между собой, скажем, ингушей и осетин и полностью запугать Россию, чтобы нигде россияне не чувствовали себя в безопасности”.

Здесь следует обратиться к ответу Миронова на подобный вопрос в декабре 2000 года. Тогда он на первый план поставил версию мести карачаевцев за гибель их сотоварищей-боевиков, вторгшихся на территорию Дагестана. “Второй момент – чисто политический. Боевики хотели продемонстрировать свою жестокость и решительность, наказать ни в чём неповинных людей за начало боевых действий”.

Крайне важными являются ответы Миронова на вопросы о составе использовавшейся взрывчатой смеси. По его словам “этот состав применяется при геологических работах. Известны процентные соотношения аммиачной селитры, алюминиевой пудры, обычное техническое масло, которое добавляется как связующее вещество. Дополнительно добавлялся сухой тротил и обязательно в качестве инициатора взрыва использовался пластид для разогрева основной массы”.

Особо генерал останавливается на роли сахара. “Сначала мы думали, что он используется только для конспирации, чтобы скрыть перевозки. А оказалось, что он является активным компонентом, который полностью срабатывает при взрыве. При этом выделяется большое количество тепла и сжигается большое количество кислорода. Образуется безвоздушное пространство в месте взрыва и высокая температура, которая также не даёт ничему живому выжить”.

На вопрос, почему было так сложно определить состав смеси, генерал отвечает: “Когда срабатывает алюминиевая пудра, на месте взрыва не остаётся никаких видимых следов”.

Затем следует вопрос: “Если нет следов, как же взрывотехники ФСБ определили состав смеси?”

На него генерал отвечает: “В Чечне в найденных тайниках мы постепенно стали находить подробные инструкции по минно-взрывному делу, в основном на арабском языке”. По его словам, технология взрывов была разработана Абу Умаром, который в ходе спецоперации был убит, но “в Курчалое нашли его мастерскую, где изготавливались различные механизмы к взрывным устройствам”. По словам Миронова, боевики поставили взрывное дело “на профессиональном уровне, приспособившись к полевым условиям. Найденный вариант изготовления взрывчатого вещества сравнительно несложный в изготовлении, потому что складывается из веществ, которые можно найти чуть ли не на кухне”.

10 декабря 2002 года пресс-служба УФСБ по Ростовской области сообщила о раскрытии теракта в Волгодонске. При этом было отмечено, что “следственными органами проведены взрывотехническая, криминалистическая, биологическая и химическая экспертизы. Установлено, что мощность взрывного устройства составляла около двух тонн в тротиловом эквиваленте”. Сведений о применённых взрывчатых веществах не приводилось.

ЧТО ТАКОЕ ГЕКСОГЕН И ЧЕМ МОГЛИ ВЗРЫВАТЬ ЖИЛЫЕ ДОМА

Гексоген – это высокомогущное взрывчатое вещество. В состав его химической формулы входят следующие химические элементы: углерод, водород, азот, кислород. В специальной литературе он называется циклотриметилентринитроамином.

Гексоген является продуктом нитрирования уротропина. Исходными продуктами для получения гексогена являются уротропин, применяемый также в медицинских целях, например при лечении почек, и азотная кислота.

Гексоген представляет собой белый кристаллический порошок с насыпной плотностью около 1,1 г/куб. см. Прессуемость и его плотность повышаются при добавлении флегматизатора: парафина или церезина.

Гексоген обладает высокой чувствительностью к механическим воздействиям, т.е. другими словами, очень взрывоопасен. Так, например гексоген примерно в 20 раз чувствительнее тротила и при этом его разрушительная способность значительно выше.

Гексоген токсичен, для работы с ним применяются индивидуальные средства защиты от попадания пыли на кожные покровы, слизистые оболочки, проникновения в органы дыхания и пищеварения.

Под термином “гексоген” в боеприпасах понимается гексоген флегматизированный в изделиях, т. е. в гексогеновых шашках, который при этом обозначается как “А-IX-1” или гексоген флегматизированный в смеси с тротилом и другими взрывчатыми веществами. В этом случае изделия обозначаются как “А-IX-2” или другим похожим образом. К этим боеприпасам относятся осколочно-фугасные снаряды повышенного могущества, такие как, НУРС “ГРАД”, С-13 и другие классы ракет и торпед.

В чистом виде гексоген применяется только для снаряжения отдельных образцов капсулей детонаторов. Для подрывных работ он используется в смеси с тротилом, алюминием, аммиачной селитрой или с добавлениями флегматизаторов. Смеси ПВВ-4 (пластид), ЭВВ, ТГА, МС, ТГ и другие гексогеносодержащие производятся только в промышленных условиях на специальном оборудовании. МС используется для изготовления морских мин, ТГ-50 – для кумулятивных снарядов.

В промышленных целях гексоген применяется только в составе взрывчатых смесей. К ним относятся так называемые аммиачно-селитренные взрывчатые вещества. Это аммониты – взрывчатые смеси, состоящие из аммиачной селитры с нитросоединениями тротила, гексогена и другими веществами; и аммоналы, т.е. аммониты с добавками алюминиевого порошка.

Из существующих промышленных взрывчатых веществ только аммониты, аммоналы и некоторые их типы способны в порошково-образном состоянии детонировать от капсулей детонаторов, электродетонаторов, детонирующих шнуров.

По всем версиям ФСБ, при взрывах жилых домов использовались самодельные электродетонаторы с часами “Касио”. Это означает, что во взрывчатых смесях, применявшихся при взрывах жилых домов в Москве и других городах, могла быть использована взрывчатка только с содержанием гексогена или подобного ему вещества.

Аммониты и аммоналы называют бризантными взрывчатыми веществами (БВВ) за их способность производить бризантное, т. е. дробящее действие на примыкающую к их зарядам твёрдую преграду. Такой преградой может являться горная порода или стены и фундамент строения. Производство БВВ относится к взрывоопасным технологиям, вредным для здоровья человека. Технологические операции механизуются, а наиболее опасные автоматизируются или управляются дистанционно, т.е. из-за укрытия.

Всё вышесказанное указывает на версию о том, что применённая взрывчатка при взрывах жилых домов в Буйнакске, Москве, Волгодонске в 1999 году была промышленного производства.

ЭВОЛЮЦИЯ ВЕРСИИ ФСБ О ЧЕЧЕНСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ВЗРЫВЧАТКИ

Сразу после первых взрывов жилых домов было объявлено о том, что их организаторами и исполнителями являются лица, связанные с чеченскими незаконными вооружёнными формированиями, а директор ФСБ Патрушев с экранов телевизоров заявляет, что обнаружены элементы гексогена и тротила. Почему так заявил Патрушев? По всей вероятности, эксперты, привлечённые к расследованию сразу после организации взрывов, дали заключение именно об этих выявленных взрывчатых веществах, которое и озвучил Патрушев. Кроме того, Патрушев знал, что скоро начнётся вторая чеченская война. А война, как известно, всё спишет, и внимание прессы будет сосредоточено на новых событиях. Наконец, Патрушев не задумывался над тем, что ему, когда-нибудь, придётся давать объяснения по поводу последующих событий в Рязани.

Надо подчеркнуть, что все последующие заявления генералов ФСБ о происхождении взрывчатки носят неубедительный и, похоже, недостоверный характер. Так, генерал Шагако 16 марта 2000 года, описывая всего два эпизода обнаружения взрывчатки в Москве на улице Борисовские пруды и в Буйнакске в автомобиле ЗИЛ -130, а также

взрывчатки, применявшейся при двух взрывах в Москве, заявляет, что “в отдельных случаях есть добавки гексогена и в отдельных случаях добавки тротила”.

О каких отдельных, т. е. не единичных случаях, рассуждает генерал, при этом выставляя на первый план уже в качестве основных компонентов аммиачную селитру и алюминиевую пудру? Шагако противоречит сам себе. Сначала он утверждает, что найденные взрывчатые вещества идентичны. Затем говорит, что в ряде случаев был гексоген, в ряде случаев – тротил. Эти взрывчатые вещества имеют существенные различия. Так, например, гексоген превосходит тротил по теплоте взрыва, примерно, в 1,5 раза, скорости детонации в 1,3 раза, многократно по бризантной способности, в 3-4 раза по детонационной способности, в 20 раз более восприимчив к механическому удару. Отличаются они и по другим характеристикам. Это означает, что взрывчатые смеси с гексогеном и взрывчатые смеси с тротилом не могут рассматриваться как идентичные.

Проходит всего четыре дня, и генерал Зданович громогласно объявляет, что гексогена вообще нигде не было.

Ещё 16 марта 2000 года генерал Зданович заявляет том, что ФСБ ничего не известно о хищениях взрывчатки с государственных заводов, а уже в мае 2000 года министр образования Филиппов сообщает в ФСБ о незаконном вывозе гексогена из войсковых частей и отправке его в неизвестном направлении, о вскрытых многочисленных фактах незаконного оборота взрывчатых веществ, в том числе с химических предприятий. Но это обстоятельство почему-то не расследуется в рамках уголовного дела о взрывах 1999 года.

В декабре 2000 года генерал Миронов в интервью Хинштейну касательно московских взрывов заявляет о том, что “часть виновников преступления задержаны”. Но это не соответствовало действительности: за взрывы в Москве никто арестован не был. Далее Миронов на вопрос, “как именно гексоген был доставлен в Москву”, заявляет, что “сегодня весь этот путь нами вычислен”. Он утверждает, что на диверсионно-учебных базах в двух районах Чечни была специальная установка, т.е. одна сразу в двух районах, “по производству взрывной смеси в большом количестве. В компоненты её входили аммиачная селитра, алюминиевая пудра, сахар”. Почему генерал упоминает сахар? Скорее всего, потому, что по пропагандируемой в средствах массовой информации версии взрывчатка доставлялась под видом сахара. Но генерал явно не уверен, как точно: то ли в мешках для сахара вместе с мешками

реального сахара, то ли в смеси с сахаром и вместе с мешками сахара?

Очень важными словами Миронова являются: “Затем взрывчатка была вывезена и забазирована в Кисловодске, а оттуда на большегрузном фургоне её вместе с мешками с сахаром доставили в Москву. Развезли по нескольким адресам”. Здесь нужно заметить, что из слов генерала следует: весь технологический процесс по изготовлению взрывчатки был целиком завершён в Чечне на одной неизвестной установке (правда, почему-то одновременно в двух районах этой горной республики). Но самым главным в интервью Миронова является то, что, отвечая на вопрос о доставке “гексогена” в Москву, Миронов не упоминает это слово ни разу. При этом в целом придирчивый корреспондент Хинштейн “не замечает” отсутствия ответа на его вопрос.

Позиция Миронова вполне понятна: объяснить как-то правдоподобно появление вещества “гексоген” в горных районах Чечни и применение его в изготовлении взрывчатой смеси является невозможной задачей из-за химико-физических свойств этого взрывчатого вещества и отсутствия необходимой технологической базы. Если следовать версии ФСБ об отсутствии в применённой взрывчатке гексогена, то это может означать, что Зайнутдинов, у которого был якобы обнаружен “гексоген” под ногтями, осуждён за взрыв в Буйнакске незаконно.

“Безгексогеновая” версия ФСБ постоянно наталкивается на вольное или невольное несоответствие показаниям других ведомств. Так, например, МВД подтверждает обнаружение на месте взрывов бризантных веществ, оговаривает их промышленный характер, а в случае с Рязанью утверждает, что взрывное устройство было обезврежено, т.е. не было имитатором. Генпрокуратура (Колмогоров) в мае 2002 года явно старается услужить ФСБ. Но вместо того чтобы ограничиться констатацией факта выявленного сахара, она подробно описывает “не обнаруженные” в Рязани бризантные взрывчатые вещества, в количестве семи наименований. Если следовать логике Генпрокуратуры это есть описание тех взрывчатых веществ, которые, как раз, и использовались при взрывах жилых домов, т.е. включая гексоген. Но среди них нет ни алюминиевой селитры, ни алюминиевого порошка или пудры, ни технического масла, ни пластида.

Следует отметить, что сразу после взрыва 4 сентября 1999 года в Буйнакске и первого взрыва в Москве на улице Гурьянова 9 сентября 1999 года в средствах массовой информации начинаются сомнительные публикации. В интернете на сайте Лента.Ру уже 10 сентября 1999 года появляется материал “Гексоген можно изготовить в домашних ус-

ловиях”. Правда, автор не уточняет, откуда могут браться компоненты для производства, такие как азотная кислота, как можно хранить химикаты в домашних условиях, и главное – получаемый гексоген. Ничего не говорится о возможных количествах якобы получаемого таким образом гексогена и возможности его дальнейшего применения. Далее неизвестный автор ссылается на материалы газеты “Сегодня”, которая усматривает в теракте на улице Гурьянова “только кавказский след”.

Позже в на сайте Идлен.Народ.РУ появляется другой материал без подписи под названием “Тексоген”, где неизвестный автор пытается убедить, что работники заводов-производителей гексогена используют его для борьбы с... тараканами. Однако автор не называет конкретных предприятий, где нарушается порядок особо строгой отчётности производимой продукции, а их работники подвергают себя смертельной опасности ради борьбы с тараканами! Этот же автор даёт рекомендации по получению гексогена с помощью двух кастрюль на медленном подогреве азотной кислоты.

Постепенно авторы, пишущие, похоже, в интересах ФСБ, начинают давать более реалистичные описания гексогена и подводят читателей к мысли о том, что чеченцы использовали при взрывах безгексогеновую смесь. Так автор Веремеев Ю.Г. на сайте Тевтон.Народ.Ру, в частности, пишет, что “гексоген в чистом виде применяется крайне редко, применение его в этом виде весьма опасно для самих взрывников, производство требует хорошо налаженного промышленного процесса. Запасов гексогена нигде не имеется”. Далее Веремеев подводит к мысли об уже описанной “безгексогеновой версии”, выдвинутой генералами Здановичем и Мироновым. Он пишет: “Аммиачно-селитренные же взрывчатые вещества сравнительно легко произвести даже на слабой промышленной базе (т.е. в горных условиях) и при минимуме химических познаний. При этом их фугасность выше, чем тротила, и их применение для подобных диверсий (взрывы жилых домов) более целесообразно”.

Особое место занимают утверждения генерала Миронова в сентябре 2002 года. Так, генерал утверждает, что следствие имеет одну чёткую и логически мотивируемую версию. Действительно, в печати представители ФСБ отстаивают одну единственную “чеченскую” версию происхождения взрывчатых веществ. В то время как закон требует от следствия выдвижения нескольких возможных версий. Тем более что существует утверждение об использовании промышленной взрывчатки.

Касательно “логически мотивированной версии” следует обратить внимание на то, что она также претерпела изменение. Вначале генерал Миронов утверждал, что взрывы были организованы карачаевцами по мотиву мести, то теперь, оказывается, – убитым Хаттабом с целью стравить жителей России разных национальностей, например, ингушей и осетин. Совершенно непонятно, как взрывы жилых домов в Москве и гибель преимущественно русских людей могли повлиять на отношения ингушей и осетин на Кавказе.

Но особенное значение имеют утверждения Миронова о составе взрывчатой смеси. К ранее названным в декабре 2000 года аммиачной селитре, алюминиевой пудре и сахару добавляются “обыкновенное техническое масло”, “сухой тротил”, “инициатор – пластид”, а также раскрывается “роль сахара”.

Касательно “обыкновенного технического масла”, используемого по Миронову в качестве связующего вещества, следует отметить следующее. Во взрывном деле известно применение, в частности, масла “индустриальное 30” при приготовлении взрывчатых смесей из конверсионных артиллерийских порохов. При этом масло используется не в качестве “связующего” вещества, а в качестве флегматизатора, т. е. вещества, понижающего степень взрывоопасности пороха. Но самое важное здесь заключается в том, что нефтепродукты обладают резким характерным запахом, который не могли бы не обнаружить эксперты на месте не взорвавшихся смесей. Однако о наличии такого запаха не сообщалось. Кроме того, маловероятно, чтобы взрывчатая смесь с нефтепродуктом не детонировала при длительной автомобильной перевозке и многочисленных перевалках в мешках, предназначенных для транспортировки сахара, а не взрывчатых веществ.

Касательно термина “сухой тротил” не совсем понятно, что имел в виду генерал: что тротил не мокрый или не жидкий? Дело в том, что тротил относится к твёрдым веществам при нормальных условиях.

Что касается утверждения о том, что “обязательно в качестве инициатора использовался пластид для разогрева основной массы”, то это принципиально новый момент в чеченской безгексогеновой версии ФСБ. Во взрывотехнике различают понятия “взрывчатые вещества” и “средства инициирования”. Последние могут, как содержать, так и не содержать взрывчатые вещества. Пластид – это высокомогущное взрывчатое вещество, применяемое с детонаторами. К средствам инициирования, в частности, относятся электродетонаторы, применённые при взрывах домов по версии ФСБ. Они по своим техническим характе-

ридикам могут быть применены только с взрывчатыми смесями, содержащими гексоген. Поэтому вполне логичным видится появление в новой версии ФСБ утверждения Миронова о “пластиде”. Это взрывчатое вещество является гексогеносодержащим и, похоже, служит для объяснения возможности применения самодельного электродетонатора с часами “Касио”. Но, что характерно, сам термин “гексоген” генералом не используется. Однако пластид никак не может быть назван “инициатором”, т.к. в описываемом генералом случае, он не является средством инициирования.

Далее генерал Миронов делает сенсационные заявления о роли сахара во взрывах. Оказывается, сахарный песок является “активным компонентом” при их проведении. Дело в том, что советской и российской науке это не было ранее известно. По крайней мере, академические институты страны ничего не публиковали на эту тему. Известно, что на отдельных химических заводах проводились эксперименты с сахаром с целью использования его при реакциях горения. Однако они не принесли каких-то практических результатов. В сегодняшней промышленной взрывной практике, в том числе при геологической разведке, использование сахарного песка для организации взрывных работ не известно. Это объясняется тем, что для обеспечения процесса горения сахара необходимо присутствие катализатора, т.е. активного вещества, способствующего процессу горения сахара. Но согласно научному открытию генерала Миронова, как раз наоборот, “активным” веществом в процессе горения или взрыва выступает сахар. Здесь уместно вспомнить описание генерала Миронова, сделанное в декабре 2000 года. Тогда он утверждал, что взрывчатка вместе с мешками сахара была доставлена в Москву. То есть, взрывчатка и сахар, по версии ФСБ, находились не в смешанном состоянии. Ещё два года назад особые свойства сахарного песка ФСБ и Миронову известны не были. Тем не менее, тогда генерал Миронов утверждал, что такая же взрывчатка применялась в Ташкенте и даже в Африке. Отсюда, по-видимому, и вывод о том, что смесь готовили лица “узбекской национальности”. Удивительно, что в ФСБ не знакомы с международными классификаторами, с так называемыми международными информационными листками опасностей по профессии. Они предназначены тому, кто отвечает за безопасность на производстве. Известно, что сахар широко используется в пищевой промышленности. Так, например, при работе пекарей, подвергающихся различным опасностям, за сахаром отмечается единственная химическая опасность: “Контакт с сахарной

пылью может вызвать кариес зубов”. Одновременно международные источники предупреждают, что “сухая мука” представляет собой постоянную опасность пожара и взрыва пыли. Про сахарную пыль такого не утверждается. В Реестрах уведомлений, публикуемых Комитетом по техническим барьерам в торговле Всемирной торговой организации, информация о вносимых изменениях в технические регламенты производства различных товаров сахар значится в пищевой продукции и не встречается при производстве взрывчатых веществ. После открытия генерала Миронова о невероятной способности сахарного песка в версии ФСБ, происходит новое изменение: применённая взрывчатая смесь, похоже, начинает рассматриваться как смесь взрывчатого вещества и сахарного песка.

Далее генерал Миронов делает не менее важные заявления. Он говорит, что при взрыве алюминиевой пудры не остаётся никаких видимых следов от произведённого взрыва. Здесь у любого человека может возникнуть логичный вопрос: тогда на основании чего взрывотехники ФСБ и МВД делали свои заключения о наличии гексогена и тротила, которые в дальнейшем озвучивали генералы Патрушев, Шагако и другие? Да и откуда появились тогда называемые Мироновым вещества? Согласно ответу генерала Миронова ФСБ определило состав взрывчатой смеси по найденным в тайниках в Чечне инструкциям по минновзрывному делу и, в основном, на арабском языке. Здесь, казалось, было бы логичней сослаться на состав взрывчатых смесей обнаруженных не взорвавшимися на улице Борисовские пруды в Москве и в автомобиле ЗИЛ-130 в Буйнакске. Показательным является тот факт, что генерал утверждает: “Найденный вариант изготовления взрывчатого вещества сравнительно несложный в изготовлении, потому что складывается из веществ, которые можно найти чуть ли не на кухне”. Странно тогда, почему боевики действительно не организовали этот процесс где-то на кухнях в Буйнакске, Москве и Волгодонске? Трудно согласиться, что названные химические вещества – тротил и пластид – легки в изготовлении или легко доступны, а уникальное открытие свойств сахара, если оно действительно имеет место, могло быть сделано в полевых условиях боевиками, не имеющих специального образования и необходимого лабораторного оборудования.

Здесь очень важен тот момент, что в сентябре 2002 года генерал Миронов называет организатором производства взрывчатой смеси террориста – изобретателя Деккушева, а местом производства называется неопределённо – Кавказ. В декабре 2001 года генерал уверенно говорил

о местах изготовления взрывчатой смеси в Урус-Мартановском и Сержень-Юртовском районах Чечни. Правда, почему-то, на одной неизвестной установке.

Рассматривая заявления представителей ФСБ о версиях состава взрывчатой смеси, использовавшейся при взрывах жилых домов, невольно приходится констатировать, что они различны и неправдоподобны. Описания генералов ФСБ, Генпрокуратуры и МВД противоречат друг другу. Складывается впечатление, что кто-то в ФСБ пытается произвести увязку заявлений её руководителей о применённых взрывчатых веществах: “гексогена и тротила”; аммиачной селитры, алюминиевой пудры с добавками иногда “гексогена”, иногда “тротила”; “безгексогеновой” смесью аммиачной селитры, алюминиевой пудры и сахара; и, наконец, смесью алюминиевой селитры, алюминиевой пудры, сахарного песка, технического масла, тротила и пластида.

При этом совершенно необъяснимой является позиция ФСБ, которая не рассматривает промышленную версию происхождения взрывчатых веществ. Представляется, что из сделанных заявлений УФСБ по Москве и Московской области, МВД и Министра образования России такая версия является наиболее вероятной.

ВОПРОСЫ К ФСБ

Исходя из всего изложенного возникают логичные вопросы к Федеральной службе безопасности Российской Федерации.

1. Почему заявления генералов ФСБ Патрушева, Шагако, Здановича, Миронова в средствах массовой информации о происхождении взрывчатых веществ, использовавшихся при взрывах жилых домов в Буйнакске, Москве, Волгодонске в 1999 году, противоречат друг другу: от наличия гексогена до его отсутствия?

2. В чём заключается официальная версия ФСБ о наименовании и происхождении взрывчатых веществ и почему спустя более трёх лет после взрывов она не опубликована?

3. Почему Управление ФСБ по Москве и Московской области 10 сентября 1999 года заявило об обнаружении на месте взрыва на улице Гурьянова следов гексогена и тротила?

4. Почему МВД России 15 сентября 1999 года заявило о том, что на улице Гурьянова использовалась не пиротехническая смесь кустарного производства, а промышленная взрывчатка?

5. Почему МВД России 23 сентября 1999 года заявило, что на улице Новосёлова в Рязани были обнаружены пары “гексогена”, а взрывное устройство было обезврежено?

6. Почему генерал Шагако 16 марта 2000 года заявил об обнаружении в выявленной взрывчатке в отдельных случаях “добавок” гексогена, в отдельных случаях “добавок” тротила? О какой идентичности взрывчатых смесей идёт речь? Что было выявлено в каждом конкретном случае?

7. Почему Федеральная служба безопасности, утверждавшая устами генерала Здановича 16 марта 2000 года об отсутствии у следствия данных о хищениях гексогена с государственных предприятий, не расследовала заявления министра образования Филиппова в 2000 году о признаках хищения гексогеновых шашек из войсковых частей? Почему за выявленное ФСБ в Нижегородской области в 2000 году хищение 5 килограммов гексогена виновные осуждены к 4 и 3 годам лишения свободы, а в случае признаков незаконного сбыта и приобретения 6 тонн гексогеновых шашек, выявленных на Большой Лубянской улице в Москве в этом же 2000 году, ФСБ не проводилось даже расследования?

8. Почему генерал Миронов в декабре 2000 года утверждал, что им доподлинно известно, как производилась взрывчатка на одной найденной установке одновременно в двух районах Чечни? Что часть виновников задержана? Что использовавшаяся взрывчатка в российских городах – такая же, как в Ташкенте и в Африке?

9. Почему генерал Миронов на вопрос корреспондента Хинштейна о том, как доставлялся в Москву гексоген, отвечает в декабре 2001 года, что ими якобы всё вычислено, но сам термин “гексоген” им не используется, а в качестве выявленных веществ называются только три – аммиачная селитра, алюминиевая пудра и сахар?

10. Почему генерал Миронов на вопрос “Российской газеты” в сентябре 2002 года о составе смеси к названным веществам в декабре 2001 года добавляет техническое масло, тротил, пластид? На основании каких выводов сделано заключение различных экспертиз о составе взрывчатой смеси? На основе результатов каких научных исследований удалось установить роль сахара при произведённых взрывах?

11. На основании каких данных ФСБ Генеральная прокуратура в ответе на запрос депутата Государственной Думы Куликова даёт подробное описание бризантного взрывчатого вещества, “не обнаруженного”

в Рязани на улице Новосёлова? На основании чего это “не обнаруженное” вещество строго определено: тротил, гексоген, октоген, тэн, нитроглицерин, тетрил, пикриновая кислота?

12. Почему директор ФСБ Патрушев запретил расследование выявленной в 2000 году преступной деятельности работников научно-исследовательского института “Росконверсвзрывцентр” Министерства образования России, связанной с незаконным оборотом взрывчатых веществ в особо крупных количествах, в том числе и в 1999 году?

13. Почему ФСБ придерживается одной-единственной версии происхождения взрывчатых веществ в Чеченской Республике и не исследует версию использования промышленной взрывчатки?

14. Почему, несмотря на опубликование в 2002 году в различных средствах массовой информации материалов о незаконной торговле взрывчатыми веществами в России, включая компоненты боеприпасов и вывоз их за рубеж, ФСБ не начало проводить соответствующее расследование?

Приложение 23

ВЗРЫВЫ 1999 ГОДА: ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПУБЛИКАЦИЯХ О РАССЛЕДОВАНИИ

Никита Чекулин, бывший и.о. директора НИИ “Росконверсвзрыв-центр” Минобразования России, один из свидетелей по делу о взрывах жилых домов, анализирует сообщения российской прессы о ходе расследования терактов 1999 года в Москве, Волгодонске и Буйнакске.

17 сентября 1999 года “Независимая газета” опубликовала статью Григория Нехорошева “Борис Березовский ответил на обвинения обвинениями”. В ней автор, в частности, писал: “В среду в программах НТВ по отношению к Березовскому прозвучало слово “предательство”. Это слово стало звучать еще в период войны с Чечней. На фоне вопросов: откуда у чеченцев оружие, упреждающая информация, почему их морально поддерживают московские СМИ? В 97-м году мне были знакомы люди, которые предавали, заявил Березовский. В первую очередь он назвал Александра Коржакова”. Ссылаясь на Березовского, Нехорошев утверждает, что о создании укрепрайонов на территории Дагестана знали в ФСБ. “Знали об этом Степашин, Ковалев, Куликов, Трубников и Примаков. Их бездействие Березовский оценивает как преступную некомпетентность”.

25 сентября 1999 года “Независимая газета”, ссылаясь на версию “Московского комсомольца”, публикует статью “Путина обвинили в организации взрывов”. В ней, в частности, утверждается, что “что под контролем в то время главы этой силовой структуры (ФСБ) Владимира Путина осуществлялась подготовка к проведению массовых терактов в стране, которые послужили бы причиной введения режима ЧП. Так секретные сотрудники ФСБ легализовали через мнимую смерть агента Лайпанова, имевшего паспорт из Карачаево-Черкессии, который позднее снимал помещения в Москве и завозил туда взрывчатку. Сам гексоген в количестве шести тонн был похищен на Невинномысском химкомбинате, производящем ракетное топливо, в состав которого и входит этот материал. Из шести тонн гексогена получили 10 тонн взрывчатого вещества, которое было упаковано клеймом “Черкесский сахарный завод”. Автор статьи констатирует: “Итак, впервые внятно изложена версия ответственности за взрывы жилых домов в России президентской семьи и лично главы правительства Владимира Путина как фактического заказчика или организатора взрывов”.

Буквально в этом же номере печатается статья Светланы Никитиной “На Лубянке знают, кто совершил теракты”. В ней приводятся слова главы Центра общественных связей ФСБ Александра Здановича: “Теракты в Москве готовились с середины августа, и сейчас у ФСБ есть точная информация, кто их совершил. Среди исполнителей нет ни одного этнического чеченца”.

Посмотрим, что стало сообщаться на тему взрывов в последующем.

10 декабря 2002 года газета “Коммерсант” опубликовала статью Ольги Алленовой “На свободе остался только один взрывник”. В этот же день газета “Правда” печатает эту же статью под названием “Начались допросы террориста, взрывавшего дома в 1999 году”. В статье особо подчеркивается, что “...ФСБ сдержало обещание – почти все виновные в этих московских терактах понесли наказание. Из разыскиваемых за взрывы на свободе остается только лидер карачаевских ваххабитов Ачимез Гочияев”.

Впоследствии статья Алленовой, без каких-либо комментариев или замечаний, помещается на сайте ФСБ, сразу после интервью генерала Миронова “Российской газете” под названием “Кто и как взрывал Москву”, напечатанного 9 сентября 2002 года и находящегося в явном противоречии с публикацией Алленовой.

1) По словам журналистки: “К взрывам в Буйнакске, Москве и Вол-

годонские террористы готовились в Урус-Мартане на заводе минеральных удобрений: здесь гексоген, тротил, алюминиевую пудру и селитру смешивали с сахарным песком”, т.е. взрывчатка для взрывов в трех городах готовилась в Чечне.

Генерал же рассказывает только о приготовлении ныне задержанным карачаевцем Деккушевым взрывной смеси для проведения взрывов в Москве и Волгодонске, т.к. преступление в Буйнакске считается раскрытым, и якобы виновные за взрыв в этом городе и подготовку второго были осуждены в ходе закрытого процесса в 2001 году. Видимо поэтому в сентябре 2002 года генерал о происхождении взрывчатки для Буйнакса и ее составе ничего не сообщает. Если в декабре 2000 года Миронов называл, что по их данным, изготовителями смеси в Чечне, примененной в 1999 в российских городах, являются “лица узбекской национальности”, и производилась она Урус-Мартановском и Сержень-Юртовском районах, то в 2002 году место приготовления взрывной смеси карачаевцем Деккушевым генерал называет неопределенно: “на Кавказе”.

Генерал не называет ни в сентябре 2002, ни в декабре 2000 года взрывчатое вещество гексоген в составе приготавливавшейся смеси. Он также ничего не указывает о смешении взрывчатки с сахарным песком. В его рассказе 2002 года состав смеси содержит по сравнению названным журналисткой еще техническое масло и пластид.

2) Алленова утверждает, что из Чечни “гексоген под видом сахара отправили на продовольственную базу в Кисловодске”. По всей видимости, журналистка не замечает, что перед этим гексоген, по ее же словам, смешивался с другими компонентами. В случае смешения с алюминиевой пудрой белых порошков цвет получаемой смеси становится серым и по своему виду никак не может напоминать сахарный песок.

3) Алленова утверждает, что задержанный Юсуф Крымшамхалов “еще в 1997 году в лагере боевиков в чеченском селе Сержень-Юрт познакомился с Ачимезом Гочияевым, после чего не раз выполнял самые сложные его поручения”.

В опубликованной в “Новой газете” 3 марта 2003 года распечатке интервью Гочияева, данного согласно дате на видеозаписи 20 августа 2002 года “близкому человеку”, он в 1997 году открыл фирму по строительству коттеджей в Москве, где проживал в течение многих лет. Он называет себя Ачимезом, т.е. его имя пишется с двумя буквами “Е”, и утверждает, что занимался строительством. Еще раньше в июле 2002 года в ходе телемоста, организованного из Лондона Юрием Фельштин-

ским и Александром Литвиненко, прозвучало заявление Ачемеца Гочияева, 1970 года рождения, от 24 апреля 2002 года. В нем, в частности, Гочияев утверждает, что он проживал в Москве ранее, когда поступил в ПТУ № 67, затем служил в армии, два года провел на родине в Карачаево-Черкесии и, судя по его словам, в первой половине 90-х годов вновь вернулся в Москву. В 1996 году женился, и был прописан по адресу в Строгино по адресу: улица Маршала Катукова д.6, кв.188. В 1997 году он открыл свою фирму “Капстрой 2000”. Покинул Москву в сентябре 1999 года, когда понял, что его подставили спецслужбы. Гочияев утверждает: “Ни с Хаттабом, ни с его группировкой я никогда не был знаком и ничего общего не имел”.

По утверждению генерала Миронова, Гочияев являлся “непосредственным организатором и исполнителем взрывов”. Гочияев это полностью отрицает и заявляет, что после двух московских взрывов предупредил милицию и службу спасения “о двух складах: на Борисовских прудах, в районе Капотни, там в гаражном боксе еще склад был”. Генерал Миронов заявил: “Никто ни нас, ни милицию не предупредил, и никаких звонков не было”.

Кроме того, Миронов утверждает, что “Гочияев в поселке Мирный Ставропольского края лично брал на пробу образцы подготовленной Деккушевым взрывчатой смеси”. Генерал не говорит, когда это происходило по времени, каким образом и откуда взрывчатка попала в указанный поселок Ставропольского края.

4) Алленова пишет, что на продовольственной базе в Кисловодске гексогеновую смесь расфасовали в мешки из-под сахара с логотипом Эркен-шахарского сахарного завода. Журналистка не объясняет, каким образом, т.е. в какой таре взрывчатка была доставлена на базу и как происходил процесс фасовки.

Генерал Миронов в декабре 2000 года объяснял, что весь технологический процесс изготовления взрывчатой смеси, правда, состоявшей тогда только из аммиачной селитры и алюминиевой пудры, был полностью завершен на одной неизвестной установке в Чечне. Взрывчатка, по словам генерала, была “забазирована в Кисловодске, а уже оттуда на большегрузном фургоне ее вместе с мешками с сахаром доставили в Москву”. Т.е. мешки с сахаром тогда использовались для маскировки, и взрывчатка для Москвы перезагружалась с продовольственной базы в большегрузный фургон в Кисловодске, который впоследствии доставил ее в Москву.

Согласно версии Алленовой, якобы расфасованную на базе в Кисловодске гексогеновую смесь хранили два месяца в арендованном Ма-

гаевым КАМАЗе. Где все это время находился указанный КАМАЗ, что с ним происходило, использовался ли он для транспортировки взрывчатки в Москву, Алленова не сообщает.

Затем, по ее словам, террористы почти одновременно в начале сентября 1999 года отправились двумя группами: одна в Москву, другая в Волгодонск. Причем взрывчатка для Волгодонска, названная Алленовой “гексогеном”, в количестве 2 тонн, хранилась в поселке Мирный недалеко от Минеральных Вод в сарае родственницы Крымшамхалова, который в это время возглавлял первую группу, отправившуюся в Москву, в составе Дениса Сайтакова, Равиля Ахмярова и Хакима Абаева.

По словам Алленовой, 2 тонны взрывчатки были отправлены в Волгодонск почему-то на нескольких трейлерах, т.е. большегрузных автомобилях. Сопровождали груз Адам Деккушев и Тимур Батчаев. Она также не объясняет, откуда и когда в сарае в поселке Мирный появился гексоген? Она пишет о 2 тоннах взрывчатки для Волгодонска. Но почему Алленова не называет количество взрывчатки, отправленной в Москву, а также использовавшейся в Буйнакске?

Для чего две публикации – интервью генерала Миронова и статья Алленовой, содержащие принципиальные противоречия, – размещены одна за другой на интернет-сайте ФСБ? Почему этих противоречий не замечает ФСБ?

5) 19 февраля 2003 года “Время новостей” печатает статью Александра Шварева “Зря мы с ребятами этим занимались”, в которой Адам Деккушев называется “главным обвиняемым в терактах 1999 года”. Причем Шварев ссылается на информацию, полученную им от официально назначенного Деккушеву адвокатом Евгения Нечаева. По словам защитника, Деккушев оказался личностью “довольно заурядной” и к тому же его еще отправили на психиатрическую экспертизу в институт им. Сербского. Но, по словам генерала Миронова, именно этим человеком была приготовлена сверхмощная взрывчатка, в которой сахар играл роль активного компонента, не позволяющего на месте взрыва “ничему живому выжить”.

Ссылаясь на данные ФСБ, Шварев сообщает, что “летом 1999 года Деккушев, Юсуф Крымшамхалов и Тимур Батчаев загрузили в грузовик 9 тонн взрывчатки, которая потом ушла в Волгодонск и Москву и была под руководством Гочияева использована для взрывов жилых домов”. По словам журналиста, Деккушев долгое время работал водителем в Карачаево-Черкесской Республике, где незадолго до начала

подготовки взрывов выполнял “ответственные задания, например перевозку лидеров “Мусульманского общества №3” в Чечню”. При этом ваххабиты постоянно обманывали Деккушева с деньгами за его работу, т.е. недоплачивали.

Дальше Шварев сообщает довольно противоречивую информацию. Постоянно обманываемый террористами Деккушев каким-то образом входит к ним в доверие. Шварев, ссылаясь на слова Нечаева, утверждает: “Террористы настолько поверили Деккушеву, что стали при нем вести переговоры о подготовке взрывов. Ему даже отвели определенную роль. Именно Адаму и нескольким его новым знакомым было поручено объездить ряд предприятий КЧР и закупить компоненты для взрывчатки”.

Далее Шварев пишет: “Как пояснил Деккушев, готовилась она (взрывчатка) вовсе не на спецзаводах Чечни, а в простом маленьком дворике одного из сел КЧР, что стало неожиданностью для спецслужб. В этот дворик свозилось все необходимое, смешивалось в бетономешалке и упаковывалось в мешки из-под сахара. Привлекались к этому процессу и местные жители, которые и не догадывались, что на самом деле они делают. Всего таким образом было приготовлено 9 тонн взрывчатки”.

б) Последнее утверждение Шварева находится в полном противоречии с содержанием двух интервью генерала Миронова и статьи Алленовой, а также других многочисленных публикаций в части места производства взрывчатых веществ на территории Чеченской Республики. В статье Шварева имеются и другие противоречия и непонятные моменты. По его словам, количество произведенной взрывчатки для проведения взрывов в Москве и Волгодонске составляло 9 тонн. Вся взрывчатка была загружена в один грузовик. Все компоненты этой взрывчатки были приобретены при участии Деккушева на предприятиях Карачаево-Черкесской Республики. Ее компоненты и названия предприятий не определены. Какие компоненты, на какие деньги и где были закуплены Деккушевым?

Показания Деккушева почему-то явились неожиданностью для спецслужб, которые в лице Миронова еще в 2000 году утверждали: “Мы доподлинно знаем, как производилась эта взрывчатка, кто отдавал команды”. Генерал утверждал, что им было известно о месте происхождения взрывчатой смеси на территории Чечни, где она и под чьим руководством производилась. Правда, состав взрывчатки по заявлению руководителей ФСБ изменялся по крайней мере четыре раза: от наличия гексогена до его отсутствия.

На сайте ФСБ в разделе “Фотоальбом” до сих пор размещены “фотографии взрывных устройств и их компонентов, изготовленных из штатных боеприпасов, аммиачной селитры и алюминиевой пудры, изъятых в процессе оперативно-розыскных мероприятий оперработниками ФСБ России в населенном пункте Урус-Мартан, Чеченская Республика”. К каждой фотографии сделана подпись типа: “Взрывчатое вещество (смесь аммиачной селитры и алюминиевой пудры) аналогичное с использованным при взрывах жилых домов в г.г. Москве, Волгодонске и Буйнакске в сентябре 1999 года”.

7) Информация адвоката Нечаева, на которую ссылается Шварев, противоречит многочисленным ранее опубликованным версиям тех событий. При этом адвокат явно нарушает российское законодательство. На этапе предварительного следствия он распространяет в средствах массовой информации материалы дела, т.е. совершает действия, которые, по всей очевидности, должны рассматриваться как нарушение тайны следствия. С другой стороны, адвокат, не ставя под сомнение, приводит якобы собранные следствием доказательства вины своего подзащитного, дает ему персонально свою субъективную характеристику, чем также нарушает права Деккушева. Чем вызвана такая необычная позиция защиты? Может быть, обвинение с помощью защиты готовит общественное мнение к новым фактам по сравнению с ранее объявленными, в частности, генералом Мироновым и якобы выявленными в ходе проводимого расследования?

8) В конце февраля 2003 года в печати и по телевидению было широко распространено сообщение о предстоящем суде над капитаном ГИБДД города Кисловодска Станиславом Любичевым, который обвиняется в пособничестве террористам, якобы организовавшим теракты в Москве и Волгодонске.

Так, например, 27 февраля 2003 года на интернет-сайте “Утро.Ру” была помещена статья Светланы Мастерковой “В терактах в Москве и Волгодонске виновен гаишник”. Ссылаясь на Ставропольскую краевую прокуратуру, автор сообщила, что “милиционер обвиняется в том, что в августе 1999 года он способствовал беспрепятственному въезду в Кисловодск КАМАЗа, груженого 6 т гексогена”. По словам Мастерковой, спустя месяц содержимое грузовика было использовано террористами для терактов в Москве и Волгодонске.

Вспомним, что по утверждению Алленовой взрывчатка была загружена в КАМАЗ в Кисловодске, где и хранилась до вывоза в течение двух месяцев, т. е. по ее версии, получается – взрывчатка была доставлена в

Кисловодск не в августе, а в июле 1999 года. Когда же в действительности взрывчатка была доставлена в Кисловодск и в каком количестве?

9) 28 февраля 2003 года газета “Коммерсант” печатает статью Сергея Тополя и Александры Ларинцевой “Пособника террористов повысили в звании”.

Авторы утверждают, что “уголовное дело в отношении Станислава Любичева было возбуждено в сентябре прошлого года и имеет непосредственное отношение к взрывам домов, в результате которых погибло 240 человек”. Оказывается, выяснилось, что Крымшамхалов и Деккушев, оказавшись в Лефортово, дали показания, позволившие следствию установить, как происходила подготовка к взрывам и, в частности, как взрывчатка была доставлена в Москву.

Тополь и Ларинцева пишут: “Взрывчатую смесь из тротила, алюминиевой пудры и сахарного песка изготовили в Урус-Мартане (Чечня), затем на “КамАЗе” в мешках из-под сахарного песка отправили в Пятигорск, где на продовольственной базе работал дядя Крымшамхалова. Оттуда груз на двух других машинах должен был проследовать в Москву и Волгодонск”. Здесь присутствуют явные противоречия в описании состава взрывчатки: нет аммиачной селитры, гексогена, технического масла, пластида. Почему-то упоминается Пятигорск.

Затем авторы утверждают совершенно невероятные вещи. Оказывается, террористы отправили взрывчатку в курортный город Кисловодск через посты ГАИ на грузовике технически неисправном, да еще и имевшем признаки участия в дорожно-транспортном происшествии. У него “после аварии были разбиты фара, бампер и крыло, а госномер помещался за лобовым стеклом кабины”. Но и этого показалось мало. Оказывается, за грузовиком с взрывчаткой в качестве сопровождения следовали Деккушев и Крымшамхалов на автомобиле “Москвич”, числившемся в угоне. Тем самым террористы совершили максимально возможные действия, чтобы привлечь внимание милиции к своему проезду с взрывчаткой в Кисловодск. Для чего надо было привлекать внимание и провоцировать ГАИ на получение взятки в виде мешка с сахарным песком?

Далее авторы ссылаются на начальника отдела судебных дел краевой прокуратуры Бориса Стукавина, который делает беспрецедентное заявление о том, что в машине была взрывчатка в количестве 2688 килограммов в тротиловом эквиваленте, т.е. с точностью до килограмма! Это может означать, что краевая прокуратура располагает точными данными о весе и составе ввезившейся в Кисловодск взрывчатки для

последующей перевалки на продовольственной базе. Объявленное количество в 2688 килограмм не соответствует ни одному ранее опубликованному источнику. Откуда у Ставропольской прокуратуры столь точные данные о взрывчатке, которую якобы помог провести террористам сотрудник ГИБДД Любичев?

9) По утверждению генерала Миронова, в декабре 2000 года для взрывов жилых домов в 1999 году террористами в Чечне было изготовлено 15 тонн взрывчатой смеси, 10 тонн было изъято ФСБ, а 5 тонн было использовано террористами. Т.е. никак не 9 тонн, не 6 тонн, не 2688 килограммов. Так сколько же было изготовлено и использовано взрывчатки по сведениям ФСБ?

В сентябре 2002 года Миронов утверждал, что на складе на Борисовских прудах ими было найдено 50 мешков, а это порядка 2,5 тонн взрывчатки.

По версии Алексея Рафаенко, опубликованной в “Московской правде” 5 октября 2000 года: “В первой половине августа Крымшамхалов, Деккушев и Батчаев привезли из Чечни девять тонн взрывчатки и сложили ее в сарае некой гражданки Карабашевой в поселке Мирный Предгорного района Ставропольского края”. Но по сведениям Шварева от февраля 2003 года, Деккушев готовил 9 тонн взрывчатки не в Чечне, а в Карачаево-Черкесии. Так кто, откуда и куда привез взрывчатку? Где и как она изготавливалась?

Далее Рафаенко сообщает, что “с 11 по 31 августа смертоносный груз преступники хранили на базе реализации хлебопродуктов (“Реалбаза”) в Кисловодске. Взрывчатые вещества они спрятали в кузове арендованного Магаевым “КамАЗа” на складе №2. Затем “боевой” запас был перевезен на двух грузовиках на территорию АТП “Курсовет”, где шесть тонн взрывчатки перегрузили в большегрузный “Мерседес”, а остальные три тонны увез Юсуф Крамшамхалов”. Куда и на чем увез три тонны взрывчатки Крымшамхалов? На этот вопрос у Рафаенко ответа нет. Из сказанного им лишь следует, что взрывчатка была подвергнута, еще, по крайней мере, двум перевалкам. Но это противоречит ранее приведенным утверждениям Миронова и Алленовой.

Рафаенко продолжает: “4 сентября груженная “сахаром” фура вместе с Юсуфом (Крымшамхалов) и Денисом (Сайтаковым) отправилась в Москву. Хаким Абаев скрытно сопровождал автопоезд на “Москвиче-2141”, которым управляли ничего не подозревавшие отец и сын Пряслы, до автостоянки на 51-м километре МКАД. 7 сентября Абаев довез “Мерседес” до склада в доме 70 на Краснодарской улице, который

террористы выбрали своей временной базой”. Т.е. можно понять, что в Москву на Краснодарскую улицу в “Мерседесе” было доставлено 6 тонн взрывчатки для хранения в подвале жилого дома.

21 сентября 1999 года в печати была распространена информация МВД, полученная якобы от владельца складского помещения на Краснодарской улице. По сведениям Рафаенко это было ООО “Транс-сервис”, которое заявило об обнаружении на складе среди мешков с сахаром 76 мешков с взрывчаткой. По словам Рафаенко: “За два дня боевики разместили в трех других арендованных помещениях около 2 тонн взрывчатки”. Т.е. по версии Рафаенко всего в Москве взрывчатка была размещена по четырем адресам, один из которых, первичный, находился на Краснодарской улице.

9 декабря 2002 года в “Новой газете” было опубликовано открытое письмо Крымшамхалова и Батчаева от 27 июля 2002 года. В нем они, в частности, подтверждают свое, как они считают, участие в подготовке терактов. Но они отмечали лишь следующее: “Мы имели отношение только к транспортировке, мешков, как мы считали со взрывчаткой для временного складирования их и для последующего использования для подрыва административных зданий спецслужб и военных, а не жилых домов”. Из этого заявления ясно, что они оба не имели отношения к производству взрывчатки. Ими не сообщается ни количество перевозившихся мешков, ни адрес их загрузки и выгрузки, ни тем более состав взрывчатой смеси, которую они якобы перевозили. Более того, они написали: “Время совершения терактов известно нам не было. Узнав об этих взрывах, мы бежали в Чечню”. Таким образом, ныне убитый Батчаев и находящийся в Лефортово Крымшамхалов 27 июля 2002 года писали Общественной комиссии, что к проведению самих взрывов жилых домов они отношения не имели.

10) Если говорить о противоречиях в многочисленных сообщениях в печати о количествах взрывчатых веществ, произведенных террористами и примененных при взрывах жилых домов в Буйнакске, Москве и Волгодонске, то они разительны и не поддаются какому-то логическому объяснению.

Так, например, по сообщению “Московских новостей” № 31, автор Дмитрий Бальбуров, в конце августа 1999 года “из Сержень-Юрта выехал грузовик “КамАЗ”, доверху нагруженный мешками с аммиачной селитрой, алюминиевой пудрой и сахарным песком – всего около пяти с половиной тонн. В машине были Иса, Зайнутдин (братья Зайнутдиновы), еще один человек, возможно, Абдулкадыр”. Любопытно, что по

версии Бальбурова террористы “для подстраховки набросали на мешки арбузы”. Т.е. “доверху нагруженный” грузовик они сумели как-то прикрыть круглыми арбузами. Далее Бальбуров сообщает, что террористы на территории Дагестана перегрузили половину мешков – около двух тонн 700 килограммов – из “КамаЗа” в “ГАЗ-53”, а остальную взрывчатку переложили в старенький “ЗИЛ-130”.

Согласно сообщению “Интерфакса” 07 сентября 1999 года, со ссылкой на Центр общественных связей ФСБ, заряд во взорванном в Буйнакске автомобиле “ГАЗ 53” составлял 300 кг взрывчатки в тротиловом эквиваленте. Заряд представлял собой самодельное взрывное устройство, состоящее примерно из “тонны взрывчатого вещества (смеси магния, “серебрянки” и тротила)”.

16 марта 2000 года на сайте ФСБ со ссылкой на генерала Шагако сообщается о том, что “4 сентября прошлого года в Буйнакске был обнаружен припаркованный у жилого дома грузовик Зил-130, в кузове которого находилось 2 706 килограммов взрывчатки”.

Перед этим Шагако описывает взрывчатку, называя ее идентичной найденной в Москве на улице Борисовские пруды. Он говорил, что использовалась смесь аммиачной селитры и алюминиевой пудры, причем в отдельных случаях во взрывчатку добавлялся гексоген и в отдельных – тротил. Таким образом, состав взрывчатки, примененной в Буйнакске, в разных источниках различен, а количество в 300 кг в тротиловом эквиваленте вызывает сомнение. Во-первых, если не известен точно состав взрывчатой смеси, то как можно говорить о ее мощности? Если верить сообщению ФСБ, что эти 300 кг в тротиловом эквиваленте соответствуют 1 тонне привезенной смеси в грузовике, где должно было находиться порядка 2,7 тонн, то возникает вопрос: куда исчезли 1700 кг взрывчатки? Кроме того, по утверждениям Аленовой, Тополя, Ларинцевой, взрывчатка готовилась в Урус-Мартане, а не в Сержень-Юрте.

Мы имеем, по опубликованным данным, что для взрывов в Буйнакске было изготовлено в Чечне в Сержень-Юрте 5,5 тонн взрывчатой смеси неизвестного состава. При этом состоялся закрытый суд и виновные за взрыв в Буйнакске осуждены, но состав взрывчатки официально так и не был назван.

По сообщению “Московских новостей”, 16 сентября 1999 года в Москве в гаражных боксах в Капотне были найдены 76 мешков со взрывчаткой в мешках, лежавших вместе с мешками Черкесского сахарного завода. Т.е. речь идет об обнаружении порядка 3,8 тонн взрыв-

чатки. По имеющимся данным существовал в период времени взрывов “Карачаево-Черкесский сахарный завод”. Поэтому маловероятно, что могли существовать мешки с логотипом “Черкесский сахарный завод”. Это также противоречит версии Алленовой, которая упоминает мешки с логотипом “Эркен-шахарского завода”. Так в каких на самом деле мешках была обнаружена взрывчатка? ФСБ на это не отвечает.

Если произвести простые арифметические действия, то по Москве можно получить следующий результат.

На Борисовских прудах, по Миронову, было обнаружено 2,5 тонн.

На Краснодарской улице, со ссылкой на МВД, нашли порядка 3,8 тонн.

В гаражах в Капотне, по “Московским новостям”, – порядка 3,8 тонн (видимо, эти 3,8 тонн взрывчатки не имеют отношения к найденному на Краснодарской улице).

При взрыве жилого дома, по данным ГУВД г. Москвы, использовалось порядка 350 кг в тротиловом эквиваленте, т.е. если использовать методологию ФСБ при оценке взрыва в Буйнакске, это может означать применение от 1,1 до 3,3 тонн взрывчатой смеси.

При взрыве дома на Каширском шоссе, по данным ФСБ, использовалось 200 кг в тротиловом эквиваленте или от 0,6 до 1,8 тонн взрывчатой смеси.

Таким образом, можно говорить, что всего в Москву было доставлено порядка 11,8-15,2 тонн взрывчатки.

Но по сведениям Рафаенко для Москвы загрузили в “Мерседес” и привезли всего 6 тонн. Если в Москву привезли больше, то возникает вопрос: когда, откуда и кем она была доставлена?

Здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что в обнародованных показаниях Гочияева фигурируют всего 4 адреса: улица Гурьянова, Каширское шоссе, Борисовские пруды и Капотня. Но Гочияев никогда не упоминал Краснодарскую улицу.

Краснодарская улица возникает в показаниях бывшего начальника ГУВД г.Москвы Куликова. 23 сентября 1999 года в интервью газете “Сегодня” он увязывает аренду на улице Краснодарской в доме с именем некоего Лайпанова.

По словам Куликова, этот “Лайпанов” в течение короткого периода времени успел осмотреть или, другими словами, “засветиться” при осмотре ни много ни мало 38 подвалов, сдаваемых в аренду. На что было достаточно быстро обращено внимание сотрудниками милиции после начала розыска предполагаемых преступников. Логичен вопрос:

зачем “Лайпанову” при подготовке взрывов было так обращать на себя внимание?

Интересно, что среди адресов, по которым обращался “Лайпанов”, по словам Куликова, не оказалось адреса дома № 6, корпус 3, который действительно арендовал Гочияев. Несмотря на очевидные нестыковки, именно Гочияев был назван мнимым “Лайпановым” и объявлен в розыск.

По утверждениям журналиста Рафаенко, Гочияев “от имени сотрудника ООО “Бранд-2” 31 августа снял помещение в доме 70 по Краснодарской, принадлежащее ООО “Транссервис”, и в доме 6 корпус 3 по Каширскому шоссе, закрепленные за ООО “Инва”. 3 сентября удалось договориться об аренде с ЗАО “Ларс-Маркет” в доме 16, корпус 2 на улице Борисовские пруды, а через два дня – с ЗАО “Делко” в доме 19 на улице Гурьянова”.

По приведенным 10 декабря Ростовским УФСБ данным, при взрыве жилого дома в Волгодонске было использовано порядка 2 тонн взрывчатки в тротиловом эквиваленте. Принимая во внимание тот факт, что по всем утверждениям ФСБ взрывчатка для Москвы и Волгодонска готовилась одновременно и в одном месте, можем предположить, что общее количество взрывчатой смеси, примененной в Волгодонске, составляло от 6 до 18 тонн.

Таким образом, получается, что в Буйнакск было отправлено 5,5 тонн, в Москву – от 11,8 до 15,2 тонн, в Волгодонск – от 6 до 18 тонн взрывчатой смеси.

Всего, получается, от 23,3 до 38,7 тонн взрывчатки было использовано для подготовки и проведения взрывов в Буйнакске, Москве и Волгодонске. Но это находится в явном противоречии с заявлениями генерала Миронова о количествах произведенной, выявленной и примененной взрывчатки. Здесь следует обратить внимание на то, что все версии генералов ФСБ о примененной взрывчатке содержат утверждение о ее “кустарном” производстве, хотя различаются описаниями ее состава и мест ее производства.

10) Если ФСБ выявляла обезвреженные взрывчатые вещества, то совершенно необъяснимо, почему для ФСБ до сих пор остается окончательно невыясненным состав использовавшейся взрывчатки? Почему его состав генералы ФСБ описывали различным образом и до сих пор не дадут его официальное описание?

В сентябре 2002 года Миронов при описании взрывчатки ссылался на инструкции на арабском языке, найденные в тайниках в Чечне, и

почему-то не на показания задержанного летом 2002 года Деккушева. Хотя, по словам генерала, именно Деккушев осуществлял приготовление взрывчатой смеси. Описания взрывчатки генералом Мироновым выглядят неправдоподобно.

С учетом изложенных противоречий, возникают вопросы как к вышеназванным журналистам, так и к самой ФСБ.

Никита Чекулин
Лондон, 10-30 марта 2003 года

Приложение 24

ГЕКСОГЕНОВЫЙ СЛЕД

10 ноября 2003 г. «Новая газета»; Грани.Ру

После убийства Батчаева и ареста Крымшамхалова 7 декабря 2002 года единственным моим контактом оставался А. Гочияев. Однако неоднократные попытки получить дополнительную информацию упирались в финансовый вопрос: люди, контролировавшие Гочияева, требовали в обмен за информацию деньги. Многочасовые телефонные торги были скучны и утомительны, по крайней мере для меня. Ситуация была тупиковая. Выхода из нее не было, так как мы не собирались платить за информацию деньги, а гочияевских знакомых стала порядком раздражать наша несговорчивость.

Вскоре после очередного занудного разговора о деньгах в обмен на пленку 7 мая 2003 года на мой домашний факс в Бостоне пришла записка, написанная знакомым почерком Гочияева. С тех пор друзья Гочияева не тревожили меня ни по факсу, ни по телефону, ни по имейлу. Я с ними тоже не связывался. Вот эта записка (сохранены орфография и пунктуация оригинала):

«Есть один человек, действующий работник ФСБ, офицер. Он может выехать к вам и дать свидетельские показания по этому делу. Но ему нужны 100% гарантии безопасности. Вы сами понимаете что после этого, обратно возвратиться ему никак нельзя. Если вы сможете ему предоставить: гарантии безопасности, помочь ему с убежищем и решить его финансовую сторону, то в этом случае к вам приедет человек для переговоров. После вашего разговора с этим человеком, где вы обговорите все условия и гарантии, приедет этот человек.

Кроме этого я хочу вам сказать, что я через своих друзей выходил на Юшенкова Сергея. После встречи моих друзей с Юшенковым, которые хотели передать ему мою кассету, ровно через 1 неделю после их встречи Юшенков был убит. Эта вам тема для размышления. Я могу сделать видеозапись, где расскажу и про этот случай.

Всё, что я предложил выше, может решиться только тогда, когда вы со своей стороны решите то, что вы до сих пор не решились. Без этого никаких дальнейших дел с вами не получится.

Кстати, с БАБом я знаком, мы познакомились в Москве, когда он был ещё директором «Логоваза», и потом встречались, когда он был депутатом в Госдуме от нашей республики.

Поверьте мне я могу найти с кем иметь дело, которые дадут очень большие деньги, мне даже их искать не надо они меня сами ищут, которые заинтересованы в ваших личностях больше чем в моей.

Если то, что я вам пишу вас интересует и вас устраивают мои предложения, то вы в течении трех дней после того, как получите письмо позвоните, номер у вас есть, если в течении этого времени вы не позвоните это будет ответом.

С уважением Ачемез»

Понятное дело – шантаж. Я переслал по факсу распечатку записки тем самым «личностям», которых имел в виду Гочияев и которыми российские спецслужбы интересовались даже больше, чем Гочияевым: Борису Березовскому и Александру Литвиненко. Откровенно, мы эту записку даже не обсуждали. Просто забыли про нее, и всё; хотя я живо представлял себе, как появится пленка Гочияева, где он рассказывает, что теракты в Москве организовывал Березовский, у которого до того Гочияев и «Жигули» покупал, и в Думе в кабинете посиживал, и при-

ветливо махал ему рукой на встрече Березовского с избирателями КЧР. В общем, всё это казалось таким сюрмом, что неловко было по этому поводу скандалить в СМИ и вывешивать записку с комментариями на интернете.

Я бы и сегодня не стал этого делать, если бы не представился случай еще раз вспомнить о Гочияеве. А вспомнил я о нем потому, что занялся анализом данных о юридических лицах, зарегистрированных в Москве. Электронные справочники – источник объективный. И этот источник указывает на причастность сотрудника Управления ФСБ по Москве и Московской области Максима Юрьевича Лазовского (клички «Макс» и «Хромой») к террористическим актам в России в сентябре 1999 года.

Несколько слов о Лазовском. Лазовский был основателем фирмы «Ланако», давшим названию фирмы первые две буквы своей фамилии. В 1994 году Лазовским была сформирована спецгруппа, состоявшая из штатных и внештатных сотрудников российских спецслужб и спецподразделений. Куратором Лазовского по линии ФСБ был полковник ФСБ Э. А. Абовян, работавший в отделе по борьбе с незаконными бандитскими формированиями. По линии СВР Лазовского курировал кадровый сотрудник службы внешней разведки П. Е. Суслов.

Как всегда в истории разведки и конспиративных организаций, мы знаем об этих людях только по их провалам (о тех, кто не провалился, нам почти ничего не известно). Так, 18 сентября 1994 года в перестрелке с одной из бандитских группировок погиб член группы Лазовского офицер ГРУ Роман Полонский. 18 ноября 1994 года при попытке подрыва железнодорожного полотна на мосту через реку Яуза погиб от преждевременного взрыва закладываемой им бомбы член отряда Лазовского капитан Андрей Щеленков. 27 декабря 1994 года член группировки Лазовского подполковник академии им. Жуковского Владимир Воробьев подорвал бомбу с дистанционным управлением в автобусе 33-го маршрута на конечной остановке «ВДНХ-Южная». Он был арестован в августе 1996 года. Суд был закрытым. В зал заседаний не пустили даже родственников Воробьева. ФСБ дало Воробьеву как своему сотруднику положительную характеристику, которая была подшита в уголовное дело. За совершенный теракт Воробьев был приговорен к пяти годам, но Верховный суд РФ снизил Воробьеву срок до трех лет (которые Воробьев к тому времени фактически провел в заключении),

и в конце августа 1999 года Воробьев вышел. Не для того ли, чтоб участвовать в сентябрьской операции?

В феврале 1996 года МУР арестовал личного шофера Лазовского Владимира Акимова, давшего показания против своего шефа. Лазовский был задержан. Были выявлены шесть оперативников ФСБ, служивших у Лазовского, в том числе майор московского Управления ФСБ по незаконным вооруженным формированиям Алексей Юмашкин, офицеры ФСБ Карпычев и Мехков. Однако представители УФСБ в суд явиться отказались, причастность к терактам судом не обсуждалась вообще, а подсудимые были найдены виновными в незаконном хранении оружия и приговорены гуманным российским судом к двум годам лишения свободы (с зачетом времени, проведенного под следствием). В феврале 1998 года Лазовский вышел, купил себе роскошный особняк в элитном поселке Успенское Одинцовского района Подмосковья (по Рублевскому шоссе), создал фонд «содействия миру на Кавказе» под названием «Единение», в котором занял должность вице-президента. 28 апреля 2000 года на пороге Успенского собора в своем поселке он был расстрелян из автомата Калашникова с глушителем и оптическим прицелом. Четыре пули, одна из которых попала в горло, были смертельными. Стрельба велась из зарослей кустарника с расстояния примерно в 150 метров. Джипа с охраной, который неотступно следовал за Лазовским в последнее время, рядом почему-то не оказалось. Убийца бросил оружие и скрылся. Кто-то оттащил окровавленное тело к больнице неподалеку и положил на лавку. Местная милиция привлекла для осмотра трупа врача из одинцовской поликлиники. Документы освидетельствования убитого и осмотра места происшествия были составлены крайне неряшливо и непрофессионально, и это дало повод утверждать, что убит не Лазовский, а его двойник. Версию о том, что Лазовский жив, мне подтверждали затем по меньшей мере три офицера ФСБ.

Так вот, согласно базе данных «Юридические лица Москвы»:

1. Руководителем фирмы Лазовского «Ланако» с 1997 года был некий Г. Н. Косна (разночтения: «Касна» и «Косиа»).
2. Г. Н. Косна был также руководителем фирмы «МАМ-1», зарегистрированной в Москве по адресу: проезд Шокальского, дом 17, тел. 928-81-72, 928-5039. Еще одним руководителем фирмы «МАМ-1» был житель г. Мытищи Андрей Евгеньевич Мамчиц. Очевидно, что

название фирмы «МАМ-1» составлено из первых трех букв фамилии Мамчиц.

3. Этот же телефон (928-8172) числился телефоном экологической организации НПО «Природа», зарегистрированной по адресу: Фуркасовский переулок, дом 3. НПО «Природа» находится по этому адресу и сегодня, но уже с другим телефоном: 924-42-14.
4. Юридическими фирмами, оформлявшими фирму «Капстрой-2000», учредителями которой были А. Гочияев и Александр Юрьевич Кармишин (которого, в отличие от Гочияева, ФСБ почему-то в розыск не объявила), были фирмы «Деловая компания», зарегистрированная по адресу: проезд Шокальского, дом 17, т.е. по тому же адресу, где находились фирма «МАМ-1», руководителем которой был Г. Н. Косна, являвшийся с 1997 года руководителем фирмы «Ланако», принадлежавшей Лазовскому; и уже упоминавшееся НПО «Природа».
5. 23 июня 1998 года в Москве была учреждена еще одна фирма: «Лантана-Л», зарегистрированная по адресу: Стремянный переулок, дом 31/3, но имевшая те же телефонные номера, что и фирмы «Деловая компания», «МАМ-1» и НПО «Природа», а именно номера: 928-8172 и 928-50-39.
6. Очевидно также, что название «Лантана-Л» составлено из первых трех букв фирмы Лазовского «Ланако» — ЛАН и букв имени жены Лазовского – Татьяны Лазовской: ТАТЬЯНА. «Л» — первая буква фамилии Лазовского и его жены. Получается: ЛАНТАНА-Л. Правда, может быть, это была другая «Татьяна», но об этом чуть ниже.
7. Учредителем НПО «Природа» была Екатерина Марковна Быховская, проживавшая в одном доме с женой Лазовского Татьяной, что в данном случае вряд ли следует считать статистической случайностью.
8. Учитывая, что в «Открытом письме Ю. Крымшамхалова и Т. Батчаева» Лазовский также назван как один из организаторов терактов, причастность Лазовского к терактам 1999 года можно считать формально доказанной.
9. Фуркасовский переулок – тыльная сторона главного здания ФСБ; дом 3 по Фуркасовскому переулку – напротив, в 20 метрах. Будем считать это фактом, не имеющим никакого значения.

Но это только одна сторона медали. Есть еще и другая. 10 октября 1999 года «Коммерсант» опубликовал следующую статью:

Взрыва на Каширке могло не быть

Юрий СЮН

Сотрудники ФСБ и МВД могли предотвратить теракт в жилом доме на Каширском шоссе, где погибло 130 человек. За несколько часов до взрыва была задержана 26-летняя Татьяна Королева — любовница организатора как этого, так и предыдущего теракта на улице Гурьянова Ачемеза Гочияева. Сыщики могли узнать у нее все, но, так толком и не допросив, почему-то отпустили. Теперь ее нигде не могут найти.

На Татьяну Королеву, сотрудницу юридической фирмы «Деловая компания», чекисты вышли, расследуя теракт на улице Гурьянова. Они установили, что бомба, уничтожившая дом, была заложена в офисе компании «Бранд-2», которая располагалась на его первом этаже.

Учредителем «Бранда» значился житель Карачаевска Мухит Лайпанов. Его сразу объявили в розыск, но вскоре выяснилось, что разыскивается мертвец. Лайпанов погиб в ДТП еще в феврале этого года, а паспортом пользуется его земляк Ачемез Гочияев.

В Московской регистрационной палате чекистам рассказали, что подготовкой к регистрации документов «Бранд-2» занималась фирма «Деловая компания». Но когда оперативная группа приехала по ее юридическому адресу на Волгоградском проспекте, офис оказался закрыт.

Перелопатив огромную кучу хлама в мусорных баках на заднем дворе конторы, чекисты нашли обрывки каких-то бумаг. Из этих обрывков стало ясно, что фирма собралась перерегистрироваться. Удалось установить и ее новое название — «Агентство Лантана-Л».

В агентстве сказали, что документы Лайпанову готовила Татьяна Королева, правда, зарегистрировала она «Бранд-2» через третье юридическое лицо — «Консул-Бизнес». [...]

Допрашивая сотрудников бывшей «Деловой компании», чекисты узнали, что Королева не только оформляла документы Гочияеву, но и была его любовницей. Сама она приехала в Москву из Волгограда, снимала здесь квартиру, причем без регистрации.

Задержали Королеву в ночь на 13 сентября. Но когда сотрудники правоохранительных органов приехали к ней домой, Гочияева там уже не было. Судя по всему, в это время он находился на Каширском шоссе, в том самом доме, где была заложена бомба.

Королева, находившаяся на 3-м месяце беременности от Гочияева (его жена Мадина Абаева страдает бесплодием. — «Ъ»), сказала, что у ее сожителя возникли какие-то деловые проблемы и он велел ей на время уехать из Москвы. «Я знала, что он пользуется чужими документами, и подозревала что-то неладное, но он меня в свои дела не посвящал», — заявила она.

Допрос решили продолжить на следующий день, а Королеву отправили в изолятор. Но уже утром, через несколько часов после взрыва на Каширке, ее почему-то отпустили. Возможно, оперативники надеялись, что беременная женщина поможет им выйти на Гочияева, но еще через несколько дней она исчезла. Сейчас объявленная в розыск Королева, по оперативным данным, находится в одном из горных районов Чечни. Там же скрываются и супруги Гочияевы.

В статье много неточностей. Она писалась по горячим следам, и у автора не было возможности проверять достоверность информации.

Действительно ли Королева была любовницей Гочияева и была ли она беременна? Очевидно, что трехмесячная беременность женщины не может быть заметна (вряд ли арестованную Королеву немедленно подвергли столь тщательному медицинскому осмотру). Еще больший вопрос, была ли Королева беременна от Гочияева (если она была беременна). Указание на то, что жена Гочияева страдала бесплодием, не соответствует действительности. Об этом свидетельствуют присланные мне в свое время Гочияевым многочисленные фотографии, подтверждающие его личность, в том числе фотографии Гочияева со своими детьми.

Оставим на совести ФСБ и российских следственных органов отсутствие объяснений причин стремительного освобождения Королевой из милицейского изолятора. Указания автора статьи в «Коммерсанте» на то, что Королева разыскивалась следственными органами, исчезла из Москвы и бежала в Чечню, — не соответствуют действительности. Согласно прилагаемой таблице фирм, возглавляемых или учрежденных Татьяной Викторовной Королевой, она продолжала за-

ниматься юридической деятельностью в Москве по крайней мере до 20 июня 2000 года. (Будем считать совпадением, что ряд фирм зарегистрирован на Малой Лубянке и в Малом Кисельном переулке — в соседнем с Московским управлением ФСБ здании.)

Фирмы, учрежденные или возглавляемые Королевой Татьяной Викторовной

Дата регистрации	Казвание фирмы	Руководитель (по соображениям этики не публикуем никого кроме самой Т. В. Королевой)	Адрес	Телефон
1.3.93	Ломбард для вас		Молодогвардейская ул. 13	241-06-61
23.12.99	Унификон-Строй		Новочеремушкинская ул. 44 стр.1	Тот же
	Транс-Мега		М.Лубянка, 8/7, стр.10	Тот же
	УТК Спецмонтаж		Новочеремушкинская ул. 44 стр.1	Тот же
	То же		Новочеремушкинская ул. 44 стр.1	Тот же
	То же		Новочеремушкинская ул. 44 стр.1	422-15-65
	Ремкомплект-99		Новочеремушкинская ул. 44 стр.1	241-06-61
	То же		Новочеремушкинская ул. 44 стр.1	422-01-44;
488-95-55				
30.12.99	Дасти-Тур		М.Лубянка, 8/7, стр.10	241-06-61
	Унификон-С		М.Лубянка, 8/7, стр.10	Тот же
	Диал-Конт		М.Кисельный пер. 6 стр.1	Тот же
	Деконт-Сервис		М.Кисельный пер. 6 стр.1	Тот же
	Деконт-Дизайн		Печатников пер. 15а	Тот же
	То же		М.Кисельный пер. 6 стр.1	Тот же
18.1.00	Денти-Конт		Новочеремушкинская ул. 44 стр.1	422-01-44
	ТВК-Бизнес	Королева Т.В.	Новочеремушкинская ул. 44 стр.1	241-06-61
19.1.00	ТВК-Конт	Королева Т.В.	Печатников пер. 15а	241-06-61
20.1.00	Консул-Классик		Новочеремушкинская ул. 44 стр.1	217-41-22
	Мега-Консул	Королева Т.В.	М.Кисельный пер. 6 стр.1	241-06-61
	То же	Королева Т.В. (изм. от 4.2000)	Печатников пер. 15а	Тот же
	Вилар-99	Королева Т.В.	М.Кисельный пер. 6 стр.1	Тот же
	То же	Королева Т.В. (изм. от 24.3.2000)	Печатников пер. 15а	Тот же
	То же		Печатников пер. 15а	229-75-52
19.6.00	Ремсервисмонтаж	Королева Т.В.	Одесская ул. 21/29	241-06-61
	Интерлинк	Королева Т.В.	Одесская ул. 21/29	241-06-61
	Алюминэкс	Королева Т.В.	Одесская ул. 21/29	241-06-61
20.6.00	Реком-Траст	Королева Т.В.	Одесская ул. 21/29	241-06-61

Какие же нам остается сделать выводы? Вывод первый: что «любовница» Гочияева Т. В. Королева могла быть совладельцем фирмы «ЛАН-ТАНА-Л» вместе с Лазовским, и именно Татьяна Королева, а не жена Лазовского Татьяна, дала свои четыре буквы «ТАНА» для второй части названия. Вывод второй: что из милицейского изолятора, в который попала Королева, ее выпустили совсем не случайно и вовсе не случайные люди из российских спецслужб; что эти люди имели какое-то отношение к терактам 1999 года, что сама Королева, возможно, была сотрудником российских органов госбезопасности (ФСБ) и имела непосредственное отношение к терактам; что в розыск ее не давали ни в сентябре 1999 года, ни позже. Вывод третий: что по тем же причинам в розыск не объявляли партнера Гочияева и соучредителя фирмы «Капстрой-2000» Александра Юрьевича Кармишина. Вывод четвертый: что к терактам 1999 года, безусловно, имел отношение Лазовский, убитый (а может быть, и не убитый) в 2000 году. Все остальные выводы — общеполитического характера о ситуации в стране — уверен, сделает читатель.

Юрий Фельштинский,
Бостон

Приложение 25

ФОТОРОБОТ НЕ ПЕРВОЙ СВЕЖЕСТИ ЗА ЧТО АРЕСТОВАН БЫВШИЙ ПОДПОЛКОВНИК ФСБ

Игорь Корольков

11 ноября 2003 г., «Московские новости»

За день до своего ареста бывший подполковник ФСБ Михаил Тrepашкин побывал в редакции «МН». В своем интервью он привел ряд фактов, которые делают его признания сенсационными.

Речь — о взрыве жилого дома на улице Гурьянова в 1999 году. Но прежде чем перейти к этим событиям, необходимо рассказать историю семилетней давности с задержанием в Москве группы чеченцев, обиравших столичные банки.

Знакомый «жучок»

Из интервью Михаила Тrepашкина «МН»:

— Банду возглавлял Иса Бахарчиев. В нее входили Висруди Новиков, Абдул по кличке Кровавый и некий Турпал. В эту же группу входил и Владимир Романович.

Когда банда пыталась взять под «крышу» банк «Сольди» и для начала потребовала наличными 1,5 млрд рублей, мы провели операцию.

В установленный день с утра выставили в банке и вокруг него засаду, но бандиты так и не появились. Выяснилось, что кто-то из своих нас предал. В офисе банка обнаружили штатный «жучок», который использует оперативно-поисковое управление ФСБ. На нем стоял номер 41772. По этому номеру без особого труда можно было выяснить, за кем числился «жучок» и каким образом он оказался в банке. Но мое руководство отказалось проводить экспертизу.

Спустя несколько дней банда все-таки явилась за деньгами. Мы задержали всех. Каково же было наше удивление, когда, помимо чеченцев, среди задержанных оказались начальник отдела ГРУ Генштаба МО полковник Голубовский, неуставленный отставной подполковник ФСБ, начальник охранной структуры при правительстве Москвы «Кобра-9» Карлен Азизбекян, группа сотрудников милиции, из которых двое были в звании майора.

Как позже сообщили сотрудники банка, в день, когда провалилась наша операция, за офисом с противоположной стороны улицы как раз и наблюдали Голубовский со своим партнером из ФСБ. Скорее всего, они в первый раз и вычислили засаду.

Уже на предварительном допросе полковник Голубовский и Карлен Азизбекян назвали своего патрона — консультанта Академии Генштаба МО генерал-майора Тарасенко. Генерал заявил, что он не последний в длинной цепочке. За ним якобы стоят командующий Закавказским военным округом и начальник Генштаба МО. Генерал намекнул: дело, в которое мы влезли, чрезвычайно тонкое, речь идет о торговле оружием.

Мне стало известно, что в то время, когда мы проводили операцию по задержанию вымогателей в банке «Сольди», Романович в одной из правоохранительных структур заказывал спецмашину, которая следила за банком. Точнее — вела запись переговоров, которые принимал, видимо, упоминавшийся уже «жучок». Я хотел допросить Романовича и провести обыски, чтобы изъять кассеты с записями. Но мое руководство не позволило этого сделать. С чего бы это? У меня сложилось впечатление, что Романович как-то связан с ФСБ.

Когда после взрыва дома на улице Гурьянова опубликовали фоторобот человека, арендовавшего подвал, в который заложили взрывчатку, я узнал в нем Романовича. Во всяком случае, аренду на имя Мухита Лайпанова (который, как потом оказалось, на самом деле был мертв) оформлял человек, сильно похожий на него.

Сделав неожиданное открытие, я сообщил об этом своим бывшим руководителям из ФСБ, передав им и фотографию Романовича, которая у меня была. Вскоре я обратил внимание на то, что фоторобот, очень похожий на Романовича, трансформировался: лицо становилось все более вытянутым. А спустя полгода узнал, что Романовича, который к тому времени выехал на Кипр, будто бы задавила машина.

Генерал удивлен

Из всех действующих лиц, фигурировавших в рассказе Трепашкина о задержании в банке «Сольди», мне удалось разыскать одного генерала Тарасенко. Я связался с ним по телефону.

— Все, что вам наговорил Трепашкин, чушь, — заявил генерал. — Меня проверяли, и никакие обвинения, выдвинутые в мой адрес, не подтвердились. То же самое могу сказать и о полковнике Голубовском. Я никому ничего не говорил о торговле оружием и о том, что за мной стоят командующий Северо-Кавказским военным округом и начальник Генштаба Министерства обороны.

Установить, кто прав — бывший подполковник ФСБ или генерал, без изучения документов, к которым редакция не имеет доступа, разумеется, невозможно. Единственное, о чем можно говорить с уверенностью, так это о самом факте вымогательства денег у банка «Сольди» и об операции, во время которой вместе с бандитами были задержаны представители спецслужб и правоохранительных органов.

Из всех задержанных в банке «Сольди» под суд попал лишь человек по имени Ламин Бокаев: он получил 5,5 года. Висруди Новикова по требованию тогдашнего полевого командира Салмана Радуева обменяли на троих пензенских омоновцев. (Редакция располагает ксерокопией акта обмена.)

Участие Гочияева во взрывах — ложь следствия?

А теперь о главном. За день до своего ареста Трепашкин передал мне фамилию и телефон бывшего бизнесмена, сдавшего подвал в доме на Гурьянова в аренду кавказцу, который сегодня обвиняется в организации теракта. Марк Блюменфельд был тем самым человеком, со слов которого правоохранительные органы и составили фоторобот преступника, предъявившего паспорт на имя Лайпанова.

С г-ном Блюменфельдом мы встретились в редакции «МН». Под диктофон бывший бизнесмен сделал сенсационное заявление: человек, который приходил к нему с паспортом Лайпанова и который публично

представлен следствием как Гочияев, на самом деле не Гочияев.

— В Лефортове мне показали фотографию какого-то человека, — рассказывал Блюменфельд, — сказали, что это Гочияев и что это я якобы ему сдал в аренду подвал. Я ответил, что этого человека никогда не видел. Но мне настоятельно рекомендовали признать Гочияева. Я все понял и больше не спорил, подписал показания. На самом же деле человек, чью фотографию мне показали и которого называли Гочияевым, был не тем человеком, который ко мне приходил.

— Они были внешне похожи — Гочияев и тот, кто к вам приходил?

— На фото был изображен человек с простоватым лицом, а тот, который приходил и которому я сдал в аренду помещение, внешне выглядел интеллектуалом. У меня сложилось впечатление, что он еврей. Причем еврей с кавказскими корнями. Я об этом неоднократно заявлял следствию.

— Насколько первоначально составленный фоторобот совпадал с оригиналом?

— Кроме меня, лже-Лайпанова видели еще несколько человек. Все они утверждали, что фоторобот очень похож на реального человека.

Я показал Блюменфельду два фоторобота: один, который составлен с его слов и появился в СМИ в первые дни после взрыва, и второй, который опубликовали уже какое-то время спустя.

— К составлению второго фоторобота я не имею никакого отношения. Он совершенно не похож на реального человека. Он — подправлен.

Таким образом, бывший чекист, а теперь и адвокат Михаил Тrepашкин был источником информации, которая могла радикально изменить весь ход следствия по делу о взрыве жилого дома. Видимо, этого заинтересованные стороны хотели меньше всего.

ДОСЬЕ «МН»

Азизбекян Карлен Нерсесович. Бывший руководитель охранной структуры «Кобра-9». Сейчас руководит охранной фирмой «Магма-В». Один из владельцев московского казино «Кристалл». Проходил по делу о фальшивых чеченских авизо и вымогательстве. Уголовное преследование прекращено по причинам, которые редакции установить не удалось.

Приложение 26

ЖЕНА МИХАИЛА ТРЕПАШКИНА ОБРАТИЛАСЬ ЗА ПОМОЩЬЮ К БЛЭРУ

26 февраля 2004 г. Грани.Ру

Татьяна Трепашкина, жена адвоката Михаила Трепашкина, обратилась к премьер-министру Великобритании Тони Блэру с призывом о помощи. Российские правоохранительные органы обвинили Трепашкина в сотрудничестве с британскими спецслужбами. Татьяна Трепашкина просит Блэра опровергнуть эти обвинения, либо взять Трепашкина под защиту.

Трепашкина намерена лично передать свое обращение представителям посольства Великобритании в Москве 26 февраля в 11 часов.

“Согласно материалам обвинения, мой муж собирал информацию о взрывах жилых домов в Москве в сентябре 1999 года якобы по поручению британской секретной службы MI-5 “в целях дискредитации” российской службы безопасности ФСБ”, – сообщила Татьяна Трепашкина. “В действительности мой муж занимался расследованием московских терактов сначала по просьбе покойного депутата Госдумы Сергея Юшенкова, а в последнее время в качестве адвоката семьи жертв московских взрывов”, – сказала она.

ФСБ обвиняет адвоката Михаила Трепашкина в участии в операции спецслужб Великобритании по компрометации ФСБ путем обвинений в причастности к взрывам домов в городах России, в эту операцию также якобы вовлечены Александр Литвиненко и Борис Березовский. Об этом сообщил сам Трепашкин, которому удалось выслать на волю записку с описанием обвинений, предъявленных ему по делу о разглашении государственной тайны.

Дело слушается в Московском окружном военном суде в закрытом режиме. По этим обвинениям Трепашкин может получить 10 лет тюрьмы.

Трепашкин был тесно связан с Сергеем Юшенковым по делам Общественной комиссии, расследовавшей обстоятельства взрывов домов, а затем в качестве адвоката Татьяны Морозовой получил доступ к материалам дела Адама Деккушева и Юсуфа Крымшамхалова, которое также слушается в закрытом режиме. Незадолго до начала процесса Трепашкина задержали в Подмоскowie по обвинению в нарушении подписки о невыезде и в незаконном хранении оружия – при задержании в его машине нашли пистолет. Сам Трепашкин заявил, что пистолет ему подбросили.

МИХАИЛ ТРЕПАШКИН: ПРОФИЛЬ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОГО

Михаил Трепашкин – московский адвокат, арестованный по сфабрикованному обвинению накануне суда, где он планировал предъявить сенсационные доказательства причастности российских спецслужб к организации взрывов жилых домов в сентябре 1999 года.

Обстоятельства ареста

1. Михаил Трепашкин, адвокат из Москвы, был арестован 22 октября 2003 г. по обвинению в незаконном хранении оружия после того, как в его машине был обнаружен пистолет. Сам он утверждает, что пистолет был подброшен. Когда автомобиль Трепашкина остановила ГАИ, на обочине уже ждала группа захвата. Они открыто швырнули в машину сверток. В нем оказался пистолет, который исчез несколько лет назад, во время налета боевиков на федеральное учреждение в Чечне.

2. Трепашкин давно находился в конфликте с российскими спецслужбами. В прошлом он сам работал следователем, но в 1996 году его уволили из органов после того, как он отказался покрыть случай коррупции среди высших чинов ФСБ. В 1998 году он принял участие в знаменитой пресс-конференции, на которой прозвучали обвинения ФСБ

в повальной коррупции и организации бессудных казней. На момент ареста Трепашкин уже находился под следствием по другому обвинению по линии ФСБ – в разглашении государственной тайны. Крайне маловероятно, что юрист, который знает, что ФСБ ведет против него следствие, и что он находится под наблюдением, станет возить с собой незарегистрированное оружие.

3. В действительности Трепашкина арестовали для того, чтобы предотвратить его выступление в важном судебном процессе, ибо власть боялась, что он предъявит серьезные улики, которые представляют собой политическую угрозу президенту Путину.

Дело о взрывах

4. Суд, который начался через неделю после ареста Трепашкина, рассматривает дело по обвинению двух российских мусульман в организации взрывов трех жилых домов в сентябре 1999 года. В результате терактов погибло около 300 человек. Взрывы были приписаны чеченским сепаратистам и послужили поводом для второй чеченской войны. Они помогли Владимиру Путину победить на президентских выборах 2000 года.

5. На суде Трепашкин должен был представлять интересы сестер Алены и Татьяны Морозовых, чья мать погибла в результате взрыва 9 сентября 1999 года. В настоящее время Морозовы проживают в США, Татьяна замужем за американским гражданином, а Алена ждет решения о политическом убежище. По российским законам жертвы преступления имеют право в уголовном деле вносить ходатайства, вызывать и подвергать перекрестному допросу свидетелей.

6. По указаниям своих клиентов г-н Трепашкин собирался озвучить в суде версию о причастности к терактам 1999 года российских спецслужб, в частности, ФСБ. Подобного рода обвинения уже звучали и в прессе, и в политических кругах. Вкратце их содержание сводится к тому, что чеченцы к этим терактам могут быть и не причастны, и что на самом деле они могли быть организованы ФСБ, с целью склонить общественность поддержать войну. Почти половина населения России считает, что ФСБ могла организовать взрывы. В недавнем обращении к Сенату США сенатор Джон Маккейн заявил, что “остаются веские основания подозревать ФСБ в причастности к организации этих терактов”.

7. Основным аргументом в пользу версии о причастности ФСБ до недавнего времени были события 23 сентября 1999 года, когда после третьего теракта, милиция обезвредила взрывное устройство в подва-

ле одного из многоэтажных домов г. Рязани. Подозреваемых в организации взрыва сначала задержали, а потом отпустили, поскольку они предъявили удостоверения сотрудников ФСБ. Власти объяснили весь инцидент неудачно задуманными учениями по “гражданской обороне”. Связь между “учениями” в Рязани и терактами так и осталась недоказанной. Однако г-н Трепашкин занимался самостоятельным расследованием взрывов в Москве и обнаружил новые улики, которые говорят о причастности ФСБ.

8. Процесс по делу о взрывах, который начался 31 октября, проходит за закрытыми дверями “по соображениям государственной безопасности”. Два обвиняемых по делу, Адам Деккушев и Юсуф Крымшамхалов, обвиняются в перевозке взрывчатки. Один из них отрицает все предъявленные ему обвинения, другой частично признает свою вину, однако утверждает, что об истинном предназначении взрывчатки ничего не знал. Судья по данному делу, Марина Комарова, ранее участвовала в процессах по делам, инициированным ФСБ, таких как известные “шпионские” дела, вызвавшие озабоченность международной общественности из-за их очевидной политической мотивировки.

9. Большинство других жертв по данному делу либо вообще не представлены в суде, либо дали подписку о неразглашении. Сестры Морозовы ее дать отказались. Таким образом, г-н Трепашкин был бы единственным независимым наблюдателем на судебном заседании, закрытом от остального мира.

10. Человека, которого обвинение считает главным организатором взрывов 1999 года, зовут Ачемез Гочияев. Он все еще на свободе, и, по слухам, укрывается в Панкисском ущелье, хотя грузинское правительство это и отрицает. Обвинение против Гочияева построено на том, что он якобы арендовал подвалы в домах, куда были установлены взрывные устройства.

11. Политические ставки на процессе по делу о московских взрывах крайне высоки. Если оба обвиняемых будут признаны виновными, а само судебное разбирательство – объективным, то теория о вине чеченцев будет доказана, а версия о причастности ФСБ – развенчана.

Новые улики

12. Новые доказательства, обнаруженные Трепашкиным, свидетельствуют о том, что за чеченцами, которых позже обвинили в организации взрывов, стояли агенты ФСБ. После ареста Трепашкина газета “Московские новости” опубликовала часть этих доказательств, поскольку репортер газеты Игорь Корольков успел с ним

побеседовать. Трепашкин сообщил Королькову имя арендодателя подвала в доме, где проживала Морозова: Марк Блюменфельд. Трепашкин сообщил, что Блюменфельд опознал в арендаторе подвала другого человека, нежели того, которого считают главным подозреваемым.

13. После ареста Трепашкина Корольков связался с Блюменфельдом. Хозяин подвала сообщил журналисту под запись на пленку, о том, что на фотороботе преступника, составленном правоохранительными органами с его слов, фигурирует не Ачemez Гочияев. Первый фоторобот впоследствии исчез из дела, и, по словам Блюменфельда, сотрудники ФСБ вынудили его опознать Гочияева, которого он никогда ранее не видел, по фотографии.

14. В газете “Московские новости” говорится, что Трепашкин опознал человека, которого и он сам, и ряд других свидетелей видели на первом фотороботе. Им оказался некто Владимир Михайлович Романович, тайный агент ФСБ, который специализировался на внедрении в чеченские группировки и который спустя несколько месяцев после взрывов погиб на Кипре, попав там под машину. Трепашкин сталкивался с Романовичем шесть лет назад, когда еще работал в ФСБ. По словам Трепашкина, в 1996 году Романович был арестован в Москве как член чеченской ОПГ, которая занималась вымогательством и контрабандой оружия в Чечню, однако был вскоре отпущен после вмешательства высших чинов ФСБ. Именно тогда Трепашкину сообщили, что Романович работает на ФСБ.

15. Из отчетов Трепашкина своим клиенткам следует, что он также собирал информацию о Татьяне Королевой, которая зарегистрировала компанию, арендовавшую подвалы для закладки бомб, от лица террористов, действовавших по поддельному паспорту. По сообщениям прессы того периода Королеву задержали в промежутке между первым и вторым взрывами, но затем отпустили по непонятным причинам. Позже в прессе появились сведения со ссылкой на источники в правоохранительных органах, что Королева якобы была любовницей Гочияева и бежала вместе с ним в Чечню. Тем не менее Трепашкину удалось установить, что Королева никуда не уезжала и все годы после взрывов продолжала работать в Москве, причем ею были зарегистрированы десятки компаний.

Версия Гочияева

16. Эти доказательства существования “другого человека”, арендовавшего подвалы, подтверждают рассказ самого Ачемеца Гочияева – главного подозреваемого, который до сих пор находится на свободе. В июле 2002 года Гочияев прислал из своего убежища письменное заявление и видеозапись Юрию Фельштинскому, российскому историку, проживающему в Бостоне, и Александру Литвиненко, бывшему сотруднику ФСБ, проживающему в Лондоне, которые ранее написали книгу о взрывах 1999 года .

16. Гочияев утверждает, что от имени его компании были арендованы четыре подвала в Москве, однако арендовал их не он сам, а его партнер, который, как он считает, был связан с ФСБ. Имени этого партнера он не сообщил. Гочияев заявляет, что ничего не знал о взрывных устройствах. Он сказал, что после второго взрыва, когда понял, что его подставили, он бежал.

17. Гочияев также заявил, что именно он предупредил власти о двух других бомбах, которые были обнаружены в Москве спустя несколько часов после второго взрыва. Власти так и не смогли объяснить, откуда им стало известно о точном местонахождении этих двух взрывных устройств.

Связь Трепашкина с убитым депутатом

18. Трепашкин начал свое расследование по просьбе ныне покойного Сергея Юшенкова, депутата Госдумы, который поддерживал версию о причастности ФСБ и призывал провести парламентское расследование “учений” в Рязани. В апреле 2002 года Юшенков ездил в Вашингтон, где встречался с представителями Госдепартамента и членами Сенатской Комиссии по международным отношениям пытаясь заинтересовать США обстоятельствами прихода к власти Владимира Путина. В ходе этого визита Юшенков встретился с Аленой Морозовой и порекомендовал сестрам нанять Трепашкина в качестве их адвоката в Москве.

19. После того как в июне 2002 года было опубликовано письмо Гочияева , Юшенков обратился к Трепашкину с просьбой расследовать это дело от имени Общественной комиссии по расследованию взрывов 1999 года , председателем которой, совместно с другим депутатом Думы, Сергеем Ковалевым, он являлся. Те доказательства, которые Трепашкин планировал обнародовать на суде от имени сестер Морозовых, были получены именно в результате этого расследования.

20. Как только Трепашкин стал работать с Юшенковым, в ФСБ против него немедленно завели уголовное дело по обвинению в разглаше-

нии сектральных сведений. В его квартире был проведен обыск, а самого его допрашивала военная прокуратура. Тогда же Юшенков, будучи депутатом Госдумы, официально запросил прокуратуру предоставить ему информацию по делу Трепашкина, благодаря чему, скорее всего, Трепашкину и удалось избежать ареста.

21. 17 апреля 2003 года Юшенков был убит. 3 июля другой член Общественной комиссии по расследованию обстоятельств взрывов домов, Юрий Щекочихин, умер, предположительно в результате отравления. Юшенков и Щекочихин были основной движущей силой Комиссии. После их гибели Комиссия фактически прекратила свою деятельность.

Защита Трепашкина

22. В поддержку Михаила Трепашкина выступили правозащитники. С поручительствами отпустить его на свободу под свою личную ответственность (в чем было отказано) выступили такие известные общественные деятели как депутат Госдумы Сергей Ковалев, глава Московской Хельсинской группы Людмила Алексеева, адвокат и правозащитница Карина Москаленко.

23. Международная комиссия юристов в Женеве выступила с протестом по поводу ареста Трепашкина, назвав его “пародией на власть закона”.

24. В письме от 4 ноября группа бывших политических узников, среди них Елена Боннэр и Владимир Буковский, обратилась к организации Amnesty International с призывом признать Трепашкина политзаключенным.

ПЕРСПЕКТИВЫ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО ДЕЛУ О ВЗРЫВАХ

25. Поскольку Трепашкин выведен из игры, нет объективной независимой информации о том, что происходит в зале суда. Как только Татьяна Морозова узнала об аресте Трепашкина, она обратилась к судье с телеграммой, в которой ходатайствовала вызвать Блюменфельда, Фельштинского, Королькова и Трепашкина в качестве свидетелей по делу о взрывах, а также рассмотреть обстоятельства ареста Трепашкина как препятствия отправлению правосудия. Ответа из суда она не получила.

Приложение 27

О КОНФИСКАЦИИ ТИРАЖА КНИГИ “ФСБ ВЗРЫВАЕТ РОССИЮ”

13 января 2004 г., радио «Эхо Москвы»

В прямом эфире «Эха Москвы» Александр Подрабинек — главный редактор правозащитного агентства «Прима», а также историк и писатель Юрий Фельштинский (по телефону).

Эфир ведет Нателла Болтянская.

Н. Болтянская: 16 часов 8 минут, вы слушаете «Эхо Москвы», у микрофона Нателла Болтянская. В нашей студии главный редактор правозащитного агентства «Прима» Александр Подрабинек, здравствуйте.

А. Подрабинек: Здравствуйте.

Н. Болтянская: Говорим мы об изъятии тиража книги бывшего разведчика Александра Литвиненко. Итак, краткий материал. 4 тыс. 400 экземпляров книги Александра Литвиненко и Юрия Фельштинского, предназначенные для продажи через книготорговую сеть, изъяли не так давно сотрудники ФСБ и милиции. Как это происходило, давайте подробнее расскажем.

А. Подрабинек: Фабула дела такова. Тираж книги был закуплен в Латвии одной псковской фирмой-посредником, которая по договору с нами должна была привезти их в Москву. 28 декабря вечером они выехали из Пскова, и 29 декабря утром их остановили на развязке Волоколамского шоссе и МКАДа просто для проверки в рамках операции «Вихрь-антитеррор», так было сказано. Начали искать в рамках этой операции, очевидно, принадлежности к террористической деятельности и нашли книги в фургоне. Книги показали милиции подозрительными, видимо, название повергло их в шок, они вызвали сотрудников ФСБ. Те приехали где-то к полудню и провели обыск.

Н. Болтянская: Обыск чего?

А. Подрабинек: Обыск машины. В результате обыска они забрали, могу сказать точно, 4 тыс. 376 экземпляров книги Литвиненко и Фельштинского. Обыск закончился где-то к вечеру, шофера отпустили, он поторопился домой, в Псков вернулся. И мы созвонились только вечером и узнали об этой истории. Некоторое время назад я получил протокол этого обыска, на основании которого можно уже более точно судить о том, что произошло, кто участники этого дела.

Н. Болтянская: Что можете сообщить по делу, извините за терминологию?

А. Подрабинек: Из протокола обыска видно, что его проводил старший следователь следственного управления ФСБ России, старший лейтенант юстиции с очень непонятной фамилией, в протоколе написано, в присутствии понятых. В постановлении на обыск было указано, что обыск проводится с целью изъятия книги Литвиненко «ЛПП» («Лубянская преступная группировка») и «ФСБ взрывает Россию». Из машины изъята была только «ФСБ взрывает Россию». Почему они в таком месте искали первую книгу Литвиненко — «ЛПП», непонятно. Она продается в Москве, в нашем киоске на Пушкинской, она продавалась в Государственной Думе, на книжных развалах. Но у них было обозначено две книги. Изъяли только одну. Судя по тому, что все коробки и мешки, куда все это складывалось, были опечатаны печатью Управления собственной безопасности ФСБ, очевидно, в производстве этого управления находится это дело. Я так понимаю, что, поскольку протокол — это следственное действие, то, стало быть, заведено дело. Однако ни по какому факту, ни кто обвиняемый — пока ничего не известно.

Н. Болтянская: «Задержание тиража — антигосударственная пропаганда». На эту тему вы можете прокомментировать?

А. Подрабинек: Это было сказано устно шоферу.

Н. Болтянская: Он не подписывал никакие протоколы? То есть ему сказали: спасибо большое, оставьте координаты?

А. Подрабинек: Нет. Понимаете, это фирма, которая занимается бизнесом.

Н. Болтянская: Вы про какую фирму?

А. Подрабинек: Фирма из Пскова. Эта фирма была напугана, они не хотят разговаривать.

Н. Болтянская: Там все понятно. Меня ваши действия в данной ситуации интересуют.

А. Подрабинек: Каждый день сталкиваешься с нечистой силой.

Н. Болтянская: Меня интересуют ваши действия во всей этой ситуации.

А. Подрабинек: Понимаете, наши действия, если говорить о юридических, правовых, то они могли бы быть только одни. Мы могли бы предъявить этой фирме псковской иск, поскольку они не выполнили условия договора: мы им оплатили тираж, они не смогли привезти книги. А они должны были предъявить свой иск ФСБ, взять его вторым ответчиком и тогда в гражданском суде разбираться, кто виноват, почему изъяты книги, на каком основании и так далее.

Н. Болтянская: А вот смотрите, вам вопрос от Андрея из Москвы: «Не разделяете ли вы мой пессимизм в том, что, если бы книга дошла до читателя, то это не изменило бы доброжелательного отношения россиян, в частности, к президенту?»

А. Подрабинек: Вы знаете, я в данном случае не ставил своей целью изменить отношение россиян к президенту, я хотел, чтобы до российского читателя дошла эта книга, которая представляет иную точку зрения, отличную от той, которая распространена официально. Читатель вправе сам вынести свои суждения и решить, как ему относиться к Путину, как ему относиться к ФСБ и вообще к окружающей российской действительности.

Н. Болтянская: Вот уже пришли вопросы к вам, что, если тираж книги конфискован не полностью, то где ее можно добыть?

А. Подрабинек: Я говорил с издателями книги, и мы решили, что они напечатают еще один тираж и мы его все равно привезем в Россию.

Н. Болтянская: А если его постигнет та же судьба?

А. Подрабинек: Тогда, я надеюсь, они напечатают третий. Но мне кажется, что эта история существенна не этим, не приложением именно к этой книге или именно к этому случаю. Существенно то, что за

последние 15 лет это первый случай изъятия книги по идеологическим причинам.

Н. Болтянская: В общем, да. Я думаю, что мы продолжим нашу беседу после выпуска новостей. Мы попытаемся связаться с Юрием Фельштинским. И я надеюсь, что голос мы его услышим сразу после новостей в эфире «Эха Москвы».

(После выпуска новостей:)

Н. Болтянская: 16 часов 16 минут. На линии Юрий Фельштинский. Юрий Георгиевич, вы с нами?

Ю. Фельштинский: Да, я с вами, здравствуйте.

Н. Болтянская: Буквально пару слов о Юрии Фельштинском. Историк, который родился в 1956 году, в 1978 году эмигрировал в США, где продолжил изучение истории. Редактор-составитель и комментатор нескольких десятков томов архивных документов, автор книг «Большевики и левые эсеры», «К истории нашей закрытости», «Крушение мировой революции», «Вожди в законе». Юрий Георгиевич, я бы попросила ваш комментарий по поводу того, что случилось с книгой вашей и Литвиненко.

Ю. Фельштинский: Во-первых, я не слышал, что уже говорилось, поэтому если будут повторы, извините. Во-вторых, конечно, бороться с книгой через конфискацию тиража — это самое последнее дело. Самое последнее и достаточно бессмысленное, потому что я сразу же хочу сказать, что нами с Литвиненко этот вопрос уже обсуждался, и в этом году будет издано второе, дополненное издание книги «ФСБ взрывает Россию», и так или иначе читатели ее увидят. Если не увидят в 2004 году — значит, увидят в 2005 году. Мы готовы к длительной осаде. Причем хочу подчеркнуть, что осаждаемые — не мы, а люди в Кремле, а мы осаждаем эту крепость. И эту крепость мы рано или поздно возьмем. Все-таки таких прецедентов я на своей памяти не помню. Даже, по-моему, в советские годы тиражи не конфисковывались.

Н. Болтянская: До тиражей, по-моему, не доходило.

А. Подрабинек: Тиражей не было, были единичные экземпляры.

Ю. Фельштинский: Да, поэтому, может быть, не доходило. Но, тем не менее, когда выпускались книги типа Солженицына, типа книги Некрича «1941, 22 июня», когда авторов потом подвергали критике — подвергали критике авторов, но не конфисковывались тиражи, такой инструмент подавления свободы слова не существовал даже в советские годы. Это, безусловно, нововведение путинской России. И я вам должен сказать, что я в эмиграции с 1978 года. Мы пережили советс-

кий, брежневский период, безусловно, переживем и путинский. Это не вопрос. Это только вопрос времени.

Н. Болтянская: Понимаете как, Юрий Георгиевич, ведь речь идет о том, что переживете, например, вы, переживут те, которых вы обвиняете. Не переживут люди, которым уже было суждено погибнуть в тех или иных трагических обстоятельствах. И которым, не дай бог, еще суждено будет погибнуть. Им-то что делать? Я понимаю, что вопрос риторический, но не могу его не задать.

Ю. Фельштинский: Вы знаете, я, конечно же, историк не только по образованию, но и по психологии. В этом плане я действительно смотрю за пределы сегодняшнего дня. Я не журналист, я не пиарщик. Я понимаю, что сейчас мы живем в эпоху сжатого времени. Поэтому, скорее всего, когда я говорю о том, что мы готовы к длительной осаде, мы не говорим о десятках лет, как это было в старые советские годы. Сейчас время очень сжато. Я не думаю, что относительно молодые (мы еще все относительно молодые) люди закончат свою физическую жизнь до того, как мы увидим результаты этой борьбы. Я действительно считаю, что все осужденные будут осуждены, я действительно считаю, что все виновные будут на скамье подсудимых. Просто так сложилось, что это займет не несколько месяцев, а несколько лет какой-то достаточно активной нашей деятельности.

Я считаю, что очень важно, тем не менее, что все лица, причастные к этим трагическим событиям 1999 года, названы. Судебный приговор, который был вынесен вчера, — он, конечно, не полный по своей справедливости, потому что осудили пока что только двух стрелочников в буквальном смысле слова, то есть людей, безусловно, виновных в этой трагедии, причастных к этой трагедии, но не игравших в ней никакой руководящей и иницилирующей роли. Тем не менее этот приговор справедливый, и пожизненное заключение Крымшамхалову и Деккушеву, безусловно, справедливо.

Другое дело, что, как мы знаем, не были приобщены к судебному делу ни люди, которых они называли как руководителей (в частности, называли в опубликованном открытом письме), не были приобщены свидетели, не были приобщены документы, был арестован Трепашкин, который активно, как человек опытный, бывший сотрудник и следователь ФСБ и нынешний адвокат, собирал материалы, касающиеся взрывов домов в сентябре 1999 года. Поэтому нам есть с чего начать.

Н. Болтянская: Я прошу прощения. Я бы хотела задать вопрос Александру и вам. Можно ли говорить, что на сегодняшний день ваши противники... основная, получается, их цель — экономическая? Пото-

му что вон, я смотрю на наш пейджер, уже посыпались вопросы, будет ли эта книга в интернете, можно ли будет ее прочитать и когда. Таким образом, если ни справа, ни слева, ни с Запада, ни с Востока ее не везти, то она просто подвешивается в интернете и...

А. Подрабинек: Вы знаете, она давно висит в интернете, ее можно прочитать, это не проблема.

Н. Болтянская: Таким образом, акция, которая была произведена, напомним, с мотивацией задержания тиража «антигосударственная пропаганда», — это удар по карману, вовсе не по пути книги к читателю. Я ошибаюсь?

А. Подрабинек: Нет, я думаю, что это не экономическая акция.

Ю. Фельштинский: Это акция абсолютно бессмысленная. Потому что арестовано всего лишь 4 тыс. 400 экз. Это акция совершенно отчаявшейся ФСБ, которая просто не знает, что ей еще выдумать, чтобы хоть как-то противостоять тому потоку информации, который на нее выливается. Это акция из серии ареста Трепашкина, из серии предотвращения ввоза второй книжки Александра Литвиненко — «ЛПГ», потому что, как я понимаю, в документе об изъятии было написано, что изымаются две книги: «ФСБ взрывает Россию» и «Лубянская преступная группировка», так как ФСБ точно не было известно, какие именно книги находятся в грузовике.

Н. Болтянская: Я прошу прощения, Юрий, я еще раз вас прерываю еще одним вопросом к Александру. «Кто был понятыми: тоже милиция или посторонние люди?» — спрашивает Дмитрий.

А. Подрабинек: Здесь указаны их адреса. Очевидно, что это были либо посторонние люди, либо те, кого привезли с собой сотрудники ФСБ. Я по собственному опыту знаю, что ФСБ обычно приводит своих людей.

Н. Болтянская: «Спросите, пожалуйста, у господина Фельштинского, — это обращение ко мне, — кого из организаторов преступления назвали вчерашние осужденные?». Вопрос от Виктора.

Ю. Фельштинский: Один из вчерашних осужденных в открытом письме назвал следующих конкретных людей: Лазовского, агента ФСБ, осужденного в свое время за террористические акты 1996 года в Москве и убитого, по всем данным, в мае 2000 года в Успенском уже после сентябрьских терактов 1999 года. Угрюмова, руководителя отдела по борьбе с терроризмом, который скоропостижно скончался в Чечне и про которого были, тем не менее, указания, слухи о том, что смерть его не была случайной. Угрюмов был генералом ФСБ. Патрушева как директора ФСБ. И еще одного функционера типа Лазовского, агента

ФСБ, видимо, под вымышленной фамилией, который к тому времени уже был убит.

Поэтому, к сожалению, из названных ими людей в живых оставался только Патрушев, которого, я бы считал, необходимо было допросить, причем допросить не только по материалам открытого письма Крымшамхалова и Батчаева, но еще и по рязанскому эпизоду, который не был приобщен к делу. Кроме этого, абсолютно за рамками следствия вполне умышленно остался эпизод взрыва дома в Буйнакске. Я хочу напомнить, что в «Новой газете» была опубликована распечатка показаний старшего лейтенанта ГРУ Галкина, в которых все указывало на то, что взрыв дома в Буйнакске был произведен группой сотрудников ГРУ из 14-го отдела в количестве 12 человек. Эта группа была легко устанавливаема по фамилиям, были также названы руководители этой группы и, естественно, руководители ГРУ. Но этот эпизод остался за рамками следствия.

Таким образом, за следствие были выведены два серьезных эпизода — взрыв дома в Буйнакске на основании показаний старшего лейтенанта Галкина и рязанский эпизод, который ФСБ объявил учениями и про который любому здравомыслящему человеку, хоть как-то изучавшему и читавшему о событиях в Рязани 22–23 сентября 1999 года, было ясно, что в Рязани был предотвращен подрыв дома террористами — агентами ФСБ.

Кроме этого, за пределы следствия были выведены показания Гочияева, которого сама ФСБ считает при этом участником терактов сентября 1999 года. Показания эти были опубликованы, следствие имело к ним доступ. Эти материалы также следствие намеренно не изучало.

Н. Болтянская: Посмотрите, что получается. Получается, что в списке людей, которых вы называете, — либо люди, которых нет в живых, либо люди, которых не так-то просто допросить. Вы уверяете, что арест тиража — это акция отчаяния ФСБ. Александр вот в эфире сказал, что попробуем еще раз издать книжку. В интернете она уже есть. И, собственно, отчаяния-то не видно, и изменений, собственно, никаких не намечается.

А. Подрабинек: Я думаю, это как раз не от отчаяния, я не согласен с Юрием, я думаю, что это акция устрашения именно, потому что мы помним, как 20 лет назад приходили с обыском, забирали Солженицына, Пастернака, Набокова — не тиражами, разумеется, а единичными экземплярами.

Н. Болтянская: Даже статья была.

А. Подрабинек: Да, 70-я, 190-я прим. И все люди знали, что читать книги опасно, потому что могут посадить. И вот когда они сейчас изъ-яли тираж книги, они дают понять нашему обществу, что читать такие книги опасно, лучше от них отказываться.

Н. Болтянская: Вы знаете, выбран очень нетрадиционный способ показа обществу, который может сработать разве что на усиление интереса к этой книге. Нет?

А. Подрабинек: Все советские времена это работало. Правда, у определенной части общества усиливался интерес, но многие боялись брать тогда книги. Я думаю, что эта акция есть попытка показать, что Россия сворачивает с пути демократического развития и возвращается в советское прошлое. Книги читать будет опасно.

Ю. Фельштинский: Конечно, эта акция говорит о том, что правила игры изменились. Потому что все-таки год или два года назад никакое правительство, ни федеральное, ни местное, не могло бы позволить себе роскоши конфисковать тираж. Это было бы что-то совсем из ряда вон выходящее.

Н. Болтянская: Прощу прощения, время наше, к сожалению, истекает. Я вижу огромное количество сообщений на пейджер с просьбой объяснить, где искать книгу. Я попрошу Александра объявить-таки, где можно искать эту книгу.

А. Подрабинек: Книгу можно найти в интернете на разных сайтах, в том числе на Грани.ру, по-моему, она опубликована.

Ю. Фельштинский: Она опубликована в библиотеке Максима Мошкова www.lib.ru. Если набрать на Google мою фамилию, то она сразу вылезет.

А. Подрабинек: Да, это просто, через поисковые системы. А сама книга будет продаваться опять в нашем киоске «Экспресс-Хроника» на Пушкинской площади, когда нам удастся привезти ее в Россию.

Н. Болтянская: Напомню, что наш телефонный собеседник — Юрий Фельштинский, в нашей студии Александр Подрабинек, главный редактор правозащитного агентства «Прима». Все это происходило в прямом эфире «Эха Москвы». Спасибо.

Приложение 28

ФСБ: ОХОТА ЗА КНИГАМИ

16 января 2004 г., «Московские новости»

Похоже, политическая цензура стараниями чекистов уже возрождена

Под самый Новый год из Пскова в Москву выехала машина ЗИЛ-«Бычок» с грузом товара для одной московской фирмы. В половине десятого утра на 111-м пикете у развязки Волоколамского шоссе и МКАД машину остановил для проверки инспектор дорожно-патрульной службы Буревич. «В рамках операции «Вихрь-антитеррор», — пояснил Буревич водителю Виктору Иванову. Товар осмотрели, оказалось — книги.

«Были обнаружены литературные издания, содержащие, на наш взгляд, политическую подоплеку, вследствие чего я посчитал нужным передать данную а/м для дальнейшего выяснения о происхождении груза сотрудникам ФСБ», — напишет позже в своем рапорте инспектор Буревич.

Сотрудники ФСБ не заставили себя ждать. К полудню они приехали на место задержания машины, в 14.15 начался обыск. В постановлении было указано, что проводится он в целях изъятия партии книг

А.В. Литвиненко «ЛПГ — Лубянская преступная группировка» и «ФСБ взрывает Россию», а также сопроводительных документов к ним.

В машине действительно находилось 4 тыс. 376 экземпляров книги Александра Литвиненко и Юрия Фельштинского «ФСБ взрывает Россию». Все это изъяли, упаковали в 23 коробки, 19 холщовых мешков и еще несколько пачек связали бечевкой. Затем все упакованное опечатали печатью Управления собственной безопасности ФСБ России. В 17.20 обыск закончился. Шофера Иванова, которому сотрудники ФСБ сказали, что он вез антигосударственную пропаганду, отпустили, и он счел за благо поскорее вернуться в Псков.

Произожди эта история 20 лет назад, вряд ли бы кто этому удивился. Обычное дело. Приходит с обыском КГБ, забирает «антисоветскую» литературу — Пастернака, Солженицына, Набокова. Хозяин книг будет рад, если его только выкинут с работы или вышлют из Москвы: слава Богу, не посадили...

А сегодня все интересуются: какие были основания? Законных — никаких. Тираж книги был выкуплен псковской фирмой в Латвии, привезен в Россию с доскональным соблюдением всех таможенных правил и предназначался московскому правозащитному информационному агентству «Прима» для дальнейшего распространения через книготорговую сеть. Книги — не товар, запрещенный к обороту, как наркотики или оружие, даже если их изымают в рамках операции «Вихрь-антитеррор».

Оснований нет, но объяснение есть. В книге «ФСБ взрывает Россию» анализируются террористические акты в России осенью 1999 года с точки зрения причастности к ним органов ФСБ. Об этом много писала российская пресса, но самой книги в России до сих пор не было. Первая попытка познакомить с ней российского читателя закончилась неудачей.

У другой книги Литвиненко — «ЛПГ — Лубянская преступная группировка» — в России более счастливая судьба. Непонятно, почему ФСБ охотится теперь и за ней: «ЛПГ» уже полтора года свободно продается в киоске «Экспресс-Хроника» на Страстном бульваре в Москве, продавалась она и в Госдуме, и на книжных развалах.

Очевидно, по определенным книгам (или определенным авторам?) принято некое решение. Судя по тому, что книги изъяты в ходе обыска, существует уголовное дело. По какому факту, кто обвиняемый — неизвестно. ФСБ о проведенной операции не обмолвилась ни словом, от комментариев ее представители отказываются. Вероятно, госбезопас-

ность считает, что пострадавшие от ее действий люди должны радоваться, что за ними еще не захлопнулись двери Лефортовской тюрьмы.

Потери, понесенные продавцом и покупателем изъятых книг, не так уж велики. Но за последние 15 лет, со времен начала перестройки, это, кажется, первый случай изъятия на обыске книг по идеологическим соображениям. Или «по политической подоплеке», как выразился неискушенный инспектор милиции Буревич.

Александр ПОДРАБИНЕК

Приложение 29

МОЕ ИМЯ АЧЕМЕЗ ГОЧИЯЕВ. ЕСТЬ ПРИКАЗ ЖИВЫМ МЕНЯ НЕ БРАТЬ

14 марта 2005 г. Новая газета, Москва

С 1999 года <Новая газета> наблюдает за тем, как ищут исполнителей и заказчиков взрывов жилых домов в Москве и Волгодонске (серия материалов <ФСБ. Гексоген. Рязань>, <Гексогеновый след> и т.д.).

В 2004 году Мосгорсуд вынес приговор Адаму Деккушеву и Юсуфу Крымшамхалову, которым было предъявлено обвинение в подготовке и осуществлении этих чудовищных терактов. Кроме них, на скамье подсудимых должны были оказаться Тимур Батчаев (но он был убит во время операции российских спецслужб на территории Грузии) и Ачемез Гочияев, который до сих пор скрывается за пределами России.

<Новая газета> в 2003 году опубликовала открытое письмо Крымшамхалова и Батчаева в комиссию по расследованию взрывов жилых домов в Москве и Волгодонске: <<:> Из-за сделанных недавно нами и Гочияевым заявлений <:>, похоже, в недалеком будущем нас действительно постигнут задержание или смерть <:>. 1. Мы признаем себя соучастниками террористических актов, состоявшихся в Москве и

Волгодонске в сентябре 1999 года <: >. 2. Мы являемся соучастниками терактов на низшем исполнительском уровне, причем к самим взрывам отношения не имеем>.

Позднее к нам попала и видеокассета с обращением самого Гочияева, в котором он уверяет, что к подготовке терактов имели отношение сотрудники ФСБ. Как нам стало известно, в тот момент, когда делалась эта запись, сам Гочияев находился на положении заложника. Он был готов поделиться известной ему информацией, но в своих записках требовал за это довольно крупные денежные суммы – очевидно, требовал не сам, а те, кто его удерживает. Первая цена была назначена в 500 000 долларов США, последняя упала до 150 000. Как можно догадаться, Гочияев действительно был превращен в товар, обязанный приносить деньги. И те, кто его полностью контролирует, выдают известную Гочияеву информацию по законам киднепинга – порционно.

И вот к нам в редакцию попал очередной документ: собственноручные (как нам было представлено) показания Гочияева. Передал их в редакцию историк Юрий Фельштинский, получивший их от посредника в феврале 2005 года в двух форматах: письменном и на аудиокассете.

Газета – не спецслужба, поэтому мы не можем утверждать, что это письмо – подлинник, как и не можем подтвердить или опровергнуть изложенную в нем информацию. Мы не знаем, где в данный момент находится автор письма, волен ли он в своих поступках или по-прежнему находится под чьим-то контролем. Мы лишь можем официально заявить: за эти несколько листочков нами не было заплачено ни копейки. В сопроводительном письме Юрия Фельштинского также было указано, что материалы он получил на безвозмездной основе.

Почему публикуем? Потому что считаем, что суд над подельниками Гочияева, проходивший в закрытом режиме, не дал исчерпывающих ответов на все вопросы, которые возникли в ходе независимого расследования, проводимого депутатами Государственной Думы и журналистами. И, быть может, эта новая информация позволит приблизиться к истине? Это – вопрос к спецслужбам. А то вырисовывается странная закономерность: чем больше в стране терактов, тем меньше ясности по поводу их заказчиков и исполнителей.

Прокуратура России обвиняет меня в организации взрывов жилых домов произошедших осенью 99 года в Москве. Я считаю себя не виновным и обвиняю спецслужбы, а конкретно ФСБ России в подготовке и осуществлении этих чудовищных взрывов.

Мое имя Ачемез Гочияев, я хочу рассказать правду и донести до всех людей скрытую истину произошедшего. Проанализировав все те события которые происходили до этих взрывов и последующие события я пришел к выводу, что это была в заранее спланированная и хорошо подготовленная операция спецслуж.

Когда происходили эти события я жил и работал в Москве занимался строительством, фирма называлась <Капстрой-2000> и располагалась у метро <Барикадная>. В начале лета 99 года ко мне на фирму пришел мой старый школьный товарищ, с которым я не виделся почти с самой школы его зовут Дышеков Рамазан. Он мне сказал, что работает и живет в Москве, занимается реализацией продуктов питания. В последствии он еще несколько раз заходил и как-то он предложил мне заняться с ним реализацией минеральной воды и попросил меня найти ему воду. У меня на фирме работал один мой земляк его звали Чинчиков Рауль, я поручил ему это дело и в дальнейшем всю работу от моей фирмы с Рамазаном вел Рауль. Работа у нас шла нормально, Рамазан во время расплачивался не каких проблем не было. Через некоторое время Рамазан попросил меня помочь ему арендовать помещения под склады на юге Москвы и в городе Рязане, он сказал, что у него в этих районах есть хорошие точки реализации. Я попросил Рауля чтобы он занялся поиском этих помещений, он нашел много вариантов и предложил их Рамазану, тот в свою очередь отобрал подходящие для него помещения. Я дал им деньги на аренду этих помещений и они вдвоем занялись арендой. Рамазан сам лично арендовывал эти помещения под свою фирму.

Когда произошел взрыв в доме на Гурьянова я находился в гостях и мне на мобильный позвонил Рамазан, он говорил, что у него срочное дело и нужно встретится, он спрашивал где я нахожусь звонил он под утро часов в 5, я ему сказал, что приеду сам и стал собираться. И когда уже собирался выйти из дома я увидел в новостях по телевизору, что произошло.

Я сразу поехал на Гурьянова и после всего того, что я там увидел я не стал встречаться с Рамазаном решил переждать, но 13 сентября когда произошел второй взрыв в доме на Каширском шоссе и когда по телевидению показали мою фотографию я понял что меня хотят подставить. Я связался с Раулем, узнал у него о других помещениях, затем позвонил в милицию и в службу спасения и сказал про помещения на Борисовских прудах и Копотне и после этого я покинул Москву и вернулся в Карачаево-Черкессию. Дома от своего брата который в то

время работал в уголовном розыске, я узнал, что меня сильно ищут и у них есть не гласный приказ из Москвы меня живым не брать, и с того времени по сегодняшний день я вынужден скрываться.

Сейчас я знаю, что Дышеков Рамазан работает официально в ФСБ, в то время некто даже не мог догадываться о каких либо его связях с ФСБ, он тогда был скрытым агентом. Чинчиков Рауль который вел с Рамазаном дела от моей фирмы, через короткое время после этих событий был убит его труп был найден в поселке <Московский> Карачаево-Черкесской республики, его убили а тело пытались сжечь. Таким образом ФСБ устранило главного свидетеля в этом деле.

Мои родственники и друзья подвергаются жесточайшему прессу со стороны ФСБ их постоянно допрашивают и обыскивают. Моя сестра была вынуждена уехать с республики, после того как ее с малолетней дочерью сотрудники ФСБ вывезли на кладбище и угрожая убить ребенка требовали у нее, что бы она дала интервью в прессу, что я мог это сделать и что я психически не уравновешенный человек и после этого она боясь за жизнь своих детей была вынуждена уехать.

На сайте ФСБ помещена фотография молодого человека в черной кепке с бородой и это фотографию ФСБ приводит как доказательство в свою пользу, я заявляю, что это ложь человек изображенный на этой фотографии не я. Это можно убедиться даже если сравним внимательно мою фотографию и фотографию этого человека. Кроме этого проводилась экспертиза и по результатам которой было доказано, что этот человек не я. Вот на такой наглой лжи, ФСБ строит все обвинения против меня.

Сразу после взрывов по телевидению показали мою фотографию и было сказано, что это фотография человека арендовавшего эти помещения и якобы это фотография с ксерокопии паспорта оставленного в одной из реэлторских контор. Но эта фотография идиентична фотографии в моем настоящем паспорте, а как мы все знаем, когда человек получает паспорт, то копия фотографии остается в паспортном столе, и когда ФСБ фабриковало это дело против меня, то им не составило труда взять копию фотографии и показать ее по телевидению. Здесь не маловажный факт, показания того человека который сдал помещение на Гурьянова. Он не узнал в моей фотографии человека которому сдал в аренду свое помещение, а под то описание внешности которому он арендовал свое помещение подходит Дышеков Рамазан, я думаю если ему показать фотографию Рамазана, то он узнает в нем того кому он сдал помещение.

Кроме всего того, что я рассказал у меня есть другие факты и свидетели которые доказывают, что взрывы подготовлены и осуществлены спецслужбами России, но на сегодняшний день есть большая опасность для этих людей и по этой причине я не могу до конца обнародовать эти факты. Было-бы очень хорошо, если бы в этом деле была проведена независимое международное расследование, я со своей стороны готов полностью участвовать и помогать такому расследованию предоставив факты и свидетелей. Я уверен, что только такое расследование может выявить настоящих организаторов и исполнителей этих взрывов.

Я много думал почему меня карачаевца по национальности спецслужбы подставили в этих взрывах, ведь если логично рассуждать им нужно было в то время подставлять чеченцев, а не карачаевцев. Сейчас это уже не секрет. Спецслужбы преследовали несколько целей, они все ровно связали эти взрывы с Чечней, которые фактически и послужили поводом для войны, а второе то, что ФСБ планировала и готовит на сегодняшний день войну и в Карачаево-Черкессии. В настоящее время у нас в республике сконцентрировано очень много войск. В СМИ очень много говорится про нашу республику, нас как нацию мало кто знал, сейчас нас знают во всем мире и знают как опасных террористов, в этом направлении ФСБ добилось чего хотело.

Используя СМИ которые они почти полностью контролируют, регулярно сообщают о террористах карачаевцах, оказывается не только московские взрывы, но и почти все террористические акты совершают карачаевцы. Что-бы начать войну нужен <образ врага> и чем этот образ будет страшнее, тем им будет легче воевать. Теперь если будет война все будут думать, что Россия борется с терроризмом, хотя на самом деле она будет уничтожать простой народ. И вот по этой причине спецслужбы подставили меня в этих взрывах.

И в заключении я бы хотел обратиться ко всем тем людям которые хотят знать правду взрывов жилых домов в первую очередь это касается тех людей которые пострадали от этих взрывов, необходимо чтобы была проведено независимое международное расследование, та власть которая сейчас находится в России это власть ФСБ, вспомните историю этой чудовищной структуры, сколько миллионов без виновных людей стали жертвами этой структуры, а сейчас вся власть в России в руках ФСБ: Что тут еще говорить это же все так понятно и ясно.

(Орфография и пунктуация оригинала сохранены.)